

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**ПОЛЕСЬЕ В ПРОШЛОМ:
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Ф. ЛЫСЕНКО**

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2022

УДК 902(476.7+476.2):929*П.Ф.Лысенко

Полесье в прошлом: к 90-летию со дня рождения П. Ф. Лысенко : сборник научных статей / редкол. : Г. А. Алексейченко (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – 271 с.
ISBN 978-985-577-849-4

На страницах издания рассматриваются вопросы археологии, истории и научного краеведения Полесья и сопредельных территорий. Полесье расположено на стыке населения белорусов, украинцев и русских; сыграло значимую роль в истории восточных славян и соседних народов.

Адресуется археологам, историкам, краоведам, студентам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редколлегия:

Г. А. Алексейченко (гл. ред.), С. А. Черепко (зам. гл. ред.);
Д. М. Толочко, С. Ф. Веремеев, В. А. Михедько, Д. Н. Линденков

О. А. Макушников

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Н. Мезга,
кандидат исторических наук В. П. Пичуков

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-849-4

© Учреждение образования
«Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»,

2022

Петр Федорович Лысенко

Светлогорский район Гомельской области, начало 1980-х годов
Снимок Т. Маслюкова

Петр Федорович Лысенко

Витебск, аэропорт, 1988 г.

В ожидании самолёта «Витебск – Минск».

П. Ф. Лысенко читает новую научную монографию

Снимок Л. В. Колединского

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ТРОИ

*«Ко всему надо
приложить голову и руки»
Народная мудрость*

«Человек, нашедший белорусскую Троию...». Именно так Тамара Игнатьевна Чернявская, кандидат архитектуры, лауреат Государственной премии Беларуси назвала Петра Фёдоровича Лысенко в статье, посвящённой 70-летию своего коллеги, с которым в 70-80-е гг. прошлого столетия они скрупулёзно собирали материал о памятниках археологии и архитектуры для многотомного издания “Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі”. Однако при чём здесь Троя? Дело в том, что подобно прославленному Генриху Шлиману, который в девятнадцатом веке вернул из небытия легендарную Троию, воспетую Гомером, Пётр Фёдорович Лысенко вернул из небытия древнерусский город Берестье, весьма кратко, лаконично отображённый на страницах летописей, сделав его достоянием не только учёных, но и широкой публики, материализовав своё открытие в Археологическом музее «Берестье». Вслед за Тамарой Чернявской под названием «Берёзовая Троя», «беларуская Троя» этот памятник прозвучал со страниц «Литературной газеты» (2002 г.) и журнала «Беларусь» (2003 г.). Можно сказать, что это импровизированное название удачно вписалось как топонимический синоним древнего Бреста – летописного Берестья.

Пётр Фёдорович Лысенко родился 16 сентября 1931 года в селе Заречаны Полоцкого района Витебской области в семье Фёдора Климентьевича и Анны Даниловны, где кроме него была годовалая сестра Тоня, Антонина Фёдоровна, которая, как и Пётр Фёдорович, связала свою судьбу с наукой: работала в Институте литературы НАН Беларуси, где изучала белорусскую публицистику и творчество белорусских писателей.

Детство прошло в Полоцком районе и городе Сенно. Отец Петра Фёдоровича работал на руководящих должностях после окончания Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского в Москве. С 1933 по 1936 год в Москве жила и его семья. С началом Великой Отечественной отец Петра Фёдоровича был призван в ряды Красной Армии, а остальные члены семьи оказались под оккупацией в г. п. Ветка. В нескольких строках невозможно передать всю трагедию того времени, которую разделила семья Петра Фёдоровича вместе с

жителями этого поселка. Голод и болезни, расстрелы мирных жителей...

После войны они жили в Пинске, где и прошли школьные годы Петра Фёдоровича. Потом была учёба в Минском государственном педагогическом институте имени М. Горького, где на формирование научных интересов Петра Фёдоровича оказал влияние преподаватель Владимир Николаевич Кун. Он читал курс истории СССР, древнерусский период, хорошо знал русские летописи и привил к ним интерес. Но это потом...

А сначала была работа учителем истории в восьмилетней школе Березинского района, затем служба танкистом в Советской Армии на Дальнем Востоке. С 1960 по 1964 год Пётр Фёдорович был аспирантом Института истории АН БССР. Выбор научного направления – эпоха Киевской Руси – был вызван увлечением этим периодом еще со времен студенческой скамьи. Но заняться исследованиями по данной теме в секторе истории феодализма Института истории АН БССР не довелось, поскольку в секторе не было соответствующей штатной единицы. И было предложено продолжить изучение темы в секторе археологии. Тема кандидатской диссертации – «Города Туровской земли». Тема почти не изученная, если не считать исторических очерков в работах В. Н. Татищева, В. Н. Карамзина, С. М. Соловьёва, В. Б. Антановича, М. С. Грушевского, М. В. Довнар-Запольского, А. М. Андрияшева и М. Н. Тихомирова, основанных лишь на скурых летописных свидетельствах. Обобщающих работ по истории городов Туровской земли не было. Археологические разведки и эпизодические раскопки здесь в свое время проводили В. З. Завитневич, Р. Якимович, Т. Ю. Равдина, Ю. В. Кухаренко, Я. И. Бибилов.

Валентин Васильевич Седов, известный российский учёный, археолог-полевик, глубокий исследователь был назначен научным руководителем избранной темы диссертации. Нужно было начать с полевых исследований, обследовать как можно больше памятников, изучить их топографию, оценить степень их сохранности и перспективы исследования.

В те далёкие годы сообщения между населёнными пунктами не было ещё столь налаженным, как, например, в 1970-е. Пришлось стать хорошим мотоциклистом, проехав сотни километров в поисках археологических памятников. Это был простенький мотоцикл «Zundapp» 1934 года с двигателем объёмом 175 кубических сантиметров и мощностью всего 8 лошадиных сил, доставшийся в наследство от археолога Э. М. Загорульского. Как образно говорил когда-то сам Пётр Фёдорович: «Я въехал в археологию на мотоцикле

Загорульского».

Практика в проведении раскопок началась с участия в раскопках Полоцка, которые в 1961–1962 гг. проводил Василий Радионович Тарасенко. За полтора месяца работы на этом памятнике пришлось овладеть методикой фиксации находок, составлением планов раскопочных пластов и строительных ярусов, работой с нивелиром. Пришлось, как говорят в таких случаях археологи, «постоять и на лопате», что означает и самому разрабатывать культурный слой как рабочему раскопа... Кроме того, довелось пополнить свои знания по этнографии: необходимо было получить информацию о технологии обработки кожи для лучшего изучения кожаных изделий, на которые был богат культурный слой Полоцка XII–XIII вв. В этом деле неоценимую помощь оказал родной дядя, Александр Данилович Бондаренко, мамин брат, мастер на все руки: столяр, слесарь, кожевник, сапожник, шорник.

В 1960–1964 гг. Пинск подал археологам сигнал «SOS». Территория древнего города без предварительных археологических исследований буквально уничтожалась во время рытья котлованов под современную застройку. Руководство Пинского краеведческого музея, московские и белорусские археологи Т. Ю. Равдина, Я. И. Бибииков и Б. В. Миролубов едва успевали фиксировать материал за техникой, которая уничтожала культурный слой. Буквально из-под ковша экскаватора приходилось спасать участки городской деревянной застройки XI–XIII веков: уличные мостовые, остатки жилых и хозяйственных построек, наносить их на план, описывать и фотографировать, собирать находки...

Выявленный во время этих работ материал, анализ письменных источников и старых планов дали основание для освещения вопросов о происхождении города, его топографии, об укреплениях и материальной культуре. Эти данные вместе с материалами раскопок 1993–1996 гг. нашли отражение в монографии «Древний Пинск. XI–XIII вв.», которая вышла в 1997 году. Но еще до этого, в 1966 году, вышла небольшая, но содержательная книга «Древние города Беларуси» (соавтор Г. В. Штыхов), где по данным археологических и письменных источников рассказывалось о древнейших городах Беларуси: Полоцке, Турове, Пинске, приводилась информация о планировке и застройке этих городов, про занятия населения и каждодневный быт горожан того времени. Прошло более полувека с момента выхода в свет книги, но она и сегодня ещё не утратила своего научного и познавательного значения, а исследования, проведенные позднее, дополнили и развили выводы, изложенные в ней.

В 1962–1963, 1968 гг. раскопки велись и в древнем Турове. Исследуемая площадь составила 768 кв.м. Раскопки продолжались и позже, в 1992, 1993 и 2005 годах. Результатом этих исследований стала монография «Древний Туров», изданная в 2004 году, и музеефикация остатков Туровского кафедрального собора состоялась в 2005 году.

Были также небольшие раскопки в Слуцке, Клецке, Рогачеве, Давыд-Городке, обследования городищ древнего Мозыря, Копыля, Чарторыйска, Нобеля, Дубровицы, Степани. Проводились также обследования и раскопки курганов в Брестской, Гомельской, Минской и Гродненской областях. Собранный в ходе этих работ материал нашёл отражение в монографии «Дреговичи», изданной в 1991 году.

Однако венцом научного наследия Петра Фёдоровича стали исследования древнего Бреста, летописного Берестья. Впервые Пётр Фёдорович посетил этот город в августе 1961 года вместе со своим научным руководителем Валентином Васильевичем Седовым. Уже тогда у молодого исследователя возникла мысль, что летописное Берестье следует искать на мысу при слиянии рек Мухавец и Западный Буг. Но при обследовании этого места попадалась лишь поздняя керамика, черепки посуды XV–XVI вв., собранная на огородах военнослужащих сверхсрочной службы, которые выращивали овощи на площадке Берестейского городища...

Интересно, что в этих поисках принимал участие и директор музея Оборона Брестской крепости Пётр Королёв, который стал свидетелем сбора и научного объяснения подъёмного материала (керамики) и осознал важность этого материала для учёных. Тогда сделать какие-либо более весомые выводы о месторасположения детинца Берестья не представлялось возможным, не хватало для этого данных.

Место предполагаемого местонахождения летописного Берестья было вновь обследовано в 1963 году, на этот раз более тщательно. Пётр Федорович обратил внимание, что в месте слияния Мухавца и Западного Буга образуется треугольный мыс, хорошо защищенный рукавами рек, что делает это место пригодным для поселения. Но никаких признаков укреплений здесь не прослеживалось. Складывалось впечатление, что и укрепления, и культурный слой на этом месте были разрушены при строительстве Брестской крепости в 1833–1836 годах.

Пришлось обратиться к письменным и графическим материалам XVII–XIX вв. После детального анализа этих источников Пётр

Федорович пришёл к выводу, что именно здесь находится детинец летописного Берестья. Почему? Дело в том, что на гравюре «Осада Бреста шведами в 1627 году» мыс у слияния рек Мухавец и Буг отмечен словом «Castellum», что в переводе с латыни означает «замок». А на плане Бреста конца XVIII – начала XIX века тоже место обозначено как «Замковая гора насыпная». Становилось очевидным, что в более ранний период, в древнерусский, на этом месте мог располагаться детинец Берестья, как это было известно на примере других древних городов Беларуси, где на месте старых детинцев возникали замки периода Великого княжества Литовского.

Этими мыслями Пётр Федорович поделился с В. В. Седовым. Тот оценил сделанные наблюдения и воскликнул: «Это открытие!» Затем настойчиво произнёс: «Публикуйте, немедленно публикуйте...».

В ноябре 1964 года в Институте истории АН БССР проходила IX конференция молодых ученых, в которой впервые приняли участие молодые белорусские археологи Г. В. Штыхов, К. П. Шут, П. Ф. Лысенко. Последний выступил с докладом: «К вопросу об исторической топографии древнего Бреста». Спустя год материалы конференции были опубликованы в сборнике «Материалы IX конференции молодых ученых. Вопросы истории» (Минск, 1965). Именно на страницах этого сборника впервые была высказана идея локализации летописного Берестья.

Однако подтвердить высказанную в этой публикации мысль о наличии здесь бывшего детинца Берестья могли только археологические данные. Вскоре сама природа преподнесла сюрприз, который оказался судьбоносным как для памятника, так и для его исследователя.

1967 год выдался дождливым. Уровень воды в Мухавце и Буге сильно поднялся. Наводнение размывало дамбу. Была повреждена контрольно-следовая полоса. Пограничникам была поставлена задача восстановить дамбу и привести в надлежащий порядок эту полосу. Необходимый для работы грунт брался из располагавшегося поблизости бастиона.

В 1968 г. майор П. Королёв, он же директор Музея Оборона Брестской крепости, обратил внимание на какие-то черепки, которые лежали на поверхности контрольно-следовой полосы, собрал их и передал научному сотруднику Брестского областного краеведческого музея Михаилу Ивановичу Алексеюку. Тот по телефону сообщил об этих находках Пётру Федоровичу, который ехал в Брест, чтобы самому воочию ознакомиться с находками. Было принято

решение осмотреть место выявления этих предметов, и «партизанский» отряд во главе с майором Королёвым втихомолку отправился на разведку на Волынский остров, где располагалась воинская часть и где были обнаружены фрагменты керамики.

Командир части поинтересовался целью визита. «За грибами», – не моргнув глазом, ответил П. М. Королёв. В пользу такой постановки сыграл и соответствующий антураж: сумки и небольшие кухонные ножи в руках. Началась работа. С помощью ножей удалось выковырять из земли несколько черепков посуды древнерусского времени. Особенно повезло П. М. Королеву, которому попадались крупные венчики горшков. Опытный глаз археолога определил время бытования выявленной керамики, а именно, XII–XIII вв.

Стало ясно, здесь сохранился культурный слой. А значит, нужно заложить шурфы, чтобы определить толщину культурного слоя и оценить его информативность. И осенью того же года здесь были заложены два шурфа. Один из них пришёлся на подошву повреждённого карьером бастиона крепости, другой – на площадку самого бастиона. Шурфовкой была зафиксирована толщина культурного слоя от 3 до 4 метров. Причём, как выяснилось, этот слой хорошо сохранял предметы органического происхождения: кость, дерево и кожу. Была выявлена и первая неординарная находка – часть бронзового креста-складеня, на котором в технике выемчатой эмали было нанесено изображение Иисуса Христа. Под руками распятия имела надпись ИС-ХС с изображениями святых деисусного чина. В предматериковом слое шурфа собрана керамика X–XI вв.

Эти раскопки убедительно подтвердили мнение учёного – здесь был детинец летописного Берестя. Мало того, они показали, что поселение возникло раньше, чем о нём впервые упоминается в летописи, что культурный слой поселения очень информативен и перспективен для исследования. Дальнейшие работы на этом памятнике полностью подтвердили этот вывод.

1969 г. был разбит раскоп площадью 122 кв. м. Мощность культурного слоя составила около 5 м. Раскопками вскрыты остатки 17 жилых и хозяйственных построек. В 1970 г. разработан раскоп площадью 122 кв. м. Мощность культурного слоя – 6,8 м. Выявлено 13 жилых и хозяйственных построек. Работы этого года положили начало созданию первого в мире археологического музея древнерусского города. А было это так. В ходе раскопок на глубине 2,36–2,48 м была обнаружена постройка П-6. Её размеры – 4,2х4,4 м, рублена она из сосновых брёвен толщиной 16–17 см. По материалу,

технике возведения и размерам она ничем особенным не выделялась среди других построек, которые вскрывались до этого. Но изюминка была в том, что сохранилась она почти на полную высоту, на двенадцать венцов, а местами – на тринадцать. Нигде до этого раньше такого в практике раскопок древних городов не было. Обычно степень сохранности построек при раскопках восточнославянских городов, культурный слой которых хорошо сохраняет органику, это 2–3 венца, реже 4–5. А здесь 12–13! Мало того, в постройке полностью сохранились дверной проём и небольшие по размеру вентиляционные окна для выхода печного дыма. Стены здания пронумерованы насечками от нижнего бревна до верхнего. Очевидно, постройку соорудили где-то в другом месте, затем разобрали и перенесли в город. При расчистке здания были обнаружены стеклянные браслеты, наконечник копья и шпора. В этих же раскопках была обнаружена еще одна уникальная находка – самшитовый гребень с вырезанным на нём алфавитом. Методика раскопок предполагала вскрытую постройку разобрать и разрабатывать культурный слой дальше. Но учитывая уникальную ее сохранность, возникло искушение сохранить ее. Постройку пока оставили, и раскопки продолжали рядом с ней.

В один из дней августа, когда ещё шли работы, раскопки посетил секретарь Брестского ОК КПБ Сергей Михайлович Шабашов. Раскоп и особенно хорошо сохранившиеся постройка впечатлили его. Он поинтересовался дальнейшей ее судьбой. «А что вы собираетесь делать с этой постройкой дальше?», – спросил Сергей Михайлович. «Да так сказать, согласно методике проведения раскопок, эту постройку нужно разбирать», – ответил с чувством сожаления Пётр Фёдорович. «Давайте попробуем сохранить её», – предложил Сергей Михайлович.

На следующий день раскоп посетил секретарь ЦК КПБ Фёдор Анисимович Сурганов. Было высказано мнение, а затем определены цель и перспективы работ по музеефикации для создания в будущем на основе раскопок специального археологического музея. Принято решение продолжить раскопки и одновременно работать над изобретением способа сохранения вскрытых раскопками участков городской деревянной застройки. Были установлены контакты с ректором Белорусского технологического института имени С. М. Кирова профессором Виктором Евграфовичем Вихровым, который разработал метод консервации археологической древесины и, понемногу, внедрял его на практике в Новгороде Великом, где проходили консервацию малогабаритные деревянные изделия.

Установлены контакты с директором Института истории АН БССР академиком АН БССР И. М. Игнатенко и директором Института археологии АН СССР академиком АН СССР Б. А. Рыбаковым. Все они поддержали идею создания на основе раскопок археологического музея. Нашла положительный отклик эта мысль и у первого секретаря ЦК КПБ Петра Мироновича Машерова.

Осенью 1970 года начались работы по устройству временных навесов над археологическими раскопами и работы по консервации вскрытых построек. Работы по консервации проводила группа специалистов Белорусского технологического института: Ю. В. Вихров, В. А. Борисов, С. Ю. Казанская при активном участии П. Ф. Лысенко. Если говорить очень коротко – работа была тяжёлая. Благодаря консервации сохранить тогда удалось одиннадцать построек, уцелевших на высоту от 8 до 12-ти венцов.

В том же году, Совет Министров БССР распоряжением № 948 от 29 сентября взял под охрану государства археологический памятник, а через два года, 18 августа 1972 г., Совет Министров принял решение создать на основе раскопок археологический музей.

1971 год ознаменовался для Петра Фёдоровича защитой кандидатской диссертации, которая была подготовлена годом ранее, но по каким-то причинам ждала своего часа. А причины-то, собственно говоря, никакой особой и не было. Просто при обсуждении этой работы на секторе археологии Георгий Васильевич Штыхов посоветовал диссертанту: «Няхай работа троху адляжыцца». И, по словам Петра Фёдоровича: «Положил я тогда свою работу в шуфляду стола, где она и отлежалась год». Тема диссертации – «Города Туровской земли». Официальными оппонентами на защите были В. И. Давжинок (Институт археологии АН УССР) и Л. В. Алексеев (Институт археологии АН СССР).

Раскопки в Бресте продолжались. Состав участников был небольшим. Это Татьяна Николаевна Коробушкина и Михаил Никитич Федосеев. Позже к этим работам присоединились Ш. И. Бектинеев и автор этих строк, прошедший в этой группе три полевых сезона в 1975–1977 годах, где получил хорошую полевую практику раскопок древнего города, порой проводившихся в трудных, если не сказать в экстремальных условиях. Я и по сей день безмерно благодарен Петру Фёдоровичу за эту школу. И действительно, условия труда и быта были тяжелыми. Это огромной мощности культурный слой, иногда до 6–7 метров, это плотная деревянная застройка, которую нужно было расчистить, нанести в масштабе на план, описать в дневнике, сфотографировать, это грунтовая и дождевая вода, которая постоянно скапливалась, а порой

и заливала раскоп (фотоснимок 1) и поэтому почти ежедневно её приходилось вытаскивать вёдрами из раскопа по трапу. Это скромные и тесные условия проживания в маленькой комнате в доме сторожа, стоявшем на городище. Об этом я рассказал в своей публикации «Он научил меня работать в тяжёлых условиях» [1]. Но, как это ни удивительно, ни сегодня, ни тогда не вспоминаю и не вспоминал об этом с сожалением. Помню только работу, которая приносила плоды, а значит и удовлетворение, несмотря на все трудности.

Теперь несколько слов по поводу ещё одного «плода». В 1975 году была открыта ещё одна постройка, П-59-А, которая также сохранилась на двенадцать венцов. Она выходила за пределы планируемой площади музея, которую пришлось переносить, не разбирая её. Такая практика была первым опытом в мире в истории изучения и сохранения археологического наследия восточнославянского города. Нигде больше она не была известна ни тогда, ни теперь.

И несколько слов о трудностях, но другого плана. В 1975 году возникла угроза реализации выполнения решения Совета Министров БССР по музеефикации археологического объекта. И только благодаря вмешательству Председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина этот проект не был похоронен.

Были и другие подводные течения. Чего, например, стоил план экспозиции Археологического музея «Древний Брест», разработанный одним из сотрудников Брестского областного краеведческого музея?! По сути, это была демонстрация полной некомпетентности, неловкая попытка растворить уникальный материал в русле типовой экспозиции заурядного краеведческого музея, где вместо аутентичного материала планировалось выставить муляжи. К счастью все коллеги при обсуждении этого «плана» на заседании отдела археологии поддержали тогда Петра Фёдоровича.

Фотоснимок 1 – Брест, раскопки, август 1977 г.

Раскоп залит дождевой водой.

В раскопе П. Ф. Лысенко, школьники и студенты.

Фото Л. В. Колединского

Были и мелкие проступки непонимающих, например, достославная «помидорная война», когда кое-кто из работников Брестского областного краеведческого музея стал рассматривать площадку древнего городища, как место для своих огородов.

И все же приятного в те годы было куда больше. Это вскрытые раскопками постройки хорошей сохранности, это уникальные находки: фигурка шахматного короля, свинцовые иконки, золотой перстень, целая ножная ступа, пресс для отжима конопляного масла, бёрда ткацкого станка и многое другое, что редко встречается на раскопках восточнославянских города, если не сказать, что это вообще не встречалось нигде ранее. Всего же во время раскопок Берестья было собрано 43 тысячи единиц находок...

Музей «Берестье» открылся 2 марта 1982 года. Основой экспозиции стал археологический раскоп площадью 1118 кв. м, в котором, расположено 28 жилых и хозяйственных построек, две уличных мостовых, частоколы. Музей включает 14 выставочных залов, где экспонируются 1200 предметов археологии. И это лишь малая часть того, что было открыто и изучено экспедицией П. Ф. Лысенко. За одиннадцать лет работы было раскопано 1800 кв. м площади памятника на глубину от 3 до 7 м, вскрыты 223 постройки, в которых сохранилось 38 дверных проёмов, 57 печей, детали кровли и фронтонов, оконные проёмы.

Ни в одном из восточнославянских городов, в том числе в Новгороде Великом, археологическим исследованиям которого более восьмидесяти лет, нет такого материала по истории бытовой застройки.

В той или иной степени, такое повторилось в наших раскопках на Верхнем замке Витебска, к изучению и сохранению которого Пётр Фёдорович тоже приложил свою руку: был моим научным руководителем и всячески помогал советами, а порой и делом (фотоснимки 2, 3).

Результаты археологических исследований Берестейского городища были озвучены на Международных конгрессах славянской археологии в Софии (1980 г.) и Киеве (1985 г.). О высокой научной значимости уникального археологического музея «Берестье» высказывался в своё время директор Института археологии Академии наук СССР академик Борис Александрович Рыбаков, известный археолог-медиевист, член-корреспондент АН СССР, исследователь Великого Новгорода, педагог многих поколений исследователей восточнославянских древностей Артемий Владимирович Арциховский, Президент АН СССР академик Гурий Иванович Марчук.

Итоги многолетних исследований Петра Фёдоровича Лысенко были успешно воплощены в его научной монографии «Берестье»

объёмом 39 авторских листов, которая была опубликована в 1985 году. На основании материалов данной монографии в 1987 году в Институте археологии АН СССР Петром Фёдоровичем была блестяще защищена докторская диссертация. Официальными оппонентами на защите были известные археологи Ирина Павловна Русанова (Москва), Анатолий Николаевич Кирпичников (Ленинград), Эвальд Мугуревич (Рига).

Фотоснимок 2 – Витебск, Верхний замок, август 1982 года, раскопки Л. В. Колединского

Слева направо: М. А. Ткачёв, О. А. Трусов, А. А. Метельский и витебские школьники

Через два года после защиты докторской диссертации была издана научно-популярная книга «Открытие Бреста», которая поистине стала открытием для многочисленных посетителей музея. С 1982 по 2012 год Брестский музей посетило более 3 миллионов человек из 37 стран мира. Количество посетителей растёт. Ежегодно Брестский музей посещает более 60 тысяч человек, проводится около 900 экскурсий.

В 2002 г. П. Ф. Лысенко была присуждена Государственная премия Республики Беларусь. Можно сказать, что это признание огромного вклада в изучение, сохранение и популяризацию исторического и культурного наследия нашей страны.

И ещё, на банкнотах Республики Беларусь образца 2009 года на одной из денежных купюр помещены изображения знаменитых построек П-6 и П-59-А и выставленные в музее «Берестье». Ничего подобного нет ни на одной денежной банкноте мира. И в этом есть некий символизм. Ибо и по сей день археологический музей «Берестье» – первый и единственный музей древнерусского города, в котором представлены аутентичные постройки XII–XIII веков. Полагаем, что этот статус ещё годы будет сопутствовать знаменитому памятнику. И вряд ли когда-нибудь он будет превзойдён, как не превзойдённой остаётся легендарная Троя Генриха Шлимана.

Л. В. Колединский, археолог

ПАТРЫЯРХ БЕЛАРУСКАЙ АРХЕАЛОГІІ

На школьнай лінейцы, прысвечанай Дню ведаў і новаму навучальнаму году, мне, вучню сёмага класа Месткавіцкай базавай школы Пінскага раёна, за грамадска карысную працу ўлетку падаравалі кнігу Пятра Лысенкі «Древний Пинск: XI–XIII вв.». Яна была напісана і выдадзена да слаўнай даты – 900-годдзя першай летапіснай згадкі горада. Кніга захапіла мяне. Напэўна, яна і паўплывала на выбар будучай прафесіі, на цікавасць да археалогіі, на мой далейшы лёс. Школьнікам я наведваў музей «Бярэсце», ведаў пра гэты ўнікальны археалагічны помнік і яго даследчыка. У падараванай кнізе я знайшоў адказы на пытанні: як будаваўся і развіваўся Пінск, кім былі яго жыхары, чым яны займаліся. Але самым цікавым было даведацца пра працу археолагаў. Пазней мне давалося пазнаёміцца з Пятром Фёдаравічам падчас раскопак у Пінску, а потым у наступныя гады сустрэкацца з ім. Стаўшы студэнтам гістарычнага факультэта ГДУ імя Ф. Скарыны, я пачаў удзельнічаць у археалагічных даследаваннях, спецыялізаваўся на кафедры гісторыі славян і спецыяльных гістарычных дысцыплін, пісаў курсавыя, ў якіх разглядаў эканоміку Русі ў IX–XIII стагоддзях па матэрыялах Чарнігаўскай, Полацкай і Тураўскай зямель. Падчас вучобы ва ўніверсітэце маім навуковым кіраўніком быў археолаг А. А. Макушнікаў, цяпер доктар гістарычных навук, прафесар, у якога ў свой час навуковым кіраўніком па аспірантуры быў Пятро Лысенка.

Ужо пазней, калі мне шчасціла сустрэкацца з Пятром

Фёдаравічам, размаўляць з ім, ён заўсёды з вялікай павагай казаў пра Макушнікава як аднаго з лепшых сваіх вучняў, які не пакладаючы рук шчыра працуе на карысць гісторыі, але пры гэтым дадаваў, што ўсяго той дасягаў сам.

Шлях Пятра Лысенкі ў навуку быў няпросты. Нейкія факты з жыцця вучонага мне запомніліся з яго сціплых аповедаў, штосьці ён пакінуў у сваіх успамінах. Сям'я Лысенак з Полаччыны ў Пінск пераехала ў 1946 г. Пятро і яго сястра Антаніна вучыліся ў СШ №2 Пінска. Гэта яна, ахвяруючы сваім будучым, настойвала на тым, каб брат паступаў у сталічную ўстанову. Сям'я не магла вучыць дваіх дзяцей адразу. Антаніна засталася ў Пінску, паступіла ў настаўніцкі інстытут, працавала ў школах раёна. У 1955 г. яна скончыла Гомельскі педінстытут, стала кандыдатам філалагічных навук, з 1960-х гг. працавала ў Інстытуце літаратуры АН БССР. Пасля заканчэння школы Пятро падаваў дакументы для паступлення ў Ленінградскае артылерыйска-тэхнічнае вайсковае вучылішча, дзе яму з-за таго, што набор па абраных спецыяльнасцях не вёўся, прапанавалі вучыцца на піратэхнічным аддзяленні. Падаваў ён дакументы і ў мінскія – медыцынскі інстытут, у палітэхнічны інстытут па спецыяльнасці «Апрацоўка металаў ціскам». Паступіў у Мінскі педагагічны інстытут. Быў залічаны кандыдатам і вучобай павінен быў даказаць права быць студэнтам. Нямала Пятру Фёдаравічу, як узгадваў ён сам, з-за таго, што не далі месца ў інтэрнаце, прыходзілася начаваць у зале чакання вакзала, на лавах у скверы. Педагагічны інстытут Лысенка скончыў у 1953 г. з чырвоным дыпламам. Пры размеркаванні ён абраў Мінскую вобласць і яго накіравалі ў Бярэзінскі раён, а там – у Пагосцкую школу. Праз год настаўніка прызвалі ў войска і адправілі служыць у Порт-Артур, але туды ён не даехаў, бо той быў перададзены Кітаю. Беларуса перанакіравалі служыць у Прыморскі край у 3-ю танкавую дывізію. Пасля дэмабілізацыі будучы археолаг стаў выхавацелем Паплаўскага дзіцячага дома, а з 1957 г. быў прызначаны завучам Бродзецкай сярэдняй школы Бярэзінскага раёна.

Як узгадваў Пятро Фёдаравіч, усе гады працы да арміі і пасля яе ён хацеў паступаць ў аспірантуру педагагічнага інстытута па гісторыі Старажытнай Русі. Ды толькі набору не было. У 1959 г. ён паступіў ў аспірантуру Інстытута гісторыі АН БССР па спецыяльнасці «Археалогія старажытнарускага перыяду». Праз год Лысенка здаў іспыт і па конкурсе быў залічаны ў аспірантуру. Тады ж адбылася яго першая архелагічная экспедыцыя ў якасці лабаранта.

Пятро Лысенка, праз усё жыццё нёс вялікую любоў да

Тураўскай зямлі. Менавіта поўдзень Беларусі стаў навуковай нівай вучонага. Даследаванні ён распачаў у час станаўлення фундаментальнай беларускай археалогіі і ў перыяд, калі гарады пачалі забудоўвацца хуткімі тэмпамі. У прамым сэнсе слова прыходзілася працаваць пад каўшамі экскаватараў, імкнучыся даследаваць культурныя пласты. Так было і ў Пінску. Гарады Тураўскай зямлі сталі тэмай кандыдацкай дысертацыі Пятра Лысенкі. На сваім жалезным кані – матацыкле – ён аб'ехаў шмат населеных пунктаў і археалагічных помнікаў зямлі дрыгавічоў. Ён быў энцыклапедыст па археалогіі і гісторыі ўсяго палескага краю. Вывучаў курганы X-XII стст., старажытныя гарады Тураў, Брэст, Пінск, Слуцк, Давыд-Гарадок, Клецк, Рагачоў, Мазыр. У навуку яго прывяло студэнцкае захапленне старажытнарускімі летапісамі, да вывучэння і аналізу якіх ён падыходзіў прынцыпова. Адказы на тыя пытанні, якіх не было ў летапісах, ён працягваў шукаць у беларускай зямлі. Часта Лысенку параўноўваюць з Генрыхам Шліманам, чалавекам, які знайшоў легендарную Трою. Так і Пятро Фёдаравіч, па сутнасці, падараваў усяму свету старажытнае Бярэсце, якое шукала шмат навукоўцаў. Гісторыя гэтага горада археолаг займаўся з 1961 г., калі ўпершыню пачаў шукаць яго. Праз тры гады ён выдвінуў версію, што старажытны горад мог знаходзіцца не на востраве, а на мысе, там, дзе левы рукаў ракі Мухавец упадае ў Заходні Буг. Сваё меркаванне ён пацвердзіў у 1968 г. археалагічным матэрыялам. Ён – Калумб адзінага ў свеце драўлянага горада з захаваўшыміся ў зямлі хатамі да дванаццаці вякоў. Яго экспедыцыямі было знойдзена 224 драўляныя пабудовы, з іх – 35 з дзвярнымі праёмамі. Пры гэтым на некаторых хатах меліся насечкі, якія казалі аб тым, што пабудовы ўзводзіліся ў адным месцы, а потым былі перанесены на іншае і складзены. У Бярэсці экспедыцыяй Лысенкі быў знойдзены самшытавы грабенчык з алфавітам старажытнай кірыліцы, свайго роду, – першы буквар таго часу на славянскіх землях. Дзякуючы археалагічным матэрыялам даследчык паказаў, што Бярэсце – горад, заснаваны ўсходнеславянскім племенем дрыгавічоў, і які ў XI–XIII стст. належаў Тураўскаму і Валынскаму княствам. На аснове шырокага вывучэння крыніц і літаратуры вучоны звярнуў увагу на тое, што правільная назва горада – Бярэсце (па-руску – Берестье), а не Берасце. Гэты даследчык сваёй напружанай шматгадовай працы, абгрунтаванай канцэпцыяй паказаў навуковаму свету, што паўднёвая Беларусь па сваім сацыяльна-эканамічным і палітычным развіцці ніколі не саступала іншым землям Старажытнай Русі.

У сваіх працах ён паказаў, што Тураўскае княства адыграла значную ролю ў развіцці Кіеўскай дзяржавы. Цікава, што ў XI ст.

з шасці вялікіх кіеўскіх князёў трое пераходзілі на прастол з гэтага горада. Дарэчы, тут знойдзена Тураўскае Евангелле – рукапіснае евангелле-апракос, створанае ў XI ст., напісана кірыліцай. Яно з'яўляецца адным з найбольш ранніх помнікаў славянскай кніжнай пісьменнасці і найбольш ранняй кнігай на беларускіх землях, якая дайшла да нашага часу. У Тураве жыў і працаваў царкоўны дзеяч XII стагоддзя Кірыла, аўтар вядомых царкоўна-асветніцкіх і царкоўна-літаратурных твораў, якога сучаснікі называлі Залатавустам. Археалагічныя даследаванні ў Тураве Пятро Фёдаравіч бліскуча завершыў ужо размяняўшы сёмы дзясятак. Яго экспедыцыямі былі знойдзены язычніцкае капішча, свінцовыя абказкі з лікамі святых, на адным з якіх – Кірыла Тураўскі. Аўтарам раскопак была зроблена рэканструкцыя напастольнага крыжа Тураўскага епіскапскага храма. Менавіта тут знойдзены каменныя саркафагі.

Тураў – горад-таямніца, намоленае стагоддзямі зямля. Ён адзіны старажытны горад на Беларусі, які захоўвае свае тапаграфічныя адрозненні. Гэта асаблівасць, а таксама багатая гісторыя паспрыялі таму, што тут з'явіўся культурна-гістарычны комплекс. Гэта стала магчыма, як адзначаў сам Пятро Лысенка, дзякуючы вялікай падтрымцы і дапамозе Гомельскага аблвыканкама, які ўзяў тады на сябе смеласць, прыняў рашэнне фінансаваць правядзенне раскопак старажытнага епіскапскага храма XII стагоддзя, будаўніцтва над яго руінамі павільёна. Такім чынам быў створаны яшчэ адзін унікальны археалагічны музей сярэднявечага горада «Старажытны Тураў». Тураў і Брэст, даследаваныя Лысенкам, даўно сталі своеасаблівай Мекай для турыстаў. Толькі музей «Бярэсце» з моманту яго адкрыцця наведала больш за два з паловай мільёны чалавек з каля 40 краін свету.

Археолог Пятро Лысенка на палявым трафейным матацыкле
Здымак 1961 г.
З сайта пінскай газеты “Полесская правда”

Мала хто ведае, што, калі ў 1986 г. ў Гомелі ў зоне рэканструкцыі кінатэатра імя А. Ісачанкі пачаліся будаўнічыя работы, а гэтае месца – частка старжытнага горада. І археолаг Алег Макушнікаў стаў на яго абарону, даказваючы неабходнасць захавання яго для нашчадкаў. У ліку навукоўцаў, якія падтрымалі маладога вучонага, быў і П. Ф. Лысенка. Агульнымі намаганнямі праз некаторы час будаўнічыя работы былі забаронены. Старажытны Гоміў быў выратаваны, пачаліся раскопкі. Дзякуючы А. Макушнікаву, яго калегам, сябрам, іншым вучоным не была згублена адзіная на ўсю Еўропу зброевая майстэрня, якая спецыялізавалася на вырабе і рамонце абарончага і наступальнага ўзбраення і загінула падчас пажару XIII ст.

Пятро Лысенка быў легендай археалогіі. Ён заўсёды здзіўляў плёнам сваёй працы. Па сваім характары ён быў цяжкавоз, які да апошняга не адыходзіў ад спраў. Ён не толькі быў даследчыкам помнікаў, але і іх абаронцам. Сёння можна сказаць, што пашчасціла не толькі Лысенку, які зрабіў вядомыя адкрыцці, але і помнікам, якія ён знайшоў. Два з іх сталі музеямі і належаць усім. Пятро Фёдаравіч – ганаровы грамадзянін Турава. За шматгадовую працу, значны асабісты ўклад у захаванне гісторыка-культурнай спадчыны Пінска ў 2011 г. яму прысвоена званне «Ганаровы грамадзянін горада Пінска». Ён вельмі любіў гэты горад. Даследчыка ведалі і паважалі гараджане. Пятро Фёдаравіч быў разважлівы і сціплы чалавек. Ён з ахвотай дзяліўся сваімі ведамі пра гісторыю горада з яго жыхарамі, удзельнікамі раскопак, школьнікамі. Пра апошніх ён казаў, што яны добрасумленна адносіліся да нялёгкай працы і пры гэтым усё выконвалі акуратна. Не раз знакаміты археолаг прапаноўваў, каб у экспазіцыях музеяў каля артэфактаў размяшчалі прозвішчы тых, хто іх знайшоў.

Пятро Лысенка быў нястомным даследчыкам, высакародным чалавекам. Ён патрыярх бедарускай археалогіі, які пакінуў добры і глыбокі след на зямлі. Пералічваць заслугі гэтага Чалавека – няўдзячная справа. Вялікая эрудыцыя і асаблівая любоў да сваёй прафесіі. Гэта тое, што адрознівала масцітага вучонага. Кожная сустрэча і размова з ім былі запамінальнымі. Іншы раз думаю: у маёй хатняй бібліятэцы ёсць кнігі Пятра Лысенкі. І, на жаль, няма ні адной з яго аўтографам. Не прасіў я аб гэтым. Але шчаслівы тым, што асабіста ведаў Пятра Лысенку, тэлефанаваў яму, віншаваў. А ён ведаў мяне.

У верасні 2016 г., Пятро Лысенка разам з жонкай Наталляй Дубіцкай крочыў па Беларусі разам з удзельнікамі культурна-асветніцкай экспедыцыі «Дарога да Святыняў з Благадатным Агнём ад Гроба Гасподняга», браў удзел у свяце пісьменства. Тады ён

выступіў перад студэнтамі ГДУ імя Ф. Скарыны. У чытальнай зале 2-га корпуса ўніверсітэта мы з ім зноў сустрэліся, павіталіся. Тады Пятро Фёдаравіч цёпла, неяк па-бацькоўску, абняў мяне. Студэнтам, выкладчыкам, гасцям, якія былі ў зале, ён расказваў пра Тураўскую зямлю, яе гарады, людзей, помнікі, скарбы. У студэнтаў было шмат пытанняў, на якія прафесар даваў зразумелыя адказы. Яго хацелася слухаць і слухаць. Ужо пазней, калі тэлефанаваў Пятру Фёдаравічу, ён з вялікай ўдзячнасцю ўспамінаў сустрэчу са студэнтамі, сябрамі навуковага аб'яднання «Таварыства аматараў гісторыі і археалогіі» гістарычнага факультэта. Для ўсіх гэта была незабыўная сустрэча.

Пятро Лысенка і Вадзім Лось
Пінск, жнівень 2007 г. З фотаархіва В. Лася

Мне заўсёды здавалася, што ў знакамітага археолага былі нейкія асаблівыя адносіны да нас, гомельскіх студэнтаў. Думаю пра словы Пятра Фёдаравіча: «...Што пакінем мы сваім нашчадкам? Што скажуць яны? Куды яны прывядуць сваіх дзяцей і што адкажуць на іх пытанні: «Адкуль ёсць пайшоў наш горад?, хто разбурыў яго?». Суда гісторыі не пазбегнуць. Патрэбна памятаць пра гэта. І па магчымасці захоўваць наша гістарычнае мінулае, нашыя культурныя здабыткі. Гэту ўсенародную ўласнасць нельга разменьваць на імгненныя прыватныя інтарэсы асобных людзей ці групіровак, якія не звяртаюць увагі на агульныя народныя інтарэсы». Гэтыя словы Пятра Лысенкі гучаць нам і будучым пакаленням як завет.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

СЛОВО О ПЕТРЕ ФЕДОРОВИЧЕ ЛЫСЕНКО

В 2020 г., не дожив год до своего 90-летия, ушел из жизни большой человек, великий ученый и мой дорогой учитель.

Говорят, что «незаменимых людей нет». Петр Федорович – из тех, кого заменить нельзя. Белорусская историко-археологическая наука лишилась одного из своих флагманов.

Петр Федорович Лысенко

С юными помощниками на раскопках, Пинск, 2007 г.,
фотоснимок П. Куницкого

Я познакомился с Учителем в далеких восьмидесятых, когда был молодым аспирантом Института истории АН БССР и волею судьбы стал воспитанником П. Ф. Лысенко. Помнится, его тесный кабинет, буквально пропахший древностями. Он был завален полезными и очень редкими книгами, сотнями папок с материалами полевых археологических отчетов, рулонами чертежей, пачками фотоснимков, макетами будущих книг и, посреди всего этого бумажного развала восседал сам «сердитый» Учитель, смотрящий в тебя пристально и оценивающе поверх очков в старомодной роговой оправе.

Не сразу пришло понимание, что эта строгость и даже кажущийся холод во взгляде. Так оно и где-то было. Петр Федорович

прирастал и гордился учениками, а не тепличными созданиями. Он умел требовать и даже заставлять. Не любивших труды физические и умственные держал на расстоянии. И от себя, и по возможности, от истории и археологии. А к ним он относится бережно, правильнее сказать – трепетно. С тем трепетом, который может исходить только из глубины душевной.

Сколько он сделал для нашей, европейской и мировой науки... Хватило бы не на один десяток маститых историков и археологов. Вклад П. Ф. Лысенко в восточнославянскую археологию и медиэвистику еще оценен не до конца.

Петр Федорович Лысенко на раскопках в Бресте, 1981 г.

Чаще мы помним Лысенко-ученого. Но он был и большим педагогом. Петр Федорович воспитывал будущих исследователей не только словом в кабинете, но и делом в археологических обследованиях и раскопках. Сам порой «стоял на лопате» в культурных напластованиях. Не даром в его регалиях не напрасно значится и «доктор исторических наук», и «профессор».

Его научно-популярные книги и ненаучные монографии уже изучают мои ученики и будут востребованы их учениками. Теперь и они, идя по стопам Петра Федоровича, делают для себя «открытия» древних Турова, Пинска, городов Туровской земли и дреговичских курганов, уникального Берестя. Не все, конечно, понимают, сколь

стоит цена этих открытий. И сколько они стоили душе и сердцу великого исследователя. Он отдал себя науке безо всяких сомнений, околичностей и оговорок. И многие учились у него этому служению.

П. Ф. Лысенко прожил яркую и трудную судьбу. Он, не надеясь ни на кого, сам прошел все горнила тяжкого труда – бескорыстного и по-солдатски отчаянного. При жизни Петра Федоровича его рассмотрели далеко не все, многие не поняли, насколько он был человеком широкой души и доброты. Его глаза, только на первый взгляд были бесстрастны, когда он радовался успехам коллег и учеников.

Поколения, которые знали Петра Федоровича, несут память о большом человеке, подвижнике науки и педагоге. Ученики преклоняются перед Наставником и свято чтут его.

О. А. Макушников, археолог

УДК 94(476.2-21Лоеў)«1576»:94(476.2-21Лоеў)«1704-1713»:929*П.Сапега

М. І. АНІСАВЕЦ

Беларусь, Лоеў, Гомельская вобласць
гісторык-краязнаўца

КНЯЗЬ ПАВЕЛ САПЕГА І ПРЫВІЛЕЙ ЛОЕВУ НА МАГДЭБУРГСКАЕ ПРАВА

У артыкуле аналізуецца раней невядомы ўнікальны дакумент – прывілей на магдэбургскае права Лоеву 1576 г. Ён змяшчае багатую інфармацыю, якая тычыцца прававых, эканамічных, сацыяльных і іншых аспектаў гісторыі гарадка-замка на паўднёвым усходзе беларускіх земляў. Ініцыятарам надання Лоеву “нямецкага” права быў любечскі стараста князь Павел Іванавіч Сапега – дзядзька знакамітага канцлера ВКЛ Льва Іванавіча Сапегі.

Ключавыя словы: Лоеў, Любечскае староства, магдэбургскае права, Павел Сапега, прывілей, Федар Воўк.

Прывілей Лоеву (зараз г. п. Лоеў – раённы цэнтр Гомельскай вобласці) аб наданні яму магдэбургскага права можна лічыць важнай архіўнай знаходкай. Яна зроблена кандыдатам гістарычных навук, старшым навуковым супрацоўнікам Інстытута гісторыі

Нацыянальнай акадэміі навук Украіны Наталляй Белавус. Захавалася вельмі мала архіўных крыніц, па Паўднёва-Усходняй Беларусі часоў існавання Вялікага княства Літоўскага. Звернем увагу на тое, што ў гісторыі толькі тры гарады на Гомельшчыне мелі поўнае нямецкае права: пасля Лоева яго атрымаў Мазыр у 1577 г., а Гомель – толькі ў 1670 г. [1, с. 331; 2, с. 258]. Такім чынам, гэты дакумент з'яўляецца ўнікальным і цікавым адкрыццём для гісторыі Лоева і падкрэслівае яго выключнае значэнне з прычыны адсутнасці падобных прывілеяў у большасці суседніх гарадоў рэгіёна (выява 1).

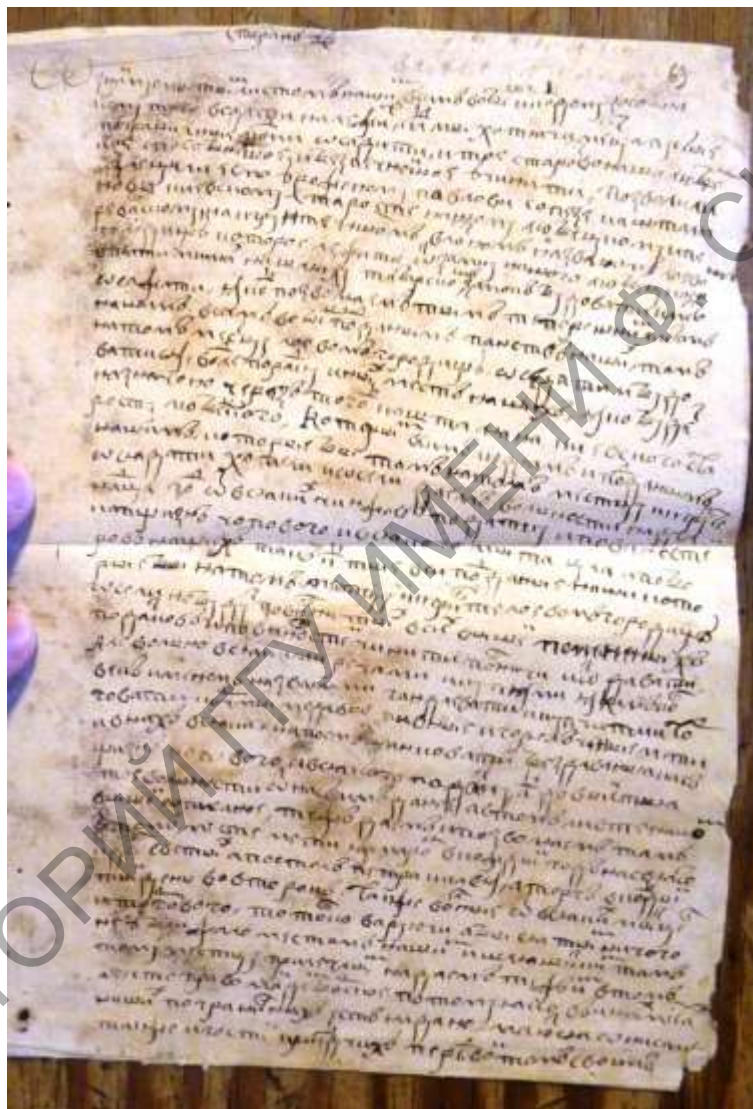
Тэрмін «Прывілей» паходзіць ад лацінскага Privilegium (privus асаблівы + lex закон). Гэта – выключнае права, перавага горада, галоўны і найважнейшы дакумент ў яго гісторыі. У ім адлюстроўваліся праблемы населенага пункта, вызначаліся накірункі яго палітычнага, эканамічнага і сацыяльнага развіцця. Прывілей звычайна надаваўся правіцелем дзяржавы і падцвярджаўся ў выпадку неабходнасці самой вярхоўнай уладай, а таксама па просьбе ўладальніка паселішча або гарадской грамады. У адрозненне ад большасці тагачасных дакументаў, зафіксаваных у кнігах каралеўскай канцылярыі, Лоеўскі прывілей напісаны кірыліцай, а не лацінкай або польскай мовай. Палеаграфічны аналіз дакумента, зроблены ўкраінскімі навукоўцамі, паказвае, што гэта альбо арыгінальная, незасведчаная копія, зробленая ў канцы XVI ст. з пергаментнага арыгінала, які не захваўся, або гэта пратакольны запіс, які не быў падшыты да кнігі Рускай метрыкі. Дакумент знаходзіцца ў Архіве князеў Сангушкаў, які зберагаецца ў Дзяржаўном архіве Польшчы ў Кракаве ў Вавельскім аддзеле [3, с. 161].

Цікавыя абставіны і месца выдачы прывілею Лоеву, у якім напрыканцы дакумента пазначана: «1576 року 3 августа дан в Ливе» [3, с. 161]. Прывілей Лоеву быў зацверджаны каралём Рэчы Паспалітай і вялікім князем Літоўскім Стэфанам Баторыем у першы год яго праўлення. Пасля свайго каранавання ў Кракаве 1 мая 1576 г. ён са сваім дваром у ліпені таго ж года знаходзіўся ў Мазовіі і Падляшшы, а потым 4 жніўня вярнуўся ў Варшаву. У час падарожжа ён надаў шэраг прывілеяў гарадам і мястэчкам як Кароны Польскай, так і ВКЛ.

Звяртае ўвагу, што наданне прывілея Лоеву адбылася ў мястэчку Ліў які ў XVI ст. з'яўляўся судова-адміністрацыйным цэнтрам Ліўскай зямлі Мазавецкага ваяводства і знаходзіўся ў зручным геаграфічным становішчы. Ён размяшчаўся на важным гандлёвым шляху на памежжы

Кароны і ВКЛ, быў цэнтрам рамества і гандлю. Да таго ж, Ліў уваходзіў у пералік гарадоў і мястэчак, прызначаных да элекцыі каралёў.

Баторый спыніўся 2–3 жніўня 1676 г. менавіта ў гэтым мястэчку і 3 жніўня зацвердзіў прывілей на лакацыю Лоева і наданню яму магдэбургскага права. У паселішчы рэарганізавалася сістэма мясцовага кіравання, пры якім гарадской адміністрацыі надавалася права прымаць унутраныя адміністрацыйныя, судовыя і эканамічныя рашэнні.

Выява 1 – Фотакопія першай старонкі тэкста прывілея на магдэбургскае права Лоеву 1576 г.

Арыгінал захоўваецца: Archiwum Narodowe w Krakowie, dział na Wawelu, Archiwum Sanguszków, Archiwum Rodzinne Sanguszków, sygn. 144, k. k. 69–70

Ініцыятарам атрымання магдэбургскага прывілея Лоеву быў Павел Іванавіч Сапега (каля 1490–1580 гг.) (выява 2) – прадстаўнік

беларускага магнацкага рода Сапегаў герба “Ліс”, сын Івана Сапегі і Ганны Сангушкі, дзядзька славутага канцлера ВКЛ Льва Іванавіча Сапегі. У пісьмовых крыніцах ён упершыню згадваецца як любечскі стараста пад 1560 г. Любечскі павет (стараства) уваходзіў у склад Кіеўскага ваяводства. У той час павет складаўся з трох воласцяў: Любечскай (сучасны г. п. Любеч на левабярэжжы Дняпра ўваходзіць у склад Рэпкінскага раёна, зараз у Чарнігаўскай вобласці Украіны), Лоеўскай (Лоевагорскай) і Брагінскай.

Любечскае стараства тады знаходзілася ў вельмі цяжкім стане. З летапісаў дакладна вядома, што вялікія татарскія загоны праходзілі ў 1505, 1506, 1536 і 1538 гг. паміж балотам Замглай і Парысца на Каменецкую гару ў Левабярэжжы, а адтуль праз Татарскі брод на Лоеў [4, с. 215]. Працягваліся татарскія ўварванні і ў далейшым. Паселішчы стараства неаднойчы руйнаваліся і спальваліся, а яго жыхароў татары забіралі ў палон і прадавалі ў няволю. Жыццё ў рэгіёне было надзвычай цяжкім і небяспечным, яго насельніцтва губляла веру ў магчымасць самастойна абараніцца ад ворагаў. Мясцовасць тады абязлюдзела і заняпала.

Выява 2 – Стараста любечскі П. І. Сапега – фундатар пабудовы Лоеўскага замка і ініцыятар надання Лоеву магдэбургскага права

Партрэт з Коданскай галерэі, 1709 г. Электронны рэсурс –
[https://ru.wikipedia.org/wiki. Сапега, Павел Иванович](https://ru.wikipedia.org/wiki.Сапега,ПавелИванович) (умер в 1580).

Дата доступа 2 жніўня 2018 г.

Ёсць звесткі, што пасаду старасты Павел Сапега атрымаў за 5060 коп літоўскіх грошаў, якія ён унёс у скарбонку ВКЛ. Вядома таксама, што ён атрымаў адукацыю ў Кракаўскім універсітэце, быў дзяржаўцам браслаўскім (1517–1547 гг.), маршалкам гаспадарскім (1519–1557 гг.), ваяводам падляшскім (1556–1558 гг.) і навагрудскім (з 1558 г.). Кіраваў ліцвінскім войскам у вайне з Масковіяй у 1534–1535 гг. і ў час Лівонскай вайны ў 1561 г. Быў праціўнікам Люблінскай уніі 1569 г, але падпісаў яе заключны акт. Першы раз быў жанаты на Алене Гальшанскай, а пасля яе смерці адружыўся (падчас любечскага стараставання ў 1562 г.) з Ганнай Хадкевіч і меў двух сыноў, Яна Пятра і Паўла і дачок – Сафію, Елізавету і Ганну. У 1566 г. П. Сапега атрымаў пасаду кіеўскага кашталяна [5, с. 547; 6, с. 58], уваходзіў у склад Рады ВКЛ, а з 1569 г. – Сената Рэчы Паспалітай. Галоўнай функцыяй кашталяна быў збор павятовай шляхты ў войска падчас паспалітага рушэння і перадача яго пад кіраўніцтва ваяводы.

Вядома, што падчас Люблінскай уніі 1569 г., украінскія землі патрапілі да Польшчы. У 1564 г. Брагінская воласць адышла да Мозырскага павета Мінскага ваяводства ВКЛ, але ўжо праз пяць гадоў была павернута да Любечскага павета. Такім чынам, Любечскі павет, а разам з ім Лоеўская і Брагінская воласці, апынуліся ў складзе Польскай Кароны. У новай дзяржаве – Рэчы Паспалітай – унутраная мяжа паміж Каронай і ВКЛ прайшла якраз па паўночнай частцы мяжы Любечскага павета (стараства). Люблінскі акт абумовіў неабходнасць люстрацый (ці рэвізій) далучаных да Польшчы зямель ВКЛ. Першая люстрацыя Любечскага стараства адбылася ў 1571 г., але арыгінал рэвізіі ў архівах пакль што не выяўлены і яго матэрыялы дайшлі да нас ў артыкулах польскага даследчыка Аляксандра Ябланоўскага толькі часткова. Любечскае стараства складалася з мястэчка і 15 падпарадкаваных старасце паселішчаў, дзе жылі сяляне, слугі і баяры, абавязаныя “службамі” на замак. Любеч не меў магдэбурскага права, але ў яго было мясцовае самакіраванне на чале з войтам і ратуша. 10 замкавых вёсак Любечскага стараства знаходзіліся на правым, 5 – на левым беразе Дняпра, ў іх на карысць замка збіраліся падаткі па 10 грошаў з вёскі (грош складаў 10 пенязяў). Відавочна, што на Правабярэжжы было ўдвая больш замкавых вёсак, 5 з якіх (Ісакавічы, Мохай, Дзяражычы, Глушэц, а таксама Стары Лоеў) выконвалі функцыю старажавых пастоў. Большасць вёсак і зямель на Левабярэжжы знаходзілася ў валоданні любечскай шляхты на спадчынным і ленным праве [7, s. 30, 159–160].

Пасля Люблінскай уніі, не зважаючы на змену дзяржаўнай юрысдыкцыі рэгіёна, П. Сапега захаваў пасаду кіеўскага кашталяна і любечскага старасты. Прыкардонны статус Любечскага (з 1585 г. – Любечска-Лоеўскага) староства і факт размяшчэння Лоева на важнейшай транспартнай артэрыі – Дняпры абумовіў неабходнасць абароны яго ад частых нападаў татарскіх загонаў. “Татарскі брод” (выява 3) – зручная пераправа праз Дняпро ў 1,5 км ніжэй Лоева – патрабаваў пастаяннай пільнай увагі, і варта яго была ўскладзена на ваяроў і жыхароў мясцовага замка, для якога гэтая служба без дадатковай падтрымкі была непасільнай.

Выява 3 – Памятны знак “Татарскі брод”

Усталяваны краянаўцамі ў 2008 г. на месцы лоеўскіх перапраў на правым беразе Дняпра насупраць украінскай вёскі Каменка

У сувязі з гэтым, намаганнямі Павла Сапегі ўтрыманне замкавай абароны на Лоевай гары было ўскладзена і на жыхароў суседняй Рэчыцкай воласці ВКЛ. Як сведчыць тэкст Уставы горада Рэчыцы, якую выдалі каралеўскія рэвізоры Рыгор Валовіч і Мікалай Нарушэвіч пад час “померы и установления платов” яшчэ ў 1561 г., ў абавязак рэчыцкіх улад уваходзіла выстаўляць старажавы пост у Лоевай гары “для небеспечности от неприятеля земского... и на тую сторожу складатися повинны яко мещане, так и волощане десять коп грошей” [8, с. 128]. Цікава, што рэчыцкія мяшчане ў 1596 г. самі звярталіся непасрэдна да караля і вялікага князя Жыгімонта III Вазы з просьбай аб падцвержанні Уставы 1561 г., па якой яны павінны былі несці “сторожу” ў Лоеве “от поганцов татар для беспеченства там тыхъ краев русских панства нашего Великого князства Литовского” [9, с. 5–6]. Гэтая актыўнасць рэчыцкіх мяшчан была выклікана тым, што за

ўтрыманне старожи рэчычане вызваліліся ад выплаты мытных падаткаў на “ваявод, старост и державец” і прыватных асоб (шляхты і духавенства) і нават ад мыт на тавары, якія перавозіліся рэчкай або па сушы. Не сплывалі яны падаткі і падчас правядзення двух рэчыцкіх кірмашоў [8, с. 128].

У далейшым частка павіннасцяў на ўтрыманне Лоеўскага замка лягла і на плечы лоеўскага мяшчанства, бо яго колькасць паступова ўзрастала. Калі ў 1571 г. у Лоеве налічвалася толькі тры мяшчанскіх двораўладання (тры гаспадаркі, якія падлягалі падаткаабкладанню), то ў 1579 г. – ужо 20 [7, с. 521]. Вядома таксама, што ў 1609 г. у Лоеве асела група сялян – уцекачоў ад маскоўскага баярына Сцяпана Лозкі (Stepfan Lozka Jurowice) [10, с. 229]. У прывілеі даецца дакладнае распараджэнне любецкаму старасце па будаўніцтву замка ў Лоеве: «Иж мы хотзчи мѣстца пустые пограничные людми ѡсадити и тоѣ староство нашо Любецкое способнеишее и безпечнеишее учинити, позволили и злѣчили єсмо урожоному Павлови Сопезѣ, кашталзнови киевскому, старосте нашому любецкому и пѣревалскому, на кгрунте нашомъ влостномъ названомъ Лоевомъ городищу, которое лежитъ ѿт замку нашего Любецкого в пзти милзх на шлзху татарскомъ, замокъ будовати и мѣсто ѡсажати» [3, с. 165]. Падкрэслім, Лоеўскі замак неабходна было закладаць на старым Лоеўскім гарадзішчы, у пяці мілях ад цэнтра павета – Любеча (1 старынная руская міля = 7,468 км). У лоеўскім прывілеі не канкрэтызуюцца ўмовы, на якіх неабходна было будаваць местачковае жыццё. Відавочна, кароль ускладаў яго ўпарадкаванне на старасту Паўла Сапегу: «Зкож позволиземъ тымъ теперешнимъ листомъ нашимъ всимъ воѡецъ подданымъ панствъ нашихъ тамъ на томъ мѣстцу Лоевомъ городищу ѡседати и будоватисз водлѣ порадку иныхъ мѣсть нашихъ, зко будѣтъ назначено черѣзъ того жъ кашталзна киевского, старосты любецкого» [3, с. 167]. Каралеўская ўлада імкнулася стварыць спрыяльныя ўмовы для стымулявання перасялення ў паселішчы з магдэбургскім правам насельніцтва з іншых месц пражывання, надаючы жыхарам падатковыя прывілеі і розныя так званыя «вольнізни» ад сплаты чыншу на некалькі гадоў. Насельніцтву Лоева надаваліся прывілеі вольнасці на 12 гадоў з правам арганізацыі свабоднага гандлю, а таксама гандлю спіртнымі напоямі ў шинках, каб максімальна зацікавіць мясцовае насельніцтва і заахвоціць перасяленцаў асядаць і будавацца ў Лоеве. «Которымъ всимъ людзмъ и подданымъ нашимъ, которые бы тамъ на томъ мѣстцу и кгрунте ѡсадити хотели и ѡсели, даѣмъ вольности на дванадцатъ год ѿт всзкихъ чинжовъ, податку и повинностей, капщизнъ, чопового и всзкого мыта, цла и поборовъ нашихъ такъ, иж тыѣ вси подданыѣ наши, которые бы на томъ мѣстцу

и кгрунте Лоевомъ городищу ѡсели, не будут повинни тых всих вышеи помененныхъ податковъ и повинностейи чинити, полнити и отдавати, але вольно всзкими речами и куплзми зкимъ колвекъ именемъ названными гандлевати и купчити, торговати, корчмы медовые, пивные и горельчаные мети, и в нихъ всзким напоемъ шинковати без даванъз капъщизнъ, чопового и аж до выистъз тое вольности ѡт насъ имъ даное» [3, с. 168].

Пры наданні прывілею на магдэбургскае права значная ўвага надавалася арганізацыі гандлю і рамяства. Лоеву дазваляўся адзін штогадовы кірмаш 12 ліпеня на свята Пятра і Паўла (напэўна, з прычыны малалікасці яго насельніцтва на той час), а таксама штотыднёвы базар па аўторках [3, с. 168]. Але, верагодна, кірмаш на свята Пятра і Паўла не паспеў трывала ўвайсці ў мясцовую традыцыю. Ужо на пачатку XVII ст. галоўным кірмашом, які штогод праводзіўся на Лоеўшчыне, стаў двухдзённы Дзесяцінны кірмаш у пятніцу і суботу на дзесяты тыдзень пасля Вялікдня. З ім звязана паданне аб паяве ў ваколіцах Лоева вобраза святой Параскевы Пятніцы – нябёснай заступніцы Лоева.

Звычайна жыхары горада з магдэбургскім правам атрымлівалі дазвол на адкрыццё крам, гасцінага двара, цырульні, лазні, важні і іншых аб'ектаў камунальнага прызначэння. Іх прыбыткі перадаваліся ў даход горада. Аднак далёка не ўсе паселішчы атрымлівалі права будаваць ратушу, мець гарадскую пячатку і герб. У лоеўскім прывілеі адзначалася толькі, што судавытворчасць павінна была ажыццяўляцца ў мястэчку войтам, а пра будаўніцтва ратушы ў Лоеве і наданні гарадской пячаткі, а таксама і герба няма згадкі. «Надаемъ тежъ им в томъ мѣсте право маидемборское по тому, зко въ иных мѣстах наших пограничныхъ есть надано. Маюмъ сзѡни сами также и гости приѣждчихъ перед воитомъ своимъ ѡ всзкие рѣчи судити водлугъ права и порядку иных мѣстъ наших вѣчными часы» [3, с. 168].

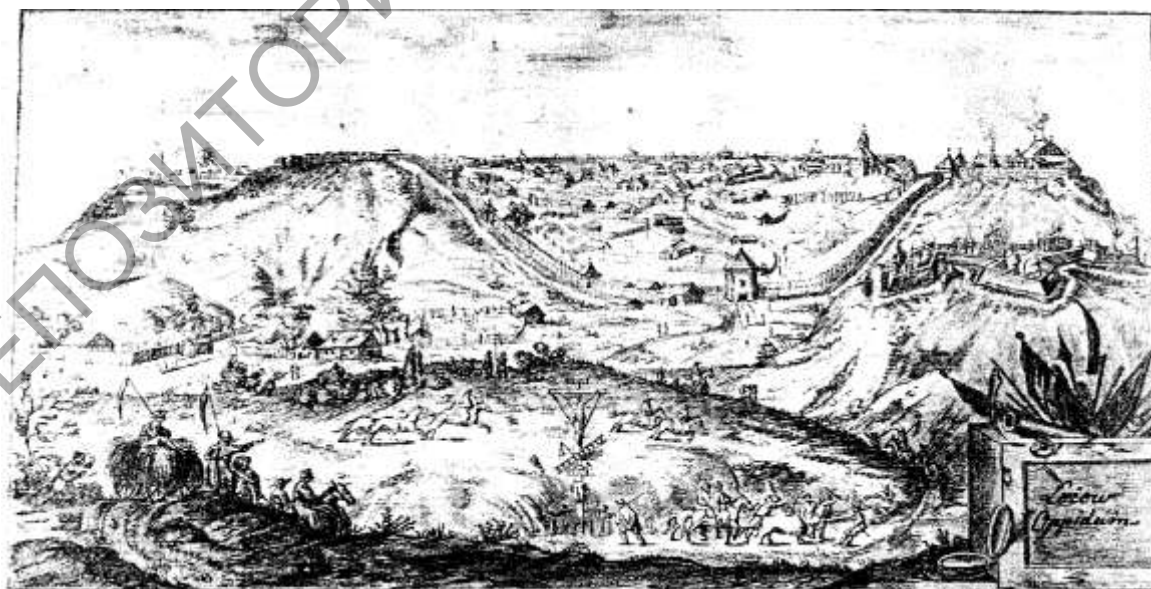
Ёсць усе падставы сцвярджаць, што любечскі стараста Павел Сапега разумеў стратэгічную ролю Лоева як шчыта, што закрываў шлях у межы ВКЛ для ворагаў з паўднёва-усходняга накірунку, і прыярытэтнай сваёй справай лічыў будаўніцтва Лоеўскага замка, якое ён ажыццявіў на ўласныя сродкі. Аб гэтым сведчыць яго тастамент ад 1580 г., ў якім сцвярджаецца, што Павел Сапега "властным накладом своим замок и место на Лоевой горе на шляху татарским заложил" [11, с. 228]. Безумоўна, гэта было аднаўленне ўмацаванага мястэчка, якое існавала раней, але было зруйнавана татарамі.

Апісанне тагачасных умацаванняў Лоева не захавалася, але ўжо на карце, створанай у 1578 г. картографам Мацеем Струбічам,

пазначана яго абарончая вежа [12, карта 20]. Відавочна, што ўмацаванні былі традыцыйныя: абарончыя валы і равы, драўляныя сцены і вежы. На думку А. Ябланоўскага, будаўніцтва замка было завяршана да 1580 г. [17, s. 75–76]. Можна канстатаваць, што Лоеўская фартэцыя была пабудавана своечасова, бо ўжо ў 1581 г. яе сцены выпрабавалі на трываласць белгарадскія татары, якія рухаліся ў Вялікае княства Літоўскае [13, с. 124]. Вядома таксама, што Лоеў і замак, адбудаваны П. Сапегам, былі спалены ў 1613 г. падчас вайны Рэчы Паспалітай з Расіяй, але потым адноўлены [10, s. 229].

Пэўнае ўяўленне аб тагачасным Лоеве і яго замку пасля іх аднаўлення нам можа даць малюнак мястэчка галандскага мастака Абрахама ван Вэстэрфеляда, зроблены ў сярэдзіне XVII ст. Ён дайшоў да нас ў копіі невядомага мастака другой паловы XVIII ст.

На малюнку Лоеў адлюстраваны з паўднёвага боку. Па перыметру мястэчка было ўмацавана абарончай сцяной – драўляным палам, вертыкальна закапаным у зямлю частаколам, што складаў перад замкам першы рубаж абароны. З поўдня Лоеў меў уязную вежу-браму. Па перыметру мястэчка былі пабудаваны невысокія вартавыя вежы. На суседняй ад замка гары, якую лаяўчане здаўна называюць Гілевай гарой, пазначана Свята-Троіцкая царква. На Лоевай гары паказаны замак з невысокімі драўлянымі сценамі і вежамі. У цэнтры замка адлюстравана вялікая пабудова – напэўна, адміністрацыйны будынак стараства. Каля падножжа Лоевай гары, на наберажнай Дняпра, знаходзіцца ўмацаваны земляным валам трохбастыённы шанец з гарматамі, які ўтрымліваецца залогай. Месцазнаходжанне Лоева і замка на малюнку галандскага мастака адпавядае яго зараз існуючай тапаграфічнай структуры (выява 4).

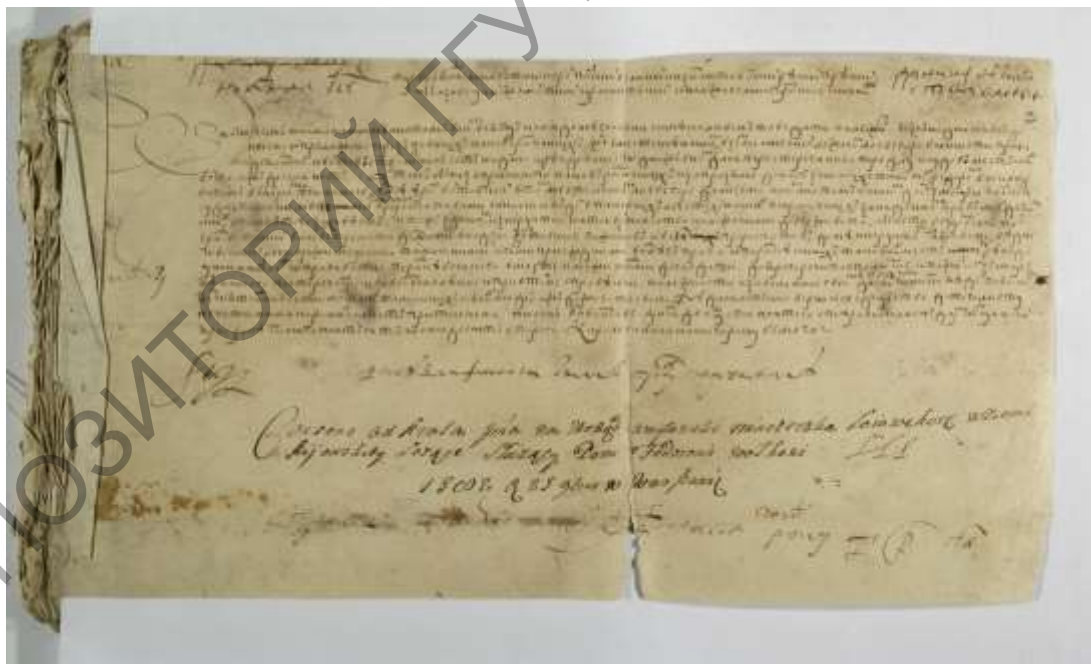
Выява 4 – "Loiow oppidum" А. ван Вестэрфельда
Захоўваецца: Muzeum Wojska Polskiego w Warszawie
(nr. inw. 16607 A. Kopia. w. XVIII, papier, ołówek: 20,3x32,7 cm)

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Памёр П. Сапега ў 1580 г. і быў пахаваны ў царкве мястэчка Лейпуны Гродзенскага павета Трокскага ваяводства (зараз Лейпалінгіс (Лейпуны) Алітускага павета Літвы).

У рэчышчы новага статусу паселішча з магдэбургскім правам, наданага Лоеву новым прывілеем караля і вялікага князя Стэфана Баторыя ад 25 лістапада 1582 г., пасадку войта ў Лоеве (фактычна мястэчка складалася з двух частак – Лоевай гары і Старога Лоева) атрымаў Фёдар Васільевіч Воўк. Гэты прывілей зноў жа напісаны кірыліцай (выява 5), але ў адрозненне ад магдэбургскага прывілея Лоеву, ён потрапіў у кнігу метрыкі Рускай, куды ён быў падшыты пад назвай «Данина Вольку на воитовство в Лоеве Горе». У дакуменце зазначалася, што пасля надання Лоеву прывілея на магдэбургскае права і войтаўства, у мястэчку «для и судовъ мѣстныхъ воита ажъ досель нѣтъ» [4, л. 88–88 об.; 12, с. 359–360]. Да прызначэння

войтам Лоева Ф. Воўк быў зямлінінам Мінскага павета і паручэнцам берасцейскага ваяводы Гаўрылы Гарнастая. Месцячковы войт непасрэдна падпарадкоўваўся старасце і меў поўную юрысдыкцыю над мяшчанствам. Галоўным яго абавязкам было збіранне падаткаў. Ён вырашаў таксама зямельныя, маёмасныя і прававыя праблемы мяшчанства. У абавязкі войта ўваходзілі не толькі фіскальныя, але і паліцэйскія функцыі.

**Выява 5 – Першая старонка прывілея на Лоеўскае войтаўства
Федару Воўку 1582 г.
Арыгінал захоўваецца:**

Archiwum Narodowe w Krakowie, dział na Wawelu, Archiwum Sanguszków,
Archiwum Rodzinne Sanguszków, sygn. 144, k. 3

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Прывілей 1582 г. сведчыць: «Маець Фёдор Волкъ тот врад воитовский в Лоеве горе мети, держати, владзы воитовское, пожитков и всзких прерокгативъ, дому и кгрунтов уживати, суды и всзкие речи межи мещаны тамошними и гостми приездчими водлуг права и порадку иныхъ таковых местъ и тое фуньдацыи нашею отпраковати, порадку всзкого в месте и межи людьми догледати, доброго Речи Посполитое и пожитковъ скаръбу нашего постерегати» [6, с. 170]. Не пазней 1587 г. Ф. Воўк стаў войтам Кіева [12, с. 105]. У 1585 г. 3 Любечскага староства было выдзелена Лоеўскае староства. Як правіла, любечскія стараста і падстараста адначасова займалі такія ж пасады і ў Лоеве. Новае староства размяшчалася выключна ў межах Лоеўскай воласці [4, с.124, 199].

Верагодна, інстытут войтаўства існаваў у Лоеве да сярэдзіны XVII ст., бо ва ўкраінскіх архівах выяўлена згадка пра яшчэ аднаго лоеўскага войта – Васіля, прозвішча якога, на жаль, у вядомых дакументах не пазначана. 24 ліпеня 1646 г. ён атрымаў прывілей караля і вялікага князя для абшчыны мястэчка аб змяншэнні падаткаў: «Danie listu krolewskiego Wasylu i gromadzie miasta Łojowa o podatki» [16, № 1391]. Хаця ў наступныя часы ўлады не падцвярджалі дадзены 3 жніўня 1576 г. статус мястэчку, магдэбургскі прывілей для Лоева стаў прававой асновай для далейшага яго развіцця. Жыхары Лоева атрымалі гарадское самакіраванне, шэраг эканамічных прывілеяў і свабод. Прывілей 1576 г. садзейнічаў дастаткова хуткаму развіццю мястэчка, аб чым сведчаць дадзеныя інвентароў.

Калі ў 1571 г. у Лоеве было толькі тры дымы і статус вёскі, то ў 1606 г., па звестках люстрацыі Кіеўскага ваяводства, ў ім налічвалася 186 дымаў, і ён меў статус мястэчка. А па інвентару 1615–1616 гг. У Лоеве было ўжо 229 мяшчанскіх дымаў (прыкладна 1400 жыхароў) і воласць з 8 замкавымі вёскамі: Стары Лоеў, Мохав, Ізбін (сучасная Пярэдзелка), Ісакавічы, Папоўка (Першамайск), Абакумы і ўкраінскія Пазнапалы і Каменка [10, с. 34; 7, с. 521]. Гэтыя лічбы сведчаць пра хуткае развіццё мястэчка пасля атрымання ім прывілея.

Ёсць усе падставы меркаваць, што старажытнае рашэнне аб кіраванні Лоевам па ўзору магдэбургскага права не было да канца рэалізавана, найперш, у сувязі з узрушэннямі і працяглымі войнамі, якія напаткалі рэгіён сучаснай Паўднёва-Усходняй Беларусі ў сярэдзіне XVII ст. Але сучасныя жыхары Лоева маюць права ганарыцца тым, што іх мястэчка ў мінулым належала да еўрапейскай прававой сістэмы. Яна аб'ядноўвала тысячы гарадоў і мястэчак, якія

карысталіся магдэбургскім правам і развіваліся на падставе еўрапейскага гарадскога права.

У сувязі з тым, што Лоеўская зямля мае добрыя перспектывы для паспяховага развіцця турыстычнага і экскурсійнага патэнцыялу, ўяўляецца мэтазгодным увекавечыць імя знакамітага князя Паўла Іванавіча Сапегі, які ў мінулым надзвычай шмат зрабіў для мястэчка, у назве адной з цэнтральных вуліц сучаснага раённага цэнтра горада Лоева (выява 6).

Выява 6 – Сімвалічныя замкавыя вароты на пад'ездзе да цэнтра Лоева
Усталяваны ў 2005 г. да 500-годдзя з дня першага згадвання
Лоева ў летапісах

Спіс выкарыстанай літаратуры

1 Беларуская энцыклапедыя: у 18 тамах / рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск, 1997. – Том 5. – 576 с.

2 Білоус, Н. Київ наприкінці XV – у першій половині XVII ст. Міська влада і самоврядування / Н. Білоус. – Київ., 2008. – 360 с.

3 Білоус, Н. Привілеї польського короля Стефана Баторія для Лоева 1576 та 1582 рр. / Н. Білоус // Місто: історія, культура, суспільство. Е-журнал урбаністичних студій // Інститут історії України НАН України, Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – Київ, 2018. – № 1 (5). – 251 с.

4 Кондратьев, И. Любецкое староство (XV – середина XVII ст.) / И. Кондратьев. – Чернігів, 2014. – 384 с.

5 Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя: у 2 (3) тамах / рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск, 2006. – Том 2. – 792 с.

6 Пашкевіч, У. Да пытання аб уладальніках Лоеўскай зямлі ў XVI–XVIII ст. / У. Пашкевіч // Гісторыя Лоеўскай зямлі. Факты. Каментарыі : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю ўтварэння г. п. Лоеў. Лоеў, 20 кастрычніка 2005 г. / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны; пад рэд. С. А. Чаропкі [і інш.]. – Гомель, 2006. – С. 57–61.

7 Jablonowski, A. Lustracye Krolewszczyzn ziem Ruskich: Wolynia, Podola i Ukraina z pierwszej polowy XVII wieku / A. Jablonowski // Zrodladziejowe. – Warszawa, 1877. – Т. V. – 676 s.

8 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Том 4: 1588–1632 гг. – СПб., 1853. – 583 с.

9 Голубеў, В. Ф. Рэчыца ў часы Вялікага Княства Літоўскага / В. Ф. Голубеў, М. А. Волкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 2014. – № 5. – С. 3–17.

10 Bobinski, W. Wojewodztwo Kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy: stadium osadnictwa i stosunkow wlasnosci ziemskiej / W. Bobinski. – Warszawa, 2000. – 599 s.

11 Sapiehowie. Materiały historyczno-genealogiczne i wójtkowe. – Т. 1. – Pb., 1890. – 286 s..

12 Buczek, K. Dzieje kartografii Polskiej od XV do XVII w. / K. Buczek. – Wrocław–Warszawa–Kraków, 1963. – 119 s.

13 Лепявка, С. Українське козацтво в міжнародних відносинах (1561–1591) / С. Лепявка. – Чернігів, 1999. – 216 с.

14 Российский архив древних актов, г. Москва. – Ф. 389. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 88–88 об.

15 Руська (Волинська) метрика. Регести документів Коронної канцелярії для українських земель (Волинське, Київське, Брацлавське, Чернігівське воєводства) 1569–1673. – Київ. 2002. – С. 359–360.

16 Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського НАНУ. Інститут рукопису. – Ф. 1, № 4104, частина II, № 1391.

I. ВАЎЖАНЮК

Польшча, Варшава,
выкладчык, доктар навук,
Універсітэт кардынала
Стэфана Вышыньскага

КУРГАНЫ ЛЯДЗКАЙ ПУШЧЫ – СПЕЦЫФІКА, СІМВОЛІКА, ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ¹

Артыкул адлюстроўвае вынікі даследаванняў курганоў Лядзкай Пушчы (паўночна-заходняя частка Белавежскай Пушчы), даследуе іх ролю ў светапоглядзе насельніцтва розных часоў і культур. У Лядзкай Пушчы ёсць тры тыпы курганных могілнікаў: тыпу Ростальцага з крэмацыямі, каменнымі і землянымі насыпамі (вяльбарская культура); з інгумацыяй (ранняе сярэднявечча); "пустыя" без (храналогія не вызначана). У артыкуле зроблена спроба прадставіць валарызаванне кургана як: святая гара, святое месца, дом для памерлых, месца пасрэдніцтва, сімвалічная перашкода, сімвалічная куча – заменнік вогнішча для крэмацыі, на якім нябожчык праходзіў чыстку і мог трапіць у замагільны свет, маніфест улады альбо кенатаф.

Ключавыя словы: вогнішча, курганы, Лядзкая пушча, пахаванне, трупна спаленне

У дадзеным артыкулу аўтар, выкарыстоўваючы вынікі праведзеных даследаванняў, разважае над роляй помнікаў, якія былі прызнаны як курганы на тэрыторыі Лядзкай пушчы (малюнак 1), а таксама аналізуе гэтую з'яву.

Сучасная Лядзкая пушча – гэта невялікі лясны масіў ва ўсходняй часцы Польшчы, які застаўся ад Бельскай Пушчы ў Гайнаўскім павеце. Часта Лядзкую пушчу класіфікуюць як частку Белавежскай пушчы. Паводле Лясной Энцыклапедыі: "паўночна-заходняя частка Белавежскай пушчы паміж чыгуначнай лініяй

¹ Артыкул з'яўляецца пашыранай версіяй артыкула, прадстаўленага на Міжнароднай навуковай канферэнцыі "Славянскія старажытнасці на тэрыторыі Беларусі (да 90-годдзя з дня нараджэння беларускага археолага Л. Д. Побала)", Мінск, 30–31 кастр. 2014 г. Артыкул не ўключае вынікі даследаванняў яшчэ незавершанага праекта "Культурная спадчына і прырода Белавежскага лесу", які рэалізуецца ва Універсітэце кардынала Стэфана Вышыньскага (Варшава) з 2017 г.

Гайнаўка– Цісоўка, Нарэўка, Нарва і шашой Нараў–Гайнаўка” [1, с. 24].

Малюнак 1 – Абшар Лядзкай пушчы

(на аснове карты на сайце

http://www.parki.pl/parki_narodowe/bialowieski_pn/turystyka/mapy/mapa_pb.jpg.)

Сучасная назва пушчы, ужываная з XVII ст., паходзіць ад назвы вёскі Ляда, што размешчана ў некалькіх кіламетрах ад пушчы ў гміне Чыжэ, дзе яшчэ да 1570 года размяшчаўся фальварак, які з'яўляўся сядзібай ляснічага Бельскай пушчы (сучасная Лядзкая пушча)² [2, с. 32]. У сваю чаргу для Бельскай пушчы вызначаюць тэрыторыю, размешчаную на захадзе ад Белавежскай пушчы, раней Камянецкай, што належала да Бельскага замку. Мяжа пушчы пачыналася ад вытоку Нурца і праходзіла паміж Белай рэчкай, з аднаго боку, а з другога – Лясной і Нарэўкай, даходзіла да Нарвы і Нарэўкі [3, с. 15].

Гісторыя археалагічных даследаванняў. Існуе невялікая колькасць пісьмовых звестак аб археалагічных даследаваннях

² Існуе таксама іншы варыянт напісання – Ляцкая пушча, што паходзіць з народнай этымалогіі. Ляцкая пушча – Руская пушча (для параўнання: Ляцкі сток і Рускі сток). Славянскае “ляда” (рус. – “просека”) – участак, на якім высякалі, а потым спальвалі лес з мэтай далейшай апрацоўкі зямлі.

Лядзкай пушчы. Яны звязаны з вызначэннем археалагічных аб'ектаў і апісаннем прац на тэрыторыі Белавежскай пушчы. Археалагічныя працы на тэрыторыі Белавежскай пушчы пачаліся ў 1825 годзе з даследавання урочышча Замчышча (пол. – Zamczysko) (адзел 281, Надлясніцтва Белавежа). Падчас даследавання былі адкрыты пахаванні з рэшткамі шкілетаў і фрагментамі глінянага посуду [4, с. 22]. У 1918 годзе нямецкі археолаг Альфред Гётце правёў першыя значныя археалагічныя даследаванні ў пушчы [5] (малюнак 2). На працягу няпоўных двух месяцаў ён заінвентарызаваў 328 аб'ектаў, якія вызначыў як курганы, а затым даследаваў 35 з іх (у аддзелах 45, 46, 70, 95, 123, 139, 152,

214, 415 і 448). Адкрытыя пахаванні з рэшткамі шкілетаў датаваў X–XII стст., аднак пахаванні з трупаспаленнямі прызнаў старэйшымі за пахаванні па абраду інгумацыя. Адзіным выключэннем быў аб'ект у аддзеле 95, у якім знойдзены керамічны кавалак, – датаваў I–II стст. н. э. Аднак, не вызначыў часу ўтварэння пустых аб'ектаў і аб'ектаў, у якіх захаваліся вугаль і попел [5, с. 527, 542-549]³.

А. Гётце даследаваў і зрабіў дакументацыю пяці курганоў з 27 зарэгістраваных у аддзелах 45, 46 і 47. У аддзеле 45, размешчаным на поўдні ад Бернацкага мосту паміж чыгуначнай дарогай і дарогай з Гнільца, заінвентарызаваў 19 курганоў рознай формы і памераў – вялікі прадаўгаваты (курган 5) і прамавугольны (курган 15). Акрамя таго, вызначыў круглыя аб'екты, кожны з якіх меў два бакавыя раўкі (курганы 1, 6, 9). Другая група курганоў складалася з двух пляскатых пагоркаў (курганы 12, 13) на ўскрайку лесу, трэцяя – з чатырох (курганы 16–19) цягнулася з поўначы на поўдзень уздоўж дарогі з Бернацкага мосту да Скупава. У суме, даследаваў чатыры кургана: 5, 7, 9, 16 [5, с. 513].

Курган 5 – гэта невялі доўгі пагорак даўжынёй з усходу на захад 20 м, шырынёй з поўначы на поўдзень 9 м і вышынёй 0,9 м. У яго сярэдняй і ўсходняй частках на адлегласці тры метры адзін ад аднаго знаходзіліся два пахаванні. Пагорак складаўся са слаёў пяску. У абедзвюх магілах на рознай глыбіні былі знойдзены невялікія гарызантальныя скапленні вугалю, якія, як адзначыў А. Гётце, указвалі на "некранутасць пагоркаў". На дне знаходзіўся слой

³ Альфред Гётце, падчас наведвання пушчы, быў асістэнтам на будаўніцтве водаканалу ў палацавым парку ў Белавежы, дзе знайшлі пахаванне з рэшткамі шкілету, а непадалёк ад яго – і невялікую колькасць рухомах матэрыялаў [4, с. 31].

вугалю, змешанага з попелам. Іншых знаходак у кургане не было [5, с. 525].

Курган 7 – гэта вялікі стромкі пагорак без бочных раўкоў з сплюсчанай вяршыняй насыпу, дыяметрам 13 м і вышыняй 1,63 м. Даследаванне адбывалася наступным чынам: па сярэдзіне кургана ў паўднёва-ўсходнім накірунку быў выкапаны траншэя шырынёй 2,5 м. Курган складаўся са слаёў пяску, паміж якімі знаходзіўся слой вугалю таўшчыняй ад 5 да 10 см. У кургане не было знойдзена прадметаў пахавальнага інвентару [5, с. 525].

Курган 9, вышыняй 0,5 м і дыяметрам 5 м, на ўсходнім і паўднёвым боку меў па аднаму раўку. Узгорак быў цалкам знішчаны. Складаўся ён са слаёў пяску. У сярэдзіне кургана размяшчалася дно шырынёй 0,8 м з невялікай колькасцю цёмнага пяску. У гэтым кургане таксама не было рухомах матэрыялаў [5, с. 526].

Курган 16 – гэта невялікі пагорак, дыяметрам 5,5 м і вышыняй 0,39 м, які меў па адным раўку на паўднёвым і на заходнім боку. Пагорак, які складаўся з пяску і не ўтрымліваў а ні слядоў вугля, а ні знаходак, быў знішчаны [5, с. 526].

У наступным даследаваным сектары, пазначаным нумарам 46, А. Гётце заўважыў уздоўж дарогі з Бернацкага мосту да Малой Нарэўкі ланцуг курганоў: на поўдні размяшчаліся 2 курганы, на поўнач ад дарогі – 3 курганы. У сваёй большасці курганы мелі сплюсчаныя вяршыні, дыяметры аб'ектаў 10 м. Толькі курган 2, які быў раскапаны, прадстаўляў сабой невялікае ўзвышэнне з ровам на паўднёвым і заходнім боку. Недалёка краю заходняга сектара знаходзіўся 6-ы курган [5, с. 513].

Даследаваны 2-гі курган быў знішчаны і не ўтрымліваў а ні слоя вугалю, а ні іншых знаходак. У ім выяўлены толькі раскіданыя невялікія фрагменты вугалю [5, с. 526].

Даследаваны 2-гі курган быў знішчаны і не ўтрымліваў а ні слоя вугалю, а ні іншых знаходак. У ім выяўлены толькі раскіданыя невялікія фрагменты вугалю [5, с. 526].

У астатнім сектары пад нумарам 47, пры дарозе з Бернацкага мосту да Малой Нарэўкі, на поўначы на адлегласці 500 м А. Гётце задакументаваў два курганы. Гэтыя курганы не былі даследаваны [5, с. 513].

У міжваенны час на тэрыторыі пушчы працаваў археолаг Зыгмунт Шміт, каторы ў 1922 годзе наведваўся ва ўрочышча Старая Белавежа (Надлярніцтва Белавежа) і адкрыў там “рэшткі сцяны і кавалкі людскога чэрапу” [6].

У той самы час А. Клейн даследаваў два курганы ў Лядзкай пушчы, прыкладна, у аддзелах 748–753. У двух насыпах знаходзіліся пахаванні з рэшткамі шкілетаў, у адным з іх былі таксама пацеркі, скроневыя кольца і гліняны посуд. Яго знаходкі апублікавала Эльжбета Валіцка [7]. Час іх паходжання яна вызначыла XI–XII стст. У архіве Дзяржаўнага Археалагічнага музея ў Варшаве захаваліся рукапісныя нататкі А. Клейна 1937 года, якія ўтрымліваюць спіс археалагічных аб'ектаў на тэрыторыі Пушчы (інфармацыя паходзіла ад дырэктара Белавежскага Нацыянальнага Парку Яна Карпінскага), гэтыя нататкі не ўтрымлівалі дакладнай лакалізацыі аб'ектаў). Між іншым, аўтар нататак паведамляе інфармацыю аб групе з 7-мі курганоў, адзін з якіх быў раскапаны. Знаходкі з апошняга павінны былі знаходзіцца ў вёсцы Пагарэльцы (пол. – Pogorzelce). Я. Карпінскі таксама напісаў аб вялікім кургане, які нагадваў гарадзец. Ванда Сарноўская лакалізавала гэтыя аб'екты⁴ [8].

У 1963 годзе ў 284-ым аддзеле Белавежскага нацыянальнага парку былі даследаваны тры курганы. Усе яны былі насыпаны з супясі без камянёў, аднак у культурным слоі знайшлі толькі вугаль і попел. Нягледзячы на адсутнасць археалагічных знаходак, паходжанне курганоў аднеслі да ранняга сярэднявечча [9]. У 1969 годзе археалагічнымі раскопкамі ў Белавежскім нацыянальным парку (урочышча Камень, адзел 257) займалася Луцыя Акуліч. Раскапаны там курган з аб'ектам быў пакрыты каменнай вымасткай. Пры раскопках не ўдалося знайсці культурны слой, а даследаванні слаёў пад брукам не былі завершаны па прычыне высокага ўзроўню грунтавых вод. Не была вызначана і храналогія [4, с. 24].

⁴ Аб тых самых аб'ектах старшыня Беластоцкага аддзялення Польскага турыстычна-краязнаўчага таварыства С. Кораба пісаў у лісце да А. Клейна (ліст ад 16.XI.1937 да А. Клейна. Дзяржаўны археалагічны музей у Варшаве), у якім ішла размова аб знішчэнні некалькіх курганоў “*майсцовым настаўнікам*” і рэкамендацыя “*зберагчы гэтыя помнікі ад прыватных непрафесійных пошукаў*” [11].

У 1969–1971 гг. Ірэна Гурская праводзіла даследаванні паверхні на тэрыторыі ўрочышча Замчышча (пол. – Zamczysko) у адзеле 281А (Надлярніцтва Белаўежа). Выяўленыя падчас працы 3 кавалкі глінянага посуду, археолаг вызначыла перыядам ранняга сярэднявечча, увесь аб'ект датавала XII-ым і першай паловай XIII-га ст. [10, с. 117]. Акрамя гэтага, яна раскапала чатыры круглыя каля асновы курганы ў аддзелах 256, 284 і 369 Белаастоцкага нацыянальнага парку. Усе яны ўтрымлівалі ў культурным слоі толькі вугаль і попел. Даследчыца задакументавала характэрную асаблівасць канструкцыі курганоў – круг з пяску або гліны на дне курганоў (інтэрпрэтавала гэта як забеспячэнне ад полымя вогнішча). У выніку ўсе курганы І. Гурская вызначыла як кенатафы – гэта значыць сімвалічнае пахаванне нябожчыкаў, якія памерлі далёка ад сваяго жылля. А долы, усыпаныя вуголлем і попелам пад насыпамі курганоў, яна вызначыла як рэшткі ад слупоў, што знаходзіліся вакол кургана. Даследаваныя земляныя насыпы аўтар датавала XI–XIII стст.⁵ [10, с. 118 і н.]. Пры лакалізацыі археалагічных раскопак І. Гурская заінвентарызавала таксама групу з “103 курганоў” са слядамі абкладання паверхні камянямі ва ўрочышчы Камень, у адзеле 257 Белаўежскага нацыянальнага парку (у 1969 г. на тым самым месцы праводзіла даследаванне Л. Акуліч.

На аснове апісаных вышэй археалагічных даследаванняў, у літаратуру па дадзенай тэме вобраз Белаўежскай пушчы увайшоў як абшар, які амаль не быў заселены людзьмі аж да часу ранняга сярэднявечча. Паводле З. Шміта [6, с. 21] і І. Гурскай [10, с. 128], пушча знаходзілася на ўскрайку вобласці рассялення слаба вывучаных старажытных культур (ранняя эпоха каменю, гальштацкі і латэнскі перыяды). Пушча заставалася незаселенай і падчас існавання Рымскай імперыі. Паводле даследаванняў, у перыяд ранняга сярэднявечча на тэрыторыі пушчы адбывалася інтэнсіўная дзейнасць. Усе штучныя насыпы з зямлі, якія былі заінвентарызаваны і даследаваны археолагамі, пачынаючы ад А. Гётце і заканчваючы І. Гурскай, лічацца курганамі, датаванымі раннім сярэднявеччам (X–XIII стст.) І. Гурская падкрэсліла, што курганы з'яўляюцца: “не толькі сведчаннем абрадаў, звязаных з пахаваннем нябожчыкаў, але даюць таксама некаторае ўяўленне аб інтэнсіўнасці засялення ў перыяд ранняга сярэднявечча пушчы і блізкіх ад яе тэрыторый (...) кампактная тэрыторыя пушчы выкарыстоўвалася выключна для ўтварэння некрапалічных аб'ектаў” [10, с. 128].

⁵ М. Баравік-Дамброўская (1976), выкарыстоўваючы палінахраналагічны метад, спрабавала датаваць адзін з курганоў у 256-ым адзеле і вызначыла, што ён ўзнік у сярэдзіне XIII ст. [13].

У 2002–2011 гадах на тэрыторыі Белавежскай пушчы на аснове дамовы аб супрацоўніцтве паміж Інстытутам Біялогіі Сакаў Польскай Акадэміі навук і Інстытутам Археалогіі і этналогіі Польскай Акадэміі навук у Варшаве адбыліся даследаванні на васьмі аб'ектах. Паэтапныя працы праводзіліся на ўсёй тэрыторыі пушчы. Былі даследаваны шэсць археалагічных аб'ектаў. Сярод іх: ва ўрочышчы Вялікае Клетна (адзел 345А) – візуальнае даследаванне могілкаў вельбарскай культуры; ва ўрочышчы Замчышча (адзел 281А) – даследаванне могілак з часу ранняга сярэднявечча; у Тэрэмісках–Дамброве (адзел 338, Надлясніцтва Белавежа) – даследаванне могілак перыяду ранняга сярэднявечча; у Шадзкім урочышчы (адзел 415) – даследаванне могілак з часу ранняга сярэднявечча⁶ [4, с. 31]. Пры дапамозе вынікаў даследаванняў тэрыторыі Т. Самойліка з Інстытуту Даследавання Сакаў Польскай Акадэміі Навук, аналізу інвентарызацыі курганоў М. Ашмянскага (Ашмянскі, недатаваны машынапіс), анкет і інфармацыі ад працаўнікоў дзяржаўных лясоў і Белавежскага нацыянальнага парку – удалося ідэнтыфікаваць таксама і іншую дзейнасць чалавека ў пушчы⁷. Даследаванні таксама паказалі, што некаторыя з задакументаваных курганоў неабходна звязваць з падзеямі сучаснага жыцця [4, с. 38].

У чэрвені 2014 года Інстытут Археалогіі і Этналогіі Польскай Акадэміі Навук правёў даследаванні трох курганоў ва ўрочышчы Ялёнка (адзел 123, Надлясніцтва Броўск), якія падцвердзілі, што часам узнікнення групы з 80-ці курганоў з'яўляецца ранняе сярэднявечча. У кастрычніку вяліся працы ва ўрочышчы Шчакатова [14].

Праведзеныя даследаванні не ўтрымліваюць поўных звестак аб курганах у Лядзкай пушчы. Дадатковай крыніцай папаўнення ведаў з'яўляецца інфармацыя з аглядаў паверхні тэрыторыі. У заходнім краі Лядзкай пушчы на грунтах Ласінкі лакалізаваны вялізны курган, дыяметрам больш чым 30 м "з упадзінай" і вышынёй 4 м. Гэты курган у 1895 г. даследаваў і апісаў Пакроўскі [15, с. 59; 16, с. 19; 17, с. 231]. Аб двух курганах у квартале XIV(?), каля лясной дарогі з Рыбак да Пшэросьля (сучаснае Паросле) цытуе паводле В. Сарноўскай [18, с. 102] А. Камінскі: "Велічыня курганоў: першы, дыяметрам 16 м і 1,5 м у вышыню, другі ў дыяметры 12–15 м" [17, с. 243], вялікі

⁶ Таксама ў Палацавым парку ў Белавежы – даследаванне матэрыялу і двору Новага часу, на тэрыторыі Заляны Беразова (адзел 578А, Надлясніцтва Белавежа) – даследаванне вытворчага пасялення на мяжы эр, ва ўрочышчы Старая Белавежа (адзел 367А, Надлясніцтва Белавежа) – даследаванне двору Новага часу [4, с. 31].

⁷ Т. Самойлік задакументаваў 9 драўляных канструкцый з вуглямі, 9 смялярняў, а таксама каля 124 іншых аб'ектаў лясной вытворчасці [4, с. 38].

курган і больш набліжаны да пасялення знаходзіцца ў пушчы на тэрыторыі гміны Нараў [17, с. 244]. Акрамя таго, паміж вёскамі Макоўка і Ваські В. Сарноўская задакументавала групу з 7-мі курганоў, дыяметрам 10–12 м – аддзелы 183А і 183В [17, с. 256]. У 60-я гг. XX ст. М. Ашмянскі зрабіў інвентарызацыю, па выніках якой можна выдзеліць яшчэ 8 аб'ектаў, якія ўтрымліваюць прыкладна 30 курганоў, лакалізаваных у аддзелах: 45В, С; 33В, 46А, 34С, 780С, 780D, а таксама 750А [12]. Згодна з праграмай Археалагічная Карціна Польшчы, на цікавым абшары Лядзкай пушчы з дапамогай агляду паверхні, былі выяўлены яшчэ групы курганоў у аддзелах 742, 748, 749D і 759D. Апісаныя курганы, перш за ўсё нагадваюць кола або авал, маюць дыяметр ад 4 да 15 м і вышыню 0,3–2 м. Большасць курганоў маюць памер 4–10 м і вышыню 0,5–0,7 м.

На аснове вышэйзгаданых даных, можна зрабіць выснову, што на тэрыторыі Лядзкай пушчы даследавана сем курганоў. Толькі ў двух з іх; знаходзіліся рэшткі шкілетаў, праверыў А. Клейн (хутчэй за ўсё ў аддзеле 748-753). У адным з курганоў былі знойдзены пацеркі, скроневыя кольца і гліняны посуд. Е. Валіцкая датавала іх XI–XII стст. [7, с. 158].

Неабходна ўзгадаць яшчэ два курганы, якія А. Клейн адкрыў ў паўднёва-заходняй частцы пушчы ў вёсцы Кутова Гайноўскага павету. Гэтыя курганы ў 1938 г. даследаваў Конрад Яджжэўскі, а ў 1962–1963 гг. Ян Ясканіс. Конрад Яджжэўскі раскапаў адзін з пяці курганоў (курган 1). Гэта быў знішчаны курган, які паўстаў з вялікіх і малых камянёў. Дыяметр кургана складаў 16 м. Найбольш пашкоджанымі былі краі кургана з насыпам з камянёў і пяску. Пасярод камянёў была знойдзена бронзавая шпілька, голоўка якой была раскляпана і скручана ў вушка [16, с. 16, ріс. 44–62], а таксама фрагменты керамікі, вырабленай рукамі, косткі звяроў, кавалкі вугалю і жужалю. Даследаванні Я. Ясканіса паказалі, што чатыры курганы знаходзіліся блізка абшырнага могільніка з пласкімі *каменнымі?* магіламі. Першапачаткова могільнік займаў тэрыторыю памерам 120x100 м. Даследаванні чатырох курганоў, якія размяшчаліся на аб'екце 1, выявілі каменна-пясчаную канструкцыю насыпу. Першы з іх прадстаўляў пахаванне па абраду трупаспалення, меў дыяметр прыблізна 21 м, вышыню – 0,8–1 м (курган 1А). Другі курган першапачаткова меў дыяметр 20 м і вышыню да 0,3 м, змяшчалася ў ім магіла са спаленым целам (курган 2). Першапачатковы дыяметр наступнага кургана складаў 18 м, вышыня да 1,5 м, у ім знаходзіўся гроб без ямы са спаленым целам (*касцяком*)

(курган 3). Дыяметр апошняга кургана складаў каля 20 м, а яго вышыня – 1,2 – 1,4 м. У ім былі знойдзены спаленыя косці і сляды ад вогнішча (курган 4). Былыя пахаванні з трупаспаленнем, ямныя, без попелу, якія змяшчаліся у цэнтры курганоў 1 і 4, былі знішчаныя падчас раскопвання вяршынь курганоў, а матэрыялы пахаванняў (спаленыя косці, рэшткі прылад працы) не засталіся на сваіх ранейшых месцах. Бяз'ямнае пахаванне з крэмацыяй, якое размяшчалася пасярод 3-га кургана, падчас дабычы камянёў таксама не захавала свой першапачатковы выгляд. У выніку чаго спаленыя косці былі раскіданы на паверхні ад 3-х да 5-ці метраў [19, с. 136]. Керамічны матэрыял і іншыя знаходкі ўказваюць на прыналежнасць курганоў да вельбарскай культуры, вызначаюць час іх ўзнікнення – гэта перыяд Позняй Рымскай імперыі, або пачатак ранняй фазы перасялення народаў. Курганы ўзніклі на месцах былых паселішчаў зарубінецкай і штрыхаванай керамікі культур [19, с. 137]. Аб'ект №2 з пахаваннямі па абраду трупаспалення займаў абшар прыблізна 7 араў. На ім было адкрыта 122 пахаванні і выяўлены артэфакты. Выдзелена 53 пахавальныя ямы. Усе адкрыцці датаваны фазай D1. У часе наступнай фазы замест курганоў узніклі могілкі [19, с. 181].

Другія могілкі, якія складаліся з 8-мі курганоў вельбарскай культуры з Катлоўкі недалёка курганоў у Кутовай, мелі падобную канструкцыю – з упадзінай пасярэдзіне. У 60-я гады XX ст. былі заінвентарызаваны слаба фіксуемыя на роўнай паверхні рэшткі курганоў. Таксама былі адрыты пахаванні з інгумацыяй, размешчаныя ў курганах уздоўж восі з усходу на захад, якія ў часе ранняга сярэднявечча падвяргаліся эксгумацыі? [19, с. 106]. Курганы (№ 1–4) з Катлоўкі, створаныя першапачаткова з камянёў і зямлі, захаваліся ў бесформенным выглядзе, дыяметрам 9 м (курган 1), памерамі 9 х 5 м (курган 2) або 6–7 м (курган 3) і невялікай вышыні. Курганы датаваны перыядам Позняй Рымскай імперыі. Яны належаць да пастольскага тыпу (змяшчаюць трупаспаленыя ямныя пахаванні – курганы 1, 3, а таксама пахаванні, размешчаныя на вышыні ад тагачаснай дзённай паверхні). Знойдзены керамічны матэрыял сведчыць аб тым, што курганы з Катлоўкі ўзніклі на тэрыторыі са слядамі ранейшага пасялення штрыхаванай керамікі [19, с. 112].

Лакалізаваныя курганы на тэрыторыі Лядзкай пушчы курганы пазначаны на малюнку 3.

Малюнак 3 – Лакалізаваныя курганы Лядзкай пушчы
(апрацоўка аўтара)

Праведзеныя 21–25 ліпеня 2014 г. даследаванні кургану на тэрыторыі Лядзкай пушчы ў 33В адзеле, а паволе меркавання А. Гётце – з адзелу 46, мелі на мэце папоўніць інфармацыю аб пахавальным абрадзе на дадзенай тэрыторыі [5, с. 513]. Курган дыяметрам 8 м і вышыняй 1 м знаходзіўся ў групе з 3-х існуючых і 4-х ўяўляемых курганоў, якія апісаў М. Ашмянскі як аб'ект №4 у аддзелах 33 В і 46А [12] (малюнкi 4–6).

Сучасныя памеры кургана, што мае нераўнамерную авальную аснову, складаюць 10,60 x 10,40 м, а яго вышыня – каля 1,00 м. У лесе на невялікай глыбіні ў цэнтральнай частцы кургана быў заўважаны слой цёмна-шэрага пяска памерам 15 см, змяшанага з дробнымі вугельчыкамі. Гэты слой знаходзіўся пад жоўта-карычневым слоём пяску, над ясна-шэрым, амаль сівым слоём. У астатнім слоі ў паўночнай частцы кургану ўдалося выдзеліць два месцы спаленага дрэва, а таксама значную колькасць дробнага вугалю. У дадзеным слоі знойдзены шматлікія палосы іржава-карычневага колеру. З дакументаў вынікае, што гэты слой быў сканцэнтраваны галоўным чынам у паўночнай, паўночна-заходняй і цэнтральнай частцы кургану. Слой складаў 40 см. На жаль, у кургане адсутнічалі косці і прадметы, што маглі б дапамагчы ўстанавіць яго храналогію.

У выніку паліналагічнага аналізу, была ўстаноўлена наяўнасць паленага пылку хвой, бярозы, ліпы, альхі, а таксама пылку з сям'і

крыжакветных, казяльцовых і верасу. Пад мікраскопам была выяўлена вялікая колькасць вугалю і пазапылковых мікрафрагментаў хвоі, а таксама нізкая канцэнтрацыя пылку або спораў. Паліналагічныя даследаванні выявілі, што знойдзены матэрыял падвяргаўся паленню. Падцвярджае гэтую выснову і вялікая колькасць мікравугалю, а таксама стан захавання большасці пылкоў і спораў. Параўнальна вялікая колькасць спораў дзеразы, якая расце на тэрыторыі Польшчы, галоўным чынам, у лясных масівах, указвае на лясное паходжанне аналізаванага матэрыялу, атрыманага паўторна [20].

Малюнак 4 – Курган № 1 перад пачаткам даследавання і яго лакалізацыя на аб'екце 4
(паводле М. Ашмянскага; апрацоўка аўтара)

Аналіз вугалю выявіў таксама спаленае дрэва хвоі. Спецыяліст, які правёў антракалагічнае даследаванне, звязвае рэшткі такога тыпу з выкарыстаннем хвоі ў якасці матэрыялу для палення, а таксама для атрымання вугалю і смалы [21]

У перыяд Новага часу, асабліва ў XVII–XVIII стст., раёны са смалістым лесам складалі важны элемент тагачаснай лясной гаспадаркі [22, с. 48]. З даследаванняў Т. Самойліка вядома, што ў другой палове XVIII ст. у Белавежскай пушчы функцыянавалі 82 смалярні [4, с. 101].

Прыведзеныя дадзеныя дазваляюць сцвярджаць, што на тэрыторыі Лядзкай пушчы даследаваны тры тыпы курганоў:

– курганы растольскага тыпу (перыяд Позняй Рымскай імперыі; сувязь з вельбарскай культурай) – з каменна-земляным насыпам, якім змяшчалася пахаванне па абраду трупаспалення;

– курганы з пахаваннем па абраду інгумацыі, датаваныя Раннім Сярэднявеччам;

– «пустыя» курганы, што не маюць пахаванняў, іх храналогія не выяўлена.

Сімволіка кургану. Курганы з’яўляюцца вынікам свядомай дзейнасці чалавека, гэта акалічнасць, у сваю чаргу, указвае на тое, што месца пахавання патрабавала спецыяльных прыгатаванняў. Насыпанне кургану адбывалася ў некалькі этапаў. Найперш, ачышчалі тэрыторыю ад гумусу, капалі наўкола роў або абкладалі каменнем.

Малюнак 5 – Выгляд паўночна-ўсходняга профілю пасля даследавання паўночнай часткі кургану (фотаздымак Ё. Ваўжанюк)

На другім этапе, на выдзеленым абшары праводзілі розныя рытуалы, аб чым сведчаць сляды ад вогнішча, як сімвалу ачышчэння тэрыторыі, косці звяроў і фрагменты посуду, якія з’яўляюцца рэшткамі спажытай рытуальнай ежы. Да гэтага этапу залічаюць такасама майстраванне драўляных або каменных канструкцый⁸. Трэці этап, на якім насыпалі курган, з’яўляўся заключным [23, с. 86–87].

Назва *курган* = *магіла* = *грабовец* = *пагорак з магілай*, па некаторых сведчаннях паходзіць з персідскага *gur-chana*, што азначае “дом магілы” [24]. Паводле А. Брюкнера, гэты тэрмін вядомы са стэпаў як “курган, магіла”. З украінскага курган першапачаткова – “горад”, турэцкага – “крэпасць”, “земляное ўмацаванне” [25, с. 284, 543]. У сваю чаргу, магіла як “вялікі насып, курган” паходзіць ад назоўніка *тогу*, а ён – ад кораня *тог*, “сільны” або з санскрыту *таh* –

⁸ Выбар месца пахавання для памерлага таксама не быў выпадковым, а курган сімвалічна “замыкалі”.

“расці”. Часта можна спаткаць сярод мясцовых назваў, напрыклад, наступныя: Магіла, Магільна, Могілкі і г. д. Тое самае слова ёсць у назвах румынскіх гор і пагоркаў – Магура. Яно звязана з “валашскімі” пастухамі, якія прывандравалі з Карпат на Спіш. Таксама можа быць звязана са славянскім паганскім культам памерлых ў сербскай мове – *gomila* або *gomilsko* [25, с. 543]. Іншыя тэрміны: *кора*, *коріса* – першапачаткова абазначалі штучны пагорак, курган. Для параўнання літоўскі *karas* – “магіла”, *karai* – “могільнік” [25, с. 254]. З курганам звязаны тэрмін “насып”, які трактуюць ад літоўскага *supti* – “калыхаць” (ад прускага *supis* – “насып”), ад рускага *sopka* (“насып”) [25, с. 254]. С. Сарніцкі (St. Sarnicki) першым нагадвае тэрмін “курган”. У 1587 г. ён пісаў у дачыненні да курганоў Кракуса і Ванды: “У палякаў ёсць іншыя словы, якімі прывыклі называць такі тып узвышэння над паверхняй: *puta*, *gura*, *gurka*, *pagórek*, *curhan*” [26, с. 31].

Малюнак 6 – Размяшчэнне слаёў у профілях пасля даследавання паўночнай часткі кургана (фотаздымак Ё. Ваўжанюк)

Інтэрпрэтацыя.

Курган – як святая гара. Насыпанне кургана мела на мэце выклікаць рэакцыю (можна, спецыфічныя адносіны?) ў іншых людзей. Канструкцыя кургана выклікае асацыяцыі са святой гарой – з сасгит, з утварэннем свету. Святая гара – гэта курган, які мае наступныя асаблівасці: прадстаўляе пачатак, які паўстаў з хаасу, знаходзіцца на восі гара–дол, дол–гара, вяршыня з’яўляецца месцам

самых розных тэафаній. Пабудавана з матэрыялаў зямнога паходжання, тым самым, з'яўляецца сучасным светам і адначасова ўзносіцца да гары, дасягаючы паазямнога свету [27, с. 118; 28, с. 142]. Магіла прадстаўляла касмічную гару, якая заўсёды размяшчалася ў цэнтры свету, а значыцца і ў цэнтры святой прасторы. Такім чынам, давала магчымасць адраджэння памерлага і “атрымання боскага спосабу жыцця” [29, с. 110–111]. Працэс паўстання кургана з'яўляецца аналагічным працэсу стварэння прасторы. У славянскай дахрысціянскай традыцыі, такія значня курганы, як Wawel або Řip выклікаюць падабенства з Касмічнай гарой, размешчанай у цэнтры свету і трактаванай як цэнтральны пункт Малапольскі або Чэхіі. Можна выявіць аналогію ў Гнезне і Кіеве [30, с. 17]. Будова кургана павінна была спрыяць кантактам з бажаннямі, збліжаючы да іх жывых, як своеасаблівы мост.

Курган – як сакральнае месца. Адначасова з даследаваннем парослых лесам курганных могілак, з'явілася пытанне наконт таго, ці маглі б яны выконваць таксама і іншыя функцыі, напрыклад, святых гаёў. Асабліва гэта пытанне датычыцца некропаляў, на якіх, па розных прычынах, перасталі адкопваць памерлых [31, с. 129]. У невялікім лесе каля Кляшчанова, на Сандамірскім узвышшы адкрыта 37 курганоў, дыяметрам ад 4 да 10 м. Гэтыя курганы не мелі ўнутраных канструкцый, а мелі трупаспаленныя пахаванні. Знойдзена невялікая колькасць матэрыялаў, сярод іх – некалькі знаходак, звязаных з паганскім культам. Размова ідзе пра тры кружкі: 1 каменны і 2, вырабленых з керамікі. Яны былі знойдзены на могілках і на тэрыторыі каля касцёла. Аналагічныя рэчы, вядомыя з лужыцкай культуры (канец эпохі бронзы, пачатак эпохі жалеза) [32, с. 75], звязаны з культам сонца (імітацыя, выявы сонечнага дыску)⁹. У Кляшчанове каля парафіяльнага касцёла было лакалізавана пасяленне IX ст. У сваю чаргу курганы былі датаваны як помнікі IX і X стст. Даследчыкаў зацікавіла таксама невялікая палянка, якая знаходзілася пасярод курганоў. Яе вартасць заключаецца ў тым, што яна здаўна з'яўляецца месцам традыцыйных фестываляў жыхароў Кляшчанова ў дзень Зялёных свёнтэк. Гэта свята з'яўляецца значнай рэлігійнай урачыстасцю, дзе істотны акцэнт робіць працэсія жыхароў

⁹Варта прыгадаць аб цікавых знаходках з ракі Барычы. Гэта былі фрагменты посуду і кругоў, што былі-выкананы з кавалкаў посуду. Кругі знаходзіліся выключна ў цэнтральнай частцы на дне ракі, а посуд – каля берагоў (магчыма, што кругі туды кінулі, аднак посуд паставілі ўздоўж берагавой лініі або ў вадзе недалёка ад берагу. Знаходка датавана VIII–X стст. Аўтар апрацавання інтэрпрэтуе знаходку як месца культу сіл прыроды (напрыклад, сонца, агню, вады); жылі там злыя дэмань, для заспакаення якіх складалі ахвяры [33].

парафіі да лесу. Гэтая традыцыя не мае падцверджання ў касцельных крыніцах, а значыцца не звязана з падзеямі жыцця парафіі [34, с. 68; 2005, с. 133]. На думку даследчыкаў, два гэтыя абрады з'яўляюцца напамінам даўніх рытуалаў, звязаных з культам памерлых. Добры стан, у якім захаваліся курганы, – гэта працяг спецыфічнай традыцыі месца, што, згодна з меркаваннем даследчыкаў, таксама з'яўляецца сведчаннем гэтай інтэрпрэтацыі [31, с. 134–135]. У працэсе даследавання курганоў таксама было заўважана, што ніжэй лесу на паўднёвым боку цякуць “незвычайна багатыя крыніцы”, якія ўпадаюць у сажалкі [34, с. 77; 31, с. 135]. У кантэксце вышэйзгаданых аб'ектаў падаецца цікавым аб'ект пясчанага кар'еру, так званая, “божая стапа”, што прызнаны як адбітак стапы Святога Станіслава, які быў на парозе касцёла ў Клечанове [34, с. 76].

У выніку, лес, поле, крыніца і камень могуць ствараць вобраз святога гаю – святога месца, дзе праводзіліся розныя абрады. Аб такім гаі ў адносінах да ліцвінаў пісаў Я. Длугаш: “хоць і ліцвіны мелі шмат лясоў і бароў, кожная вёска, кожнае пасяленне і сям'я мела свой асобны гай, а ў ім вогнішча, у якім палілі астанкі сваіх памерлых. Зазвычай разам з памерлым клалі самыя цэнныя яго рэчы: каня, вала, карову, сядло, бронь, адзенне, пас, ланцуг, пярсцёнак. Усе рэчы, вырабленыя з золата, або срэбра, палілі з цэлам памерлага. Згодна з такім паганскім абрадам быў пахаваны вялікі літоўскі князь Альгерд – сын Гедыміна, бацька польскага караля Уладыслава. Спалілі яго ў гаі Коківейтас, недалёка ад замку і вёскі Мейшаголе разам з найлепшым канём, рыцарскім абуткам, жэмчугам і каштоўнымі камянямі, адзеннем упрыгожаным золатам, пурпурам і сярэбраным назалочаным (пазалочаным) пасам” [35, с. 444; 26, с. 17–18]. Калі пагадзіцца з тым, што курганныя могілкі размяшчаліся ў гаях, а цэлы комплекс быў трактаваны як месца *sacrum* (святое), месца абрадаў, звязаным, найперш, з культам памерлых продкаў, а паляна служыла месцам складання ахвяр, то паводле пераказаў нямецкіх летапісцаў, якія датычыліся гаёў на тэрыторыі Славяншчыzny Палабскай (Палабскіх славян), можам выявіць два розных тыпы дахрысціянскіх месцаў культу – святых гаёў.

Курган – як дом для памерлых. Здаўна курган асацыіраваўся з формай дому для памерлага. Такого тыпу інтэрпрэтацыі падцвярджаюць драўляныя канструкцыі, якія знаходзяцца ў курганах. Канструкцыі па чатырох баках, якія адкрыты ў курганах ў Белавежскай пушчы і ў Заходнім Памор'і, маглі выконваць функцыі дому памерлага, так як не аддзялялі свету памерлых ад жывых

[36, с. 151, 153]. Гэтая ідэя была вядома таксама ў індаеўрапейскай традыцыі. Можна дапусціць, што канцэпцыя “дамоў памерлых” (Totenhäuser), магла праяўляцца ў курганах прамавугольнай формы, а таксама ў пляскатых пахаваннях тыпу Alt Käbelich, якія, найчасцей, складаліся з некалькіх пахаванняў. Ідэя ўнутранай канструкцыі кургану як сімвалічнага дому памерлых разглядаецца ў “Аповесці мінулых часоў”, у якой апісаны “столп на пуц’ях” вяцічаў. Акадэмік Б. А. Рыбакоў тлумачыць яго не толькі як слуп альбо дрэва, але таксама і як “дом смерці” [38, с. 179], а цэлую канструкцыю – як хату-зямлянку, форму кургана з калектыўнымі пахаваннямі.

Курган – як месца медытацыі. Аналагічным сімвалічным зместам надзелены, у першую чаргу, канструкцыі курганоў. Яны з’яўляюцца месцамі адкрыцця прасторы ўвысь. Праз яго праходзіць міфічная вось свету, якая ёсць ва ўсіх пазмянных (*не зразумела слова, “падземных”?*) цэнтрах. У гэтым пункце вось прыводзіць да з’яўлення праходу паміж рознымі касмаганічнымі ўзроўнямі, робіць магчымай вандроўку душы да свету памерлых [39, с. 133]. Курган як сімвалічная кульмінацыя тэрыторыі, мог разглядацца і як сімвал мосту, які злучаў два светы – свет жывых і свет памерлых, нябесны свет і хтанічны свет. Курган сімвалізаваў дарогу, якую памерлы павінен быў пераадолець. Нагадвае сімвал святога дрэва, якое таксама разглядаецца, як злучальны элемент.

Курган – як сімвалічная перашкода. У кожнай культуры прынята верыць, што памерлы, пры адпаведных умовах можа зрабіць шкоду. Паколькі вяртанні памерлага не былі такімі як вяртанні душ [40, с. 35], магільныя канструкцыі маглі быць вынікам веры ў “жывы труп”. Яе сутнасць абапіралася на персаніфікацыі невядомага пачуцця страху, з якога ўзнікаюць забабоны аб памерлых [41, с. 166–168; 42, с. 24]. Па гэтай прычыне ўкладвалася шмат высілкаў пры пабудове кожнай канструкцыі. Існаванне розных тыпаў перасцярогі ад памерлых указвае на дэтэрмінацыю жывых родных. У выпадку, калі гэтыя спосабы не прыносілі жаданага выніку, прымяняліся іншыя, напрыклад, памерлага клалі тварам да зямлі, звязвалі труп, сціскалі каменем некаторыя часткі шкілілету. Фальклор дадае, што каламі, стрэламі, косападобнай зброяй прабівалі чэрап або тулава памерлага, стараліся нанесці шкоду сэрца, што з’яўлялася крыніцай жыцця. Пад язык убівалі шыпы [43, с. 75]. Затым прыкрывалі цела і магілу камянямі [43, с. 75] або галлём. Гэта практыка была характэрна не толькі для славян, але і на тэрыторыі Германіі і Літвы [44, с. 362–364; 43, с. 75].

Курган – як сімвалічны насып. Курган мог быць сімвалічным прадстаўленнем насыпу, на якім палілі цела, дзе памерлы атрымліваў ачышчэнне, дзякуючы чаму ён мог трапіць ў іншы свет. Баючыся вяртання пад выглядам небяспечных дэманаў тых, хто памёр ненатуральным спосабам, напрыклад, самагубцаў, вісельнікаў, якія маглі страшыць жывых, выконвалі розныя аперацыі, якія рабілі немагчымым вяртанне мёртвых да жывых. З фальклору вядомы метады „абароны” ад такога памерлага – гэта закідванне магілы галлём, камянямі, сенам. Насып, зроблены такім спосабам, падпальвалі, а на ачышчанай агнём тэрыторыі рабілі наступны насып. Гэты звычай вядомы з тэрыторыі, заселенай славянамі і з суседніх тэрыторый [44, с. 354]. На Падляшшы ў Бельскім павеце ён з’яўляўся ахвяраваннем для забітага, а агонь, распалены на месцы насыпу, служыў для ачышчэння душы [44, с. 362]. Верылі, што душа павінна была нарадзіцца або перарадзіцца ў агні для таго, каб вярнуцца да “Вечнага Святла” [45, с. 106]. Сімвалічнае падпальванне насыпу над магілай памерлых ненатуральным спосабам з’яўлялася заменай іх статусу. Яны станавіліся “добрымі” памерлымі. Падцверджаннем выкарыстання розных цяжкіх прадметаў у якасці сімвалічнай перашкоды („прыкрывання” цела памерлага каменем або камянямі) вядомы таксама на могілках першабытнага часу і перыяду ранняга сярэднявечча.

Курган – як месца правядзення абраду. Пасля пахавання памерлага, жывы сваяк быў абавязаны выконваць на магіле задушныя абрады. Вядома, што для гэтай мэты выкарыстоўвалі ямы або ровы, якія можна сустрэць каля курганоў і каля курганоў ў час ранняга сярэднявечча (Белавежская пушча, Ажэшкова, Заходнепаморскага ваяводства). І ў першабытны час, і ў час Позняга сярэднявечча ровы былі “адкрыты”, галоўным чынам, ў паўднёвым або паўднёва-ўсходнім накірунку [46, с. 82; 47, с. 52–53], ствараючы сімвалічную мост = пераход для жывых і памерлых. Геаграфічныя паняцці, пры перанясенні іх на сімвалічную індаеўрапейскую мову, папаўняюць сваё значэнне. Феномен міфічнага поўдню, а таксама ўсходу злучаны ў пазітыўным значэнні – мужчынскі. Ровы, выкапаныя каля курганоў, мелі розную велічыню, глыбіню і форму. У іх змяшчаліся спаленыя косці і іх рэшткі: людзей і звяроў, часам камяні з насыпу, керамічны матэрыял, які мог трапіць туды ў выніку пахавальных або задушных абрадаў, а таксама элементы канструкцый, якія не вызначаны [47, с. 53]. Магчыма, звычай паліць вогнішча на абшары побач ад кургана, мае аналогію са славянскім звычаем, звязаным з “нячыстым

домам". У некаторых раёнах Расіі, дом, ў якім памёр член сям'і, набывае негатыўнае адценне. Адзіным спосабам вярнуць яму ранейшы пазітыўны характар, акрамя разбурэння, з'яўляецца выкананне рытуалаў ачышчэння. Мэта іх – прагнаць смерць і прадухіліць вяртанне душ да дому [38, с. 177]. Агонь мае ўласцівасці ачышчэння, што і выкарыстоўваецца ў дачыненні да рэчаў, якія маюць незямное паходжанне. Дэманічныя ўласцівасці прыпісваюць рэчам, якія былі знойдзены на дарозе, у лесе, на могілках і г. д. [28, с. 377-378].

Курган – як маніфест улады. Мезалітычным курганам прыпісваюць ролю магілы сімвалічнага кенатафу, практыка вядомая на ўсім свеце. Акрамя таго, курган трактуецца як “праекцыя ў звышнатуральную сферу” патрыярхальнага аўтаратэга старэйшыны племені сярод супляменнікаў, пачуцця залежнасці і поўнага паслушэнства. Таму з'яўляюцца яны сведчаннем велічы і магутнасці ўладара дадзенай грамадзкай эліты, якая з'явілася ў выніку падзялення супольнасці [48, с. 88; 29, с. 93]. Напрыклад, Ян Длугаш пісаў, што манументальны курган Кракуса быў узведзены з мэтай выказаць пашану вялікаму правадыру і каралю [49, с. 190; 26, с. 10]. Між іншым, з тэксту вядома, што традыцыю ўзвядзення курганоў нашы продкі перанялі ў рымлян. Магіла, падобная на пагорак, была ў заснавальніка Рыма Ромула. Стварэнне манументальных курганоў можна разглядаць як спецыфічны спосаб ўзнагароджання ўладароў за іх заслугі. Памер пабудовы і адсутнасць слядоў пахавання ў кургане – гэта маніфест сілы яго патрона, які з'яўляўся інвестарам (не пасуе гэта слова) на тэрыторыі мясцовага цэнтра ўлады [31, с. 150].

К. Радваньскі лічыць, што кракаўскія курганы з'яўляюцца матэрыяльным сведчаннем познепल्याннага перыяду [50]. Іх сімвалічную ролю, звязаную з маніфестам улады, падцвярджае скарб сякерападобных знаходак на Акале, які адкрылі ў Кракаве на вул. Кананічная, 13. Скарб, храналогію якога вызначылі як другая палова IX ст., утрымліваў 4212 знаходак, агульная вага якіх перавышала 4 тоны. Як сцвярджае К. Радваньскі, іх аб'яднаная сістэма, звязаная з фактам цыклічнай даніны, якую складалі мясцоваму правадыру [51, с. 8 і н.]¹⁰.

¹⁰З курганам Кракуса звязаны звычай Рэнкаўкі – у дзень вясенняга раўнадзенства пакідаць ежу для бедных. Гэты звычай мае свае карані ў кульце памерлых. Падобны звычай практыкавалі на магіле Квацала ў Залатой, што недалёка ад Сандаміра [26, с. 140]. У сваю чаргу, курган Ванды звязаны са святам агню, пушчаннем па вадзе вяноў, а таксама са святам Ванды ў кляштары Яна Хрысціцеля ў Магіле [49, с. 180-181]. На вяршыні Татарскага кургана ў Пшэмыслі знаходзілася каплічка святога Леанарда, вакол якой быў могільнік. На пагорку *Salve Regina* ў Сандаміры паставілі каменную (з XIX ст.) фігурку Маці Божай [26, с. 140-141].

Курган – як кенатаф. Курган таксама мог мець значэнне сімвалічнага месца пахавання асобы, якая займала ў грамадстве высокі сацыяльны статус, або асобы, што загінула падчас бітвы. Сімвалічная магіла была напамінам аб смерці і аб неабходнасці памятаць аб памерлым. Кенатафы былі вядомы ўжо ў антычны час у старажытным Егіпце, Грэцыі, паўночнай Еўропе, у эпоху мезаліту, сярэднявечча, а таксама ў Новы час і ў сучаснасці.

Замест пасляслоўя. Без правядзення далейшых даследаванняў Лядзкай пушчы, інтэрпрэтацыя курганоў будзе няпоўнай. Магчымасці апісання і інтэрпрэтацыі мінулага, як аўтар спрабаваў паказаць у дадзеным артыкуле, вельмі шырокія.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1 Mała Encyklopedia Leśna. – Warszawa : Państwowe Towarzystwo Naukowe. 1991. – 639.

2 Antczak, A. Puszcza Białowieska i okolice / A. Antczak. – Białystok : Dom Wydawniczy Benkowski, 2002. – 235 s.

3 Michaluk, D. Dobra i miasteczko Narewka na tle dziejów (do końca XIX wieku) / D. Michaluk. – Białystok; Narewka: Urząd Gminy w Narewce, 1997. – 130 s.

4 Samojlik, T. Antropogenne przemiany środowiska Puszczy Białowieskiej do końca XVIII wieku. Rozprawa doktorska. Zakład Badania Ssaków PAN / T. Samojlik. – Białowieża-Kraków, 2007. – 181 s.

5 Götze, A., Archäologische Untersuchungen im Urwalde von Białowies / A. Götze // Beiträge zur Natur- und Kulturgeschichte Lithauens und angrenzenden Gebiete, Abhandlungen d. math.-naturwiss. Abteilung d. Bayer. Akad. d. Wissenschaften. Supplement. – t. 11–14. – München, 1929. – S. 511–550.

6 Szmit, Z. Notatki archeologiczne i geologiczne Z. Szmita (przede wszystkim z Puszczy Białowieskiej). W archiwum Państwowego Muzeum Archeologicznego. 1922. – S. 5–22.

7 Walicka, E. Wczesnośredniowieczne kurhany w Puszczy Ładzkiej, pow. Bielsk Podlaski / E. Walicka // Wiadomości Archeologiczne. – 1985. – t. 25(1-2). – S. 157–158.

8 Klein, A. List z dnia 23.XI.1937 r. w archiwum Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie.

9 Żurowski, T. Cmentarzysko kurhanowe w Białowieży / T. Żurowski // Biuletyn Informacyjny Zarządu Muzeów i Ochrony Zabytków. – 1963. – t. 50. – S. 5.

10 Górska, I. Badania archeologiczne w Puszczy Białowieskiej / I. Górska // Archeologia Polski. – 1976. – t. 21. – S. 109–134.

11 Korab Karpowicz, S. List z dnia 16.XI.1937 do A. Kleina, w archiwum Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie.

12 Oszmiański, M. Inwentaryzacja kurhanów na terenie Puszczy Białowieskiej. Maszynopis w Archiwum Wojewódzkiego Konserwatora Zabytków w Białymstoku / M. Oszmiański. – 1996.

13 Borowik-Dąbrowska, M. Opracowanie palinologiczne kurhanu w Białowieskim Parku Narodowym / M. Borowik-Dąbrowska // Archeologia Polski. – 1976. – t. 21. – S. 165–210.

14 Informacja ustna od cierownika badan mgr D. Krasknodebskiego.

15 Покровский, Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1895. – 165 с.

16 Jażdżewski, K. O kurhanach nad górną Narwią i hutnikach sprzed 17 wieków / K. Jażdżewski // Z otchłani wieków. – 1939. – R. 14 (№ 1–2). – S. 1–22.

17 Kamiński, A. Materiały do bibliografii archeologicznej Jaćwieży od I do XIII wieku / A. Kamiński // Materiały Starożytne. – 1956. – t. I. – S. 193–273.

18 Sarnowska, W. Rybaki (gm. Narew, pow. Bielsk Podlaski) / W. Sarnowska // Sprawozdania PMA. 1945–1947. –T. 1. – S. 102.

19 Jaskanis, J. Wodzowskie kurhany kultury wielbarskiej na Podlasiu / J. Jaskanis. – Białystok: Muzeum Podlaskie, 2012. – 304 s.

20 Noryśkiewicz, A. M. Ekspertyza palinologiczna prób glebowych z kurhanu położonego w Puszczy Ładzkiej na terenie Nadleśnictwa Browśk (Leśnictwo Gnilec) / A. M. Noryśkiewicz – Toruń, 2014. (Maszynopis w posiadaniu autorki).

21 Bienias, D. Ekspertyza antrakologiczna prób z kurhanu położonego w Puszczy Ładzkiej na terenie Nadleśnictwa Browśk (Leśnictwo Gnilec) / D. Bienias. – Toruń, 2014. (Maszynopis w posiadaniu autorki).

22 Bienias, D. Las i człowiek w Borach Tucholskich (uwagi o bartnictwie i smolarstwie w Borach Tucholskich) / D. Bienias // Dziedzictwo techniczne Borów Tucholskich; Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. – R. 57. – Nr. 2 (2009) / Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; red. J. Woźny. – Bydgoszcz–Tuchola, 2009. – S. 43–51.

23 Buśko, C. Symboliczny obraz świata. Z badań nad kurhanami ludności kultury łużyckiej / C. Buśko // Acta Universitatis Wratislavis. Studia Archeologiczne. – 1993. – t. 24. – S. 85–103.

24 Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego. –

Warszawa : Wiedza Powszechna, 1998. – 805 s.

25 Abramowicz, A. Urny i ceramika / A. Abramowicz. – Łódź, Wrocław : ŁTN, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. – 168 s.

26 Krzak, Z. Święta góra i krąg. Szkic prahistoryczno-mitologiczny / Z. Krzak // Wiadomości Archeologiczne. – 1986–1990. – t. 51. – Z. 2. – S. 115–133.

27 Kowalski, P. Leksykon znaki Świata. Omen, przesąd, znaczenie / P. Kowalski. – Warszawa, Wrocław : Wydawnictwa Naukowe PWN, 1998. – 653 s.

28 Szafranski, W. Prahistoria religii na ziemiach polskich / W. Szafranski. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydaw. Polskiej Akademii Nauk, 1987. – 486 s.

29 Śłupecki, L. P. Monumentalne kopce Krakusa i Wandy pod Krakowem / L. P. Śłupecki // Studia z dziejów cywilizacji. Studia ofiarowane Profesorowi Jerzemu Gąssowskiemu w pięćdziesiątą rocznicę pracy naukowej // IA UW; red. A. Buko. – Warszawa, 1998. – S. 57–72.

30 Buko, A. Archeologia Polski wczesnośredniowiecznej. Odkrycia, hipotezy, interpretacje / A. Buko. – Warszawa : TRIO, 2005. – 446 s.

31 Buko, A. Pogańskie miejsca święte w krajobrazie osadnictwa wczesnośredniowiecznego na Wyżynie Sandomierskiej / A. Buko // Człowiek, sacrum, środowisko. Miejsca kultu we wczesnym średniowieczu. Spotkania Bytomskie IV / Werk; red. S. Moździoch. – Wrocław, 2000. – S. 61–83.

32 Bagniewski, Z. O penetracji torfowisk baryckich we wczesnym średniowieczu / Z. Bagniewski // Silesia Antiqua. 1991. – t. 33/34. – S. 85–102.

33 Buko, A. Czy pogańskie cmentarze słowiańskie były miejscami religijnego kultu, [w:] Hereditatem Cognoscere. Studia i materiały dedykowane Profesor Marii Miśkiewicz, red. Z. Kobyliński. – Warszawa : PMA, 2004. – S. 67–78.

34 Długosz, J. Jana Długosza Roczniki, czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. – t. 3. – Księga piąta, Księga szósta / J. Długosz. – Warszawa, 1973. – 398 s.

35 Zoll-Adamikowa, H. Czworokątne konstrukcje drewniane w kurhanach ciałopalnych z Kornatki, pow. Myślenice / H. Zoll-Adamikowa // Acta Archaeologica Carpathica. – 1968. – t. 10. – S. 142–153.

36 Powieść minionych lat, przełożył i opracował F. Sielicki. – Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. – 250 s.

37 Меснянкина, С. В. Погребальный обряд культуры длинных

курганов как источник по изучению язычества / С. В. Меснянкина // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. – Институт Археологии Российской Академии наук; ред. В. Л. Янин. – М., 1999. Том 5 – С. 177–185.

38 Woźny, J. Symbolika przestrzeni miejsc grzebalnych w czasach ciałopalenia zwłok na ziemiach polskich (od środkowej epoki brązu do środkowego okresu lateńskiego) / J. Woźny. – Bydgoszcz : Wydaw. Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej 2000. – 187 s.

39. Renik, K. O kontaktach ze zmarłymi –I udowe wyobrażenia / K. Renik // Polska Sztuka Ludowa. – 1986. – t. 40. – № 1–2. – S. 31–36.

40 Limisiewicz, A. Uwagi w sprawie koncepcji wiary w „żywego trupa” na marginesie pracy A. Niewęglowskiego: Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej / A. Limisiewicz // Archeologia Polski. 1983. – t. 20. – Z. 1. – S. 177–181.

41 Potkowski, K. Dziedzictwo wierzeń pogańskich w średniowiecznych Niemczech. Defuncti vivi / K. Potkowski. – Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1973. – 109 s.

42 Łuka, J. Ł. Obrzędy pogrzebowe w czasach przedhistorycznych i ich przeżytki w dobie współczesnej / J. Ł. Łuka // Z otchłani wieków. 1947. – R. 16. – Z. 5–6. – S. 74–80.

43 Fischer, A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego / A. Fischer. – Lwów : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. – S. 439.

44 Cabalska, M. Ze studiów nad religią pogańskich Słowian / M. Cabalska // Materiały Archeologiczne. – 1972. – t. 14. – S. 103–132.

45 Zoll-Adamikowa, H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski, cz. II. Analiza. Wnioski / H. Zoll-Adamikowa. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich. – 1979. – 315 s.

46 Wawrzeniuk, J. Słowiańskie «mosty» w zaświaty / J. Wawrzeniuk // Środowisko pośmiertne człowieka. Funeralia Lednickie. Spotkanie 9 / Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich; red. W. Dzieduszycki, J. Wrzesiński. – Poznań, 2007. – S. 45–58.

47 Wierzbicki, J. Megalidy kultury pucharów lejkowatych – czy tylko grobowce? / J. Wierzbicki // Idea megalityczna w obrządku pogrzebowym kultury pucharów lejkowatych / Instytut Archeologii UMCS; Instytut Archeologii i Etnologii PAN; red. J. Libera, K. Tunia. Lublin, Kraków, 2006. – S. 87–101.

48 Długosz, J. Jana Długosza Roczniki, czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. – t. 1. – Warszawa, 1961.

49 Radwański, K. Raz jeszcze o wielkich kopcach krakowskich /

K. Radwański // *Acta Archaeologica Carpathica*. 1999–2000. – t. 35. – S. 173–190.

50 Radwański, K. Wielkie kopce krakowskie i próba uściślenia ich chronologii / K. Radwański // *Rocznik Krakowski*. – 2003. – t. 69. – S. 5–23.

В. Н. ГУРЬЯНОВ

Россия, Брянск,

начальник отдела организации научных исследований Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, начальник курганного отряда Брянской древнерусской экспедиции

А. А. ЧУБУР

Россия, Брянск,

директор Научно-исследовательского центра комплексного изучения Среднедеснинского региона, доцент Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, профессор, кандидат исторических наук

ДРЕГОВИЧСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ТРУБЧЕВСКОЙ ОКРУГЕ

В публикации анализируется инвентарь нескольких древнерусских курганов из раскопок В. А. Падина, в которых выявлены проволочные височные кольца с крупнозернеными бусами. Такие украшения характерны для погребений XI–XII вв. Припятского Полесья. Авторы статьи приходят к выводу, что ряд погребений Кветунского могильника принадлежит дреговичанкам.

Ключевые слова: археология, височное кольцо, дреговичи, курган, Трубчевск.

Хотя Трубчевск и является одним из древнейших русских городов и столицей удельного княжества, вопрос о его первоначальном расположении и этнической («племенной») принадлежности до сих пор нельзя считать однозначно решённым. В. А. Падин, проводивший исследования в Трубчевске и его округе практически на протяжении всей третьей четверти XX в., вслед за своими учителями М. В. Воеводским и Б. А. Рыбаковым считал местом первоначального расположения Трубчевска, расположенный в 10 км ниже по течению Десны от современного города Кветунский археологический комплекс [1, с. 77; 2, с. 83]. Во входящем в состав Кветунского комплекса некрополе, одном из крупнейших на территории Брянской области, В. А. Падиным исследовано 237 насыпей, давших большое разнообразие погребального обряда и инвентаря [2, с. 84]. Сам исследователь Кветунского некрополя считал этот курганный могильник в основном радимичским [2, с. 84;

3, с. 209], что позволило В. В. Богомольникову отнести его к безусловно радимичским [4, с. 93–95; 5, с. 104] вызвало достаточно оживлённую дискуссию на I межвузовской историко-краеведческой конференции в Брянске в 1988 г. [6, с. 90–92; 7, с. 95–96; 8, с. 92–93].

Рисунок 1 – Металлические украшения из Трубчевской округи

1. Ажурная бусина, Радутино; 2. Трехбусинное зернёное височное кольцо, Кветунь, курган 4; 3. Трехбусинное височное кольцо, Кветунь, курган 9 или 14 (депаспортизировано в музее); 4–10 – Височные кольца с зернёными бусинами (№ 9 – также с золотостеклянной бусиной), Кветунь, курган 6; 11 – монетовидная подвеска, Кветунь, курган 6

Погребальный обряд и инвентарь Кветуни характеризуется большим разнообразием. Среди прочих выделяется погребение 3 кургана № 6, принадлежащее, видимо, девушке, в котором были найдены «серебряная монетовидная привеска, два крупных серебряных трехбусинных зернёных височных кольца, три сканных, три трехбусинных (на одном золоченая стеклянная бусина), два

двухбусинных, два однобусинных сканных (скань завязанная) медных загнутоконечных узелковых височных кольца, которые относятся обычно к XI в. Курган датируется XI–XII вв.» [3, с. 203]. В. В. Седов и П. Ф. Лысенко считают трёхбусинные височные кольца с крупнозернёными бусами одним из этноопределяющих признаков дреговичей [9, с. 117; 10, с. 62]. В. А. Падин в своей последней работе отмечал наличие в материалах Кветуни «инвентаря дреговичей» [2, с. 84]. Помимо кургана № 6, трёхбусинные височные кольца встречены также в погребениях курганов №№ 14 и 9 (?). Хотя число достоверно дреговичских погребений в Кветуни и вызывает разночтения [11, с. 144], тем не менее, важно отметить сам факт их наличия, независимо от их количества.

Этими погребениями дреговичские древности в Трубчевской округе отнюдь не ограничиваются. Сравнительно недавно была случайно найдена на распашке в пределах средневекового селища у с. Радутино в 13 км выше по течению Десны от Трубчевска крупная ажурная серебряная бусина [12, с. 146–150]. Селище Радутино расположено в 0,05 км к востоку от северо-восточной окраины села, к северо-западу от Радутинского городища, на двух мысах правобережной террасы р. Десны. Памятник обнаружил и обследовал В. А. Падин в 1952 г. Он отнёс селище к древностям роменской культуры [13].

Радутинское городище на восточной окраине села, на выходящем к Десне мысу, с которым селище, вероятно, образует единый археологический комплекс, невелико и относится к типу двухплощадочных. Его первая площадка — 17х20 м, отделена от второй полузаплывшим рвом двухметровой глубины. Вторая площадка размером 50х28 м отделяется от napольной части мыса валом высотой около метра и еще одним заплывшим рвом. Культурные отложения представлены керамикой и изделиями юхновской, роменской и древнерусской культур. Северо-западнее городища лежит роменское селище, а за широким оврагом к востоку от городища находились когда-то пять курганов, три из которых раскопаны, а два оставшихся — распаханы. В. А. Падин пишет, что «погребение в одном из курганов было совершено в массивных гробовницах, поставленных на подсыпке, состоявшей из золы и угля...» [2, с. 129]. Два других кургана относились к эпохе поздней бронзы. Здесь же встречены остатки поселения VI–VII вв. колочинской культуры [13]. С тех пор вот уже более шестидесяти лет памятник не обследовался археологами.

Бусина частично разорвана и деформирована, вероятно, в результате распашки плугом, однако не составило труда реконструировать её первоначальную форму и устройство. Бусина длиной около 30 мм по оси и диаметром около 20 мм была изготовлена из биллонового сплава и представляла соединенные (спаянные) меж собой две слегка вытянутые по оси ажурные полусферы. Каждая из них имела кольцевую основу (их отверстия и служили для нанизывания бусины) и расходящиеся от нее и загнутые «к экватору» петли из проволоки толщиной около 1 мм. На проволочных петлях ближе к зоне соединения полусфер были напаяны на заранее подготовленные выемки такого же диаметра серебряные шарики – зернь, образовавшая собой узлы сетчатого геометрического орнамента. Согласно типологии, использованной белорусскими археологами [14, с. 46–47], бусина с селища Радутино относится к типу цилиндрических ажурных крупнозернёных. В. В. Седов пишет: «Произведенные анализ и картографирование вещевого инвентаря и деталей курганного обряда междуречья Припяти и Западной Двины показали, что наиболее надежным этноопределяющим признаком дреговичей XI–XII вв. являются металлические зернёные бусы. Такие бусы в составе ожерелий неизвестны на территориях расселения других восточнославянских племен. Корреляция их с кривичскими, радимичскими и словенскими височными и другими этноопределяющими украшениями отрицательна. Как правило, дреговичские бусы не встречаются в тех курганных группах, где были найдены височные украшения других славян [15, с. 114]. Подробное описание и картографирование таких бус приведено в вышеупомянутой работе П. Ф. Лысенко [10, с. 56–62].

Все исследователи единодушно проводят восточную границу расселения дреговичей по Днепру [10, с. 97–98, 100, рис. 16; 15, с. 115, рис. 1]. При этом «основным критерием для определения ареала дреговичей является распространение свойственных только этому племени женских украшений – так называемых крупнозернёных бус» [10, с. 97]. В ареалах расселения других восточнославянских племён такие бусы неизвестны [15, с. 114]. В этой связи значительная концентрация находок, характерных для дреговичей женских украшений, в т. ч. и в Трубчевской округе, вызывает интерес и требует объяснения. Ключом к решению проблемы пребывания дреговичских женщин в Трубчевской округе может послужить обнаруженная в погребении 3 кургана 6 Кветуни вместе с трехбусинными височными кольцами серебряная монетовидная подвеска [3, с. 199, рис. 2: 6]. Такие предметы, по мнению Е. А. Шинакова, могли выполнять рангово-

идентификационную функцию, и не были личными знаками самих погребенных, а служили показателями статуса их мужей [16, с. 244]. Т. о., дреговичанки могли оказаться в округе Трубчевска в качестве жен – в результате заключенных межплеменных браков или браков с княжескими дружинниками и боярами, переведёнными из земли дреговичей на какую-то военную или административную должность. По мнению А. К. Зайцева «для 40–60-х гг. XII в. есть все основания считать дреговичские волости Случеск и Клецеск во владении черниговских князей» [17, с. 102], как и собственно Трубчевск.

Список использованной литературы

1 Воеводский, М. В. Городища Верхней Десны / М. В. Воеводский // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. XXIV. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – С. 67–77.

2 Падин, В. А. Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н. э. – X–XII вв. н. э. по материалам археологических исследований / В. А. Падин // Очерки по истории археологии Брянской области. – Вып. 2. – Брянск : б. и., 2004. – 152 с.

3 Падин, В. А. Кветунский древнерусский могильник / В. А. Падин // Советская археология. – 1976. – № 1. – С. 197–210.

4 Богомольников, В. В. Памятники радимичей на территории Брянской области / В. В. Богомольников // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. – Брянск : б. и., 1988. – С. 93–95.

5 Богомольников, В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 228 с.

6 Сухобоков, О. В. Северные границы расселения восточнославянского племенного союза «Съвер»: летопись и археология / О. В. Сухобоков // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. – Брянск : б. и., 1988. – С. 90–92.

7 Моця, А. П. Кветунь / А. П. Моця // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. – Брянск : б. и., 1988. – С. 95–96.

8 Шинаков, Е. А. Брянщина в древнерусскую эпоху (X–XIII вв.) / Е. А. Шинаков // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. – Брянск : б. и., 1988. – С. 92–93.

9 Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР) / В. В. Седов ; отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1982. – 327 с.

10 Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко ; под ред. В. В. Седова. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.

11 Шинаков, Е. А. Радимичи и вятичи на Десне / Е. А. Шинаков, В. Н. Гурьянов, В. В. Миненко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 13. – Мінск : ВКП «Арты-фэкс», 1998. – С. 156–164.

12 Гурьянов, В. Н. Дреговичская ажурная бусина из Трубчевской округи / В. Н. Гурьянов, А. А. Чубур // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований : сб. мат-лов междун. научно-практ. конф., посв. 85-летию Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове, г. Новозыбков, Брянская область, 15-16 октября 2015 г.: [в 2 ч.]. – Ч. 1. – Брянск : РИО БГУ, 2015. – С. 146–150.

13 Падин, В. А. Отчёт о полевых работах, проведённых в 1952 г. / А. А. Падин // Архив Института археологии РАН. – Р-1. – № 693.

14 Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Навук. рэд. П. Ф. Лысенка. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 554 с.

15 Седов, В. В. Дреговичи / В. В. Седов // Советская археология. – 1963. – № 3. – С. 112–125.

16 Шинаков, Е. А. Сребреники и иные знаки дружинного статуса с территории северо-запада Черниговской земли / Е. А. Шинаков, В. В. Зайцев, В. В. Соболев. – Stratumplus. – 2019. – № 6. – Лики войны. – С. 227–248.

17 Зайцев, А. К. Черниговское княжество X–XIII вв. : избранные труды / А. К. Зайцев. – М. : Квадрига, 2009. – 226 с.

УДК 903.25:902.2(476.2-37Лоев)«09/10»

О. О. ДРЕВИЛО

Беларусь, Минск,

Институт подготовки

научных кадров НАН Беларуси,

аспирант

ЖЕНСКИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ МОХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА X–XI ВЕКОВ

И ПРЕДМЕТЫ ДРЕГОВИЧСКОГО УБОРА

Статья рассматривает проблему этнокультурной принадлежности Моховского курганного могильника, расположенного на востоке ареала расселения летописных дреговичей у дреговичско-радимичского пограничья. В основу исследования положен анализ женских металлических украшений из моховских и дреговичских погребений эпохи Руси. Мохов демонстрирует выраженные особенности женского погребального убора, что свидетельствует об иноэтничности его жителей по отношению к дреговичскому окружению.

Ключевые слова: археология, дреговичи, курган, Мохов, погребение, украшение.

В 1991 г. из печати вышла монография П. Ф. Лысенко «Дреговичи», на страницах которой, в частности, подводились основные итоги изучения курганных комплексов X–XIII вв. Южной и Центральной Беларуси, отнесенных автором данного исследования к летописным дреговичам [1].

В Повести Временных Лет более чем лаконично говорится о том, что дреговичи обитали в Припятско-Двинском междуречье: «... седоша межи Припетью и Двиной и нарекошася дреговичи» [2, с. 11]. Вещевой материал курганов и, в меньшей степени, особенности погребального обряда, являются основными источниками при решении вопроса о границах расселения дреговичей и принадлежности им того или иного некрополя. Особая роль в определении этнокультурной принадлежности памятников того или иного восточнославянского объединения, как выяснил еще в конце позапрошлого века А. А. Спицын, принадлежит отдельным видам женских украшений [3, с. 301–340].

Сложность исследования П. Ф. Лысенко во многом заключалась в том, что в ряде работ его предшественников отсутствовали чертежи погребений, прорисовки инвентаря по курганам и погребениям, а также не было полевых отчетов. Часто ранние публикации носили общий характер [1, с. 7].

Вопрос о расселении дреговичей по-прежнему остается актуальным. Так, требует уточнения юго-восточная граница дреговичского ареала (в Днепровско-Припятском междуречье). Ориентируясь на находки этноопределяющих украшений – височных колец с крупнозернеными бусами (рисунок 1) и таких же бус в составе

ожерелий – П. Ф. Лысенко справедливо включил правобережную часть низовий Верхнего Днепра в зону расселения дреговичей (1, рис. 16). Вместе с тем, новые раскопки курганного могильника у д. Мохов Лоевского района Гомельской области выявили специфику данного памятника и показали его этнокультурную инородность по отношению к окружающей дреговической среде.

Моховский могильник – крупнейший памятник подобного рода на белорусских землях. В конце позапрошлого века он насчитывал не менее 600 насыпей. В 1890 г. 26 курганов раскопал и их материал частично опубликовал профессор В. З. Завитневич [4, с. 13–16]. Первая моховская коллекция сохранилась в собрании Государственного Исторического музея (Москва) и, накануне выхода монографии П. Ф. Лысенко, была изучена и введена в научный оборот ее автором [1, рис. 26: 1–3, 6, 13, 14, 16, 18, 20–25, 29–31, 34–36, 38, 39, 41–44, 47, 48, 50]. В 2003–2016 гг. экспедиция Гомельского государственного университета под руководством О. А. Макушникова продолжила исследования в Мохове и изучила 43 курганных насыпи. Сопровождающий захоронения инвентарь указывает на то, что 15 курганов (15 погребений) являются женскими. Примечательно, что в 69-ти раскопанных двумя экспедициями курганах этноопределяющих украшений дреговического типа не выявлено [см., напр.: 5, с. 76–95].

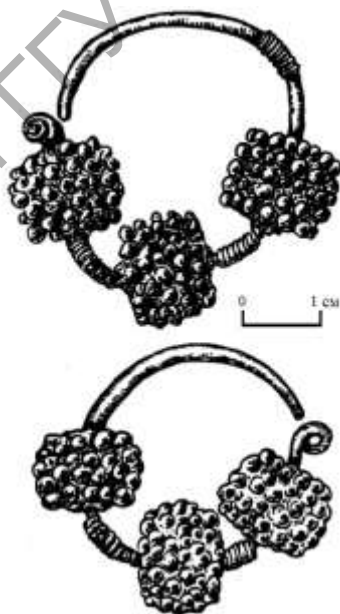

Рисунок 1 – Дреговичские височные кольца
(по 7: табл. XXIX, 7, 16)

При этом следует отметить, что П. Ф. Лысенко обращал внимание на обстоятельство, что именно в Поднепровье чаще, нежели на прочих землях расселения дреговичей, встречаются височные кольца с крупнозерненными бусами и отдельные крупнозерненные бусы [1, с. 62].

В моховских материалах из раскопок 2003–2016 гг. широко представлены бронзовые перстнеобразные височные колечки, относящиеся к сомкнутым, разомкнутым, заходящим и полутораоборотным типам. Перстнеобразные проволоочные кольца в X–XIII вв. распространены почти по всей территории Восточной Европы и за ее пределами. Поэтому они не могут служить локальным или хронологическим признаком. Такие кольца являются общеславянскими [6, с. 16].

В Моховском могильнике, как отмечалось, встречаются полутораоборотные височные кольца, которые широко распространены в ареалах расселения дреговичей, древлян и волынян. П. Ф. Лысенко относил полутораоборотные кольца к типично дреговичским и приводил данные о местах их нахождения: «В центральной части расселения дреговичей (Заславль, Червенский, Слуцкий и Старобинский районы) они известны в девяти могильниках (в 618 погребениях 46 колец). На пограничье с кривичами кольца встречены в 14 погребениях (свыше 30 колец в 5 могильниках). В семи могильниках по Березине они найдены в восьми погребениях (свыше 10 шт.?). В Верхнем Понеманье полутораоборотные височные кольца встречались в 12 погребениях (в пяти могильниках найдено свыше 20 колец). В двух могильниках Брестского Побужья (Войская и Свищево) они выявлены в 11 погребениях (около 30 колец)» [1, с. 66]. В Моховском могильнике в кургане 21 (погребение 1) найдено предположительно височное кольцо полутораоборотного типа плохой сохранности (рисунок 2). Да, перстнеобразные височные кольца полутораоборотного типа нередко относят к дреговичским, но считать их исключительно дреговичскими нельзя [7, с. 115]. Они могут быть использованы для уточнения северной и восточной границы расселения дреговичей, так как обычно не встречаются ни в кривичских [4], ни в радимичских курганах [5]. В. В. Седов отмечал, что перстнеобразные кольца полутораоборотного типа были излюбленным (этнографическим) украшением восточнославянских дулебов и их потомков [7, с. 260].

Рисунок 2 – Мохов, курган 21, погребение 1.
Бронзовое височное полтораоборотное (?) колечко.

Перстнеобразные проволочные кольца (с заходящими, с сомкнутыми и с разомкнутыми концами) в течение всего изучаемого периода были очень широко распространены по всей территории Руси и поэтому не могут служить локальным признаком [2, с. 16].

В моховских курганах 19 (погребение 2) и 27 были зафиксированы 2 экз. перстнеобразных сомкнутых кольца. П. Ф. Лысенко отмечал: «В центральных районах расселения дреговичей они найдены в трех могильниках (Заславль, Черниковщина, Видогоще) в четырех погребениях (12 колец). В 139 могильниках по Припяти и Птичи в 20 погребениях найдено свыше 65 колец. В отдельных погребениях (Комаровыми, к. 121, Ванюжицы, к. 102) их количество составляет 13–12 шт. В Речицком уезде они встречены в 11 могильниках (в 18 погребениях свыше 40 колец). В северных районах расселения дреговичей кольца выявлены в пяти могильниках (у Борисова, Ковшева, Абрицкой Слободы, Эсьмонов, Стаховщины) в 11 погребениях. В Верхнем Понеманье они известны в курганах трех могильников (Марулины, Городиловка, Сулятичи), в семи погребениях их найдено 20. В западных районах расселения дреговичей они найдены только в одном погребении (Свищево, к. 15). На Березине и Днепре кольца этого типа встречены в пяти могильниках (Задрутье, Побережье – Мурово, Кордон, Солоное, Лучин), где в восьми погребениях найдено свыше 30 колец» [1, с. 66].

Вторая распространенная категория украшений Мохова представлена грушевидными «шумящими» бубенчиками с крестообразной прорезью. О. А. Макушниковым грушевидные «шумящие» бубенчики, орнаментированные насечками и имеющие крестообразную прорезь, зафиксированы в женских захоронениях моховских курганов 21 (погребение 1; маленькие 2,1 см в поперечнике, 3 экз.), 105 (погребение 2, маленькие 2,1 см, 1 экз., средние 2,7 см, 3 экз. и большие 3,5 см, 4 экз.) (рисунок 3) и 28 (маленькие 2,1 см. в количестве 5 экз.).

П. Ф. Лысенко отмечал: «Подобные бубенчики выявлены в 11 погребениях восьми могильников. Они найдены в северных районах (Абрицкая Слобода, Видогоще, Заславль), в Поднепровье (Новый Быхов, Кордон, Гориводы, Мохов), в Побужье (Ратайчицы – один бубенчик)» [1, с. 80].

Третья категория – браслеты. В Моховском могильнике в кургане 97 найден витой браслет, завязанный на 2 конца (рисунок 4). По данным П. Ф. Лысенко, витые браслеты найдены в 12 погребениях 10 дреговичских могильников. Они в основном распространены в северных районах дреговичской территории. Витой авязаноконечный браслет найден у Логойска. Завязанные браслеты встречаются чаще в курганных древностях летописных кривичей и вятичей [6, с. 225]. В Моховском курганном могильнике найдены и пластинчатые браслеты (курган 105 погребение 2). П. Ф. Лысенко отмечал подобные украшения в северных районах расселения дреговичей (Заславль, Логойск, Борисов, Видогоще), по одному – с Поднепровья (Кордон) и из Кострицкой Слободы [1, с. 78]. Однако, и пластинчатые браслеты не являются этноопределяющими в восточнославянских древностях.

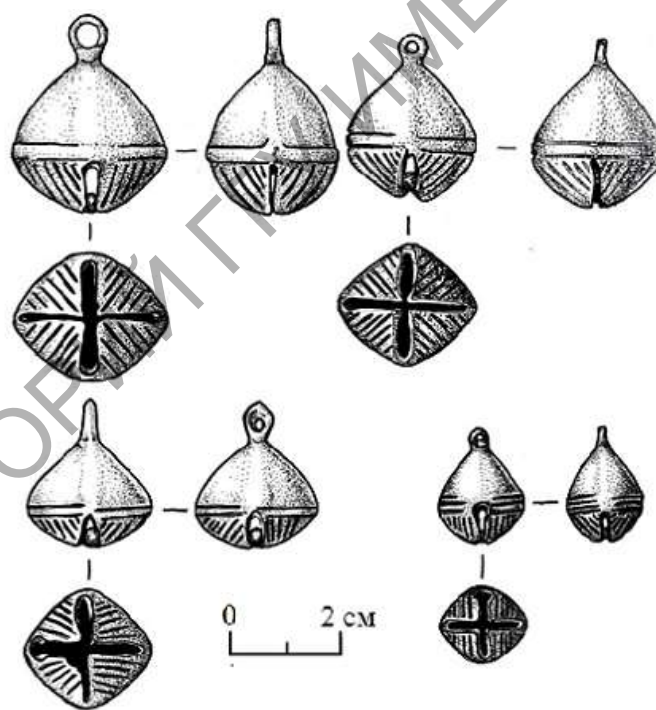

Рисунок 3 – Мохов, курган 105, погребение 2.
Бронзовые грушевидные крестопорезные бубенчики

Рисунок 4 – Мохов, курган 97
Бронзовый витой с завязанными концами браслет

Несмотря на то, что Моховский могильник X–XI вв. локализуется на территории расселения летописных дреговичей, его курганы нельзя отнести к дреговичскому кругу древностей. Найденные аналогии женских украшений с инвентарем курганов дреговичей являются в большинстве общеславянскими, лишь за некоторым исключением, указывающим на северное влияние на особенности местной погребальной традиции. Все вышеперечисленные женские украшения Мохова: перстнеобразные височные кольца, бубенчики, витой браслет в той или иной степени коррелируются с северными элементами культуры (которые ярче всего проявляются в находках типично кривичских браслетообразных завязанных колец).

Отсутствие этноопределяющих дреговичских украшений поддерживает гипотезу о том, что на территории поселения, которое располагалось возле современного Мохова, в раннем средневековье проживали люди, иноэтничные по отношению к обитавшим рядом абorigена-дреговичам. Из среды пришельцев ярче всего проявляются выходцы из кривичских земель.

Список использованной литературы

1 Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.

2 Повесть Временных Лет / под ред. В. П. Андриановой-Перетц. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 406 с.

3 Спицын, А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным / А. А. Спицын // Журнал Министерства народного просвещения. – 1899. – Август. – Т. 8. – С. 301–340.

4 Завитневич, В. З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В. З. Завитневич // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1892. – Кн. VI. – С. 11–74.

5 Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. : социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 218 с.

6 Левашова, В. П. Височные кольца / В. П. Левашова // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. : Труды Государственного Исторического музея. – М.: Советская Россия, 1967. – Вып. 43. – С. 7–54.

7 Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР / В. В. Седов. – М. : Наука, 1982. – 328 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Н. Н. ДУБИЦКАЯ

Беларусь, Минск,
ведущий научный сотрудник
Государственного научного учреждения
«Институт истории НАН Беларуси»,
кандидат исторических наук

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ В БЕЛОРУССКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В публикации подведены основные итоги историк-археологического изучения древностей второй четверти I тысячелетия н. э. Белорусского Поднепровья, которые выделены в культуру Абидня. Основой для ее формирования явились памятники постзарубинецкого круга. Единственным типом поселений выступают селища, основным типом построек – полуземлянки срубной, реже столбовой конструкции. Полуземлянки с центральным опорным столбом не характерны для жилых построек. Захоронения – грунтовые погребения в ямах. Особенности материальной культуры абиденского населения свидетельствуют, что на заключительном этапе (конец V в.) культура перерастает в колочинскую культуру V – VII вв.

Ключевые слова: Абидня, грунтовые могильники, керамика, полуземлянки, селища, Тайманово.

Начало систематического изучения памятников I тыс. н. э. и, прежде всего, первой половины I тыс. в Белорусском Поднепровье относится к 60-м годам XX в. и связано с исследованиями Л. Д. Побоя в Могилевском Поднепровье. В 1960, 1962, 1964–1967 гг. Л. Д. Поболь проводил раскопки на селище в урочище Абидня у д. Адаменка Быховского района Могилевской области. Вскрыто 20–25 % всей площади поселения. На основании полученного археологического материала автор раскопок пришел к выводу, что жизнь на поселении протекала на протяжении II – V вв. С 1967 по 1983 г. Л. Д. Поболем изучались селище и грунтовый могильник вблизи д. Тайманово того же района. Общая изученная площадь на памятнике составляет около 22400 кв. м. Получены материалы II–

X вв. К сожалению, при жизни автора раскопок богатейший археологический материал не получил должного отражения в научной литературе. Имеются лишь отдельные публикации, в которых представлены некоторые материалы.

Интерес в изучении проблемы истории населения I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье представляют также материалы раскопок могильников Нижняя Тощица (Л. Д. Поболь) и Новый Быхов (Е. Р. Романов, А. И. Сербов, Ю. В. Кухаренко, Л. Д. Поболь) на Днепре, поселения Симоновичи на р. Птичь (Н. Н. Дубицкая), поселения и могильника Дедново на Средней Березине (А. В. Ильютик).

В римское время население окончательно покинуло городища и ушло на селища. Памятники второй четверти I тыс. н. э. занимают склоны первых надпойменных террас, а также возвышенности среди поймы.

Особое место в системе древностей I тыс. н. э. принадлежит Таймановскому комплексу. По богатству материала, разнообразию ассортимента Тайманово не имеет себе равных среди синхронных древностей лесной и лесостепной зон Восточной Европы. В Тайманово выявлены находки, относящиеся к разным хронологическим горизонтам. Наиболее ранние из них относятся к VIII–VII вв. до н. э. и связаны с носителями милоградской культуры. Основная же часть находок относится ко второй четверти I тыс. н. э. (большая часть орудий труда, предметов бытового назначения, оружия и украшений, импортная посуда,) и укладывается в хронологические рамки 200–450 гг. Немногочисленная категория вещей принадлежат к третьей и четвертой четвертям I тыс. н. э. Некоторые вещи попали в культурный слой поселения и территорию могильника из разрушенных древнерусских курганов.

На поселении Тайманово исследованы 52 полуземляночные постройки, остатки единичных наземных построек. Полуземлянки имеют срубную и столбовую конструкцию стен. Преобладают срубные постройки. Постройки столбовой конструкции подразделяются на постройки с центральным опорным столбом и без него. Все полуземлянки с центральным опорным столбом имели большие размеры, земляные полы, в них отсутствовало отопительное сооружение. По-видимому, это были хозяйственные постройки. Отопительные сооружения жилых полуземлянок представлены открытыми очагами, печами-каменками, возможно, и глинобитной печью. Практически все печи-каменки отмечены в срубных постройках. Печи-

каменки располагались в северной части жилища напротив входа, чаще всего в северо-восточном углу. Очаги выявлены в основном в постройках столбовой конструкции. Полы в полуземлянках были деревянные и земляные, в редких случаях – глинобитные. Чаще всего, деревянные полы встречаются в срубных постройках. Крыши обычно были двускатными. Почти все полуземлянки были сооружены не позднее 450 г. До начала VI в. могла существовать полуземлянка № 26.

На поселении Абидня Л. Д. Поболем изучено 30 полуземляночных построек. Это были однокамерные постройки срубной конструкции с земляными полами площадью 6–15 кв. м. В отличие от Тайманово, в Абидне выявлена только одна постройка с центральным опорным столбом. Если в Тайманово все постройки с центральным опорным столбом имели хозяйственное назначение, то абиденская была жилой. Отапливались жилища открытыми очагами, имевшими угловое расположение, в одном из жилищ выявлена глинобитная печь. Время сооружения полуземляночных построек – конец II–III в.

Домостроительство у племен культуры Абидни является продолжением и дальнейшим развитием традиций предшествующего домостроительства у зарубинецкого и постзарубинецкого населения в условиях лесной зоны. Появление печей-каменок можно рассматривать как дальнейшее развитие каменных очагов в условиях континентального климата. Срубная полуземлянка с печью-каменкой – наиболее оптимальный вариант жилища для достаточно суровых зимних условий Верхнего Поднепровья. Именно этот факт является одним из важных обстоятельств широкого распространения данного типа жилища в последующие периоды.

Материалы Таймановского могильника вносят весомый вклад в изучение погребальной обрядности населения III–V вв. Белорусского Поднепровья. Это крупнейший изученный могильник, насчитывающий 202 вскрытых погребения. Захоронения осуществлялись по обряду кремации, преимущественно, в ямах. На среднем этапе (вторая половина – конец III в.) появляются смешанные захоронения. Урновые погребения составляют небольшой процент (4 %) и относятся к позднему периоду существования могильника (вторая половина IV – начало V в.). Кости обычно не очищены от остатков погребального костра, инвентарь крайне беден, характерны безинвентарные погребения. Большинство погребений было совершено между 220 и 450 гг.

На могильнике Абидня изучено 11 грунтовых погребений. Погребальный обряд практически аналогичен раннему и среднему

этапам существования Таймановского могильника. Все захоронения ямные, кремированные кости перемешаны с остатками погребального костра. Погребальный инвентарь беден, около 30 % всех погребений безинвентарные. Время существования могильника, как и поселения – конец II–III в.

Грунтовый могильник Нижняя Тощица (12 погребений) по характеру обрядности наиболее близок к могильнику Тайманово. Он датируется III–IV в. с заходом на первую половину V в. (наиболее позднее погребение № 1).

Основное время существования могильника Новый Быхов – вторая четверть I тыс. н. э., однако он продолжал использоваться и в третьей четверти. Подробно опубликованы материалы 41 погребения (Ю. В. Кухаренко, Л. Д. Поболь).

Разрушенный могильник с захоронениями кремированных останков в неглубоких ямах выявлен вблизи поселения Симоновичи. Из погребального инвентаря найдены только мелкие обломки керамических сосудов.

Таким образом, население культуры Абидня в погребальной обрядности в целом продолжало традиции предшественников – кремация в ямных захоронениях, кремированные кости, как правило, не очищены от остатков погребального костра, хотя не редкость и очищенные кости, бедный погребальный инвентарь, значительное количество безинвентарных погребений. Однако отмечается тенденция к изменению определенных элементов погребальной обрядности. Так, меняется соотношение удлиненных ям и ям округлой формы в сторону увеличения количества последних.

Получают распространение смешанные и на позднем этапе урновые захоронения. Смешанные захоронения (захоронения в яме и в урне) появляются еще в конце первой – начале второй четвертей I тыс. н. э. (Юрковичи).

В единичном случае обычай помещать кремированные кости в погребальный сосуд зафиксирован в Чаплине. Впрочем, не исключено, что это была случайность. В целом для раннего этапа культуры Абидня они не характерны, в частности, они ни разу не встречены в Абидне. В Тайманово такие захоронения в небольшом количестве (7%) встречаются на среднем и позднем этапах. Смешанные погребения известны и на могильнике Нижняя Тощица. На позднем этапе (IV–V вв.) зафиксированы урновые захоронения (Тайманово, Новый Быхов, Нижняя Тощица). Урновые погребения также представлены в небольшом количестве (Тайманово – 4%), по

несколько таких погребений известно в Нижней Тощице и Новом Быхове. В смешанных захоронениях встречаются как очищенные, так и неочищенные кости (Тайманово – 58%). В урновых погребениях, чаще всего, кости очищены (Тайманово – 85%). Аналогичный обряд захоронения характерен и для раннеколочинских древностей Белорусского Поднепровья. В этот период количество урновых погребений увеличивается (Демьянки, Колос, Хатки-Чистые Лужи), а ямных, соответственно, – уменьшается (Демьянки).

Особенностью погребальной обрядности на среднем и позднем этапах культуры Абидня является появление в отдельных смешанных и урновых погребениях обычая покрывать урны другим сосудом (Тайманово, погребение № 106) или днищем сосуда (Нижняя Тощица, погребение № 1), а также переворачивать урны вверх дном, покрывая очищенные сожженные кости (Новый Быхов, погребение № 1); встречаются кости, перемешанные с золой (Юрковичи, погребение № 17; Нижняя Тощица, погребение № 8). В дальнейшем такие элементы продолжают встречаться в колочинской погребальной обрядности.

Погребальный обряд небогатый – керамические сосуды и их обломки, бытовые вещи, украшения. Погребения с оружием неизвестны.

Для Белорусского Поднепровья второй четверти I тыс. н. э. характерны каменные очаги-поминальники (Абидня, Тайманово, Дедново). По своей структуре они отличаются от близких по строению сакральных объектов на западных территориях (Радость в Побужье) и, по-видимому, отражают другую погребальную традицию.

Таким образом, погребальная обрядность населения культуры Абидня – результат дальнейшего развития сакральных традиций постзарубинецкого населения первой четверти I тыс. н. э., в основе которых лежали в переработанном виде с несомненным учетом местных верований традиции и носителей зарубинецкой культуры. Элементы погребальной обрядности, которые появились в ходе развития культуры Абидня, получили широкое распространение в могильниках населения колочинской культуры третьей четверти I тыс. н. э.

Керамический комплекс Тайманово, Абидни, Дедново, Нижней Тощицы, Нового Быхова, Симоновичей имеет много общего. Для гончарства характерны развитые технико-технологические схемы с многокомпонентными рецептами формовочных масс, в которых

доминирующее положение занимала дресва кристаллических пород, широко использовался тонкоизмельченный отошитель. На всех памятниках присутствует в незначительном количестве посуда, покрытая штриховкой и расчесами (Тайманово – 1,5 %), очень небольшой процент принадлежит лощеной и подлощенной посуде. Для Абидни наиболее характерны округлобокие сосуды с наибольшим расширением в верхней трети высоты и отогнутым наружу венчиком (тип I Тайманово). Такие же сосуды характерны для раннего и среднего периодов существования Тайманово, а также Дедново и Симоновичей (III–IV вв.). Ребристые формы на ранних памятниках присутствуют в меньшем количестве (тип II Тайманово). Они бытуют во второй половине III – первой половине V в. Сосуды III типа – слабопрофилированные с расширением в средней части, диаметр горловины равен или почти равен диаметру максимального расширения тулова. Они появляются не ранее второй половины III в., возможно, ближе к IV в. Такие сосуды неизвестны в Абидне, отсутствуют в киевских древностях Среднего Поднепровья и Подесенья. Сосуды этого типа из самых поздних построек (№ 26, 44) имеют прямые аналогии в колочинских комплексах.

Т. о., единственным типом поселения в первой половине I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье являлись селища. Широко были представлены полуземлянки срубной и столбовой конструкции, выполнявшие жилые и хозяйственные функции. Полуземлянки с центральным опорным столбом имели, как правило, хозяйственное назначение. Захоронения-кремации осуществлялись в грунтовых могилах, преимущественно в ямах. На среднем и позднем этапах встречаются смешанные погребения. Урновые захоронения появляются на позднем этапе и составляют небольшой процент. Имеются особые ритуальные и символические захоронения (Абидня, Дедново, Тайманово). Наблюдается близость в керамическом комплексе и других предметах материальной культуры. Ранние типы сосудов находят аналогии в предшествующих постзарубинецких древностях, поздние типы – в керамическом комплексе колочинской культуры. Все это свидетельствует о том, что в начале III в. на основе постзарубинецких древностей в Белорусском Поднепровье сформировалась единая культурная общность – культура Абидни, которая, в свою очередь, явилась подосновой колочинской культуры.

Н. Н. ДУБИЦКАЯ

Беларусь, Минск,
ведущий научный сотрудник
Государственного научного учреждения
«Институт истории НАН Беларуси»,
кандидат исторических наук

**ПРЕДМЕТЫ БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ПАМЯТНИКАХ
ГОМЕЛЬСКОГО И МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ**

В работе изучаются бытовые предметы населения Гомельского и Могилевского Поднепровья первой половины I тыс. н. э., которые известны по различным категориям вещей домашнего обихода и принадлежностей туалета. Они отражают образ жизни, привычки и традиции местного населения. Большинство бытовых вещей являются либо импортом, либо подражанием импортным аналогам.

Ключевые слова: Археология, Гомельское и Могилевское Поднепровье, первая половина I тыс. н. э., предметы бытового назначения.

Предметы бытового назначения на памятниках Гомельского и Могилевского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. представлены ключами, кресалами, бритвами, пинцетами, костяным гребнем, фитильной трубочкой, ручкой от сосуда или сундука.

Железные ключи с обломанными концами длиной до 9,4 см найдены в культурном слое поселения Тайманово. Они изготовлены из круглого в сечении стержня диаметром 0,6 см, нижние их части имеют прямоугольное сечение размером 0,5 x 0,3 см и загибаются под углом (рисунок 1: 5). Ключи – редкая находка на памятниках рисков эпохи Восточной Европы и известны в единичных экземплярах, в частности, они выявлены на черняховском могильнике Ружичанка, где датируются временем В2-С3 (тип Е по Коковскому) [1, с. 11–13, рис. 1: 11–13].

Достаточно широко представлены кресала. Из Тайманово происходят 7 железных кресал первой половины I тыс. н. э. Одно целое кресало выявлено в погребении № 2 могильника (рисунок 1: 1). Остальные изделия найдены на поселении, причем один обломок

кресала происходят из заполнения полуземлянки № 29 (рис. 1: 8), остальные – из слоя. Все кресала делятся на две группы. К первой группе относятся пластинчатые кресала с петлей на конце для подвешивания к поясу (3 экз.) (рисунок 1: 6, 8, 9). Длина изделий составляет до 9,0 см. Концы их петель замкнуты. Пластинчатые кресала с петлями встречены и в Абидне (7 экз.) [2, рис. 35: 258; 3, с. 103, 119, рис. 22, с. 120, рис. 23; 4, с. 233, рис. 25]. У одного из абиденских кресал длиной 13 см (из полуземлянки № 2) сохранился крючок для подвешивания к поясу. Похожее кресало с крючком найдено на могильнике Крупице (Восточная Польша) в погребении 224, относящемся к раннеримскому периоду B2 [5, taf. LXIII: 1, s. 56]. Кресала с петлей широко представлены на пшеворских могильниках в Восточной Польше (Надколе 2, погребения 86, 122; Цыбловице Дуже, погребение 13) и относятся к концу раннеримского периода B2b [6, s. 36–37, 205]. Однако петля у них не замкнута, а свернута в кольцо впритык к основанию рабочей пластины, либо конец прута кольца у основания загнут наружу. Такие изделия известны и на более северных памятниках Верхнего Поднепровья и Подвинья (Слобода-Глушица, Демидовка, Ермошино, Заозерье) [7, с. 58–59]. На землях Беларуси этот тип кресал появляется в римское время и затем распространяется дальше на восток. В частности, в ареале тушемлянкой культуры, как полагает Е. А. Шмидт, данный тип изделий получил широкое распространение после середины I тыс. н. э. и бытовал до конца I тыс. [8, с. 68; с. 20, табл. 13: 8]. Хотя не исключено, что это произошло несколько раньше. На позднедьяковских памятниках, по мнению И. В. Ислановой, такие кресала появились во второй четверти I тыс. [9, с. 219].

Ко второй группе относятся долотовидные кресала (4 экз.) (рисунок 1: 1–4) из Тайманова. Целое долотовидное кресало длиной около 21 см происходит из погребения № 2 могильника (рисунок 1: 1), второе целое кресало длиной 17,4 см найдено в слое поселения (рисунок 1: 2). Похожие предмет длиной 22 см выявлены на селище Нижняя Тощица [10, рис. 12: 8], длиной 13,5 см – на поселении Прудок [11, с. 42–43], длиной 6,6–14,5 см – на селище и городище у д. Городище [12, с. 109; рис. 57: 7, 58: 11], селище Зароново [13, с. 284, фото 74: 7].

Долотовидные кресала хорошо известны в Смоленском Поднепровье и Подвинье, в ареале тушемлянкой культуры (Демидовка, Кислая, Куприно, Шугайлово, Никодимово, Арефино, Узмень). Е. А. Шмидт относит их к середине – третьей четверти I тыс. н. э. [8, с.

68]. Такие кресала (тип Дрезден-Добритц/Жерники Вельки) широко распространены в древностях позднеримского времени Европы – фаза D1 (350–390 гг.) [14, с. 65–82]. Некоторые исследователи считают, что это были стрелы-срезни [7, с. 59], что, на наш взгляд, маловероятно.

На селище Тайманово найдена обломанная железная трубочка диаметром 1,1 см. Длина ее сохранившейся части составляет 8,1 см. Трубочка свернута из пластины толщиной 0,2 см (рисунок 1: 7). Возможно, она являлась фитилем. Похожее изделие выявлено на селище Ермошино [8, с. 59]. Фрагмент возможной фитильной трубочки происходит из поселения Абидня [4, с. 228, рис. 19: 4].

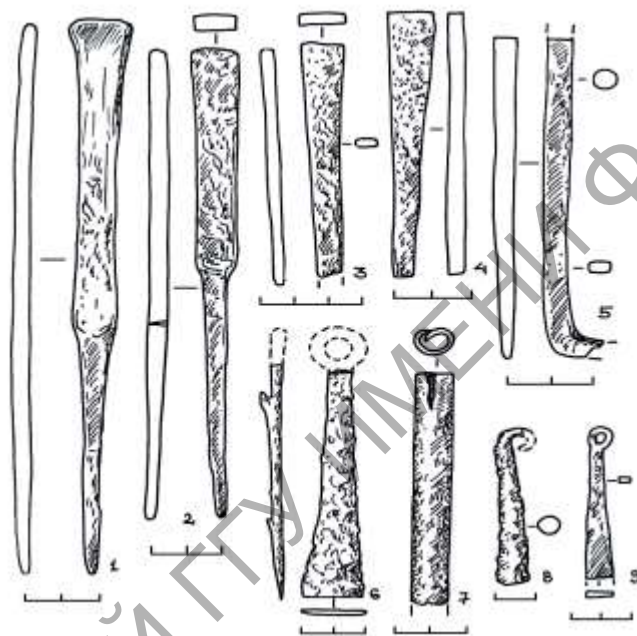

Рисунок 1 – Тайманово, бытовые предметы

1–4 – кресала долотовидные; 5 – ключи; 6, 8, 9 – кресала пластинчатые с петлей;
7 – фитильная трубочка

Не редкостью являются железные бритвы. В Тайманово найдено 5 таких изделий (рисунок 2: 1–4). Один обломок выявлен на территории могильника и 4 бритвы (2 целые и 2 обломка) – на селище. Одна целая бритва найдена в заполнении полуземляночной постройки № 29, обломок – в постройке № 26. Целая бритва происходит из хозяйственной ямы (раскоп XIV, кв. 21) и еще один обломок – из слоя поселения. Бритва из постройки № 29 имеет длину 8,6 см, длину лезвия – 4,0 см, ширину лезвия – до 1,9 см, длину черенка – 4,5 см, ширину черенка – до 1,0 см, толщину лезвия и черенка – по 0,4 см. Сегментовидное лезвие резко утончается к концу, черенок с двух сторон отделен уступами, заточка выполнена с

выпуклой стороны (рисунок 2: 1). Относится эта бритва к типу 4 по А. А. Александрову [15, с. 26–29]. Аналогии ей найдены на городище Бураково и селище Кенте (Латвия). Бритва с изогнутым лезвием и уступами между лезвием и черенком, похожая на таймановскую (длиной 13,3 см и шириной лезвия 1,9 см), происходит из погребения 37 пшеворского могильника Цыбловице Дуже, которое датируется временем C1a (200–220 гг.) [16, s. 20; taf. XXVIII: см). Небольшая целая бритва из хозяйственной ямы имеет длину 6,0 см, длина серповидного лезвия составляет 4,8 см, ширина – до 1,8 см, длина черенка – 2,3 см, ширина – до 1,0 см, толщина лезвия и черенка – по 0,3 см. Черенок плавно переходит в лезвие. Заточка также осуществлена с выпуклой стороны (рисунок 2: 4). Данная бритва, по-видимому, относится к типу 3 по А. А. Александрову [15, с. 27]. Аналогии ей имеются на городище Кенте и могильнике Ябара (Эстония). Лезвие бритвы длиной 8,4 см из селища (рисунок 2: 2) также относится к изделиям без уступов и по форме близко к бритвам из селища Узмень [7, рис. 107: 4, 5]. Аналогичные предметы есть в ареале культуры штрихованной керамики (Лабенищина, Ратюнки) [17, с. 84, рис. 56: 1, 3]. У бритвы с территории могильника Тайманово также черенок плавно переходил в лезвие (рисунок 2: 3). Обломок такого изделия выявлен на поселении Дедново [18, с. 55, рис. 13: 7]. Большая часть бритв датируется II–VI вв. К VII в. они в Восточной Европе выходят из употребления [15, с. 26–29]. Следует предположить, что в моду вновь входит ношение бороды.

Особую группу находок составляют пинцеты. Пинцеты имели бытовое, возможно, медицинское назначение, в то же время не исключено, что они могли служить инструментами ювелира, либо быть декоративной частью поясного набора. В Тайманово найдено три целых бронзовых пинцета (рисунок 2: 6–8). Один пинцет найден в заполнении полуземлянки № 28, остальные происходят из слоя. Пинцет, обнаруженный в полуземлянке, изготовлен из пластины толщиной 0,2 см. Его длина составляет 4,8 см, ширина в верхней части – 0,4 см, в нижней расширяющейся части – 1,2 см. Изделие снабжено зажимом (рисунок 2: 8). Близкие размеры имеет один из пинцетов из культурного слоя (длина – 4,9 см, ширина верхней части – 0,4 см, нижней – 0,8 см. Он из пластины толщиной 0,1 см) (рисунок 2: 6). Второй пинцет найден рядом с полуземлянкой № 50. Он крупнее, его длина достигает 6,5 см, ширина – до 0,6 см, также изготовлен из пластины толщиной 0,2 см (рисунок 2: 7).

Л. Д. Поболь таймановские пинцеты датировал концом II четверти – началом III четверти I тыс. н. э. В. И. Шадыро полагает, что пинцеты характерны для периода после половины I тыс. н. э. по аналогии с балтскими древностями, где они ранее середины I тыс. не встречаются [19, с. 65]. Бронзовый пинцет с зажимом, похожий на пинцет из полуземлянки № 28, только несколько более крупных размеров (длина 7,9 см), найден в погребении 49 кургана I могильника Нетта, расположенного в Северо-Восточной Польше. Погребение датируется позднееримским периодом D (350–450 гг.) [20, s. 21; pl. XXVI: gr. 49, 1]. Серия бронзовых пинцетов происходит из Белорусского Понеманья. Два фрагментированных изделия найдены в погребении 1 кургана 1 с сожжением в Засвири [21, с. 56; с. 83, мал. 49: 11, 12], два (длиной 6,0 и 4,0 см) выявлены на селище II–IX вв. Микольцы [21, с. 105; мал. 69: 1, 11]. А. М. Медведев по аналогии с находками из памятников Восточной Литвы пинцеты из Понеманья (Микольцы – 3 экз., Городище – 2 экз.) датирует V–IX вв. [22, с. 230]. К VI–VII вв. относит находки пинцетов на городищах Смоленского Поднепровья (Демидовка, Никодимово) Е. А. Шмидт [9, с. 70]. Бронзовый пинцет с расширенными концами выявлен с банцеровской керамикой на селище Лужесно под Витебском [23, с. 261, 268, мал. 6: 4]. Аналогии бронзового пинцета без зажима из городища Мысли А. А. Егорейченко видит в пшеворских могильниках Крапковице и Хмелев Пясковы (погребение 20, фаза B2) [17, с. 82, табл. 52: 4]. В римское время бронзовые пинцеты были широко представлены у племен вельбарской культуры [24, s. 127–143]. Возможно, через вельбарцев пинцеты начали проникать в Поднепровье.

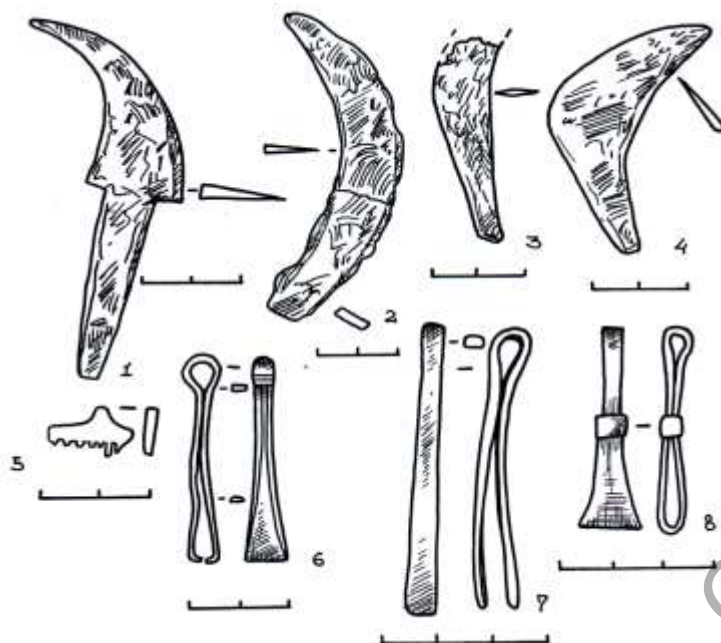

Рисунок 2 – Тайманово, бытовые предметы

1–4 – бритвы; 5 – гребень; 6–8 – пинцеты

В Абидне в постройке № 2 найдена бронзовая ручка от сосуда или, возможно, сундука (III – начало IV в.) [4, с. 217, рис. 16: 6, фото 5: 2].

В погребении 156 из Тайманово обнаружен одночастный костяной гребень, который сохранился в длину до 1,5 см, высоту – 1,1 см. Его толщина составляет 0,2 см (рисунок 2: 5). Гребень побывал в огне. В Юго-Восточной Европе одночастные гребни появляются во второй половине II – первой четверти III в. (C1a) [25, с. 170]. Г. Ф. Никитина датирует их на памятниках типа Тришин началом III в. [26, с. 147–159]. В Поднепровье такие гребни попали несколько позже. В частности, на это указывает найденная в том же погребении четырнадцатигранная бусина, время бытования которой, в основном, относится к позднееримскому времени C2 (260–310 гг.). Хотя, аналогичные бусы встречается и раньше – в периоде C1b (220–260 гг.) (тип 126–128 по М. Темпельманн-Мачинской) [27, s. 95]. Известна еще одна находка костяного гребня железного века на землях Беларуси. Это – одночастный гребешок с циркульным орнаментом из верхнего горизонта городища Лабенщина [12, с. 52, рис. 21: 19]. Он изготовлен из лопатки животного, а отверстия на спинке говорят, что его носили на шнурке. А. А. Егорейченко считает, что данный гребень близок гребням типа А-1 по классификации С. Томаса, которые были распространены в Западной Европе во второй половине I – первой половине III в. [17, с. 85].

Скорее всего, мы имеем дело с местным подражанием римским аналогам, на что в какой-то степени может указывать материал изготовления гребня, а также присутствие ушек для ношения на шее, что не характерно для римских образцов. С местным происхождением гребня согласен и А. А. Егорейченко.

Бытовые предметы, выявленные при археологических исследованиях, отражают образ жизни населения Гомельского и Могилевского Поднепровья в первой половине I тыс. н. э., его привычки и традиции. Наряду с бытовыми предметами, распространенными в предшествующее время, в этот период появляются новые категории бытовых вещей, не характерные ранее. К ним можно отнести ключи. Формы их самые простые, однако, сам факт появления ключей свидетельствует об углублении социального расслоения местного населения. Большинство бытовых вещей являются либо импортом, как правило, из римских провинций, обычно через племена, которые напрямую контактировали с римлянами, либо местным подражанием римским аналогам. Относительно фитильных трубочек не исключен северо-восточный путь их проникновения. Однако для более точных утверждений в настоящее время недостаточно материала.

Список использованной литературы

1 Гопкало, О. В. Черняховский могильник Ружичанка / О. В. Гопкало // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 3. – Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. – С. 330–400.

2 Гурин, М. Ф. Древнее железо Белорусского Поднепровья: (I тысячелетие н. э.) / М. Ф. Гурин. – Минск : Наука и техника, 1982. – 126 с.

3 Поболь, Л. Д. Жилища второй четверти I тыс. н. э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) / Л. Д. Поболь, А. В. Ильютик // Па археалогіі Беларусі (да 70-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі). – Мінск, 2001. – № 3. – С. 102–153.

4 Ильютик, А. В. Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника / А. В. Ильютик / Могилевское Поднепровье в римское время / Белорусское Поднепровье и Полесье в первой половине I тыс. н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя. В 2 кн. – Кн. 1. – Минск : Беларуская навука, 2016. – С. 198–247.

5 Jaskanis, J. Krupice. Ein Gräberfeld der Przeworsk und Wielbark-Kultur in Ostpolen / J. Jaskanis – Warszawa, 2005. – 259 s. – (Monumenta archaeologica Barbarica. – Tom. X).

6 Andrzejowski, J. Nadkole 2. A cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland / J. Andrzejowski. – Kraków: Secesja, 1998. – 268 s. – (Monumenta Archaeologica Barbarica. – T. V).

7 Лопатин, Н. В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. / Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев // Раннеславянский мир. – Вып. 8. – М. : Институт археологии РАН, 2007. – 252 с.

8 Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII н. э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2003. – 296 с.

9 Исланова, И. В. Культурная принадлежность середины I тыс. н. э. Верхнего Поднепровья / И. В. Исланова // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 2. – Часть 1. – Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. – С. 215–230.

10 Поболь, Л. Д. Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье / Л. Д. Поболь // Раннесредневековые славянские древности. – Л. : Наука, 1974. – С. 159–180.

11 Дубіцкая, Н. М. Пасяленне па-над Бярэзінай / Н. М. Дубіцкая // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 1984. – № 4. – С. 42–43.

12 Митрофанов, А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.) / А. Г. Митрофанов. – Минск : Наука и техника, 1978. – 169 с.

13 Бубенько, Т. С. Селище археологического комплекса у деревни Зароново Витебского района Витебской области: исследования 2017–2018 гг. / Т. С. Бубенько // Раздел III. Белорусское Подвинье и Днепро-Двинское междуречье / Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 95-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя. В 2 кн. – Кн. 2. – Минск : Беларуская навука, 2019. – С. 272–298.

14 Schuster, J. Przekłuwacze typy Dresden-Dobritz/Żerniki Wielkie. Uwagi na temat narzędzi z późnego okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów / J. Schuster // Wiadomości archeologiczne. – Warszawa, 2011. – Tom (Vol.) LXII. – S. 65–82.

15 Александров, А. А. Бритвы III–IV вв. в контексте древностей Восточной Европы / А. А. Александров // Земля Псковская, древняя социалистическая. – Псков, 1989. – С. 26–29.

16 Dzięgielewska, M. Cieblowice Duże ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien / M. Dzięgielewska, M. Kulczyńska / Fundacij Monumenta Archaeologica Barbarica, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. – Warszawa, 2008. – 216 s. – (Monumenta Archaeologica Barbarica. – T. XIV).

17 Егорейченко, А. А. Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. – Минск : БГУ, 2006. – 207 с.

18 Ильютик, А. В. Новые материалы из раскопок Дедновского поселения в Бобруйске / А. В. Ильютик // Старажытнасці Бабруйшчыны. – Мінск-Бабруйск, 1998. – Вып. 2. – С. 49–70.

19 Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (І тысячагоддзе н. э.). / В. І. Шадыра. – Мінск : ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”, 2006. – 150 с.

20 Bitner-Wróblewska, A. Netta. A balt cemetery in Northeastern Poland / A. Bitner-Wróblewska. – Warszawa, 2007. – 325 s. – (Monumenta Archaeologica Barbarica. – T. XII).

21 Звяруга, Я. Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэднявекі / Я. Г. Звяруга. – Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 10. – Мінск : ДНУ «Ін-т гісторыі НАН Беларусі», 2005. – 174 с.

22 Медведев, А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье / А. М. Медведев. – Минск: Беларуская навука, 2011. – 359 с.

23 Штыхаў, Г. В. Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска / Г. В. Штыхаў // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – № 8. – С. 259–274.

24 Strobin, A. Peśetka brązowa z cmentarzyska kultury oksywskiej w Wyczechowie, pow. Kartuski / A. Strobin // Wiadomości archeologiczne. – Warszawa, 2006. – Tom LVIII. – S. 127–143.

25 Магомедов, Б. В. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружие / Б. В. Магомедов // Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев : Наукова думка, 1990. – С. 160–172.

26 Никитина, Г. Ф. Гребни черняховской культуры / Г. Ф. Никитина // Советская археология. – М. : Изд-во АН СССР, 1969. – № 1. – С. 147–159.

27 Tempelmann-Mączyńska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen

Barbaricum / M. Tempelmann-Mączyńska. – Mainz Am Rhein, 1985. – 335 p. – (Römisch-Germanische Forschungen. – Bd. 43).

УДК 902/903.25: 94(476) Мохов "04/14"

Е. С. ИВАНОВА-ПРАЛЯ

Беларусь, Гомель, Гомельский дворцово-парковый ансамбль

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ КУРГАНА 28 МОХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В статье рассматриваются особенности женского захоронения эпохи Руси Моховского курганного могильника, расположенного на правом берегу р. Днепр у г. Лоев Гомельской области. Проведен анализ стеклянных и металлических украшений, результаты которого могут послужить основой для изучения женского погребального костюма XI в.

Ключевые слова: археология, бусы, курган, Мохов, погребальный инвентарь, украшения, экспедиция ГГУ им. Ф. Скорины.

На юго-восточной окраине д. Мохов Лоевского р-на Гомельской обл. в правобережье Днепра расположен уникальный комплекс разновременных памятников. Первым исследователем Моховских древностей в конце XIX в. был В. З. Завитневич, который насчитал здесь свыше 600 курганов и раскопал 26 из них. Он выделял этот памятник среди соседних и указывал на его особенности: самый крупный курганный могильник в регионе с разнообразием погребального обряда [1, с. 2–16].

В 2003 г. исследования в Мохове были продолжены археологическим отрядом Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины под руководством О. А. Макушникова. В ходе раскопок выявлены остатки стоянок эпох неолита и бронзового века, селищ позднезарубинецкой, киевской и пражской культур, а также крупного поселения периода Киевской Руси. Площадь поселенческого комплекса составляет более 25 га. Основное внимание работ на памятнике было сосредоточено на исследовании курганного могильника X–XI вв. (сохранилось несколько более 300 насыпей, включая нарушенные). По размерам и топографическим особенностям Мохов сопоставим с так называемыми «открытыми

торгово-ремесленными поселениями» или «военно-дружинными лагерями» (Гнездово, Шестовица, Тимерево и пр.) [2, с. 131–133]. О. А. Макушников также обращает внимание на особый этнокультурный состав населения Мохова, на наличие в погребальном инвентаре курганов предметов кривичского, балтского, финского происхождения. При этом за многие годы изучения памятника не обнаружены этноопределяющие украшения радимичей и дреговичей, проживавших в непосредственной близости (могильник у д. Абакумы Лоевского р-на в 6 км от Мохова, где было найдено дреговичское захоронение) [3, с. 25].

Отдельные комплексы памятника остаются неопубликованными. Их введение в научный оборот позволит сделать определенные выводы о характере погребального обряда, деталях костюма местных жителей и этнических связях населения, проживавшего на данной территории в эпоху ранней Руси.

Курган 28 был изучен в 2006 г. Он расположен на окраинной восточной части могильника, имеет округлую форму, высоту около 0,4 м, диаметр – 6–7 м. Его поверхность задернована (мощность дерново-почвенного горизонта 0,1–0,2 м). Насыпь сложена желтым песком с включением золы и угольков, которые смешаны с культурными отложениями более ранних эпох. По центру кургана, на глубине – 0,15–0,43 м в небольшом количестве встречались кальцинированные кости (северо-западный, юго-западный и юго-восточный сектора). Возможно, это нарушенные остатки погребений более раннего времени. В основании кургана выявлено зольно-угольное пятно овальной формы мощностью до 0,15 м. Оно вытянуто с северо-востока на юго-запад, имеет размеры 4,8х2,7 м [4, с. 26–28].

В центре кургана на зольно-угольном пятне расчищены человеческие останки плохой сохранности. Скелет был ориентирован на юго-запад. Сохранились обломки черепа и челюсти, нескольких зубов, фрагменты правой лучевой и левой локтевой кости. Околокурганные ровики фрагментарно прослежены в северо-западном, северо-восточном и юго-восточном секторах, они врезаны в материк на 0,2–0,5 м и заполнены золисто-углистым песком.

На границе дерново-почвенного слоя и насыпи встречены фрагменты лепной и круговой керамики, относящиеся к позднезарубинецкой и пражской культурам, а также ко второй половине X–XI вв. В насыпи обнаружены обломки изделия из черного металла округлой формы (остатки фибулы или браслета) и фрагмент глиняной

фигурки (?). Прямая связь этих предметов с захоронением проблематична. В юго-восточном секторе найдены стенки кругового древнерусского сосуда и обломок железного черешкового ножа. Место находки последнего может указывать на то, что он являлся частью погребального инвентаря. Он обнаружен в области истлевшей грудной клетки, с левой ее стороны. На остатках левой лучевой кости открыт бронзовый браслет, а справа от костей грудного отдела – пять бронзовых бубенчиков (рисунок 1). Массовой находкой в захоронении были бусы, которые образуют два скопления: одно – в области левой околоушной области и шеи, вторая – сосредоточена в области грудного отдела и равномерно «растянута» до предполагаемого пояса костяка.

Дротовый разомкнутый браслет из кургана 28 имеет заостренные концы. На его поверхности нанесен орнамент в виде трех насечек, повторяющийся через 3 см. В. П. Левашева выделяет тип дротовых браслетов как один из самых распространенных на Руси [5, с. 218]. Такие украшения были распространены в конце X – первой половине XII в. [6, с. 94]. По наблюдениям П. Ф. Лысенко, в курганах дреговичей круглопроволочные браслеты были обнаружены в 27 погребениях из 12 изученных могильников, а основным регионом их распространения является Поднепровье [7, с. 78]. Интересно, что при раскопках В. З. Завитневича в Мохове были обнаружены три дротовых браслета [7, с. 80]. Аналогичный браслет выявлен в женской ингумации кургана 105 [8, с. 33–34].

Найденные бронзовые бубенчики относятся к разновидности грушевидных крестопрорезных. Нижние их части орнаментированы косыми насечками. Такие бубенчики относятся к категории «шумящих привесок». По Новгородской стратиграфии они датируются серединой X – серединой XII в. [6, с. 156]. Традиция ношения «шумящих» украшений характерна для финно-угорского и соседствующего с ними населения Руси [9, с. 124]. Такие привески были популярны на Руси. В землях радимичей они выявлены на 23 памятниках [10, с. 73], у дреговичей отмечены реже – в 11 погребениях восьми могильников [7, с. 80]. Очевидно, грушевидные бубенчики имели широкий ареал распространения, однако использовались в славянском женском костюме в небольшом количестве. Они не являются этноопределяющими украшениями, но традиция их использования, возможно, говорит о ранних связях с финно-угорским населением.

В Моховского некрополе раскопками 2003–2010 гг. (42 погребения) крестопрорезные бубенчики с насечками были обнаружены только в трех захоронениях (все – женские ингумации): курган 105 (погребение 2), курганы 28 и 21. В каждом комплексе найдено от трех до десяти экземпляров таких предметов. В кургане 28 эти изделия находились справа, вдоль плечевой и локтевой костей остатков скелета (рисунок 1: 1). Возможно, они были нашиты на одежду или рукав платья. Такое их использование наблюдается в средневековых погребениях на территории Смоленской и Новгородской областей [11, с. 134]. В ингумации моховского кургана 105 бубенчики обнаружены в двух местах: у правого плеча (в районе ключицы) – три экземпляра среднего размера и ниже бедренной кости на 15 см – семь крупных. Возможно, такое расположение может указывать на использование их в качестве нашивки на пояс или юбку, а также на верхнюю одежду в районе плеча [11, с. 136]. Определить место расположения бубенчиков в «костюме» погребенной кургана 21 сложнее, так как кости скелета полностью истлели. Один бубенчик, возможно, располагался у черепа, поскольку был обнаружен рядом с височным кольцом. Еще два найдены правее от истлевших костей черепа, около правой руки (?). Такое размещение шумящих украшений схоже с местом находки бубенчиков в кургане 28, следовательно, и функциональное применение может быть близким: нашивка на рукав верхней одежды.

Таким образом, анализ моховских погребений с крестопрорезными бубенчиками позволяет предположить их использование в женском костюме X–XI вв. в качестве нашивки на одежду (рукава, пояс, юбку). Интересно, что в районе грудного отдела, т. е. на низке с бусами в Мохове бубенчики не встречаются.

Самой многочисленной находкой в погребении кургана 28 являются бусы. Их коллекция насчитывает 216 единиц. 123 экз. (и 55 в обломках) – это пастовый навитой обесцвеченный или белый бисер (диаметр 0,2–0,3 см, длина – 0,2–0,4 см.). Бисер составляет 67 % от общего количества бус (рисунок 1: 2). Максимальная концентрация бисера наблюдалась в области левой околоушной области и спускалась на шею (15–20 см от черепа). Следует предположить, что пастовый бисер использовался при расшивке головного убора и поэтому находился около черепа. Схожая ситуация с преобладанием в захоронении пастового бисера наблюдается в погребениях памятников Костыки (курган 3), Избище (курган 55),

Нарва (курган 33), которые расположены в регионе Верхнего Повилья [12, с. 278, 284, 286]. Особенностью этих захоронений является место расположения бисера. Там он обнаружен в нехарактерном для ожерелья месте – бусы зафиксированы по бокам от черепа и вокруг головы в радиусе 10–20 см. В связи с этим исследователи предположили, что такие бусы использовались для расшивки головного убора [12, с. 278]. В моховском погребении кургана 28 можно предполагать наличие головного убора, который был украшен навитым бисером и датируется XI в. [12, с. 280].

19 экземпляров из коллекции бус кургана 28 составляет желтый рубленый из глухого стекла бисер (диаметр 0,2–0,4 см, длина – 0,3–0,4 см). Это одна из самых часто встречающихся категорий бус, бытовавших на памятниках периода Руси (рисунок 1: 3). Согласно новгородской стратиграфии, хронологические рамки рубленого бисера – X – начало XII вв. [13, с. 173]. В Гнездово его основная масса датируется первой половиной XI в. [14, с. 323].

При такой широкой датировке важно учитывать, с какими бусами бисер составляет комплекс. В ходе раскопок 2003–2010 гг. в погребениях Моховского могильника он встречен в семи ингумациях из девяти, а также в двух кремациях из шести, что говорит о популярности этой категории украшений на этом памятнике. В Гнездовском комплексе ситуация противоположная: рубленый бисер является самой многочисленной находкой памятника, но доминирующее число экземпляров обнаружено на городище, а в погребениях он зафиксирован в материалах всего десятка курганов [14, с. 323; 15 с. 245–251].

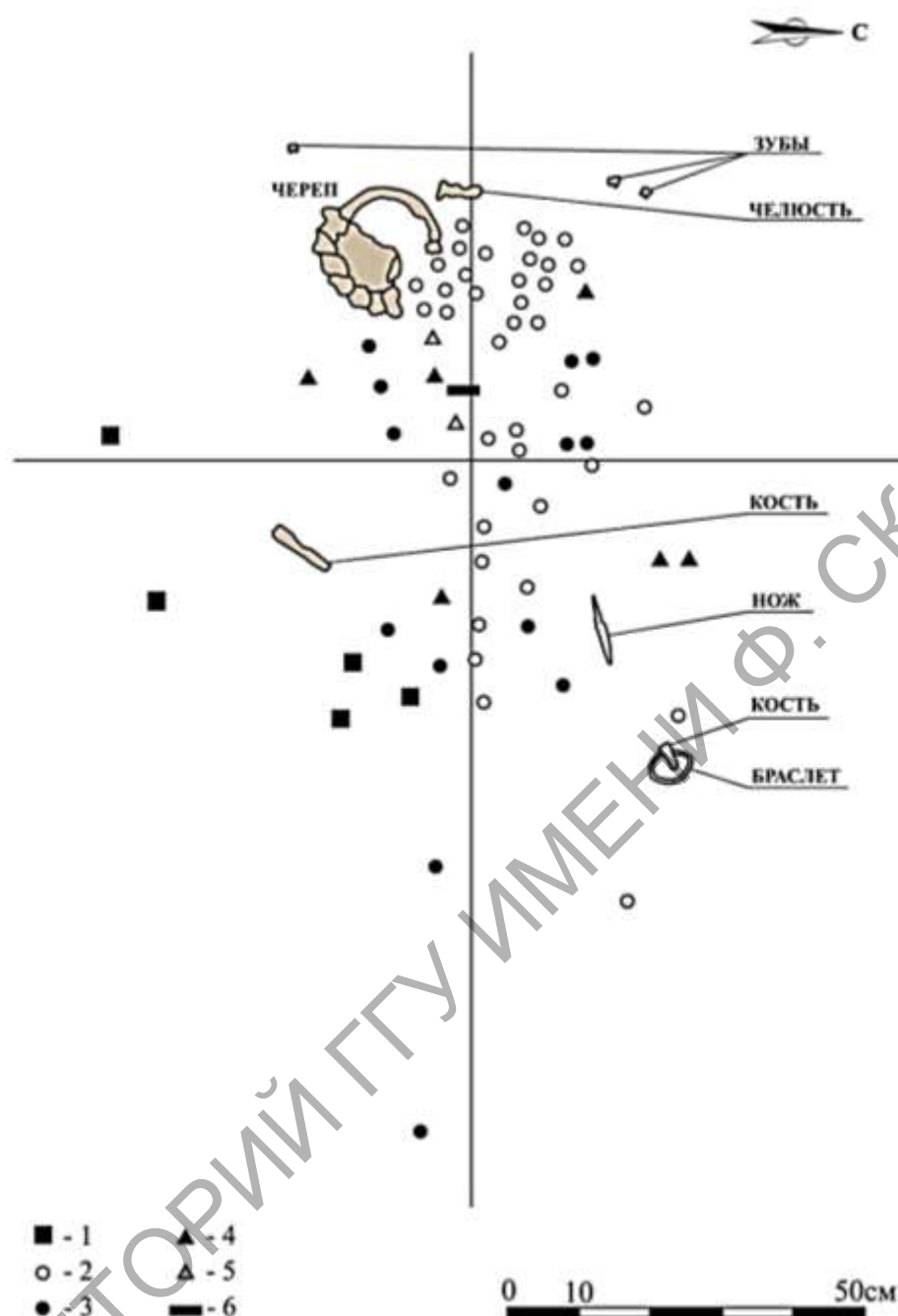

Рисунок 1 – Мохов. План размещения находок в погребении кургана 28

1 – крестопрорезные бубенчики; 2 – белые бусы (пастовый белый и обесцвеченный бисер, белая стеклянная пронизка); 3 – желтые бусы (стеклянный рубленый бисер и круглые цилиндрические бусы); 4 – синие бусы (стеклянные лимоновидные и винтообразные бусы); 5 – бусы синего цвета с белой инкрустацией (стеклянные круглые цилиндрические бусы); 6 – красно-оранжевая бусина (сердоликовая восьмигранная призматическая бусина)

Рассмотрим 19 крупных бус, которые делятся по материалу изготовления на стеклянные и каменные. Каменная бусина в погребении кургана 28 обнаружена одна – сердоликовая восьмигранная призматическая, красно-оранжевого цвета (рисунок 1: 6). Время бытования таких бус – вторая половина X – начало XII вв. [16, с. 93]. Самое большое количество находок этого типа приходится на первую четверть XI в. [17, с. 26–27; 14, с. 325]. В Днепро-Двинском междуречье, с наибольшим скоплением в низовьях Днепровского бассейна на территории Беларуси, он самый распространенный [18]. По данным А. В. Успенской у дреговичей призматические сердоликовые бусы встречаются чаще, чем у других славян (кривичи, радимичи, вятичи) [19, с. 115, 121]. Аналогичные бусы в Моховском могильнике обнаружены в курганах 1 и 105 (женские ингумации). В них они располагались в районе груди и являлись частью ожерелья. Особенностью этих погребений является то, что здесь были найдены монеты-привески, позволяющие соотнести датировку монет с набором бус. В кургане 1 около черепа был обнаружен серебряный денарий Болеслава II Благочестивого (972–999 гг.) с бронзовым пластинчатым ушком. Это позволяет определить нижнюю дату использования монеты, а значит и формирования комплекса из кургана 1 – не ранее 972 г. [20, с. 79]. С учетом факта использования монеты в качестве привески наиболее вероятная дата комплекса – начало XI в. В погребении 2 кургана 105 обнаружены фрагменты брактеата. Распространенным вариантом этих привесок является подражание куфическому дирхаму, однако, по мнению В. Н. Рябцевича, остатки привески из моховского погребения не являются таковыми [20, с. 81]. Таким образом, сердоликовая бусина из кургана 28, аналогичная экземпляру из кургана 1, может быть датирована не ранее последней четверти X–XI вв.

Большинство стеклянных бус кургана 28 изготовлены из тянутой трубочки – 12 экз. 9 экз. – круглые цилиндрические из желтого глухого стекла. Они отличаются от рубленого бисера более крупными размерами (диаметр составляет 0,6–0,7 см, длина – 0,5–0,6 см) (рисунок 1: 3). Три бусины из тянутой трубочки синие: две цветные лимоновидные и цилиндрическая удлиненная (пронизка). Лимоновидные цветные бусы – частая находка в древнерусских могильниках. В моховских погребениях они обнаружены в курганах 1, 105 и 28. Они круглые, прозрачного стекла. В исследуемом комплексе это одночастный и пятичастный экземпляры, которые по материалам могильника Минино II датируются второй половиной X в. [21, с. 186–187], а в Новгороде бытуют до середины – конца третьей четверти XI в.

[14, с. 324]. У бусины-пронизки из темно-синего непрозрачного стекла длина заметно превышает диаметр (диаметр 0,5 см, длина – 2,0 см). Хронологические границы таких украшений совпадают со временем бытованием лимоновидных бус – конец X–XI вв.

Шесть экземпляров стеклянных бус в коллекции изготовлены способом навития, т. е. накручивания на твердую основу расплавленной стеклянной массы [22, с. 15–16]. Это три округлые цилиндрические синие прозрачные («винтообразные пронизки») и одна белая непрозрачная (рисунок 1: 4). По материалам Мининского могильника временем бытования таких украшений можно считать вторую четверть XI в. [21, с. 152, 186]. Две бусины, которые были найдены по обе стороны от призматической сердоликовой – круглые цилиндрические синие непрозрачные с белой инкрустацией (диаметр 0,7 см, длина – 0,5 см) (рисунок 1: 5). Согласно их расположению, можно предположить, что вместе с каменной бусиной они составляли центральную часть украшения на низке.

Таким образом, в кургане 28 открыто женское захоронение. Согласно анализу погребального инвентаря, его можно датировать в рамках начала – второй четверти XI в. Самой многочисленной категорией находок в погребении выступила коллекция бус, которая состоит из 216 экземпляров: одна сердоликовая и 215 стеклянных, где большую часть составляет пастовый бисер. Преобладание навитого бисера характерно для второй половины XI в., так как технология производства и максимальное использование рубленого бисера (конец X–XI вв.), сменяется доминированием навитых бус с середины XI в. Однако наличие украшений из тянутой трубочки (цветные лимоновидные и рубленый бисер) указывает на традицию использования в костюме женщин XI в. и более ранних украшений.

Анализ расположения бус в погребении позволяет выделить два очага их скопления, что может указывать на использование пастового бисера в расшивке головного убора. В свою очередь, стеклянные бусы и бисер, располагающиеся в шейно-грудном отделе, являются составной частью ожерелья, где центральное место занимали сердоликовая и две синие инкрустированные бусины. Находки грушевидных бубенчиков указывают на расшивку правого рукава верхней одежды шумящими привесками.

Список использованной литературы

1 Завитневич, В. З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В. З. Завитневич // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. – Кн. 6. – Отд. 2. – Киев, 1892. – С. 11–72.

2 Макушников, О. А. Мохов – крупнейший археологический комплекс X–XI вв. на юго-востоке Беларуси / О. А. Макушников // Славянский мир Полесья в древности и средневековье : материалы международной научной конференции 19–20 октября 2004 г. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – С. 131–134.

3 Макушников, О. А. Моховские древности: основные итоги исследований экспедиции ГГУ им. Ф. Скорины / О. А. Макушников // Юго-Восточная Беларусь: археология, ранняя история, памятники. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 22–46.

4 Макушников, О. А. Отчет об исследованиях средневековых памятников возле д. Мохов Лоевского р-на Гомельской обл. в 2006 г. / О. А. Макушников / Фонды отдела археологии и охраны историко-культурного наследия ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», – Гомель, 2007. – 84 с.

5 Левашева, В. П. Браслеты / В. П. Левашева // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. : труды Государственного Исторического музея. – М. : Советская Россия, 1967. – Том 1. – Вып. 43. – С. 207–253.

6 Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М. : Наука, 2013. – 196 с.

7 Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1991. – 244 с.

8 Макушников, О. А. Отчет об исследованиях средневековых памятников возле д. Мохов Лоевского р-на Гомельской обл. в 2004 г. / О. А. Макушников / Фонды отдела археологии и охраны историко-культурного наследия ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». – Гомель, 2005. – 123 с.

9 Журжалина, Н. П. Древнерусские амулеты-привески и их датировка / Н. П. Журжалина // Советская археология. – № 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 122–140.

10 Богомольников, В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В. В. Богомольников. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 226 с.

11 Мальм, В. А. Привески-бубенчики / В. А. Мальм, М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М. : Советская Россия, 1967. – Вып. 43. – С. 133–149.

12 Степанова, М. И. К вопросу о месте бус в погребальном костюме населения Верхнего Поволжья в конце X–XII в. / М. И. Степанова, Н. А. Плавинский // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова : материалы 63-го заседания. – М.; Псков : ИА РАН, 2018. – Вып. 33. – С. 275–287.

13 Щапова, Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода / Ю. Л. Щапова // Труды Новгородской археологической экспедиции. – М. : Наука, 1956. – Т. 1. – № 55. – С. 164–179.

14 Доброва, О. П. Бусы из погребения в камере Ц-212 и некоторые аспекты количественного распределения бус в Гнёздово / О. П. Доброва // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова : материалы 60-го заседания, М.–Псков–Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2014 г. / Институт РАН; редкол.: П. Г. Гайдуков [и др.] – М., 2015. – Вып. 30. – С. 322–327.

15 Доброва, О. П. Бусы из погребений по обряду ингумации Гнёздовского могильника / О. П. Доброва // Поволжская археология. – Казань : ФЭН, 2017. – № 4. – С. 236–257.

16 Сергеева, З. М. К изучению восточного импорта из памятников X–XIII вв. Белоруссии (по материалам сердоликовых и хрустальных бус) / З. М. Сергеева // Тезисы Второй Гомельской областной научной конференции по историческому краеведению. – Гомель, 1991. – С. 92–94.

17 Полубояринова, М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды / М. Д. Полубояринова. – М. : Ин-т археологии АН СССР, 1991. – 112 с.

18 Сергеева, З. М. Сердоликовые бусы западнорусских земель (по материалам памятников X–XIII вв. Днепро-Двинского междуречья) [Электронный ресурс] / З. М. Сергеева. – Режим доступа: <https://arheologi.livejournal.com/55500.html>. – Дата доступа: 06.04.2021.

19 Успенская, А. В. Курганы Южной Белоруссии / А. В. Успенская // Труды Государственного Исторического музея. – № 22. – М. : Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1953. – С. 99–124.

20 Макушников, О. А. Моховские курганы с находками монет / О. А. Макушников, Н. А. Курашова, А. Г. Тимофеев // Крыніца-знаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Мінск : БДУ, 2008. – Вып. 4. – С. 77–82.

21 Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Материальная

культура и хронология. – В 3-х т.; отв. ред. Н. А. Макаров, ред. тома С. Д. Захаров. – М. : Наука, 2008. – Т. 2. – 362 с.

22 Львова, З. А. Технологическая классификация стеклянных бус домонгольской Руси / З. А. Львова // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Ленинград: Искусство, 1958. – № 14.

В. І. КОШМАН

Беларусь, Мінск,
загадчык Археалагічным цэнтрам Беларусі
Дзяржаўнай навуковай ўстановы
“Інстытут гісторыі НАН Беларусі”,
кандыдат гістарычных навук

**ДА ПЫТАННЯ АБ АБАРОНЧЫХ ЗБУДАВАННЯХ
СТАРАЖЫТНАГА БАРЫСАВА**

Ў артыкуле разгледжаны асноўныя вынікі археалагічнага пошуку, лакалізацыі і вывучэння вала летапіснага Барысава. Знойдзены рэшткі абарончага вала, які стратыграфічна і планіграфічна фіксуецца падсыпкамі грунту з фрагментамі карбанізаванага дрэва. У ніжніх падсыпках вала знойдзены фрагменты ляпной керамікі пачатку I тыс. н. э., у верхніх – другой паловы XIII–XIV стст. Рэшткі вала моцна пашкоджаны перакопамі XX ст., а назапашаных матэрыялаў пакуль што не дазваляе ўпэўнена датаваць абарончую канструкцыю.

Ключавыя словы: археалогія, Барысаў, вал, гарадзішча, культурны слой, раскопкі, Старабарысаў.

У беларускай гістарыяграфіі пытанне ўзнікнення старажытнага Барысава і яго пераносу ў часы позняга сярэднявечча на новае месца было разгледжана Г. В. Штыхавым на падставе аналізу дадзеных тапанімікі і вынікаў археалагічных работ канца 1960-х – пачатку 1970-х гг. Паведамленне В. Н. Тацішчава, што Барыс Ёсяслававіч у 1102 г. вяртаючыся з паходаў на яцвягаў заснаваў горад [1, с. 137] і паўторная ўзгадка Барысава пад час паходу на яго чарнігаўскага войска Усевалада Ольгавіча ў 1127/28 г. [2, с. 232], дазволіла гісторыкам гаварыць пра ўзнікненне старажытнага горада Полацкай зямлі ў канцы XI – пачатку XII стст. Аднак, на працягу канца XIX – трэцяй чвэрці XX ст. пытанне лакалізацыі горада вырашалася традыцыйна – яго ролю адводзілі замчышчу на тэрыторыі сучаснага Барысава, у раёне вул. Гогаля. У той жа час, шурфоўка 1928 г. А. М. Ляўданскага на тэрыторыі Барысаўскага замчышча паказала наяўнасць культурнага пласта магутнасцю 0,8–1,5 м без дакладнай стратыграфіі і адсутнасць матэрыялаў, якія можна аднесці да перыяду Старажытнай Русіі [3, с. 253–254, 259].

Тым не меней, А. М. Ляўданскі дазволіў сабе выказаць меркаванне, што “узнікненне Барысава трэба аднесці да XI ст., але не раней...”, што “...першапачатковым умацаваным месцам г. Барысава трэба лічыць вышэйапісанае гарадзішча ...”, якое “служыла, як і Аршанскае і іншыя гарадзішчы гэтага часу, мабыць, вайскова-адміністрацыйным цэнтрам для мясцовага насельніцтва”. Адсутнасць даследаванняў у гэтым мікрарэгіёне як у даваенны, так і пасляваенны час, прывяло да таго, што Л. В. Аляксееў у сваёй працы, прысвечанай Полацкай зямлі, таксама паўтарыў высновы А. М. Ляўданскага [4, с. 179].

Карэктыроўка гэтых меркаванняў была ажыццяўлена Г. В. Штыхавым, які пасля неаднаразовых аглядаў Барысасаўскага замчышча са зборам пад’ёмнага матэрыялу і азнаямлення з выпадковымі знаходкамі, таксама выказаў меркаванне аб адсутнасці напластаванняў эпохі Старажытнай Русі на “замчышчы”. Аналіз тапанімікі Барысава (Старабарысаў / Барысаў / Новы Барысаў) і дапамога мясцовага краязнаўцы М. М. Прохарчыка дазволілі Г. В. Штыхаву ў 1968 г. лакалізаваць новае гарадзішча і прылягаючае да яго селішча ў пас. Старабарысаў. Гэты комплекс і было прапанавана атаясамліваць з летапісным горадам Полацкай зямлі [5, с. 20]. Прылягаючае з паўночнага боку селішча плошчай 2–3 га Г. В. Штыхаў прапанаваў лічыць пасадам летапіснага Барысава, які перавышаў плошчу гарадзішча недзе ў 3 разы (Археалагічныя раскопкі 1968, 1969, 1971 гг. (224 кв. м на гарадзішчы і 96 кв. м на селішчы) (малюнак 1) устанавілі наяўнасць культурнага слою старажытнарускага часу з характэрнымі знаходкамі XII–XIII стст.

Адлегласць гарадзішча ў пас. Старабарысаў да р. Бярэзіна складае каля 1,5–1,6 км, і ўся гэтая прастора занята забалочнай поймай, так што гэтае ўзвышша і з’яўлялася адзіным прыдатным месцам для размяшчэння ўмацаванага паселішча. Зараз пляцоўка гарадзішча даволі шчыльна занята індывідуальнай жыллой і гаспадарчай забудовай (вул. Працоўная, 2, 3, 4) і агародамі. У паўднёва-заходняй частцы гарадзішча размяшчаецца двухпавярховы сядзібны дом сярэдзіны XIX ст.

Гарадзішча займае дастаткова высокі мыс, верагодна, ледавіковы астанец (вышыняй 8–10 м над акаляючай мясцовасцю) памерамі каля 170x100 м (каля 1 га), які з паўднёва-усходняга і ўсходняга боку абмежаваны ручаём, на якім, відаць, яшчэ з другой паловы XIX ст. зроблена плаціна і створана некалькі штучных азёр. Гэты ручай працякае праз шырокую пойму левага берага Бярэзіны і ўпадае ў яе. Відавочна, што выбар месца для заснавання паселішча быў дастаткова зручны. Высокі мыс з усходу і паўднёвага ўсходу акаляўся воднай перашкодай, з заходняга боку (тады забалочанай ?) нізінай.

Наш агляд гарадзішча паказаў, што вакол яго, прынамсі з усходняга і часткова заходняга боку, прасочваюцца сляды рва шырынёй 4,0–9,0 м і глыбінёй 0,7–1,2 м. Візуальна слядоў вала як на гарадзішчы, так і на селішчы-пасадзе на сённяшні дзень не адзначаецца, і пытанне аб яго наяўнасці заставалася да апошняга часу адкрытым. У той жа час, яшчэ Г. В. Штыхаў звярнуў увагу на тое, што ў 1127/28 г. на горад накіроўвалася моцнае чарнігаўскае войска, што ўскосна сведчыць аб тым, што паселішча ўжо магло мець фартыфікацыйныя збудаванні [6, с. 100]. Справаздачы Г. В. Штыхава не ўтрымліваюць інфармацыі, што ім ставілася мэта пошуку і вывучэння абарончых збудаванняў, яго раскопы размяшчаліся фактычна ў цэнтры пляцоўкі.

На падставе справаздачаў Г. В. Штыхава, уласных даследаванняў 2016–2017 гг., намі ў адным з артыкулаў [7, с. 151–162] было выказана меркаванне аб штучнасці падзела на “гарадзішча” і “селішча”. Была звернута ўвага на тое, што роў з паўночнага боку ўзвышша, які ўласна і падзяляе прыродна адзінае ўзвышша на “гарадзішча” і “селішча”, з’яўляецца дарогай, якая злучае ўсходнюю і заходнюю частку пасёлка і забяспечвае найбліжэйшую камунікацыю, бо аб’езд гэтага ўзвышша з паўночнага або паўднёвага боку займае шмат часу. Было выказана меркаванне, што “роў” – гэта вынік земляных работ XIX ст., хутчэй сярэдзіны XIX ст. Дагэтуль відавочна, што гэты “роў” (дарога) шырынёй каля 5,0 м мае штучны характар, што добра дэманструецца паўночным знешнім схілам “гарадзішча”, які мае амаль вертыкальнае падзенне, а дзённыя паверхні “гарадзішча” і “селішча” карэлююцца па сваёй вышыні. Ніякіх слядоў абарончых збудаванняў і нават узвышэння ад насыпу вала не прасочваецца і на паўночным краю “гарадзішча”.

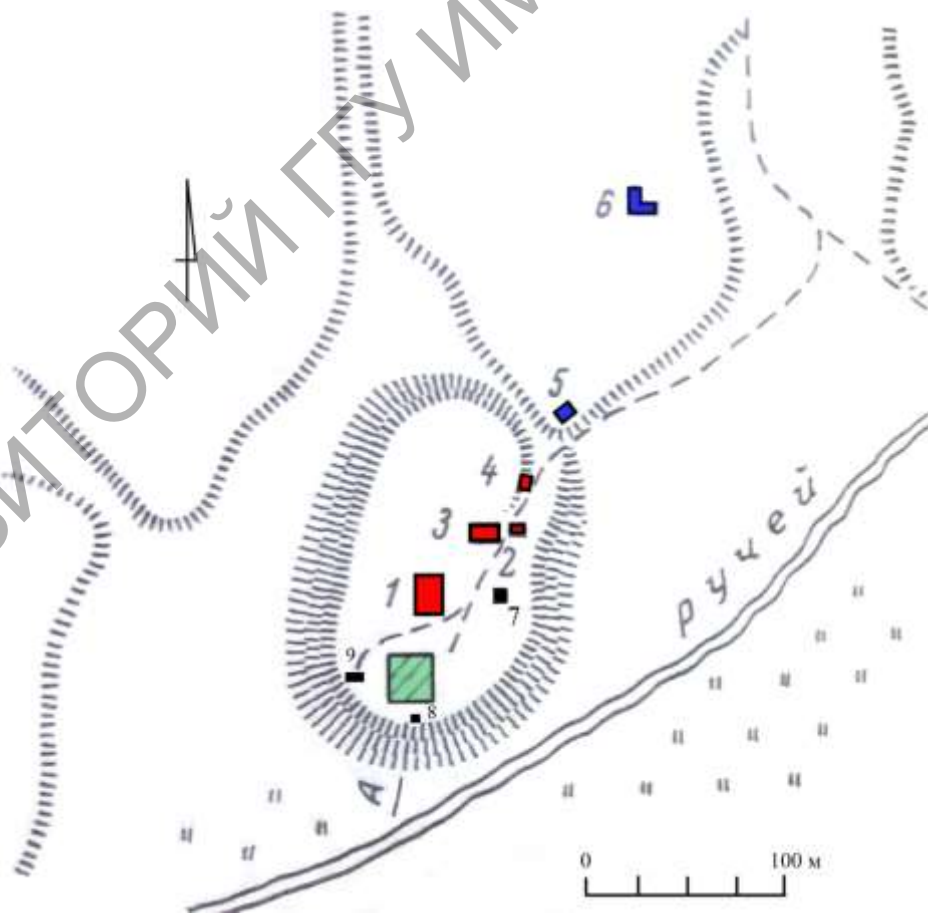
Разважаючы ў накірунку таго, што Барысаў пасля 1127/28 г. не адзначаецца на старонках летапісаў і фактычна “губляецца” у палітычным жыцці Полацкай зямлі, якога-небудзь значэння ў палітычным і эканамічным жыцці Полацкай зямлі ён не набыў, што мінімізавала і магчымасці маштабных фартыфікацыйных работ з-за іх немэтазгоднасці ў склаўшыхся геапалітычных абставінах другой паловы XII – XIII ст. У савецкай і беларускай гістарыяграфіі замацаваўся меркаванне навукоўцаў аб пераносе жыцця з “летапіснага Барысава” на месца Барысаўскага замчышча ў XIV ст., што фактычна пастуліравала заняпад і заняўбанне летапіснага гарадзішча.

Адзначым і тое, што дагэтуль нейкай ўпэўненай і абгрунтаванай даты “пераносу летапіснага Барысава” і яго адміністрацыйна-гаспадарчых функцый да паселішча на левым нізкім беразе р. Бярэзіны (“замчышча ў Барысаве”), не існуе як ў галіне археалогіі, так і пісьмовай гісторыі. Тым не меней, гэты “перанос” адбыўся і пісьмовыя дакументы, і бурлівыя падзеі XVI–XIX стст. разгортваюцца выключна

вакол Барысаўскага замчышча. Прычыны гэтага пераносу нам уяўляюцца ў комплексе геапалітычных, эканамічных і палітычных абставін, якія склаліся на тэрыторыі нараджаючагася ВКЛ у перыяд XIV–XV стст.

Пры ўласных археалагічных даследаваннях 2016–2017 гг., вугал раскопа размяшчаўся ў 11–12 м ад паўднёва-усходняга схіла гарадзішча (малюнак 1) і слядоў пяску ад распаўзання ўнутранняга схілу вала не адзначалася, што давала ўскосную падставу гаварыць аб тым, што з боку воднай перашкоды вал мог адсутнічаць і абарончыя здольнасці паселішча забяспечваліся рэчкай з забалочанай мясцовасцю і стромкасцю схілаў.

Зыходзячы з таго, што неад’ёмным элементам горада Старажытнай Русі з’яўляюцца яго абарончыя збудаванні, актуальнай задачай нашых даследаванняў быў якраз іх пошук, фіксацыя і вывучэнне. Увага была скіравана на вольныя ад жылой забудовы ўчасткі каля схілаў гарадзішча. У 2018 г. было распрацавана 2 шурфа. Шурф I плошчай 12 кв. м. (2 x 6 м) быў разбіты на паўднёва-заходнім краю гарадзішча, паміж яго схілам і паўднёвай сцяной сядзібы XIX ст. (малюнак 1). Адлегласць крайняга паўднёвага квадрата да схілу складала каля 5,7 м.

**Малюнак 1 – Схематычнае размяшчэнне шурфоў і раскопаў на гарадзішчы
летапіснага Барысава**

№№ 1–6 – раскопы Г.В. Штыхава (1968, 1969, 1971 гг.), № 7 – раскоп
(2016–2017 гг.), № 8 – шурф (2018 г.), № 9 – шурф (2019 г.)

Пад час распрацоўкі шурфа былі зафіксаваны шматлікія перакопы, якія дасягалі VIII–IX механічных пластоў і толькі ў паўднёвай, заходняй і ўсходняй сценах ў кв. 3, які знаходзіўся бліжэй да схілу гарадзішча, складала каля 5,7 м. Пад час распрацоўкі шурфа былі зафіксаваны шматлікія перакопы, якія дасягалі VIII–IX механічных пластоў і толькі ў паўднёвай, заходняй і ўсходняй сценах ў кв. 3, які знаходзіўся бліжэй да схілу гарадзішча, была зафіксавана непашкоджаная стратыграфічная карціна, якая сведчыла аб адсутнасці ў гэтым месцы слядоў вала (малюнак 2). Керамічны матэрыял VI–X пластоў кв. 3 укладваецца ў храналагічны перыяд XII–XV стст.

Малюнак 2 – Паўднёвы і заходні профіль кв. 3 шурфа 1 (2018 г.)

Шурф II плошчай 4 кв.м. (2х2 м) быў разбіты на паўночным краю, паміж схілам гарадзішча і паўночнай сцяной сядзібы XIX ст., непадалёку ад ваданпорнай калонкі. Адлегласць ад схілу гарадзішча складала 5,9–6,0 м.

Па нівеліровачных адзнаках назіраецца невялікае “падзенне” дзённай паверхні ў паўднёвым накірунку (ад схілу) на 0,07–0,08 м. Пры распрацоўцы III–VIII пластоў было зафіксавана, што яны складаюцца з чаргавання падсыпак (светла-жоўтага пяску з рэдкімі лінзамі драўлянай парохні (карбанізаванага дрэва ?), рыжага гліністага пяску з уключэннем прапласткаў драўлянай парохні і гумусаваных прапласткаў, светла-жоўтага (гліністага) слою з уключэннем дробных вугольчыкаў і інш.) (малюнак 3). Інтэрпрэтацыя гэтага выяўленага паслядоўнага змянення напластаванняў – гэта падсыпкі вала гарадзішча з спаранелымі і карбанізаванымі драўлянымі канструкцыямі. Відавочна, што вал быў ў нейкі час знівеліраваны. Максимальная магутнасць культурнага слою (падсыпкі вала ў паўночнай частцы шурфа) склала 1,8 м.

Малюнак 3 – Паўночны профіль шурфа 2 (2018 г.)

У паўночна-усходнім вуглу шурфа, у перадамацерыковым светла-шэрым з уключэннем дробных вугольчыкаў слою, былі выяўлены 2 фрагмента ляпнога посуду пачатку I тыс. н. э. Рэшткаў керамічнага посуду старажытнарускага часу не выяўлена. Падаўляючая колькасць знаходак верхняга запаўнення шурфа адносіцца да канца XVIII – пачатку XX ст.

У палявым сезоне 2019 г. было працягнута археалагічная работа па лакалізацыі і вивучэнню рэшткаў вала. Шурф III плошчай 12 кв. м (2х6 м) быў разбіты на паўночным краю гарадзішча, перпендыкулярна схілу. Шурф размешчаны паміж схілам гарадзішча і паўночнай сцяной сядзібы XIX ст., непадалёку ад ваданпорнай калонкі і амаль ушчыльную да шурфа II (2018 г.). Адлегласць ад схілу складае 2,9–3,0 м. Па нівеліровачных адзнаках назіраецца невялікае “падзенне” дзённай паверхні ў паўднёвым накірунку (ад схілу) на 0,35–0,37 м.

Пласты I–III уяўлялі сабой пераадкладзены баластны слой светла-шэрага колеру з уключэннем сучаснага будаўнічага друзу (бітая чырвоная цэгла, камні, шкло, дрот і г.д.), развала фундаментных камянёў і чырвонай цэглы фабрычнай вытворчасці, вугальнага шлака.

Як аказалася пры далейшай распрацоўцы пластоў, кв. 2 і 3 аказаліся значна пашкоджаны перакопам XX ст. (будаўнічы развал) і толькі ў кв. 1 і невялікай паўночна-заходняй частцы кв. 2 былі выяўлены некранутыя напластаванні, якія стратыграфічна і планіграфічна характарызаваліся чаргаваннем напластаванняў (аморфныя палосы карбанізаванага дрэва, якія магчыма звязаць з рэшткамі ўнутрывальнай канструкцыі, якая размяшчалася ўздоўж вала ў жоўтаватым і шэрым пяску; карычневаты слой з уключэннем пластычнай карычневай гліны; слой шэравата-жоўтага пяску з дадаткамі карычневага слою (у паўночнай частцы кв. 1); жоўты пясок (цэнтральная і паўднёвая частка кв. 1) + палосы карбанізавага дрэва; гліністыя ўключэнні)). У пл. VII–VIII кв. 1 быў расчышчаны чорны (карбанізаваны) слой у накірунку захад–усход, у якім з заходняга боку выразна выдзяляліся 3 паралельных паласы агульнай шырынёй каля 0,7–0,73 м, пры шырыні кожнай каля 0,15 м. Паміж гэтымі “палосамі” – насып вала з светла-жоўтага пяску. Даўжыня гэтых “палос” ад заходняй сцяны – каля 0,4 м. Каля ўсходняй сцяны такога трайнага падзелу (бярвенні, пакладзеныя ўздоўж схіла вала/ аснаванне вала ?) не фіксавалася. Каля заходняй сцяны кв. 1–2 (пл. VII–VIII), з паўднёвага боку (з боку пляцоўкі гарадзішча) пры зачыстцы прапластку карбанізаванага дрэва

выяўлены абрысы не меней 3-х вертыкальных слупоў, якія былі ўмацаваны глінай (?). Не выключана, што гэта рэшткі вертыкальных слупоў, якія падтрымлівалі рашотчатую (?) канструкцыю драўляных ўнутрывальных канструкцый. У паўночнай частцы кв. 1 афарбоўка больш цёмная – цёмна-шэры слой з вуголлем + жоўты з вуголлем + цёмна-шэры з карычневым слоём. Аналіз стратыграфічнай карціны заходняга і ўсходняга профілей кв. 1 дэманструе паслядоўныя 4 падсыпкі вала (своеасаблівы “пірог”) (малюнак 4).

Малюнак 4 – Заходні профіль шурфа 3 (2019 г.)

На жаль, колькасці знаходак, якія дапамаглі бы больш упэўнена прадатаваць ўзвядзенне вала і яго этапнасць, недастаткова. Так, у V пласце, калі ўжо выразна акрэсліўся аб’ект ў кв. 1, у заходняй сцяне *in situ* быў выяўлены венчык, які быў датаваны другой паловай XIII–XIV стст. (малюнак 5). Аднак на гэтым жа планіграфічным узроўні знаходзіўся венчык XVI–XVII стст. і нават куля ад патрона да вінтоўкі Arisaka. У кв. 1 VI пласта выяўлены толькі 2 фрагмента сценак ад кружальнага ганчарнага посуду, якія па сваіх візуальных прыкметах могуць быць аднесены да “старажытнарускіх”. У падсыпцы вала ў кв. 1 і кв. 2 (пл. VIII, IX) выяўлены 6 ляпных сценак з штрыхоўкай на знешняй паверхні і прыдонная частка пасудзіны з штрыхоўкай.

Пры распрацоўцы пл. X і XI быў сустрэты дастаткова шчыльны слой светлай гліністай супесі і светла-карычневай гліны, які

папярэдне быў інтэрпрэтаваны як мацерык. Аднак ў паўночным напрамку (на схіл гарадзішча) у профіле шурфа выразна фіксуецца падзенне падсыпак вала. Не выключана, што гэта маркіруе знешні схіл вала, асабліва ўлічваючы блізкасць схіла. Улічваючы тое, што на схілы вала магло выкідвацца смецце, а таксама, відаць, частка грунта пад час нівеліроўкі як вала, так і пляцоўкі гарадзішча, трэба думаць, што вал перакрыты гэтымі адкладаннямі. Знаходкі, якія трапілі ў падсыпку вала, прадстаўлены фрагментамі 6 сценак ляпных пасудзін з штрыхоўкай па знешняй паверхні, а таксама донцам і прыдоннай часткай ляпнога гаршка (малюнак 6). У шчыльным слою светла-шэрай супесі і светла-карычневай гліны сустракаліся дробныя вугольчыкі і нават фрагмент ляпного донца. Не выключана, што гэты пласт з'яўляецца перадмацерыковым або ядром вала (?). У той жа час ніспадваючы ў паўночным напрамку (на схіл гарадзішча) прапласткі карбанізаванага дрэва сведчаць аб тым, што гэты насып вала будзе мець яшчэ невялікі працяг.

Малюнак 5 – Венчык кружалны (шурф 3, 2019 г. / пл. V, кв. 1)

Аднак, з прычыны недахопу працоўнай сілы і дрэннага надвор'я, было вырашана прыпыніць распрацоўку шурфа на гэтым узроўні. Перад засыпкай, на ўзроўні прыпынення распрацоўкі шурфа, была пакладзена п/э плёнка. Шурф быў засыпаны ўручную.

Такім чынам відавочна, што ў выніку работ 2018–2019 г. была выяўлена і часткова вывучана частка знешняга схілу вала летапісанага Барысава. Час узвядзення вала дакладна ўстанавіць складана, аднак на падставе знаходжання ў падсыпках вала (пл. VIII–XI) фрагментаў ляпной керамікі, можна гаварыць, што для яго ўзвядзення часткова выкарыстоўваўся культурны слой папярэдняга паселішча пачатку I тыс. н. э., якое размяшчалася на прыродным узвышшы. Аднак гаварыць аб тым, што вал быў узведзены ў пачатку XII ст. (заснаванне князем Барысам) таксама пакуль заўчасна, бо адсутнічаюць матэрыялы гэтага часу ў падсыпках вала. У верхняй падсыпцы вала (V пласт) быў выяўлены фрагмент венчыка, які можа датавацца другой паловай XIII–XIV стст., што можа сведчыць аб тым, што паднаўленне абарончых збудаванняў магло адбывацца і ў больш позні час. Гэта карэктуюе ранейшыя высновы аб згасанні жыцця на перашапачатковым гарадзішчы, спыненні на ім жыцця і пераносе “гарадской” актыўнасці на месца Барысаўскага замка (з XIV ст.). Вал мог быць знішчаны як у выніку земляных работ 2-й паловы XIX ст. (узвядзенне і рамонт сядзібы), так і ў выніку нівеліровачных работ XIX ст. пры ўладкаванні пляцоўкі гарадзішча.

Малюнак 6 – Сценкі ляпныя (шурф 3, 2019 г. / пл. X, кв. 1)

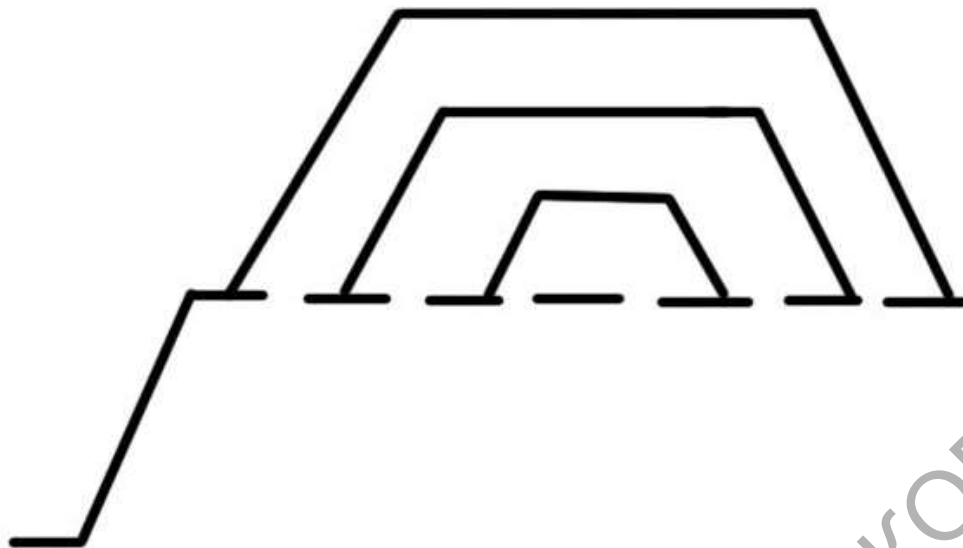
Такім чынам, археалагізаваны вал у профіле ўяўляў сабой паўсферычную форму і складаецца з паслядоўных падсыпак з пяску рознай кансістэнцыі і колеру (магутнасць падсыпак 0,2–0,6 м).

Апошнім часам у археалагічнай навуцы зацвярджаюцца меркаванні [8, 9], якія грунтуюцца на тым, што рэшткі дрэва ў насыпу вала гэта не рэшткі ўнутрывальных канструкцый, а рэшткі драўляных зрубаў (горадней), якія былі запоўнены зямлёй і якія пры разбурэнні або мадэрнізацыі/павялічэнні маштабу абарончай сцяны разбураліся і ўтваралі паўсферычную канструкцыю, бо зямля высыпалася з зрубаў з абодвух бакоў.

Не ўдаючыся ў палеміку аб магчымым знешнім выглядзе абарончых збудаванняў перыяду Старажытнай Русі выключна як дрэва-земляных, адзначым, што дагэтуль гэта пытанне дыскусійнае і патрабуе далейшага распрацоўкі. У нашым выпадку мы маем справу з вельмі невялікімі фрагментамі абарончага вала і карбанізаванымі рэшткамі нейкай драўлянай канструкцыі (зрубнай ? рашотчатай ?).

У нашай інтэрпрэтацыі, на аснове атрыманых фрагментарных дадзеных, лічым, што ў фартыфікацыйным збудаванні летапіснага Барысава для ўтрымання апаўзання пяску з унутранняга боку гарадзішча выкарыстоўваліся нейкія драўляныя канструкцыі, якія праходзілі уздоўж лініі абароны (земляны вал ? ці дрэва-земляное ўмацаванне ?). Выяўленыя ў пластах VI і VII вертыкальныя канструкцыі ў выглядзе круглых бярвенняў і колатых плах, маглі выконваць як функцыю ўмацавання вала ад распаўзання, так і быць рэшткамі нейкай больш складанай канструкцыі (зруба-горадні ? ці агароджы ?) з унутранняга схілу вала.

У той жа час у нашым шурфе 2019 г. не выяўлены пачатак знешняга схіла вала і яго ўнутранняя частка (г. зн. незразумела наколькі вал “заходзіў” на пляцоўку гарадзішча, што не дазваляе гаварыць аб параметрах вала (шырыня аснавання). Адпаведна незразумелым з’яўляюцца і “узаемаадносіны” унутранняга схіла вала і культурнага слою гарадзішча. Візуальна выяўленая абарончая канструкцыя адпавядае т. зв. чацвёртаму тэхналагічнаму спосабу ўзвядзення вала, калі маецца цэнтральнае ядро, якое перакрываецца адным або некалькімі сляямі, якія размешчаны адзін над другім (малюнак 7) [10, с. 301, рис. 6: г].

Малюнак 7 – Схематычны план мяркуемага спосаба ўзвядзення абарончага вала (паводле А. М. Габайдуліна)

Такім чынам відавочна, што апошнія археалагічныя даследаванні дазволілі выявіць абарончыя канструкцыі, вывучэнне якіх толькі распачынаецца і кола пытанняў, якія паўстаюць перад даследчыкамі летапіснага Барысава дастаткова шырокае.

Спіс выкарыстанай літаратуры

- 1 Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. – Т. 2. – М., 2003.
- 2 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Том 17. – Западнорусские летописи. – СПб., 1907. – 616 стб.
- 3 Ляўданскі, А. М., Археолёгічныя досьледы ў Барысаве / А. М. Ляўданскі // Працы Археолёгічнай камісіі. – Т. II. – Кн. 11. – Мінск, 1930. – С. 253–261.
- 4 Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). – М. : Наука, 1966. – 295 с.
- 5 Горад у святле археалагічных даследаванняў / Ж. В. Гілевіч [і інш.] // Дзесяць стагоддзяў Барысава– Мінск, 2002. – С. 15–25.
- 6 Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
- 7 Кошман, В. І. Новыя археалагічныя даследаванні малых гарадоў Полацкай зямлі. Летапісны Барысаў / Г. В. Штыхов // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 1 – 2 лістапада 2017 г.); уклад. Т. У. Явіч. – Полацк: Полацкае кніжнае выдавецтва, 2019. – С. 151–162.

8 Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Ю. Ю. Моргунов. – М. : Наука, 2009. – 303 с.

9 Коваль, В. Ю. Фортификация средневековой Руси: стереотипы и их преодоление / В. Ю. Коваль // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага / уклад. і навук. рэд. : М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Минск: Колорград, 2021. – С. 467–478.

10 Габайдулин, А. М. Типы средневековых деревоземляных оборонительных сооружений и способы их возведения / А. М. Габайдулин // Поволжская археология. – № 2 (24). – 2018. – С. 297–306.

М. М. КРЫВАЛЬЦЭВІЧ

Беларусь, Мінск, Дзяржаўная навуковая ўстанова
«Інстытут гісторыі НАН Беларусі»

**ДЗЯРАЖЫЧЫ – ПОМНІК ЭПОХІ БРОНЗЫ
Ў ГОМЕЛЬСКІМ ПАЛЕССІ: ГІСТОРЫЯ І НЕКАТОРЫЯ
ВЫНІКІ АРХЕАЛАГІЧНАГА ВЫВУЧЭННЯ**

У публікацыі падводзяцца вынікі даследавання матэрыялаў бронзавага веку на помніку каля в. Дзяражычы Лоеўскага раёна Гомельскай вобласці з вылучэннем груп знаходак сярэднядняпроўскай культуры, культурнага кола Бабіна, тшчэнецкага культурнага кола. Асаблівая ўвага звяртаецца на тшчэнецкі матэрыял, які пераважае сярод знаходак эпохі бронзы. Прапануецца версія падзелу тшчэнецкай керамікі на перыяды, адзначаюцца некаторыя рэгіянальныя ўсходнетшчэнецкія асаблівасці і паралелі з заходнетшчэнецкімі анклавамі.

Ключавыя словы: археалогія, бронзавы век, Дзяражычы, сярэднядняпроўская культура, тшчэнецкае культурнае кола, культурнае кола Бабіна.

Праблематыка археалогіі бронзавага веку па-ранейшаму застаецца актуальнай для айчыннай навукі. Па ўзроўню даследаванняў у гэтай ступені пашанцавала Гомельскаму Палессю, дзе высылкамі некалькіх пакаленняў археолагаў вывучаліся старажытнасці канца III – пачатку I тыс. да н. э., што дазволіла акрэсліць асноўныя этапы культурных змен у гэтым рэгіёне ў эпоху бронзы. Да помнікаў бронзавага веку Гомельскага Палесся, якія параўнальна часта згадваліся ў беларускай археалагічнай літаратуры другой паловы 1960-ых – 1970-ых гадоў, адносяцца Дзяражычы (Лоеўскі раён Гомельскай вобласці) на Дняпры [гл., напрыклад: 1, с. 309; 2, с. 156; 3, с. 86 і інш.]. Зрэшты, нягледзячы на ключавую пазіцыю помніка ў фарміраванні ўяўленняў пра бронзавы век рэгіёна, на старонкі навуковых артыкулаў трапілі толькі кароткія звесткі і асобныя матэрыялы з Дзяражыч. Неабходна таксама дадаць, што ў 2007 годзе аўтар абследаваў дняпроўскія берагі каля Дзяражыч з мэтай пошукаў слядоў помнікаў, пра якія ў 1960 – 1970-ыя гады пісалі У. Ф. Ісаенка, І. М. Ціханенкаў, М. М. Чарняўскі, згадвалі іншыя даследчыкі. Акрамя таго, аўтар вывучаў архіўныя матэрыялы

і фондавыя калекцыі, якія адносяцца да Дзяражыч. Мэтанакіраваныя пошукі дазволілі сістэматызаваць і прааналізаваць даступныя крыніцы і прапанаваць некаторыя высновы па інтэрпрэтацыі матэрыялаў бронзавага веку з помніка.

Шматкультурны помнік з матэрыяламі каменнага, бронзавага, жалезнага вякоў і сярэднявечага перыяду каля в. Дзяражычы на правым беразе Дняпра адкрылі У. Ф. Ісаенка і І. М. Ціханенкаў у 1965 годзе падчас разведак у Гомельскім Палессі [4, с. 8–10]. Паўторнае абследаванне помніка У. Ф. Ісаенка праводзіў у 1967 годзе [5, с. 27–28]. У 1965, 1967 гадах помнік вывучаўся паверхневымі зборамі на шырокіх плошчах пясчаных раздуваў. Матэрыялы збораў У. Ф. Ісаенкі і І. М. Ціханенкава захоўваюцца ў археалагічных фондах Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Дзяражычы неаднаразова згадаліся ў археалагічнай літаратуры 1960–1970-ых гадоў. Паводле свайго зместу, гэта былі кароткія паведамленні пра Дзяражычы, як пра месцазнаходжанне з самай вялікай на той час калекцыяй “тшцінецка-сосніцкіх” матэрыялаў на Беларускім Падняпроўі [1, с. 309; 2, с. 156; 3, с. 86]. Паўторнае абследаванне і паверхневыя зборы на помніках Лоеўскага Падняпроўя, у тым ліку каля Дзяражыч, здзейсніў у 1977 г. У. П. Ксяндзоў, што вынікае з шыфраў калекцыйных матэрыялаў, якія захоўваюцца ў фондах Інстытута гісторыі НАН Беларусі. У архіве палявой дакументацыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі адсутнічае справаздача аб археалагічных даследаваннях У. П. Ксяндзова за 1977 год. З кароткіх запісаў у каталозе У. Ф. Ісаенкі “Спісок первобытных археологических памятников Полесья” вынікае, што У. П. Ксяндзоў збіраў кераміку і крамянёвыя вырабы ў паўночным накірунку ад Дзяражыч, г. зн. там, дзе іх упершыню ў 1965 годзе выяўлялі У. Ф. Ісаенка і І. М. Ціханенкаў [6]. У 2007 годзе правы бераг Дняпра каля Дзяражыч абследаваўся мной, што дазволіла лакалізаваць чатыры месцазнаходжанні археалагічных матэрыялаў розных перыядаў [7].

Як вынікае са справаздачнай дакументацыі У. Ф. Ісаенкі і адпаведных яго публікацый 1960 – 1970-ых гадоў, у паўночным накірунку ад вёскі за могілкамі, уздоўж высокага карэннага правага берага Дняпра (да 6–10 м над узроўнем поймы) цягнуліся пясчаныя раздувы. Знаходкі, а таксама вуглістыя рэшткі старажытных вогнішчаў, сустракаліся на многіх участках пяскоў і лакалізаваліся, паводле не зусім дакладных запісаў і схематычных планаў, праз 0,5–1 км, ці нават праз крыху большую адлегласць ад Дзяражыч [4, с. 8; 8, с. 55; 3, с. 86]. Сярод артэфактаў пераважалі тшцінецкія

матэрыялы, якія канцэнтраваліся ў трох месцах. На жаль, не ўдакладняюцца месцы лакалізацыі тшцінецкіх артэфактаў, за выключэннем згадкі пра параўнальна вялікую колькасць керамікі на паўночнай ускраіне зоны раздуваў, а менавіта, на самым высокім, мысападобных выступе дняпроўскага берага. У прыватнасці тут назіралася канцэнтрацыя больш за 300 фрагментаў тшцінецкай керамікі ад 1–2 гаршкоў (?). У дачыненні да гэтага згрупування, У. Ф. Ісаенка паведамляў, што фрагменты керамікі параўнальна шчыльна ляжалі на плошчы 2,5x2 м [4, с. 9, рис. 2], а ў публікацыі 1966 г. – “В нескольких местах на поселении обнаружены остатки очагов, а в одном месте – скопление нескольких сосудов в виде кольца диаметром до 4 м” [1, с. 309]. На помніку, як удакладняў У. Ф. Ісаенка, збіраліся не ўсе фрагменты, а толькі “самые выразительные”, а менавіта, венцы, донныя часткі, фрагменты з арнаментамі, наляпнымі валікамі і іншым адметнасцямі. У выніку, у калекцыю, паводле тэкста яго справаздачы, трапілі наступныя тшцінецкія матэрыялы: каля 70 фрагментаў венцаў, звыш 10 абломкаў посуду з наляпнымі валікамі, каля 10 донных частак і некалькі соцень фрагментаў сценак. У. Ф. Ісаенка згадвае пра абломак глінянай ліцейнай формы з дамешкамі пяску і тоўчанага каменя ў гліне, крамянёвы чаранковы наканечнік стралы з двухбаковай апрацоўкай і “тонкім чаранком” [4, с. 8–10]. На старонках справаздачы за 1967 год ёсць запіс пра яшчэ адзін крамянёвы наканечнік стралы рэдкага тыпу з двухбаковай апрацоўкай [5, с. 28]. Калі ў публікацыях 1960-ых гадоў Дзяражычы разглядаліся ў якасці рэштак паселішча, то ўжо ў “Археологической карте” У. Ф. Ісаенкі 1976 года Дзяражычы – “крупное поселение и погребения тшцинецко-сосницкой культуры” [3, с. 86]. Пры гэтым, ні ў тэксце справаздачы, ні ў публікацыях не прыводзяцца якія-небудзь сведчанні і аргументы на карысць прысутнасці пахавальных аб’ектаў у Дзяражычах.

У “Археологической карте” 1976 г., а таксама ў “Списке первобытных археологических памятников Полесья” 1989 года У. Ф. Ісаенка вылучае каля Дзяражыч два месцазнаходжанні: Дзяражычы 1 (“2 км на поўнач – позні неаліт і бронзавы век”) са спасылкай на сваю справаздачу 1965 г. і разведкі У. П. Ксяндзова; Дзяражычы 2 (“на паўночны ўсход, могілкі, узвышша” з матэрыяламі неаліту (?) і эпохі бронзы (спасылка на сваю справаздачу 1965 г.) [6; 3, с. 86]. Зрэшты, сабраны каля Дзяражыч матэрыял у калекцыях У. Ф. Ісаенкі не дзеліцца на два месцазнаходжанні, што вымушае яго разглядаць у якасці аднаго пункта – месца збораў на паўночны ўсход

і поўнач ад вёскі, у тым ліку побач з вёскай каля могілак і далей на поўнач ад могілак уздоўж высокага правага берага Дняпра на працягу ад 0,5 да 1 км ці нават амаль 2 км.

Мае разведкі, якія праводзіліся ў 2007 годзе з удзелам А. М. Сінілы ўздоўж правага берага Дняпра ў паўночным накірунку ад Дзяражыч, дазволілі лакалізаваць чатыры месцазнаходжанні археалагічных артэфактаў паміж вёскамі Дзяражычы і Цясны (малюнак 1: 1, 2) [7]. Пры гэтым, варта звярнуць увагу на той факт, што мясцовы ландшафт у параўнні з 1960-ымі гадамі істотна змяніўся, а менавіта, на пясчаных раздувах выраслі сасновыя лясы.

Месцазнаходжанне 1 адзначалася за паўднёва-ўсходняй ускраінай в. Цясны, што прыблізна праз 2 км на поўнач ад Дзяражыч, па краю высокага правага берага Дняпра, дзе на працягу амаль 700 м сустракалася вялікая колькасць кругавой керамікі розных перыядаў (малюнак 1: 2).

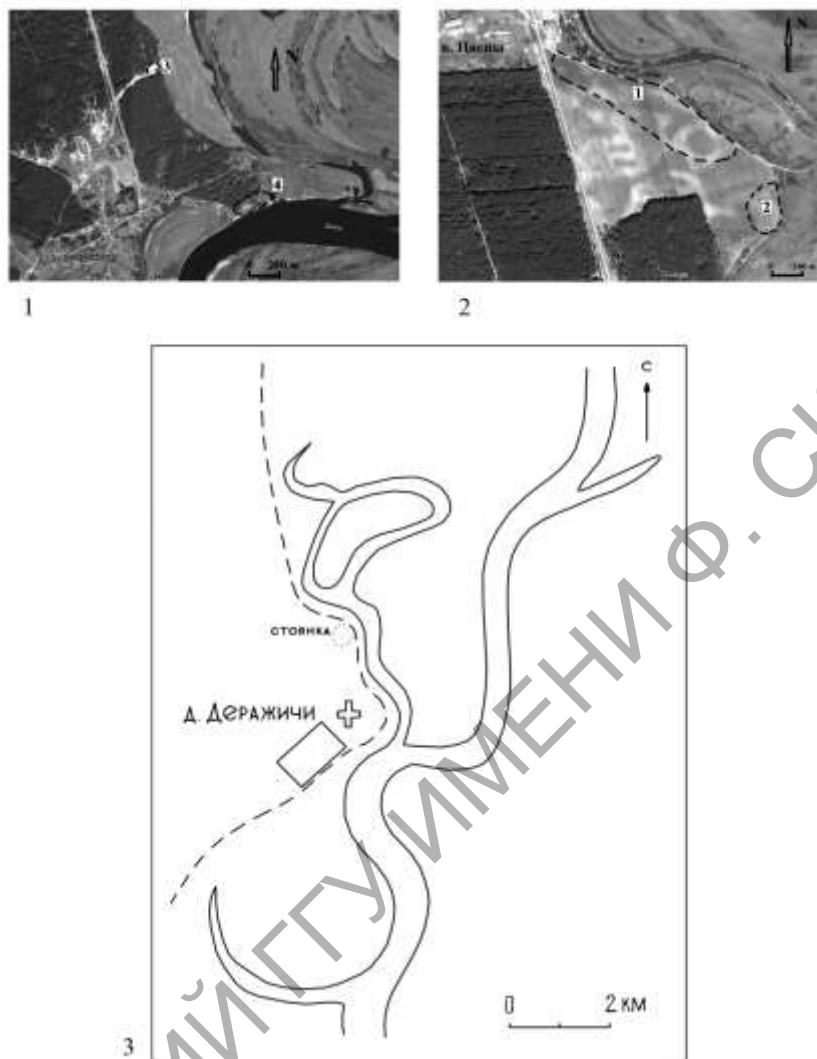
На месцазнаходжанні 2, якое цягнулася амаль 100 м па раллі, ва ўрочышчы “Паньске”, па краю выступа высокага правага берага Дняпра (вышыня да 6 м на прылеглай поймай) праз 1,5 км на поўнач ад Дзяражыч і праз 1 км на паўднёвы ўсход ад в. Цясны (малюнак 1: 2), сабраны, акрамя іншых знаходак, фрагменты керамікі неаліту, тшцінецкага культурнага кола і крамянёвыя вырабы.

Яшчэ адзін пункт – месцазнаходжанне 3 – адзначалася праз 700–800 м на поўнач-паўночны ўсход ад в. Дзяражычы, там дзе некалі прасціраліся пясчаныя раздувы, а цяпер вырас сасновы лес (малюнак 1: 1). Тут, на плошчы каля каля 60х80 м, на схіле тэрасы, па якой да поймы і старычнага возера цягнецца дарога, знойдзена некалькі крамянёвых адшчэпаў.

На месцазнаходжанні 4, якое лакалізавалася за 500–600 м на ўсход- паўночны ўсход ад усходняй ускраіны Дзяражыч, на высокім мысападобным абрывістым беразе Дняпра, там дзе захаваліся старыя могілкі (малюнак 1: 1), на пясчаных схілах берага сустракаліся толькі фрагменты кругавой керамікі.

Такім чынам, пясчаныя раздувы на поўнач і паўночны ўсход ад Дзяражыч, на якіх у 1965 годзе У. Ф. Ісаенка і І. М. Ціханенкаў, а таксама напэўна ў 1977 годзе У. П. Ксяндзоў, адзначалі вялікую колькасць археалагічных матэрыялаў, у тым ліку эпохі бронзы, цяпер параслі лесам. Няма пэўнасці ў дакладнай лакалізацыі месцазнаходжанняў, на якіх здзяйсняліся паверхневыя зборы 1960 – 1970-ых гадоў, як і няма падзелу старой калекцыі на асобныя пункты збораў, што вымушае разглядаць матэрыялы з Дзяражыч у якасці

аднаго месцазнаходжання, а менавіта тэрыторыі на паўночны ўсход і поўнач ад вёскі ўздоўж высокага правага берага Дняпра на працягу амаль двух кіламетраў (малюнак 1: 3).

Малюнак 1 – Дзяражачы

Месцазнаходжанні 3 і 4 (1), 1 і 2 (2) на поўнач ад вёскі паводле разведак аўтара.

3 – схематычны план размяшчэння “стаянкі” на поўнач ад Дзяражыч і могілак паводле справаздач У. Ф. Ісаенкі

Агульная колькасць артэфактаў з Дзяражыч, якія вылучаліся мной у матэрыялы эпохі бронзы і захоўваюцца ў археалагічных фондах Інстытута гісторыі НАН Беларусі, – больш за 370 адзінак. Сярод іх: каля 350 фрагментаў керамікі тшцінецкага культурнага кола; 17 дробных фрагментаў кераміка сярэднедняпроўскай культуры; 4 фрагменты посуду культурнага кола Бабіна (шматвалікавая кераміка); два крамянёвыя наканечнікі стрэл з двухбаковай апрацоўкай. Звяртаецца ўвага на рэшткі керамічнай ліцейнай формы, якая захоўваецца сярод матэрыялаў з Дзяражыч.

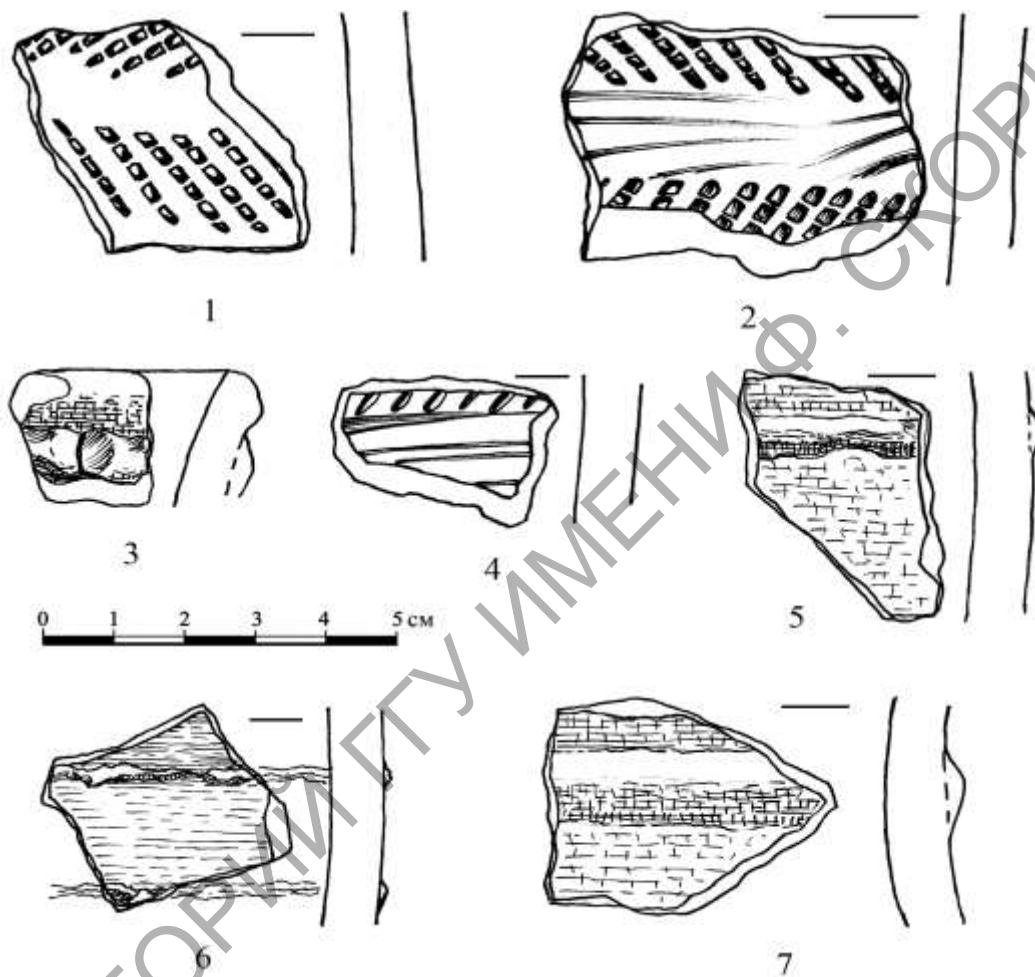
Вылучаецца каля 350 фрагментаў керамікі *тшцінецкага культурнага кола*. Сярод іх – фрагменты венцаў, шыек, тулаваў, донных і прыдонных частак (малюнак 3–6, 8). Часткова аднаўляюцца формы некаторых пасудзін, што дазваляе з пэўнай доляй верагоднасці вызначыць іх марфалагічны тып. У калекцыі шмат абломкаў, форма якіх можа сведчыць пра прысутнасць на помніку гаршкоў цюльпанападобнага, эспадабнага профіляў (малюнак 6: 1; 3, 4; 4: 6) – найбольш характэрных тыпаў керамікі на помніках тшцінецкага культурнага кола. Венцы гаршкоў патоўшчаныя, скошаныя вонкі. На шыйках некаторых гаршкоў прысутнічалі наляпныя валікі, форма якіх ў папярочным разрэзе набліжалася да трохвугольніка (малюнак 3: 4; 8: 6). Вылучаюцца гаршкі вялікіх і малых памераў. Дыяметры вялікіх гаршкоў па венцах дасягалі 24–18 см. Мінімальны дыяметр венцаў малых гаршкоў, якія ўдалося рэканструяваць, – 8 см.

Другі марфалагічны тып тшцінецкай керамікі – посуд банкападобнай формы. Сярод іх пасудзіны вялікіх памераў з дыяметрам венца больш за 30 см (параўн. з “бочкападобнымі гаршкамі”, якія ёсць на іншых помніках тшцінецкага культурнага кола [9, s. 44–45 і інш.]) (малюнак 6: 2). Банкападобныя пасудзіны вылучаліся шыракагорласцю, тоўстасценнасцю (таўшчыня сценкі больш за 1 см) і высокім валікам, які налепліваўся па ўсяму перыметру ніжэй края венца. На банкападобных гаршках з высокім валікам не праглядаліся сляды арнаментальнага аздаблення. У складзе калекцыі ёсць рэшткі пасудзін, ніжэй венца якіх па тулаву наносіліся скразныя дзіркі невялікага дыяметру (каля 2,5 – 4,0 мм) (малюнак 4: 4). Форма дзіркаватага посуду набліжалася да невялікіх банак дыяметрам па венцу каля 9 см (малюнак 4: 4).

Яшчэ адзін марфалагічны тып посуду, які вылучаецца паводле часткова рэканструяваных форм, – міскі. Яны былі трох відаў, а менавіта, міскі з рабрыстым перагінам на тулаве і выгнутай шыйкай (малюнак 4: 2, 7), міскі з акруглым тулавам і адагнутым вонкі венцам (малюнак 5: 1), міскі з акруглым тулавам і зведзеным унутр пасудзіны краем венца (малюнак 4: 3). Дыяметры венцаў місак дасягалі 12–13 см, 17–18 см, 8 см. У складзе калекцыі тшцінецкай керамікі прысутнічаюць фрагменты плоскіх донных частак (малюнак 5: 3). Дыяметры дноў – 6–12 см.

Венцы тшцінецкай керамікі з Дзяражыч як правіла патаўшчаліся і скошваліся вонкі (малюнак 3: 2–4; 4: 1). Сустракаліся фрагменты верхніх частак без патаўшчэння венцаў (малюнак 4: 3; 6: 2), патоўшчаных, але з закругленнем края венца, а таксама з патаўшчэннем, якое нагадвала невысокі “каўнерык” (малюнак 3: 1). Тэхналогія вырабу керамікі параўнальна аднастайная, з характэрнымі

азнакамі для керамічнай вытворчасці тшцінецкага культурнага кола. У прыватнасці, паверхня посуду добра загладжвалася і была гладкая. У фармовачную масу дадавалася жарства розных памераў. У залежнасці ад тыпу, памераў пасудзін жарства была дробная, сярэдніх і вялікіх памераў. Як правіла, колькасна пераважалі фрагменты з дамешкамі жарствы сярэдніх і вялікіх памераў. Колер дададзенай жарствы быў белы, чырвоны і шэры. Таўшчыня сценак керамікі дасягала 0,5–1,3 см.

Малюнак 2 – Дзяражычы

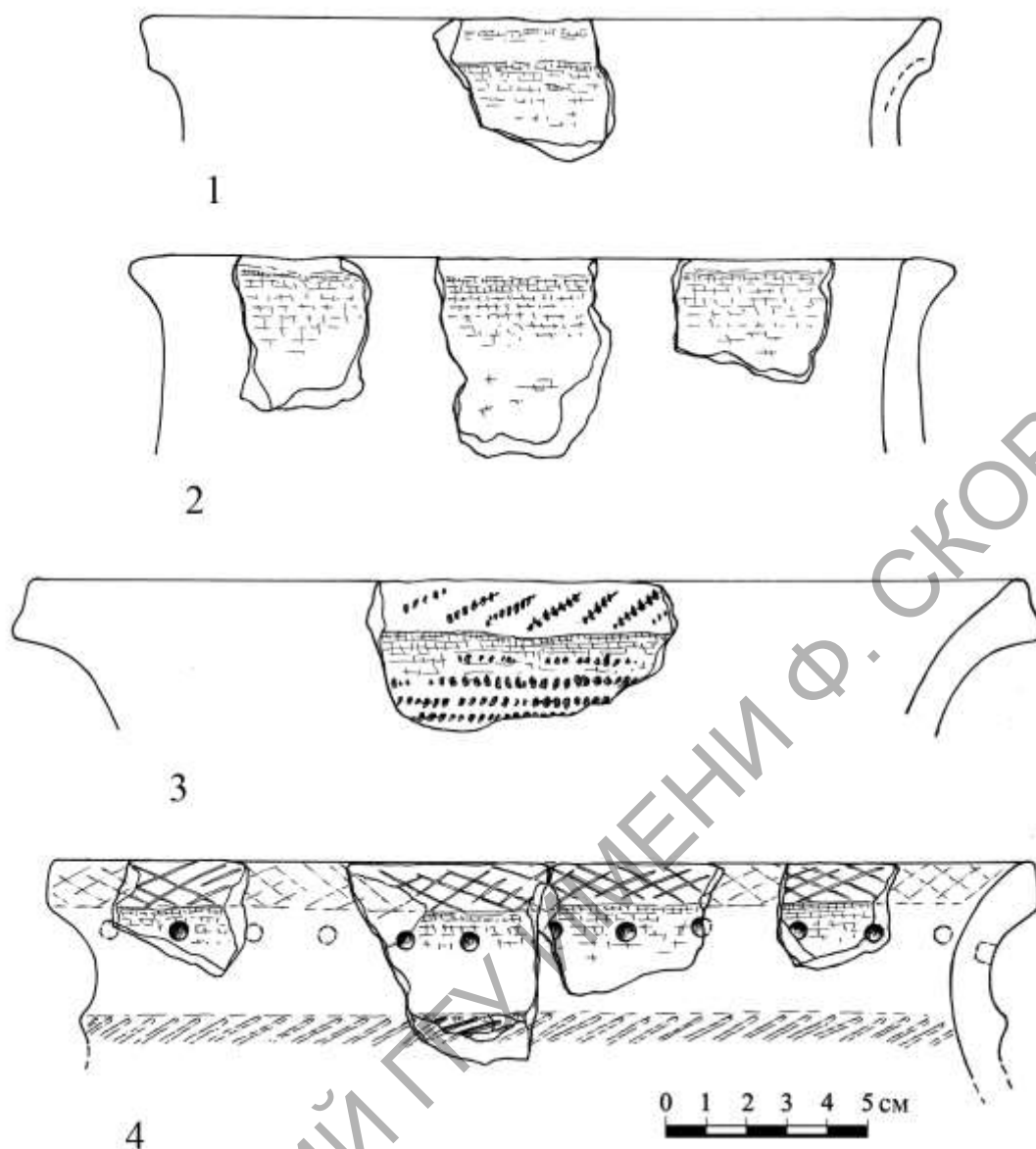
Кераміка сярэднядняпроўскай культуры (1, 2, 4)
і культурнага кола Бабіна (3, 5 – 7). Малюнкi аўтара

Арнаментальнае аздабленне керамікі стваралася на падставе 6 асноўных элементаў (малюнак 7: Б): а) “ружанцовых” арнаментаў; б) пракрэсленых ліній; в) наколаў, ямак; г) скразных дзірак; д) лінейных адбіткаў; е) наляпных валікаў. “Ружанцовыя” адбіткі наносілі асновай, якую перавівалі вярэвочкай. На глінянай паверхні заставаліся адбіткі чатырох відаў: 1) з рэдка размешчанымі адбіткамі вярэвочкі і з прадольнымі следам ад асновы; 2) з густа размешчанымі

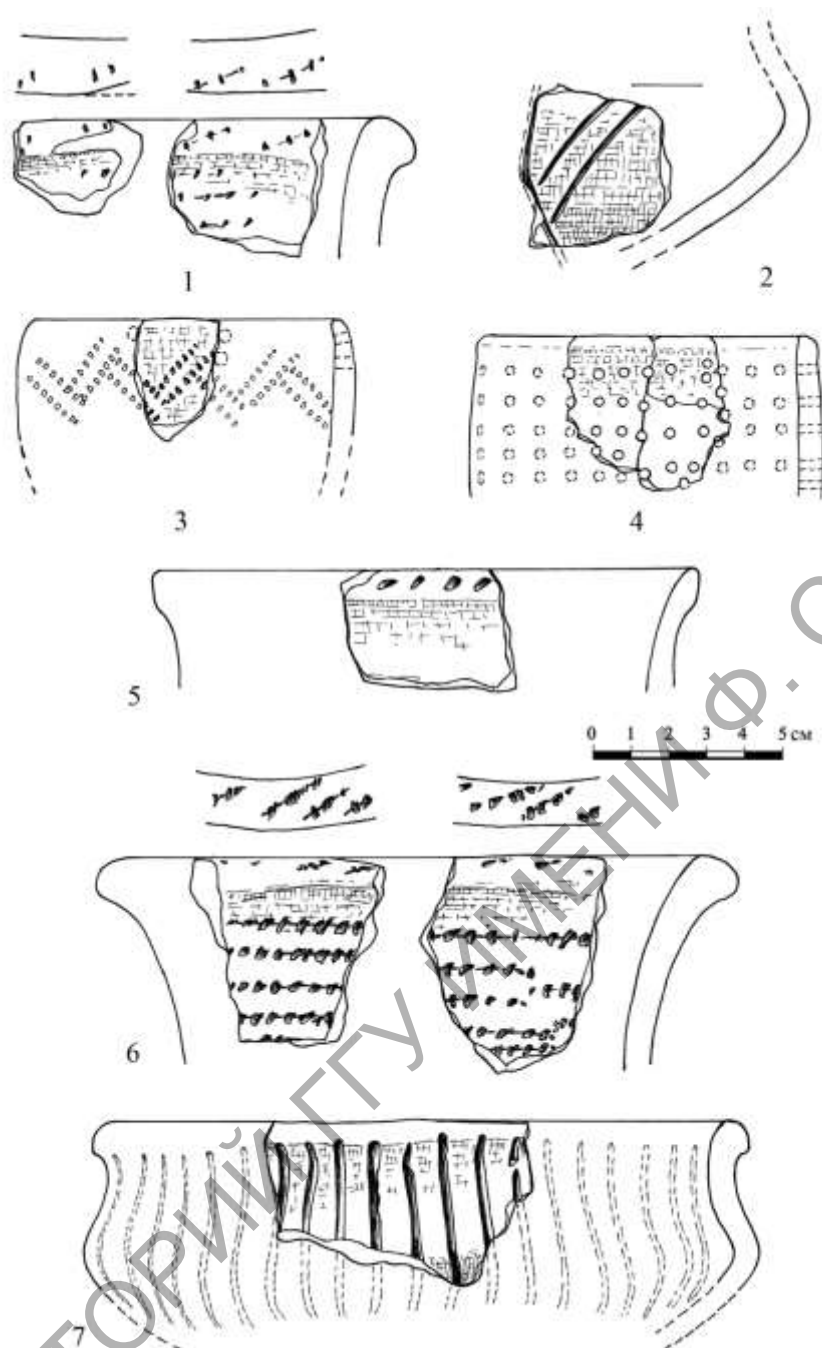
адбіткамі вярочкі і з прадольным следам ад асновы; 3) з рэдка размешчанымі адбіткамі ад вярочных віткоў, але без следу ад асновы; 4) з густа размешчанымі адбіткамі ад вярочных віткоў і без следу ад асновы (малюнак 7: Б). Прасочваліся арнаментальныя матывы А – З, якія выконваліся “ружанцовымі” адбіткамі (малюнак 7: Б).

Вялікая колькасць посуду з Дзяражыч аздаблялася пракрэсленымі лініямі: 1) шырокімі (жалабаватымі); 2) тонкімі; 3) рыскамі (малюнак 7: Б). Пракрэсленымі лініямі ствараліся матывы А – Ж (малюнак 7: Б).

У склад тшчэнецкай керамікі з Дзяражыч уваходзіў посуд з накольчатымі, ямавымі арнаментамі: 1) бакавыя наколы, якія наносіліся тарцом нахіленай палачкі; 2) вертыкальныя наколы, ямкі, якія наносіліся тарцом вертыкальна пастаўленай палачкі (малюнак: Б). Вылучаліся два віды матываў, выкананых наколамі (А, Б) (малюнак 7: Б).

Малюнак 3 – Дзяражычы
Кераміка тшчцінецкага культурнага кола (1–4). Малюнкi аўтара

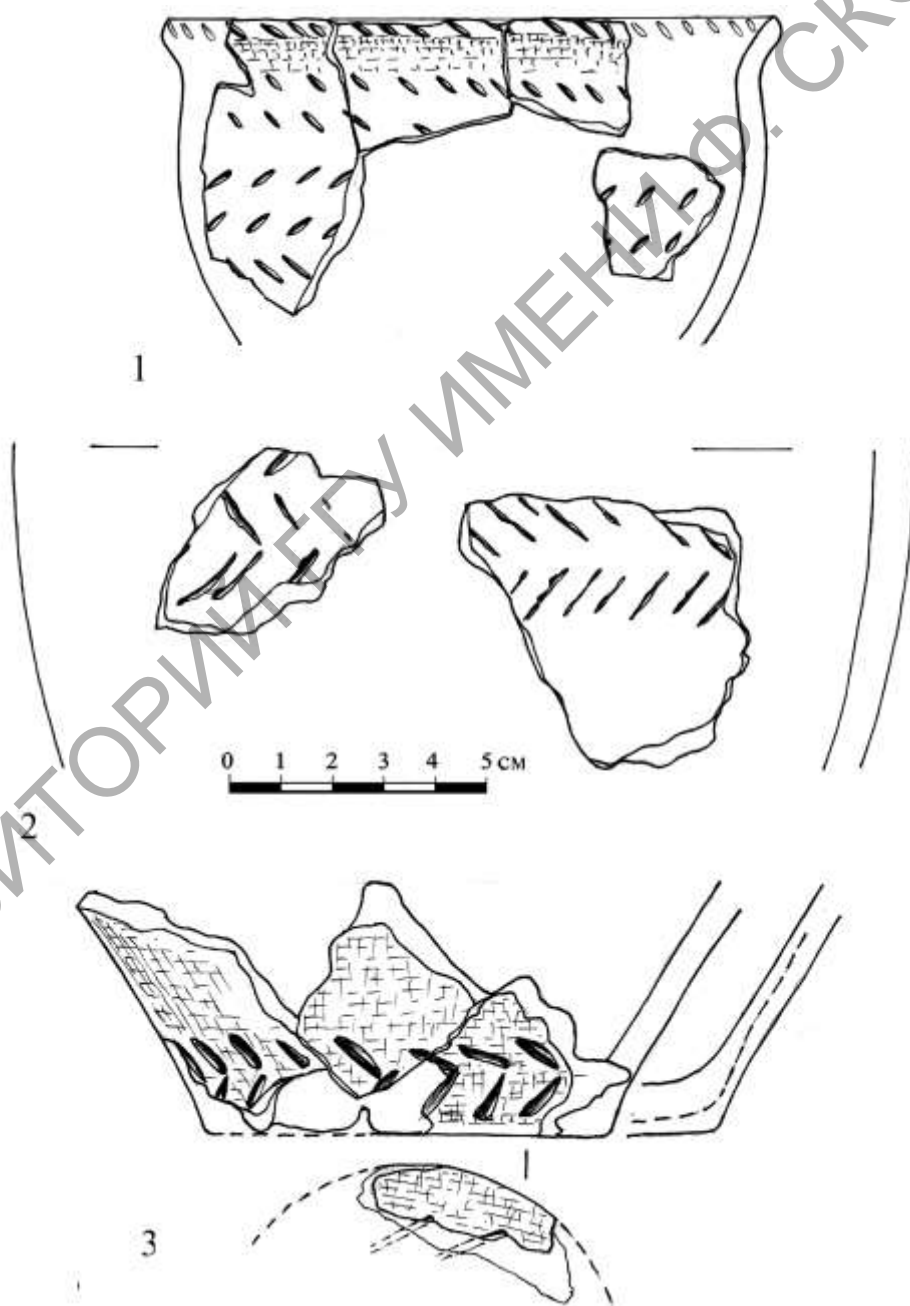
Малюнак 4 – Дзяражычы

Кераміка тшцінецкага культурнага кола (1–7). Малюнкі аўтара

Да асобных груп элементаў адносяцца скразныя праколы на тшцінецкай кераміцы, а таксама лінейныя штампы (малюнак 7: Б). Апошнія – адбіткі, якія наносіліся прадаўгаватым тарцом палачкі. Лінейнымі штампамі ўтвараліся тры віды матываў (А – В) (малюнак 7: Б).

І нарэшце, апошні элемент – наляпныя валікі: 1) нізкія; 2) высокія. Яны былі адзінальнымі, наносіліся на шыйку і ўтваралі гарызантальны матыў па перыметру тшцінецкіх пасудзін (малюнак 7: Б).

У арнаментальным аздабленні тшцінецкай керамікі з Дзяражыч вялікае значэнне належала матывам і кампазіцыям, якія ствараліся пракрэсленымі лініямі, рыскамі, наколамі, а таксама “ружанцовымі” адбіткамі, у тым ліку ў спалучэнні з іншымі відамі аздаблення. Да рэдкіх відаў арнаментацыі адносяцца вертыкальна скіраваныя пракрэсленыя лініі (малюнак 4: 7), хвалістыя пракрэсленыя лініі (малюнак 8: 1), скразныя дзіркі (малюнак 4: 4), пракрэсленыя “паркетныя” арнаментальныя матывы (малюнак 8: 2–5).

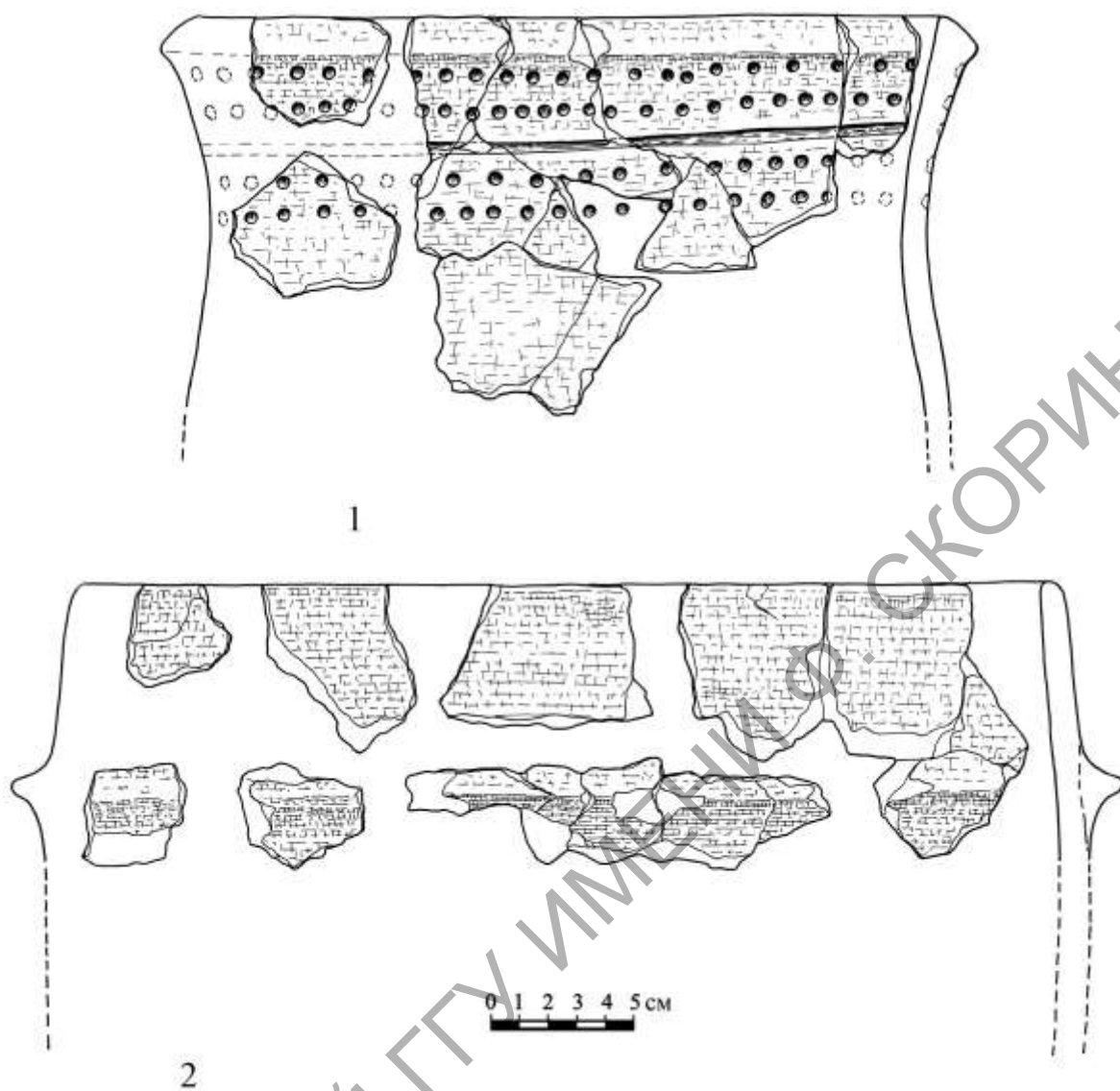

Малюнак 5 – Дзяражычы

Кераміка тшцінецкага культурнага кола (1–7). Малюнкi аўтара

Арнаментамі пакрываліся толькі знешнія верхнія часткі пасудзін альбо паверхня ад тарца і края венца да прыдоннай і нават доннай часткі. На некаторых пасудзінах арнаментальнага аздаблення не было.

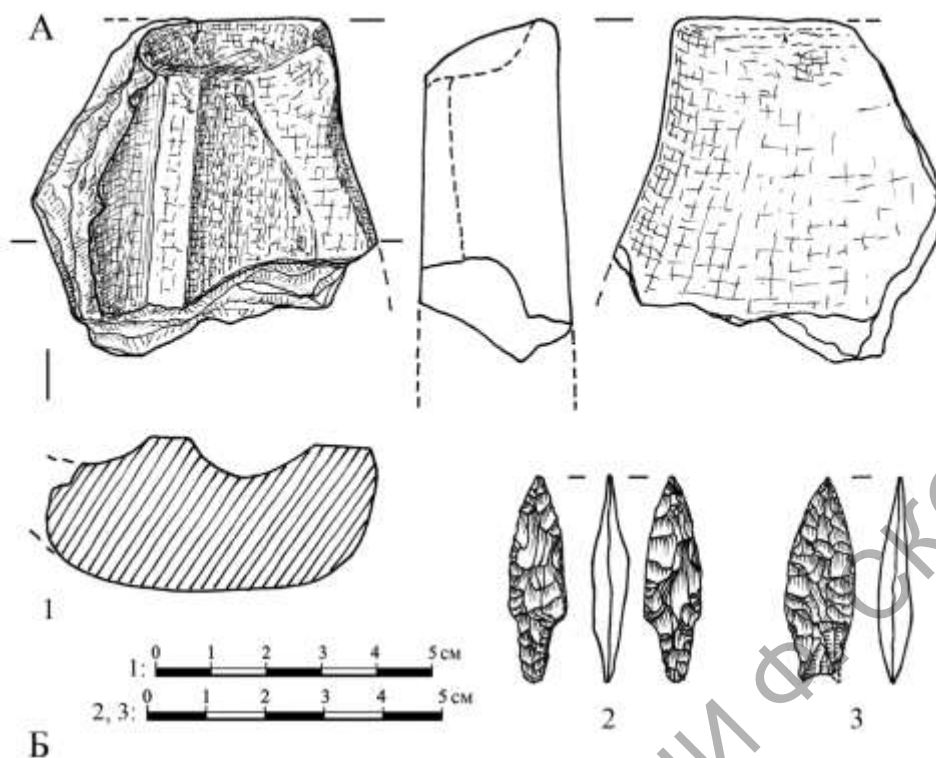
У складзе калекцыі вылучалася параўнальна невялікая колькасць фрагментаў *керамікі сярэдняпроўскай культуры* – 17 адзінак (малюнак 2: 1, 2, 4). Тэхналогія вырабу посуду сярэдняпроўскай культуры адрознівалася выкарыстаннем дамешак шамоту, пяску, дробнай жарствы. Адзначаліся сляды прыцірання ў выглядзе неглыбокіх барозначак на паверхні пасудзін. На фрагментах, якія збіраліся ў Дзяражычах, праглядаліся наступныя арнаменты: зубчастыя адбіткі (малюнак 2: 1, 2), лінейныя штампы, пракрэсленыя лініі.

Малюнак 6 – Дзяражычы

Кераміка тшцінецкага культурнага кола (1, 2).

Малюнкі аўтара (малюнак 2: 4).

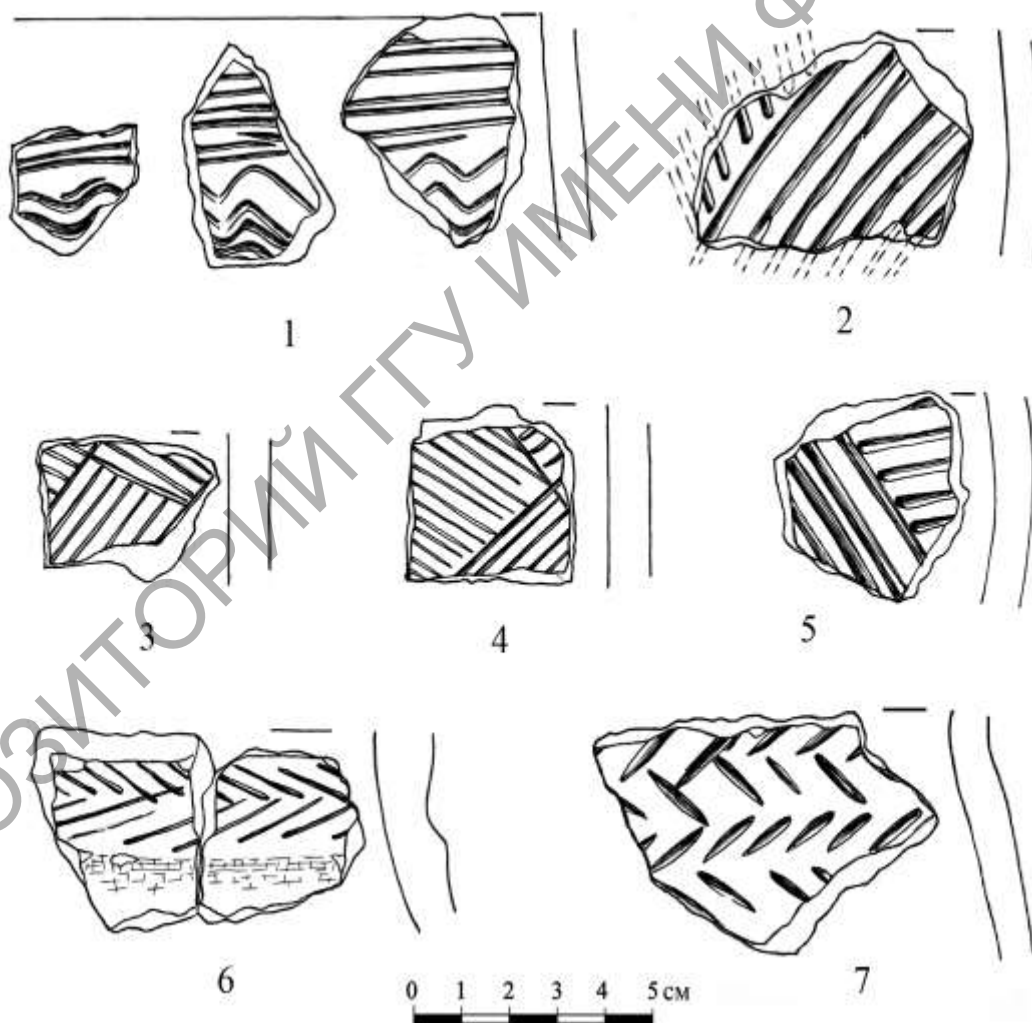
Малюнак 7 – Дзяражычы

А – фрагмент керамічнай ліцейнай формы (1), крамянёвыя наканечнікі стрэл (2, 3).
 Б – элементы і матывы арнаментцыі на кераміцы тшцінецкага культурнага кола. Малюнкі аўтара

Дзяражычы – адзін з помнікаў Гомельскага Палесся, на якім выяўлена *кераміка культурнага кола Бабіна (шматвалікавая кераміка)*. У Дзяражычах знойдзены чатыры фрагменты керамікі з характэрным валікавым аздабленнем у спалучэнні з адпаведнай тэхналогіяй вырабу (малюнак 2: 3, 5–7). Валікі шырокія і тонкія,

у адным выпадку рассечаныя пазногцевымі ўцісканнямі (малюнак 2: 3). У керамікі параўнальна гладкія сценкі, шчыльная гліняная маса. У гліну дадаваліся шамот і, напэўна, пясок.

У калекцыі з Дзяражыч (зборы У. Ф. Ісаенкі, І. М. Ціханенкава) знаходзіцца два *крамянёвыя наканечнікі стрэл* з двухбаковай апрацоўкай рэтушшу. Адзін з іх тронкавы: даўжыня 3,5 см; шырыня 1,1 см; таўшчыня 0,6 см; даўжыня тронка каля 1,0 см (малюнак 7: А2). Для вырабу наканечніка выкарыстоўвалася крамянёвая сыравіна цёмна-шэрага колеру. Другі наканечнік – “рыбападобны”, з вылучанай тронкавай часткай, з пашырэннем і невялікай выемкай на яе аснове – адносіцца да катэгорыі тыпалагічна рэдкіх вырабаў (малюнак 7: А3). Яго метрычныя параметры: даўжыня 3,5 см; шырыня 1,2 см; таўшчыня 0,6 см; глыбіня выемкі на тронкавай частцы каля 0,1 см. Наканечнік зроблены з крэменю шэрага колеру.

Малюнак 8 – Дзяражычы

Кераміка тшцінецкага культурнага кола (1–7). Малюнкi аўтара

У склад калекцыі, якую сабралі ў Дзяражычах У. Ф. Ісаенка і І. М. Ціханенкаў, уваходзіць фрагмент згаданай вышэй *керамічнай ліцейнай формы* (малянак 7: А1). Гэта рэшткі формы з завужанай верхняй часткай і паглыбленнем для залівання расплаўленага метала. Ліцейная форма зроблена з гліны, у якую дамешвалі дробную каменную жарству чырвонага колеру. Выраб выкарыстоўваўся для шматразовай адліўкі металічнай прылады, тып якой па прычыне фрагментарнасці формы складана вызначыць. Калі звярнуць увагу на марфалогію рэштак паглыблення, можна адзначыць, што адна з частак металічнай прылады, якую адлівалі ў форме, звужалася.

Для культурна-хараналагічнай атрыбуцыі вылучаных вышэй катэгорый знаходак эпохі бронзы з Дзяражыч найбольшую ўвагу неабходна звярнуць на кераміку тшцінецкага культурнага кола. Адкрывальнікі помніка У. Ф. Ісаенка і І. М. Ціханенкаў, аналізуючы кераміку з Дзяражыч, схіляліся да думкі пра сосніцка-тшцінецкі культурны змест помніка [1, с. 309, 311]. У артыкуле У. Ф. Ісаенкі і М.М. Чарняўскага акцэнт змяшчаўся ў бок прысутнасці ў матэрыяле Дзяражыч як элементаў сосніцкага, так і прыпяцкага варыянтаў тшцінецкай культуры [2, с. 160]. І. І. Арцёменка ўключыў Дзяражычы ў спіс паселішчаў ранняга этапу сосніцкай культуры з хараналогіяй на XV–XIII стст. да н. э. [10, с. 108, 109, карта 21].

Як вядома, старажытнасці тшцінецкага культурнага кола выяўляюцца на вялікай тэрыторыі Цэнтральна-Ўсходняй Еўропы ад басейна Одэра на захадзе да басейна Дзясны і Сейма на ўсходзе. У цэлым на сучасным этапе даследавання хараналогія ўсяго масіва тшцінецкіх помнікаў вызначаецца ў межах 1900 – 1000/900 гадоў да н. э., а для ўсходніх анклаваў, у прыватнасці для палескіх тэрыторый, – каля 1700/1600–1000/900 гадоў да н. э. [11, с. 18–54; 12; 13].

Помнікі Гомельскага Палесся размяшчаюцца ў межах паўночна-ўсходніх арэалаў тшцінецкай айкумены і вылучаюцца пэўнай культурнай спецыфікай, што давала нагоду разглядаць іх у складзе сосніцкай культуры альбо сосніцкага варыянту, тыпу тшцінецкай (усходнетшцінецкай) культуры. Канцэпцыя інтэрпрэтацыі “тшцінца” у выглядзе комплексу культур і іх тэрытарыяльных варыянтаў, груп помнікаў, якая дамінавала да пачатку 1990-ых гадоў, перажывае этап распрацоўкі альтэрнатыўных гіпотэз – феноменаў “гарызонту” (А. Коська), “пакета” (Я. Чабрашук), “макратэрытарыяльнай камунікацыйнай супольнасці” (П. Макаровіч) [гл. больш падрабязна гістарыяграфію: 11]. У прапанаваных гіпотэзах аўтары імкнуцца раскрыць механізм і дынаміку шырокага распаўсюджвання на

памежжы Цэнтральнай і Ўсходняй Еўропы агульных – блізкіх і ідэнтычных – культурных рысаў, якія дазваляюць ідэнтыфікаваць “тшцінецкі феномен” у якасці адначасова і культурнага адзінства і культурнай разнастайнасці. Тшцінецкія комплексы разглядаюцца як рэгіянальная інтэграваная сістэма з адмысловым “тшцінецкім стылем жыцця”, якая ўзнікла і дынамічна развівалася на памежжы цэнтральнаеўрапейскіх культур эпохі бронзы і субнеалітычных усходнееўрапейскіх культур.

У дачыненні да ўсходняга “тшцінца” заслугоўваюць увагі напрацоўкі і меркаванні С. Д. Лысенкі. Ён, між іншым, прапануе разглядаць тшцінецкае культурнае кола як дынамічную культурную сістэму, якая непазбежна павінна была б набываць свае асаблівасці ў залежнасці ад развіцця ў тых ці іншых прыродна-ландшафтных зонах. Усходні культурны масіў помнікаў тшцінецкага культурнага кола, які фарміраваўся на рэках Чарнаморскага басейна, на яго думку ахопліваў камароўскую і сосніцкую культуры, з адпаведнай лакалізацыяй у лесастэпавай і лясной зонах [14]. На матэрыяле помнікаў сосніцкай культуры, якія размяшчаюцца ў паўночных раёнах Сярэдняга Падняпроўя, ён вылучае культурна-храналагічныя комплексыранняга (1700/1600–1500/1450 BC), класічнага – з падзелаў на раннекласічны (1500/1450–1350/1300 BC) і познекласічны (1350/1300–1200 BC), позняга этапу (1200–1000/900 BC) [15, с. 147].

У кераміцы Дзяражыч неабходна адзначыць некаторыя адметнасці, якія развіваліся ў межах усходняга (сосніцкага) анклава тшцінецкага культурнага кола. У прыватнасці, вялікая роля належала “ружанцоваму” арнаментаванню. Сярод аздаблення, якое сустракалася на кераміцы помніка, прысутнічалі матывы “паркетнага” тыпу (спадчына сярэдне-дняпроўскай культуры), часта ўжываліся накольчатыя, ямкавыя арнаменты (спадчына ляснога неаліту) і інш. Неабходна таксама звярнуць увагу, як тое назіраецца на многіх іншых помніках Усходняга Палесся, што ў Дзяражычах сярод вылучаных марфалагічных тыпаў керамікі, а таксама ў арнаментальным стылі аздаблення адзначаюцца паралелі з тшцінецкімі помнікамі іншых рэгіёнаў, у тым ліку заходняга “тшцінца” (гл. некаторыя прыклады ніжэй).

Для вызначэння храналогіі керамічнага комплексу ў Дзяражычах неабходна абавязкова на тыпалагічныя аналогіі з іншымі помнікамі тшцінецкага культурнага кола. Тэрытарыяльна самыя блізкія паралелі прасочваюцца ў адпаведнай кераміцы Абакумаў-1 (Лоеўскі раён, Гомельская вобласць) – на помніку, які аўтар

даследаваў раскопкамi ў 1998 – 2000 гадах. У прыватнасці, у Абакумах-1 знойдзены рэшткі тшцінецкай пабудовы, якая згарэла і для якой атрымана серыя рыдыявугляродных дат. Даты рабіліся па вуглістых рэштках спаленых канструкцый будынка, у межах якога знойдзена параўнальна вялікая колькасць фрагментаў тшцінецкага посуду [13]. Для асноўнай масы керамічнага матэрыялу з жылля ў Абакумах-1 ёсць аналогіі ў адпаведных комплексах Пустынкi (Чарнігаўскае Палессе), Здвіжаўкі (Кіева-Жытомiрская група), Абухіва (Сярэдняе Падняпроўе), а таксама гарызонтаў Малапалавецкае III (Тэкліна) (1500–1400 BC) і IV (Мошны) (1400–1200 BC). На падставе тыпалагічных паралеляў у кераміцы, а таксама абавіраючыся на радыявугляроднае датаванне, пабудова ў Абакумах 1, хутчэй за ўсё, функцыянавала ў перыяд каля 1500/1400–1300 BC [12, р. 286].

Як і ў Дзеражычах, на многіх помніках тшцінецкага культурнага кола, у тым ліку ў Беларускам Палессі (Бухліцкі Хутар-1, Ліпляны, Капань-19 і інш.), сустракаліся банкападобныя (“бочкакападобныя”) пасудзіны з высокім валікам на шыйцы [гл. пералік некаторых знаходак такога тыпу, у тым ліку на заходнетшцінецкіх помніках: 9, s. 44–45; 13]. Для аднаго з пахаванняў помніка Палесе (Мазавецкая нізіна, басейн правабярэжжа сярэдняй Віслы), дзе быў знойдзены такі гаршчок, атрымана радыявугляродная дата (1495 – 1425 BC) [9, гус. 3.29]. Г. Тарас аднесла да раннекласічнай-класічнай тшцінецкіх фаз матэрыялы з аналагічным гаршком на помніку Дубечна-1 [16, tabl. XV: 1, s. 90, tabl. XV: 1].

Яшчэ адным прыкладам аналогій у тшцінецкай кераміцы Павіслення з’яўляюцца вазіпадобныя пасудзіны з вертыкальна пракрэсленым жалабаватым арнамантам [9, s. 83–84, гус. 2.44: 19]. Фрагмент такой пасудзіны уваходзіў у комплекс аб’екту на паселішчы Палесе. Ён прадатаваны радыявугляродным метадам на інтэрвал 1320–1190 BC [9, гус. 3.31]. У Дзеражычах такая кераміка нагадвае фрагмент міскі з вертыкальна пракрэсленым жалабаватым арнамантам (малюнак 8: 7). Аналагічнае аздабленне прысутнічае на посудзе блізкай марфалогіі на ўсходнетшцінецкіх помніках [параўн., напрыклад, кераміку сярэдняга этапу сосніцкай культуры ў І. І. Арцёменкі: 10, рис. 51: 24, 29].

У Дзеражычах для аздаблення керамікі шырока выкарыстоўваліся пракрэсленыя арнаменты ў спалучэнні з наколамі, ямкамі. Блізкі па стылю аздаблення і па марфалогіі посуд пачынаў

ужывацца ўжо ў раннетшцінецкі перыяд і, як правіла, дамінаваў ў матэрыялах раннекласічнага тшцінецкага этапу, у тым ліку на сосніцкіх помніках Падзясення, Сярэдняга Падняпроўя [11; 15, с. 147–150; 10, рис. 50, 51]. Неабходна дадаць, што ў комплексах ранняга этапу ўсходнетшцінецкіх помнікаў часта сустракаўся “ружанцовы” арнамент [15, с. 147–150, рис. 122; 10, рис. 50, 51]. Да ранніх тыпаў адносіцца кераміка з “паркетным” арнаментом (малюнак 8: 3–5) – спадчына сярэднедняпроўскай культуры.

Такім чынам, у Дзяражычах выразна выступаюць рысы ранняга і класічнага этапаў “тшцінца”. Зразумела, нельга выключаць прысутнасці асобных элементаў позняга тшцінецкага перыяду і нават керамікі перадміградскага тыпу. Апошнюю ў дачыненні да Дзяражыч згадваў у свой час Л. Д. Побаль [17, с. 264]. Зрэшты, дакладная ідэнтыфікацыя керамікі і познатшцінецкага, і перадміградскага тыпаў ускладняецца параўнальна невялікай калекцыяй і фрагментарнасцю керамічнага матэрыялу, а таксама няпэўнымі іх азнакамі для тэрыторыі Верхняга Падняпроўя. У кераміцы назіраюцца некаторыя рэгіянальныя рысы, якія прысутнічаюць на іншых помніках сосніцкага тыпу і ў больш шырокім сэнсе характэрныя для ўсходнетшцінецкіх комплексаў. З другога боку, кераміка адлюстроўвае некаторыя паралелі з заходнетшцінецкімі анклавамі. У пэўнай ступені гэта пацверджвае думку пра прасторавы дынамізм тшцінецкіх культурных традыцый у рамках шырокай цэнтральна-ўсходнееўрапейскай айкумены.

Невялікая частка фрагментаў керамікі з Дзяражыч вылучаецца ў комплекс сярэднедняпроўскай культуры. Арнаментальнае аздабленне і тэхналогія адпавядаюць азнакам, якія ёсць на іншых помніках сярэднедняпроўскай культуры Верхняга Падняпроўя з абсалютнай храналогіяй ў межах ад сярэдзіны III да пачатку II тыс. да н.э. (прыблізна каля 2600/2500 – 1700 BC) [гл., напрыклад: 18].

Да перыяду эпохі бронзы адносяцца фрагменты шматвалікавай керамікі культурнага кола Бабіна. Асноўныя арэалы помнікаў культурнага кола Бабіна прыходзяцца на стэпавыя і лесастэпавыя зоны з абсалютнай храналогіяй на перыяд канца III – першых стагоддзяў II тыс. да н. э. Па-за межамі асноўнага арэалу, на поўнач і на паўночны захад ад яго, перыферыяльныя тэрытарыяльныя групы адзначаліся на ніжнім Падзясенні, на Сейме і ў вярхоўях Сулы, а таксама на Валыні і Падоллі. У Беларускім Палессі, а менавіта ўздоўж Дняпра, Сожа, Прыпяці ў рэгіёнах Гомельскага і Мазырскага Палесся мной вылучаецца амаль 30 месцазнаходжанняў шматвалікавай керамікі бабінскага тыпу, у тым ліку ў Дзяражычах.

Паводле прапанаваных распрацовак, у тым ліку па храналогіі, шматвалікавая кераміка ў Беларускім Палессі, найбольш верагодна, распаўсюджвалася ў межах перыяду канца першай – пачатку другой чвэрці II тыс. да н.э. [19].

Заслугоўваюць увагі два крамянёвыя наканечнікі стрэл з двухбаковай апрацоўкай рэтушшу па ўсёй паверхні – тронкавы і “рыбападобны” (малюнак 7: А2, А3), якія ўваходзілі ў склад сабраных матэрыялаў каля Дзяражыч. Аналогіі тронкаваму наканечніку (малюнак 7: А2) ёсць у пахаваннях сярэдняпроўскай культуры [20, рис. 9: 19]. Другі наканечнік стралы, які ўмоўна можна назваць “рыбападобным” (малюнак 7: А3), адносіцца да рэдкіх тыпаў крамянёвых вырабаў гэтай катэгорыі. Ён нагадвае крамянёвую стралу з пахавання 2 кургана 3 Ходасавічаў-Сяргеевай – Грывы сярэдняпроўскай культуры [21, рис. 26: 10], а таксама адзін з крамянёвых наканечнікаў стрэл, які знойдзены на тшцінецкім паселішчы Таржымічы-2 ў міжрэччы Віслы і Заходняга Бугу [16, s. 235, tabl. LVI: 18].

Л. Д.Побаль разглядаў фрагмент глінянай ліцейнай формы з Дзяражыч ў кантэксце комплексу знаходак жалезнага веку [17, с. 264]. Аднак такое меркаванне не можа быць адназначным і патрабуе вызначэння тыпу металічнага выраба, які адлівалі ў форме, што, відаць, немагчыма па прычыне фрагментарнасці знаходкі. У такім разе пытанне культурна-храналагічнай ідэнтыфікацыі ліцейнай формы застаецца рытарычным, тым больш, калі мець на ўвазе прысутнасць на помніку вялікай колькасці матэрыялаў бронзавага веку.

Падсумоўваючы, неабходна адзначыць наступнае. Пры разглядзе знаходак са шматкультурнага помніка, матэрыялы на якім збіраліся на пясчаных раздувах у 1965, 1967, 1977, 2007 гадах, у паўночным, паўночна-ўсходнім накірунку ад в. Дзяражычы, вылучаюцца комплексы эпохі бронзы: кераміка тшцінецкага культурнага кола (малюнак 3–6, 8), сярэдняпроўскай культуры (малюнак 2: 1, 2, 4) і культурнага кола Бабіна (малюнак 2: 3, 5–7), крамянёвыя наканечнікі стрэл (малюнак 7: А2, А3). Адзін з наканечнікаў характэрны для вырабаў сярэдняпроўскай культуры (малюнак 7: А2), другі – рэдкі тып (малюнак 7: А3) і нагадвае наканечнікі, якія ёсць у сярэдняпроўскай культуры і ў тшцінецкіх комплексах. Звяртаецца ўвага на фрагмент глінянай ліцейнай формы (малюнак 7: А1), якую магло пакінуць на помніку насельніцтва бронзавага – жалезнага вякоў. Аналіз калекцыі керамікі тшцінецкага культурнага кола дазваляе прапанаваць наступныя меркаванні: ў комплексе выразна выступаюць

рысы ранняга і класічнага тшцінецкіх перыядаў (каля 1700/1600 – 1300/1200 BC); не выключаецца прысутнасць асобных элементаў позняга тшцінецкага перыяду, дакладная ідэнтыфікацыя якога ўскладняецца параўнальна невялікай калекцыяй і фрагментарнасцю керамічнага матэрыялу; назіраюцца некаторыя рэгіянальныя рысы, якія прысутнічаюць на помніках сосніцкага тыпу (культуры, варыянту) і ў больш шырокім сэнсе характэрны для ўсходнетшцінецкіх комплексаў; прасочваюцца некаторыя паралелі з заходнетшцінецкімі анклавамі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1 Исаенко, В. Ф. Об ареалах археологических культур каменного и бронзового веков на территории Белорусского Поднепровья / В. Ф. Исаенко, И. М. Тихоненков // Вопросы истории и археологии : мат-лы X конф. молодых ученых по обществ. наукам, июнь 1966 г. / АН БССР, Отделен. обществ. наук; под ред. Т. С. Горбунова. – Минск, 1966. – С. 306–311.

2 Исаенко, В. Ф. Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии / В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявский // Белорусские древности : доклады к конференции по археологии Белоруссии, январь–февраль 1966 г. / АН БССР, Ин-т истории; под ред. В. Д. Будько [и др.]. – Минск, 1967. – С. 155–187.

3 Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 3. Памятники бронзового века / В. Ф. Исаенко. – Минск : Полымя, 1976. – 150 с.

4 Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1965 г. / В. Ф. Исаенко // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 258.

5 Исаенко, В. Ф. Отчет о полевых исследованиях за 1967 г. / В. Ф. Исаенко // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 319.

6 Исаенко, В. Ф. Список первобытных археологических памятников Полесья на 1989 г. / В. Ф. Исаенко // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1356.

7 Крывальцэвіч, М. М. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях у 2007 годзе на тэрыторыі Ўсходняга Палесся / М. М. Крывальцэвіч // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 2439.

8 Исаенко, В. Ф. Археологическая карта Беларуси: памятники каменного века / В. Ф. Исаенко. – Минск : Полымя, 1968. – 126 с.

9 Górski, J. Osady i cmentarzyska społeczności trzcinieckiego kręgu kulturowego Polesiu, stanowisko 1, woj. Łódzkie/ J. Górski,

P. Makarowicz, A. Wawrusiewicz. – Łódź, 2011. – T. 1: Tekst. – 360 s. – (Seria “Spatium Archaeologicum”; vol. 2).

10 Артеменко, И. И. Культуры позднего бронзового века южной полосы лесов Европейской части СССР. Сосницкая культура / И. И. Артеменко. – Москва : Наука, 1987. – Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – 472 с. – (Серия “Археология СССР”). – С. 106–115.

11 Makarowicz, P. Trzciniecki krąg kulturowy – wspólnota pograniczna Wschodu i Zachodu Europy / P. Makarowicz. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2010. – 445 s. – (Seria “Archaeologia Bimaris. Monografie”; tom. 3).

12 Górski, J. Radiocarbon Chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper Basins / J. Górski, S. Lysenko, P. Makarowicz. – Poznań : Adam Mickiewicz University, 2003. – The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000 – 1000 BC. – (“Baltic-Pontic-Studies”; vol. 12). – P. 253–306.

13 Крывальцэвіч, М. М. Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі / М. М. Крывальцэвіч // Гістарычна-археалагічны зборнік / Нац. акад. Навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2006. – Вып. 22. – С. 39–52.

14 Лысенко, С. Д. Тшинецкий культурный круг и проблемы перехода к раннему железному веку в Северной Украине / С. Д. Лысенко // Российский археологический ежегодник. – СПб. : Издательство С.-Петербур. ун-та, 2012. – № 2. – С. 263–275.

15 Первісна археалогія Ніжняго Подесення / П. С. Шидловський [и др.]. – Київ-Ніжин, 2016. – 344 с.

16 Taras, H. Kultura trzciniecka w międzyrzeczu Wisły, Bugu i Sanu / H. Taras. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995. – 262 s.

17 Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л. Д. Поболь. – Минск : Наука и техника, 1983. – 456 с.

18 Крывальцэвіч, М. М. Могільнік сярэдзіны III–II тыс. да н. э. на Верхнім Дняпры – Прорва-1 / М. М. Крывальцэвіч. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2006. – 202 с.

19 Kryvaltsevich, M. Babino-type ceramics in the Eastern Palessiye / M. Kryvaltsevich. – Poznań : Adam Mickiewicz University, 2013. – The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin: 3200–1750 BC. – (“Baltic-Pontic-Studies”; vol. 18). – P. 139–161.

20 Артеменко, И. И. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица / И. И. Артеменко // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев, 1976. – С. 69–96.

21 Артеменко, И. И. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР / И. И. Артеменко // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М., 1964. – С. 31–87.

А. Д. ЛЕБЕДЕВ

Беларусь, Гомель,

доцент кафедры истории Беларуси учреждения образования

«Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,

кандидат исторических наук

ИЗ ИСТОРИИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОМ ПОЛЕСЬЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Автор изучает положение католической церкви на Мозырищине в 1920-х – 1930-х гг, рассматривает методы большевистской власти по ограничению ее влияния в среде этнических поляков и белорусов-католиков. Несмотря на репрессии и прочие меры советского государства провести полную атеизацию католического населения Восточного Полесья не удалось.

Ключевые слова: атеизм, католики, костел, Мозырищина, поляки, прихожане.

В начале XX в. территория современного Мозырского района входила в состав Мозырско-Речицкого католического деканата. По данным Минского губернского статистического комитета за 1913 г. в Мозырском уезде проживало 14 265 католиков. В 1916 г. на территории уезда служили 7 ксендзов (Г. Гумницкий, Ф. Филипчук, И. Витковский, Б. Келбасс, И. Даугис, Б. Козаковский, А. Сухвалко), которые обслуживали пять костелов, находившихся в Мозыре, Давид-Городке, Копаткевичах, Лельчицах, Петрикове [1, с. 72–73; 2, с. 152]. Несмотря на то, что в Российской империи Русская православная церковь занимала привилегированное положение, у римско-католического костела были относительно приемлемые условия для существования.

Ситуация коренным образом меняется в 1917 г. в связи с большевистским вооруженным переворотом. Новая власть начала жесткую борьбу с «религиозными пережитками», а насильственное насаждение атеизма стало одним из приоритетных направлений в государственной идеологии и практике. 23 января 1918 г. был принят декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в соответствии с которым, церковь лишалась статуса юридического лица, храмы

переставали быть собственностью церкви, отменялся обязательный церковный брак, а по конституции БССР 1927 г. священники не имели права участвовать в выборах. Изменилось также и административно-территориальное устройство. На смену Мозырскому уезду в 1924 г. приходит округ в составе десяти районов: Житковичского, Калинковичского, Каролинского, Копаткевичского, Лельчицкого, Мозырского, Наровлянского, Озаричского, Петриковского и Туровского.

По инициативе большевистского руководства наблюдение за деятельностью костела и борьбу с его влиянием проводили сразу два ведомства: Польское Бюро ЦК КП(б)Б и ГПУБ. Именно документы этих двух структур послужили основной источниковой базой для написания данной статьи.

Окружка КП(б)Б насчитывалось семь костелов и каплиц: в Мозыре, Наровле, Копаткевичах, Кустовнице, Буде, Лельчицах и Петрикове. Кроме костелов религиозная жизнь местных католиков концентрировалась вокруг костельных советов и религиозных кружков «ружанца» [3, с. 14–16]. В среднем численность прихожан одного прихода была не велика. Например, в Лельчицах – 430 человек, в Петрикове – 200 человек и т. д. Для сравнения среднестатистический приход православной церкви насчитывал от тысячи верующих [4, с. 191, 192]. К основным группам верующих относились поляки и белорусы-католики. По переписи 1926 г. первых в округе насчитывалось 8 883 человека. Что касается белорусов-католиков, то по оценке местных партийных органов 1924 г. их было около пяти тысяч. Как видно, статистические данные 1926 г. несколько расходятся с аналогичными показателями за 1913 г., однако надо иметь ввиду, что в результате изменений 1920-х годов, территория Мозырского округа уже не соответствовала территории уезда. Например, Давид-Городок с 1921 г. перешел в состав Польши.

В разное время Мозырский округ обслуживали ксендзы А. Сак, Ф. Касперович и П. Мадера [3, с. 14–16]. По данным Польского Бюро деятельность вышеназванных ксендзов заключалась в распространении костельных календарей и литературы (дд. Пеньки, Дрозды, Творичевка, Кустовица, Александровка и др.), открытии костелов (местечко Копаткевичи), организации религиозных кружков (дд. Кустовица, Александровка), проведении крестных ходов (д. Кустовица), исповедании верующих, посещении деревень с католическим населением.

Партийные работники неоднократно отмечали, что католическое духовенство пользуется значительным авторитетом и уважением среди польского населения. Например, в 1926 г. на очередном совещании работников агитпропа в прениях была высказана мысль, что «польскія ксяндзы лепей праводзяць сваю працу, чым нашы і зачастую карыстаюцца лепшым пасьпехам». Особенно сильное влияние было на женщин и мужчин старшего и среднего возраста. Например, о Ф. Касперовиче население в 1926 г. отзывалось следующим образом: «Квапінскі (былы загадчык школы-рухомкі) добры агітатар, але і наш новы ксендз ня хужэ яго». О значительном влиянии духовенства на верующих свидетельствует и тот факт, что в 1927 г. в Лельчицком районе крестьяне по рекомендации ксендза вышли из организации МОПР [международная организация помощи борцам революции – А. Л.].

Однако, наряду с этим отмечены и факты, свидетельствующие о падении авторитета духовенства. В частности, ксендз А. Сак, по мнению работников Польбюро, «свой авторитет подрывает рядом шкурнических поступков, плохо вяжущихся с его саном. “Святым” его совсем не считают. Вся деревня уверена, что у ксендза в Кустовице есть ребенок и посмеиваются над этим. Доходило до того, что одна старуха назвала его в “каплице” взяточником (“хабарник”), а крестьянин, которого он бессовестно надул, во всеуслышание обложил его “матом”».

В среде католического населения по инициативе духовенства организуются религиозные кружки «ружанца» или «ружанцовые кулки». По данным Польского Бюро эти организации создаются в мае месяце каждого года и имеют временный характер. В отсутствие ксендза именно в этих кружках и концентрировалась религиозная жизнь местных католиков. Кроме религиозных кружков при костелах существовали и костельные советы, состоящие из трех–пяти человек.

Религиозным настроениям населения работники Польбюро также придавали немаловажное значение. Об этом свидетельствует тот факт, что в текущей документации данного учреждения нередко содержался пункт с характерным названием – «религиозность населения», а практически в каждом отчете можно встретить стандартные формулировки вроде: «польское население ... фанатически религиозное», или «религиозность глубоко закореневшая».

Наиболее верующей частью населения, как отмечалось выше, были люди старшего и среднего возраста и в особенности женщины. Например, в 1925 году жителям деревни Кустовицы была дана

следующая характеристика: «религия одно из самых больных мест деревни. Особенно крепко за нее держатся женщины ... вплоть до делегатов. Многие женщины говорят: “мы бы давно записались в Партию, если бы в ней не запрещали молиться”». Аналогичная ситуация была даже в тех деревнях, которые практически не посещались католическим духовенством и где не было каплиц, как например в Творичевском сельсовете.

По советскому законодательству преподавание религии в школе было запрещено, однако польское население, несмотря на подобные ограничения, неоднократно требовало введения преподавания религии в школе. Ситуация была настолько серьезной, что в 1924 г. секретарю Польского Бюро пришлось в Мозырском и Наровлянском районах провести беседы на тему «Почему советская власть не разрешает учить религию в школах». В результате проведенной разъяснительной работы требования пошли на убыль [5, с. 24–28].

Столкнувшись с сильным влиянием костела на католиков, власти пришли к выводу, что это препятствует советизации населения и перешли к активным антирелигиозным мероприятиям. Эта борьба в 1920-х годах проходила в рамках общесоветской антирелигиозной политики. Условно ее можно разделить на два направления: агитационно-пропагандистское и административно-силовое. В рамках первого направления осуществлялась популяризация естественнонаучных знаний, велись беседы на антирелигиозную тематику, распространялась соответствующая печатная продукция, создавались кружки Союза Безбожников и т. д. Осуществление подобной работы было возложено, в первую очередь, на секретаря уездного (окружного) Польского Бюро, на уполномоченных по работе среди польского населения, школьных работников и работников Союза Безбожников.

По данным Польского Бюро при Уездном Комитете КПБ в д. Дрозды 26 декабря 1923 г. было проведено «собеседование» о сущности и происхождении праздника Рождества, а в деревне Кустовница прочитан доклад на тему «Происхождение мира и человека». В следующем 1924 г. работники Мозырского Польбюро проводили громкие читки и распространение журнала «Безбожник» в деревнях Кустовница, Александровка и Пеньки. В 1925–1926 гг. среди католиков Мозырщины распространялись антикатолические воззвания и брошюры бывшего ксендза Вл. Хрщоновича. Причем в Мозыре во время религиозного праздника статьями Хрщоновича был обклеен забор вокруг костела. В 1927 г. верховное руководство

начинает требовать от подчиненных создания ячеек и кружков Союза Безбожников. Как результат в отчете Польбюро Мозырского Окружного Комитета КП(б)Б за 1927–1928 гг. было указано, что образованы ячейки «безбожников», состоящие из 25 человек. К началу 1930 г. всего в округе насчитывалось три ячейки, объединяющие 48 человек. Если говорить о результатах атеистической агитационно-пропагандистской работы, то следует отметить, что даже сами работники партийно-государственных структур в течение 1920-х годов неоднократно признавались в ее слабой эффективности. Например, в отчетной документации регулярно можно встретить следующие оценки: «не весьма успешно прошла анти-пасхальная кампания» (1926 г.), «антырэлігійная работа сярод польскага насельніцтва ў раонах знаходзіцца ў зачатковым састаяньні» (1927 г.), «антырэлігійная праца праводзілася да гэтага часу вельмі слаба» (1928 г.).

Второе направление антирелигиозной работы – административно-силовое, представлено следующими формами: изъятием церковных ценностей, закрытием костелов и каплиц, репрессиями в отношении верующих. Кампания по изъятию церковных ценностей была проведена в апреле–мае 1922 г. Каких-либо подробностей и деталей о конфискации церковных ценностей в костелах Мозырщины мы не знаем, т. к. в нашем распоряжении есть лишь один документ, датированный 7 июня 1922 г. В нем указано, что Мозырский уездный финотдел передал в Минск два серебряных келиха и два серебряных блюда, изъятых «из безхозяйственного костела».

Следующая форма борьбы с религией в рамках административно-силового направления – это закрытия костелов и каплиц. Так Лельчицкий костел уже в 1928 г. был передан под зернохранилище. А после принятия 8 апреля 1929 г. постановления ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» по всей стране начинаются массовые закрытия храмов. Письмо Польского Бюро Мозырского окружкома КП(б)Б от 19 января 1930 г. свидетельствует, что один костел в Каролинском районе (совр. Ельский) был передан колхозу «Вперед» под клуб, а костелы в Мозыре и Петрикове бездействовали, и одновременно велась работа по передаче таковых «пад культ-асьветныя ўстановы».

Третья форма в рамках административно-силового направления – это репрессии в отношении верующих. В 1929 г. были проведены аресты в д. Александровка. В обвинительном заключении было сказано, что «для более успешной обработки все польское население

д. Александровки и ее окрестности втягиваются <...> вершушкой кулаков в Римско-католическую громаду с центром в м. Хабное, Киевского округа, преследуя этим объединение католиков вокруг костела в официальном порядке, на самом же деле имея в виду вовлечение в эту громаду – спаять около костела – польское население для лучшей обработки такового в антисоветском духе для повстанческой деятельности на случай войны». Решением Коллегии ОГПУ более тридцати человек приговариваются к расстрелу, имущество конфискуется, а семьи подлежат высылке. Похожая операция была проведена органами ГПУ и в деревне Кустовница. Двенадцать человек арестованных обвиняли примерно в том же, что и жителей дкрєвни Александровки, с той лишь разницей, что добавились обвинения в сопротивлении коллективизации. Например, К. Зублевич, «агитировала среди женщин и верующих не вступать в колхозы и не идти на спектакли и вечера, а посещать только кружки и костел», «выдумывала разного рода религиозные кружки, уговаривая крестьянок <...> сохранять костельные обрядности, оттягивая женщин от всей культурной жизни деревни» и т. д. В конечном итоге Тройка при Полномочном Представительстве ОГПУ по Белорусскому Военному Округу 26 апреля 1930 г. вынесла достаточно мягкий приговор. Из двенадцати привлеченных по делу, шестеро были освобождены, двое высланы в Сураж Витебской области на три года, а четверо – в Сибирь.

В результате проведения подобной репрессивной политики к концу 1920-х годов власти стали добиваться своего. Религиозные настроения среди верующих начали постепенно ослабевать. В документах чаще стали появляться стандартные фразы: «население стало меньше верить ксендзам» или «пры правядзеньні каляд ... насельніцтва ... большасьцю працавала, дзеці поунасьцю наведвалі школу. Сярод рабочых таксама ня было выпадкаў нявыхаду на працу у дні каляд» [3, с. 14–16].

После некоторого перерыва в начале 1930-х годов давление на верующих возобновляется. Пожалуй, наиболее показательным в этом отношении является 1933 г. Именно тогда было сфальсифицировано дело «ПОВ» (Польская организация войсковая) и ее филиалы были «вскрыты» в Минске, Могилеве, Слуцке, Борисове, Гомеле, Мозыре и т. д. Поэтому 1933 г. является наиболее массовым в плане репрессий против наиболее активных прихожан костела. Так, Особым Отделом Полномочного Представительства ОГПУ БССР по этому делу было арестовано 55 человек, Гомельским оперативным

сектором ОГПУ – 82 человека, Мозырским оперативным сектором ОГПУ – 48 человек. Как правило, арестам подвергались поляки и белорусы-католики, которых обвиняли в принадлежности к Польской організації войсковой. По версии следствия эта организация была создана

2-м Отделом Польского Генерального штаба через местное римско-католическое духовенство. Она, якобы, субсидировалась и направлялась польскими дипломатическими представительствами и «ставила конечной целью – восстановление Польши в пределах ее территориальных владений до 1772 г. путем свержения Советской Власти и отторжения БССР к Польше, осуществление чего мыслилось поднятием вооруженных восстаний и проведением широкой диверсии в тылу Красных Войск в момент объявления войны Польшей СССР» и т. д.

Например, работниками Мозырского оперативного сектора ОГПУ по Хойницкому району были арестованы пять человек, из них один бывший органист костела (П. Кунцевич), один бывший председатель костельного комитета (В. Гапоненко), двое действующих председателей костельных комитетов (Е. Смольский и К. Кривенчик), а также один рядовой член костельного комитета (В. Ермокевич). В обвинительном заключении значится, что все они входили в состав диверсионно-повстанческой и шпионской организации Польской організації войсковой, созданной ксендзами Ф. Касперовичем, К. Андрескусом, С. Ярошевичем, М. Сабочинским и др. В цели и задачи организации входило: во время войны «поднятие вооруженного восстания против Советской власти <...> совершение целого ряда диверсионных актов», в мирное время – «военно-политический и экономический шпионаж в пользу Польши <...> срыв хоз. политкампаний Советской власти» и т. д. В протоколе допроса от 21 ноября 1933 г. председатель костельного комитета д. Заболотье Хойницкого района К. Кривенчик показал: «Чистосердечно признаюсь, что я являюсь членом польской контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Соввласти, путем поднятия вооруженного восстания. В организацию я был завербован ксендзом Касперовичем, который создал ее в 1927 году <...> последний всегда считал Соввласть временным явлением, предсказывая свержение существующего строя, предлагая всем верующим полякам не терять надежды на лучшую жизнь в будущем». В конечном итоге Постановлением заседания Тройки при Полномочном Представительстве ОГПУ по БССР от 13 декабря 1933 г. К. Кривенчик,

В. Ермакевич и П. Кунцевич были приговорены к заключению в ИТЛ сроком на пять лет, а Е. Смольский и В. Гапоненко – на восемь лет.

Дальнейшая судьба осужденных также заслуживает внимания. Например, тот же П. Кунцевич наказание отбывал на печально знаменитом Беломорканале, по истечении срока вернулся в Хойники, однако в 1938 г. был снова арестован, на этот раз уже НКВД. Обвинялся практически в том же, что и в 1933 г., но решение на этот раз было иным – постановлением заседания особой Тройки от 11 ноября 1938 г. П. Кунцевич приговаривается к высшей мере наказания [6, S. 845-866].

Однако, несмотря на все усилия властей провести полную атеизацию католического населения на Мозырщине не удалось. По данным ЦК КП(б)Б в 1937 г. костел в Мозыре числится действующим, а верующие Лельчиц в том же году подали заявление с просьбой об открытии костела в своем районе [3, с. 15–16].

Список использованной литературы

1 Памятная книжка Минской губернии на 1915 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Губернская типография, 1914. – 185 с.

2 Памятная книжка Минской губернии на 1917 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск : Типография инвалидов, 1916. – 248 с.

3 Лебедев, А. Д. Политика советской власти по нейтрализации влияния католической церкви на Мозырщине в 1920-е гг. / А. Д. Лебедев // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час : зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 2. / рэд. кал. А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – С. 14–16.

4 Гурко, А. Вл. Религиозно-конфессиональные процессы в Мозырско-Припятском Полесье: исторический и современный аспекты / А. Вл. Гурко, А. Викт. Гурко // Этнокультурные процессы в Восточном Полесье в прошлом и настоящем. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 146–226.

5 Лебедев, А. Д. Католический костел в материалах Польбюро Мозырского окружного комитета КП(б)Б (20-е годы XX века) / А. Д. Лебедев // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час : зборнік навуковых артыкулаў / рэд. кал. А. А.

Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 24–28.

6 Лебедев, А. Д. Политика советской власти в отношении верующих католической церкви в БССР (1920–1930-е гг.) / А. Д. Лебедев // Prorocy Europy Srodkowo-Wschodniej XX wieku. Materiały III i IV Forum Teologów Europy Srodkowo-Wschodniej. Redakcja: Stanisław Celestyn Napiorkowski OFMConv. – Wydawnictwo KUL. – Lublin, 2009. – S. 845–866.

Д. Н. ЛИНДЕНКОВ

Беларусь, Гомель,

Гомельский дворцово-парковый ансамбль

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК В УРОЧИЩЕ ГРЕГОРОВО ПОЛЕ

В статье рассматриваются материалы исследований могильника Грегорово Поле, расположенного севернее города Лоева Гомельской области. Памятник вводит в распоряжение науки значительный материал, который позволяет изменить ряд представлений об этнокультурных процессах на юго-востоке нынешних белорусских земель в период формирования государства Русь.

Ключевые слова: археология, керамика, курган, раскопки, Русь, погребение.

Урочище Грегорово Поле расположено между д. Мохов и г. п. Лоев Гомельской области. В административном отношении его территория относится к Колпенскому сельсовету Лоевского района. Здесь расположен комплекс археологических памятников эпохи Киевской Руси. Он состоит из курганного могильника и остатков поселения, находится в 1,2–1,4 км юго-юго-восточнее Мохова и в 2,8–3,0 км северо-западнее Лоева (рисунок 1).

Рисунок 1 – Археологический комплекс X–XI вв. в ур. Грегорово Поле
(по материалам исследований автора 2013–2015 и 2017 гг.)

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Памятники занимают участок высокой правобережной коренной террасы Днепра. У ее подножия расположено озеро Нижнее, которое протокой связано с Днепром. Поселение заключено между двумя оврагами. Они разделяют территорию памятника на три условные площадки – центральную, северо-западную и юго-восточную. Территория поселения, судя по подъемному материалу, вытянуто с северо-запада на юго-восток и занимает участок размером около 240×160 м. Курганный могильник расположен на залесенном участке, на относительно ровной площадке, через которую проходит грунтовая дорога к пойме Днепра. Он вытянут по оси запад–восток вдоль окраины террасы и занимает территорию размером около 160×65 м. На многих курганах растут деревья. Некоторые из них «слились» полями. Околокурганные ровики отмечаются в основном у курганов высотой свыше 0,5–0,7 м. Большинство насыпей полусферические и круглые в плане. Есть насыпи, ранее раскопанные «колодцем».

Впервые памятники Грегорова Поля («Лоевский могильник» и «пахотное поле, густо усеянное черепками») опубликованы в конце XIX в. в работе В. З. Завитневича «Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье» [1, с 12–13]. Они вошли в условный треугольник между Речицей, Лоевом и Брагином. Памятники в этом регионе исследовались В. З. Завитневичем с целью определения восточной границы расселения дреговичей. За критерий определения восточно-славянских племен был принят погребальный обряд. В Грегоровом Поле тогда было отмечено свыше 70 курганов, 15 из которых раскопано В. З. Завитневичем. Самая большая насыпь имела высоту около 1,6 м и диаметр около 9,0 м. Один курган оказался «пустым». В одном кургане выявлен только слой угля размером около 2,50×0,90 м при толщине чуть менее 0,20 м. Остатки погребений зафиксированы в 13 курганах. Все они совершены по обряду ингумации на «почвенном слое» головой на запад. Из найденных предметов в публикации говорится лишь об остатках железных гвоздей и, в одном случае, о нескольких «грубых» черепках посуды в насыпи. В «полевом дневнике» о раскопках автора есть более подробная информация о каждом кургане, которая не попала в публикацию [2].

Материалы раскопок В. З. Завитневича, были изучены П. Ф. Лысенко при подготовке монографии «Дреговичи», которая вышла в 1991 г. Анализ иллюстративного материала издания показывает, что

предметы из «Лоевского могильника», которые попали в книгу, происходят из четырех курганов. В кургане 4¹¹ было выявлено обломанное полутораоборотное височное кольцо [3, с. 144, рис. 26: 41]. Находки из кургана 5 представлены поясным кольцом и ножом [3, с. 144, рис. 26: 7, 46]. Еще один нож и неопределенное стержневидное изделие выявлены в кургане 7 [3, с. 144, рис. 26: 44, 49]. В кургане 13 обнаружена лировидная пряжка [3, с. 144, рис. 26: 17].

В 2004–2005 гг. обследование памятника проведено А. Г. Тимофеевко. Был снят план могильника, где отмечено 53 курганные насыпи разной сохранности и собран подъемный материал на поселении [4, с. 12–15].

В 2012–2015 и 2017 гг. работы в Грегоровом Поле продолжены под руководством автора статьи. На территории поселения собран подъемный материал, заложены шурфы и раскоп площадью 56 кв. м. На могильнике изучены три курганные насыпи. Частично материалы исследований отражены в статьях автора [5–8]. Целью представленной работы является обобщение материалов и публикация новых исследований.

Курган 1 (рисунки 2, 3) расположен на восточной окраине могильника. Он имеет полусферическую форму. Поверхность кургана плотно задернована. Высота насыпи 0,60 м, диаметр – 5,0 м. Ровики не прослеживаются. Курган исследован раскопом 7,0×7,0 м, ориентированным по сторонам света.

Дневная поверхность насыпи представлена дерново-почвенным горизонтом мощностью до 0,15 м. Насыпь сложена песком с редкими включениями угольков. Во всех секторах кургана на разных уровнях зафиксированы находки круговой керамики. Всего отмечено более десятка фрагментов – два венчика сосудов XI в. (рисунок 4: 1, 2) и стенки. В юго-восточном секторе ближе к уровню горизонта обнаружен небольшой камень. В основании насыпи залегает слой песка с единичными угольками. Выраженного зольно-угольного горизонта в кургане нет. На горизонте расположены камни в поперечнике до 25 см, которые образуют «раму» подпрямоугольной формы, ориентированную углами по сторонам света. Камни маркируют центр кургана, где было помещено погребение. Во всех секторах на уровне горизонта встречались обломки круговой керамики. В северо-

¹¹ Номера курганов в издании представлены в соответствии с данными дневника В. З. Завитневича, где они имеют сквозную нумерацию для всех исследованных памятников в сезоне. Описание начинается с «Лоевского могильника». Далее материалы раскопок у д. Мохов. Их нумерация продолжается с № 16.

западном секторе в 2,0 м западнее нуля на глубине -0,59–0,64 м зафиксировано компактное скопление круговой керамики 1.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

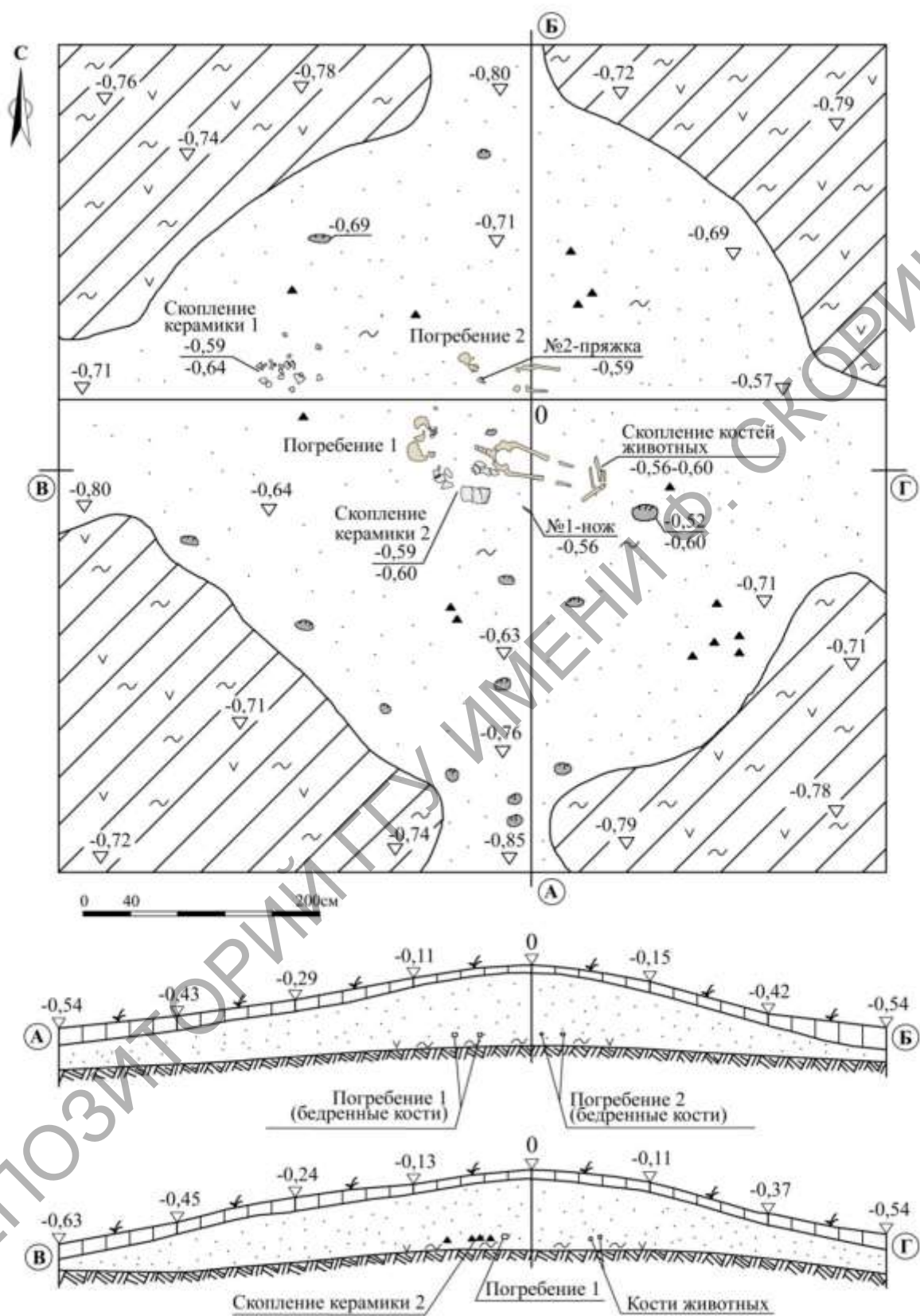

Рисунок 2 – Грегорово Поле. Курган 1. Исследования автора

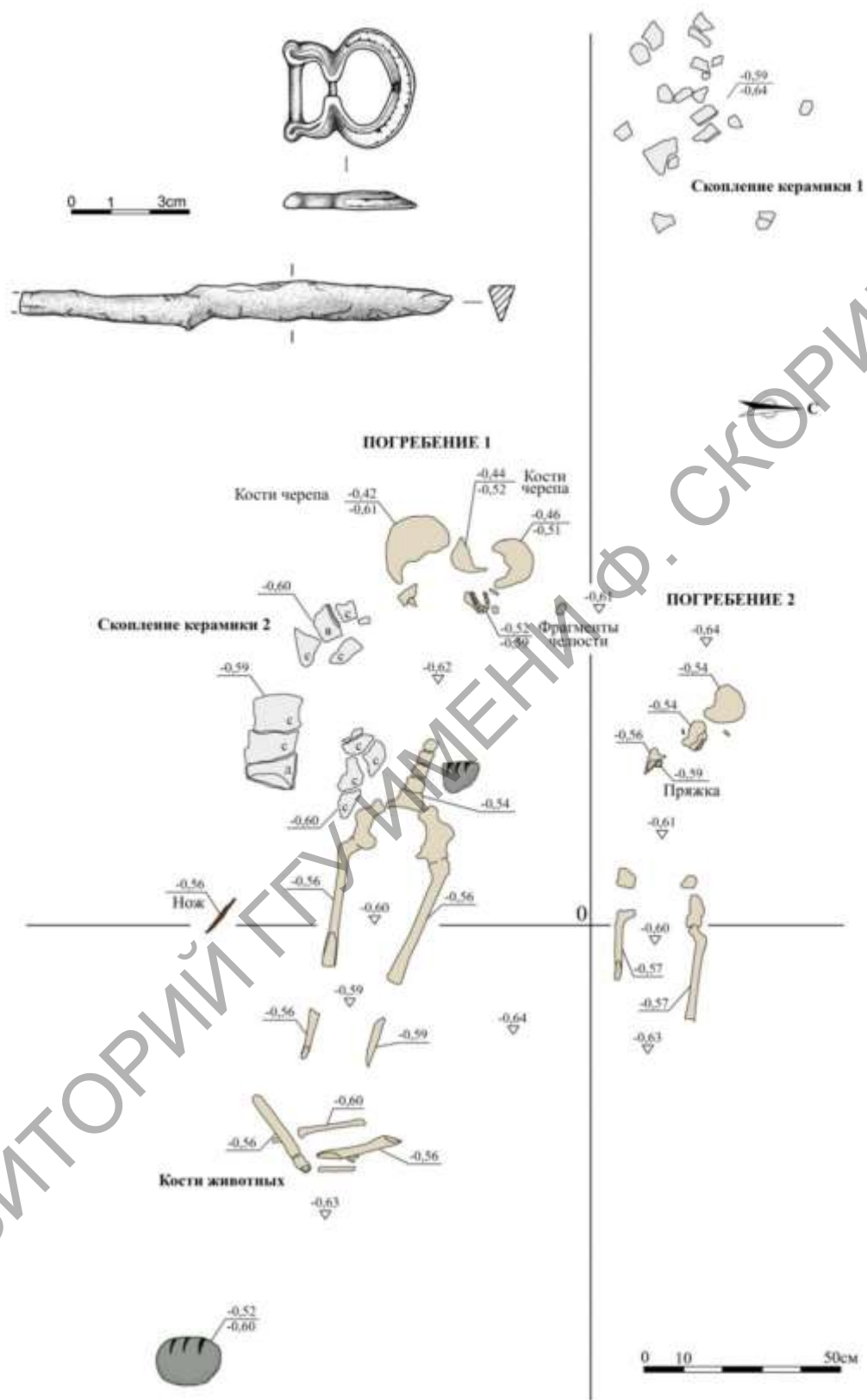

Рисунок 3 – Грегорово Поле. Курган 1. Исследования автора
План погребений. Бронзовая пряжка и железный нож

В центре кургана выявлены два захоронения. Погребение 1 зафиксировано в 0,30 м южнее нуля на уровне -0,52–0,60 м. Оно совершено по обряду труположения на горизонте, ориентировано на запад с небольшим отклонением к северу. Останки вытянуты на 1,50 м. Сохранились фрагменты челюстей, кости раздавленного черепа, нижние позвонки, кости таза и ног. Судя по размерам костей ног и стертости зубов, останки принадлежат взрослому человеку. С правой стороны поясного отдела со смещением к бедренным костям на глубине -0,56 м зафиксирован железный нож с черенковым насадом. Длина изделия составляет 11 см. С этой же стороны костяка в области пояса-груди на глубине -0,59–0,60 м отмечено компактное скопление круговой керамики 2. Несколько фрагментов найдено под костяком. Большинство найденных на уровне горизонта обломков посуды (скопление 1, скопление 2 и отдельные фрагменты) принадлежат одному большому круговому горшку XI в. (рисунок 4: 6), который был разбит в процессе совершения погребального обряда. Диаметр сосуда по венчику составляет 30 см, по дну – 15 см. При таких параметрах его высота должна была составлять не менее 25 см.

В 0,40–0,50 м севернее погребения 1 расчищены остатки погребения 2. Оно совершено на уровне горизонта на глубине -0,54–0,63 м. Костяк ориентирован головой на запад. Сохранились небольшие фрагменты костей черепа, таза, бедренные кости, остатки челюсти, зубы. Можно предположить, что останки принадлежат ребенку или подростку. В районе грудного отдела на глубине -0,59 м зафиксирована поясная лировидная бронзовая пряжка. Ее размеры 3,3×3,0×0,5 см. Она была найдена под костью погребения 2 в перевернутом положении. Под ней в полевых условиях были зафиксированы следы древесины, которые, вероятно, являются остатками настила, на который были помещены умершие. Учитывая обстоятельства находки, можно предполагать, что пряжка относится к погребению 1.

Элементы обряда характеризуют кости животных, которые были компактно сложены в «ногах» погребения 1, в 0,20 м от останков. Определяются кости крупных животных и птиц. На одной из костей отмечены следы разделки.

Фрагменты околочурганного ровика частично исследованы во всех секторах кургана. Он представлен четырьмя разделенными ямами по углам раскопа. В северо-западном секторе исследована яма с максимальной глубиной до 0,47 м от уровня горизонта. Ее размеры по бортам раскопа составляют 3,0×3,0 м. Она заполнена однородным темно-серым золистым песком с включением мелких угольков.

В северо-восточном секторе размеры ямы составляют ок. 2,0×2,0 м при максимальной глубине 0,59 м от горизонта. Заполнение представлено тем же слоем, что и в яме в северо-западном секторе. В юго-западном секторе яма представлена объектом шириной 2,0–2,3 м при глубине до 0,25 м от уровня горизонта. Она заполнена темно-серым золистым песком. Юго-восточная яма при размерах по бортам раскопа 2,35×2,70 м достигает глубины 0,53 м от уровня горизонта. Здесь, в верхнем заполнении, отмечено несколько стенок круговых сосудов.

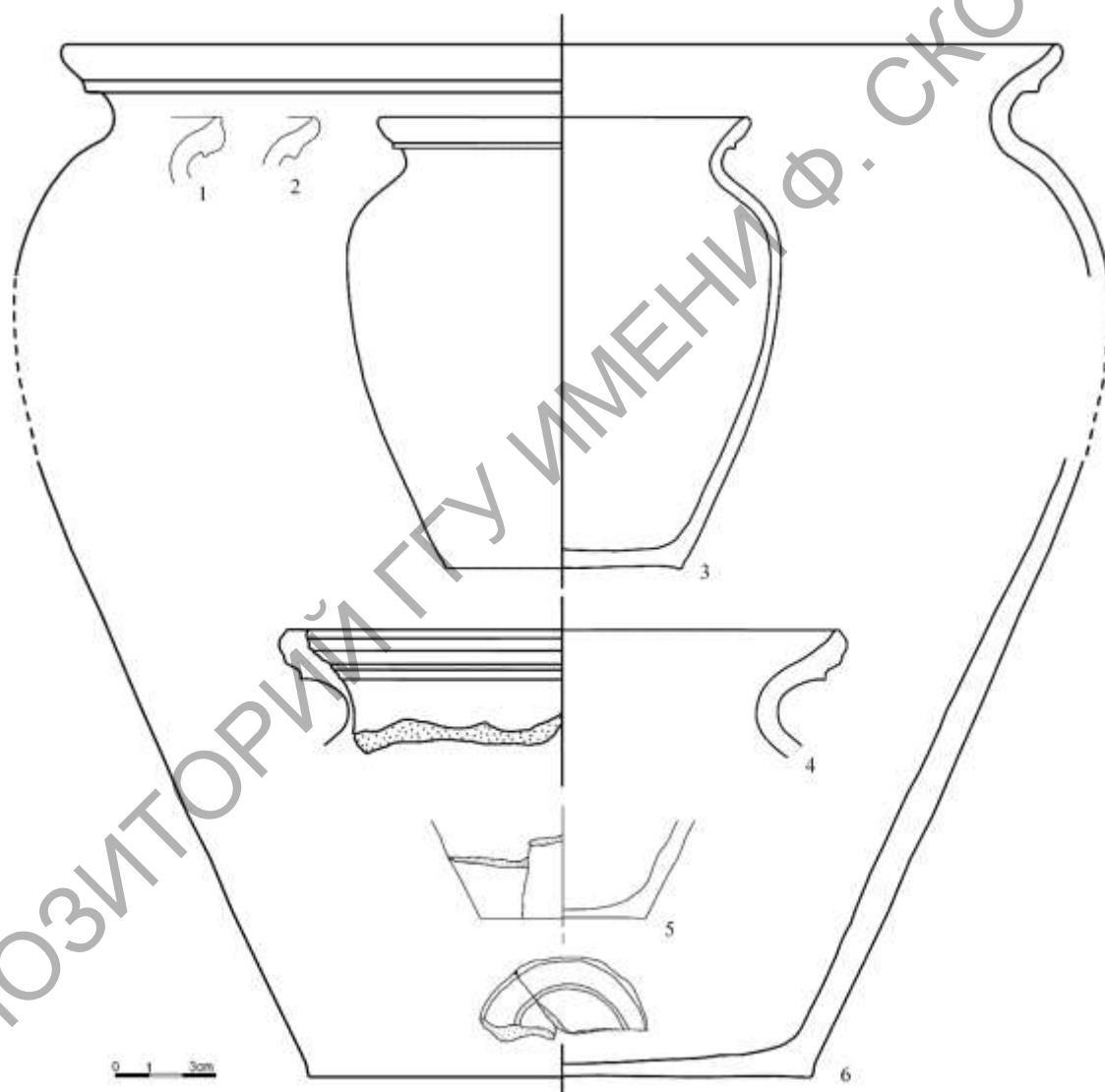

Рисунок 4 – Грегорово Поле. Исследования автора, 2014 и 2017 гг.

Керамика из курганов: 1, 2 – курган 1, насыпь; 3, 4 – курган 2, насыпь;
5 – курган 3, зольно-угольный горизонт; 6 – курган 1, горизонт
(скопления 1 и 2)

Таким образом, курган 1 содержит два синхронных погребения по обряду ингумации на уровне горизонта. Костяки ориентированы на запад. Погребение 1 принадлежит взрослому человеку, погребение 2 – ребенку или подростку. Перед помещением усопших на место захоронения на уровне горизонта был разбит большой круговой горшок. Судя по находкам и погребальному обряду, курган 1 датируется XI в.

Курган 2 (рисунок 5) расположен на окраинном северо-западном участке некрополя. Поверхность насыпи задернована. Следы ровиков не прослеживаются. Насыпь имеет блинообразную форму диаметром около 4,0 м при высоте 0,40 м. Курган исследован прямоугольным раскопом 6,0×5,0 м, ориентированным по сторонам света.

Поверхность кургана образует дерново-почвенный горизонт мощностью до 0,15 м. Насыпь сложена желтым песком с единичными включениями угольков. В юго-восточном секторе отмечено несколько фрагментов кругового сосуда XI в. (рисунок 4: 4). Здесь же зафиксированы два камня, поперечники которых превышает 0,20 м. В центре в 0,20 м южнее условного ноля был расчищен развал кругового горшка XI в. (рисунок 4: 3). Он был установлен дном вниз в верхней части насыпи. Его диаметр по венчику составляет 11 см, по дну – 7 см. Высота сосуда 13,5 см.

В основании насыпи выявлена яма глубиной до -0,20 м. На уровне горизонта ее маркировало пятно неправильной формы, сложенное золистым песком. Оно вытянуто с северо-запада на юго-восток. Его размеры составляют 2,60×2,30 м. Костных останков не обнаружено. В верхней части пятна расчищен железный нож. Его длина составляет 13,5 см. В юго-восточном секторе обнаружено несколько фрагментов стенок круговой керамики. Учитывая отсутствие костных останков, структуру заполнения, планиграфию и стратиграфию, яма не является могильной. Заполняющий ее слой похож на прокаленный грунт.

Ровики кургана представлены отдельными ямами. Они были вскрыты фрагментарно. Они отмечены в северо-западном, юго-западном и юго-восточном секторах. Ямы заполнены однородным темно-серым песком с включением золы и угля.

Ориентируясь на типологию керамики, курган 2 был возведен в XI в.

Курган 3 (рисунок 5) расположен юго-западнее кургана 2. Они исследованы общим раскопом. Погребальная насыпь имеет высоту около 0,65 м и диаметр около 5,0 м. Она исследована прямоугольным

раскопом размером 6,0 м (по оси запад-восток) на 5,0 м (по оси север-юг).

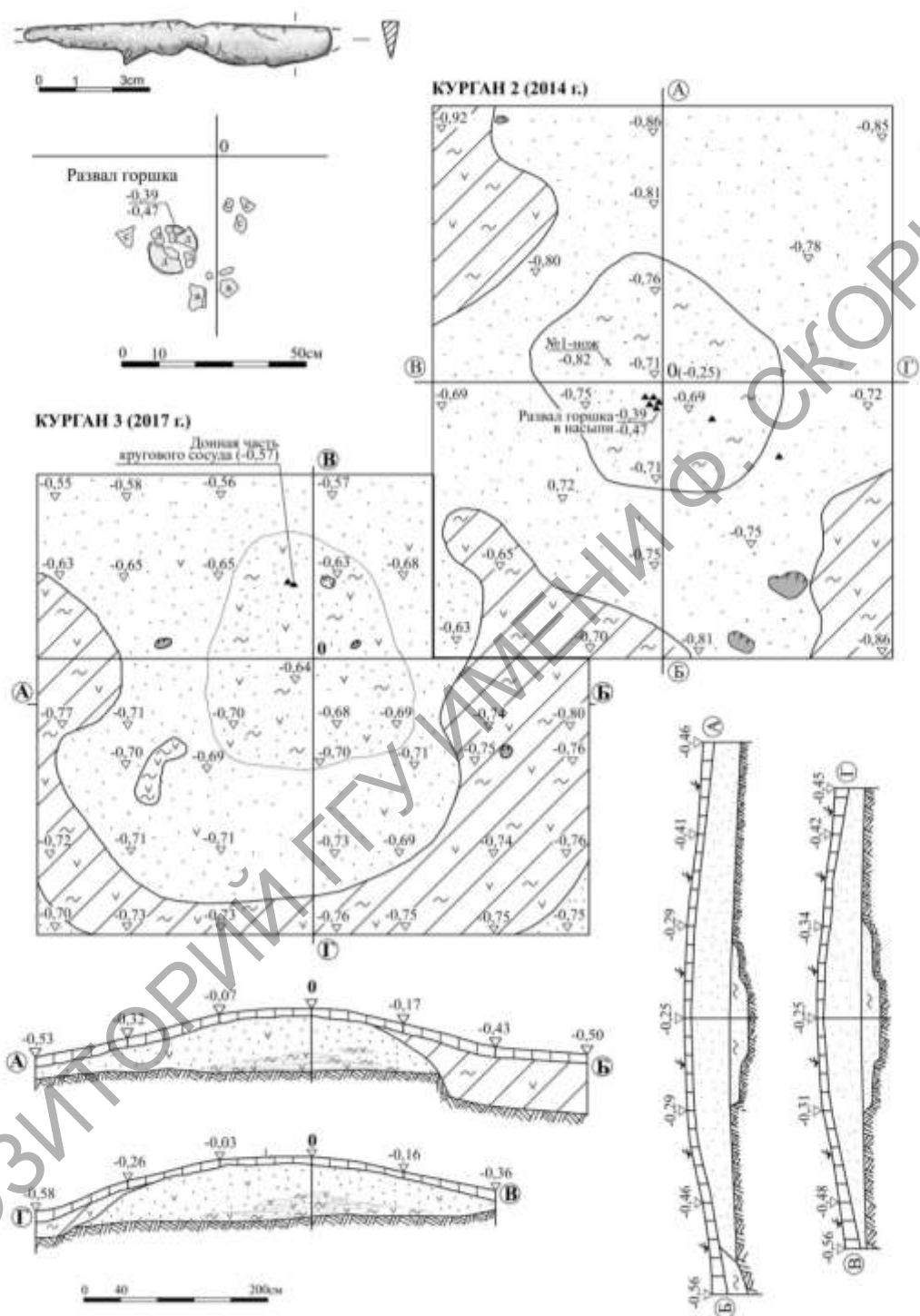

Рисунок 5 – Грегорово Поле. Исследования автора
Курганы 2, 3

Мощность дерново-почвенного горизонта достигает 0,15 м. Насыпь сложена песком с единичными включениями угольков. После снятия дерна по краям насыпи открылись пятна темно-серого песка с включением угольков, которые являются верхним заполнением ровика. Наиболее четко они различимы в юго-восточном и юго-западном секторах. В северо-западном секторе в слое насыпи отмечены две стенки лепных сосудов с примесью дресвы в тесте. Также в насыпи в северо-западном секторе у западной бровки найден камень поперечником более 0,10 м.

На уровне древнего горизонта в центре кургана отмечено слабо выраженное золистое пятно округлой формы, вытянутое с севера на юг. Оно зафиксировано на отметках -0,63–0,70 м. Размеры пятна по оси север-юг – около 2,60 м, по оси запад-восток – около 2,30 м. Его границы стали прослеживаться с отметок -0,40–0,46 м. Стратиграфия пятна показывает, что оно представлено линзами угольков и золистого песка. В его пределах в северо-восточном секторе зафиксировано скопление угольков. В этом же секторе – камень с поперечником до 0,15 м. В северной части пятна в зольно-угольном горизонте на глубине -0,57 м найден обломок донца кругового сосуда со следами клейма в виде окружности (рисунок 4: 5).

Пятно ровика зафиксировано в южной части раскопа на глубине -0,55–0,76 м. Оно имеет форму подковы, обращенной «устьем» на север. Заполнение представлено слоем темно-серого песка с включением угольков. В юго-восточном секторе удалось зафиксировать его ширину. Она составляет около 1,50 м. На уровне материка пятно распалось на отдельные ямы с юго-восточной стороны, юго-запада и запада. Яма с запада вошла в раскоп частично. Ее размеры около 1,25×1,15 м при глубине до 0,12 м от поверхности материка. Яма в юго-западном секторе также вошла в раскоп частично. Фиксируемые размеры 1,05×0,35 м при глубине около 0,15–0,18 м. Яма в юго-восточном секторе представлена в виде дуги шириной около 2,0 м. Ее максимальная глубина достигает 0,55 м от поверхности материка. Единственной находкой из ровика (самый верх заполнения) стал фрагмент стенки лепного сосуда с примесью дресвы в тесте.

Следов захоронений в кургане не обнаружено. Судя по его строению и фрагменту керамики, наиболее вероятно, что насыпь возведена в XI в.

По характеру погребального обряда, находкам керамики и другому инвентарю, исследованные автором курганы не выпадают из общей

хронологии Грегорова Поля. Это конец X–XI в. с преимуществом материала, характерного для XI в. Примечательно, что из 18 изученных насыпей на памятнике, четыре оказались без костных останков, но при сохранении ряда элементов погребальной обрядности. Несмотря на достаточно крупные размеры комплекса заметна бедность инвентаря его захоронений по сравнению с погребальными памятниками региона. Здесь выделяются Мохов, Колпень, Синск, Малейки, Микуличи, Холмеч, Пожарки и некоторые другие, где помимо разнообразного инвентаря и погребального обряда присутствуют и предметы вооружения [9, с. 93, 94]. В Грегоровом Поле не представлено разнообразие находок и на поселении, где обнаружено несколько железных гвоздей и обломок жерновой доски из фиолетового сланца. Между тем, общая хронология, наличие богатой по типам посуды коллекции керамики, некоторое сходство обрядов и близкое расположение с Моховским археологическим комплексом, позволяют говорить о единой поселенческой структуре обоих памятников. Полученные при раскопках в Грегоровом Поле результаты определяют особое социально-экономическое его положение, жители которого могли специализироваться на конкретном производстве. Имеющиеся материалы поселения указывают на железоделательное ремесло, следы которого фиксируются по наличию металлургического шлака, крицы, болотной руды, ошлакованных и оплавленных кусков глины.

Список использованной литературы

1 Завитневич, В. З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В. З. Завитневич // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1892. – Кн. VI. – С. 11–74.

2 Архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 1. Императорская археологическая комиссия (1859–1917) – 1890. – № 32. В. З. Завитневич.

3 Лысенко, П. Ф. Дреговичи / Под ред. В. В. Седова. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.

4 Тимофеев, А. Г. Отчет об археологических разведках, проведенных в Гомельском и Лоевском районах Гомельской области в 2004 г. / Фонды отдела археологии и охраны историко-культурного наследия ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». – Гомель, 2005. – 56 с.

5 Линденков, Д. Н. Археологический комплекс XI века в урочище Грегорово Поле (к постановке вопроса) / Д. Н. Линденков //

«Историческое наследие города Турова», – Научно-практическая конференция «Историческое наследие города Турова», 9–10 апр. 2015 г.: материалы / редкол.: С. В. Рязанов (гл. ред.), В. В. Домосканов, Н. Н. Мезга. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015 г. – С. 25–29.

6 Линденков, Д. Н. Некоторые итоги исследований средневековых памятников на Гомельщине в 2014 году / Д. Н. Линденков // Матэрыялы па археалогіі Беларусі – Мінск : «Беларуская навука», 2016. – Вып. 27. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэднявечных старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах. – С. 265–273.

7 Линденков, Д. Н. Гончарная посуда в курганах конца X–XI веков в урочище Грегорово Поле возле Лоева. Археологический контекст находок / Д. Н. Линденков // Днепровский паром: материалы Международных историко-краеведческих чтений «Днепровский паром» (8–9 августа 2017 г., г. Лоев). – Минск, 2017. – С. 36–39.

8 Линденков, Д. Н. Исследования археологического комплекса в урочище Грегорово Поле: первые результаты / Д. Н. Линденков // Юго-Восточная Беларусь: археология, ранняя история, памятники: сборник научных статей / редколлегия: О. А. Макушников (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 88–98.

9 Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 218 с.

УДК 94(476.2) «11»

П. Ф. ЛЫСЕНКО

Беларусь, Минск,
Государственное научное учреждение
«Институт истории НАН Беларуси»,
доктор исторических наук, профессор

**РЕСТАВРАЦИЯ ТУРОВСКОГО КНЯЖЕСТВА
И ТУРОВСКОЙ КНЯЖЕСКОЙ ДИНАСТИИ
В СЕРЕДИНЕ XII ВЕКА**

Туровское княжество сформировалось в X в. по административной реформе великого князя киевского Владимира Святославича. Первым достоверным туровским князем был третий по старшинству сын Владимира Святославича Святополк. В XI в. Туровское княжество являлось одним из важнейших в древней Руси, его князья чаще других занимали киевский великокняжеский престол. В начале XII в. великим князем киевским Владимиром Мономахом была прервана политическая самостоятельность и династическая принадлежность Туровского княжества, восстановленная только в 1158 г. в ходе ожесточенной борьбы представителя династической линии туровских Изяславичей, внука туровского и великого киевского князя Святополка Изяславича – князя Юрия Ярославича и потомков Владимира Мономаха.

Ключевые слова: Туровское княжество, туровские князья, киевские князья, реставрация династии.

В 1158 г. произошла реставрация Туровского княжества и наследственной Изяславовой династии Ярославичей на туровском престоле. Формально Туровское княжество продолжало существовать постоянно. В подтверждение этого может быть приведено выделение Туровского княжества великим князем киевским Юрием Владимировичем Долгоруким своему сыну Андрею Юрьевичу, в 1154 г. великим князем киевским Ростиславом Мстиславичем – Святославу Всеволодовичу черниговскому, и в 1155 г. – вновь великим князем киевским Юрием Владимировичем Долгоруким другому своему сыну Борису.

Однако положение Туровского княжества в системе древнерусских княжеств после смерти туровского и великого князя киевского Святополка Изяславича 16 апреля 1113 г. резко изменилось к худшему.

Со времени сложения племенного княжения дреговичей и возникновения Туровского княжества (988 г.) Туровское княжество в древней Руси занимало видное место. Это подтверждается постоянным его выделением одному из старших сыновей при всех трех разделах киевского государства – в 988 г. третьему сыну Святополку Владимировичу, в 1054 г. старшему сыну Изяславу Ярославичу, в 1125 г. третьему сыну Вячеславу Владимировичу. С туровского престола на киевский великокняжеский престол в XI в. из шести великих киевских князей переходили три туровских князя – в 1015 г. Святополк (Петр) Владимирович, в 1054 г. Изяслав

Ярославич, в 1093 Святополк II Изяславич. Туровское княжество принадлежало старшей в потомстве Ярославичей Изяславовой династической линии, имевшей преимущественные права на занятие киевского великокняжеского престола, что подтверждается в 1093 г. переходом на киевский великокняжеский престол туровского князя Святополка Изяславича после смерти великого князя киевского Всеволода Ярославича.

Положение Туровского княжества резко ухудшилось после смерти туровского и великого князя киевского Святополка (Михаила) Изяславича 16 апреля 1113 г. На киевский великокняжеский престол вступил его двоюродный брат Владимир Мономах, представитель младшей династической линии Ярослава Мудрого – сын Всеволода Ярославича. Владимир Мономах, будучи отцом многочисленного семейства (9 сыновей и 3 дочери), был сильно озабочен и обеспокоен устройством судеб своих детей. Для этого следовало отыскать новые владения (княжества) для своих сыновей и мужей для дочерей. В XII в. в древней Руси в условиях значительного увеличения претендентов из княжеских семей добиться этого было нелегко, поэтому у Владимира Мономаха одной из важнейших задач было подыскание свободных владений. В таких условиях Туровское княжество, оставшееся без князя после смерти Святополка Изяславича, представляло собой одни из возможных вариантов. С этой целью Владимир Мономах, выслав из Киева в Туров «на дожитие» вдову Святополка Изяславича, великую киевскую княгиню Ирину (Варвару), дочь византийского императора Алексея I Комнина и ее малолетних сыновей Болеслава (1104–1127 гг.) и Изяслава (умер 1129 г.), не стал утверждать туровским князем сына Святополка Изяславича Ярослава Святополчича, бывшего с 1097 г. владимирским князем. Этим было нарушено решение Ярослава Мудрого о распределении владений между его сыновьями и постановление Любечского съезда князей 1097 г. о наследственных владениях, скрепленное крестным целованием. Однако это представляло в распоряжение Мономаха земельный и владетельный ресурс Туровского княжества для решения его личных семейных проблем. И Мономах пошел по этому пути. Туровское княжество после смерти Святополка Изяславича превратилось из наследственного владения туровских князей Изяславичей в резервное владение киевского великого князя для удовлетворения его запросов. На этом этапе борьбы за использование ресурсов Туровского княжества Мономах добивается ликвидации энергичного и настойчивого претендента на

Туровское княжество Ярослава Святополчича и выделяет в понеманском регионе Гродненское княжество в приданное своей внучке Агафье, вышедшей замуж за безземельного волынского князя Всеволодка Давыдовича.

Ухудшение положения Туровского княжества происходит и в дальнейшем. После смерти Владимира Мономаха 19 мая 1125 г. И раздела его владений между наследниками, Туровское княжество становится достоянием его третьего сына Вячеслава Владимировича. С одной стороны, это подчеркивает его значение, но с другой – свидетельствует о его выпадении из семейного владения старшей Ярославовой линии владений Изяславичей и включении его в младшую линию Ярославичей – Мономашичей.

В 40-х гг. XII в. положение Туровского княжества становится еще хуже. Мономашичи не удержались на киевском великокняжеском престоле, и Киев захватили черниговские Ольговичи. Новый великий киевский князь Всеволод Ольгович для укрепления своего нахождения на киевском престоле начал раздавать своим родственникам и союзникам, поддерживающих его, города Туровского княжества – Берестий, Дорогичин, Клевеск, Рогачев, Черторыйск, что, несомненно, наносило удар территориальному единству Туровского княжества. Туров превратился в придаточную приманку великих киевских князей для удовлетворения запросов своих родственников и союзников. Туров уже не имел своей постоянной наследственной династической линии.

В 40–50-гг. XII в. в древней Руси шла упорная борьба за владение киевским великокняжеским престолом, в основном, двух претендующих наследственных линий Ярославичей – переяславских Мономашичей и черниговских Святославичей. За 19 лет, с 1139 по 1158 гг. на киевском великокняжеском престоле сменилось 13 князей. Судьба периферийного Туровского княжества, не имевшего постоянной местной династии и находившегося в полной зависимости от киевского великого князя, также менялась по его воле. На туровском престоле за 33 года с 1125 по 1158 гг. сменилось 10 князей. Все они приходили в Туров со своими сторонниками и сопровождающими, заботились только о своем благополучии, а не о местном населении. Это вызывало недовольство и создавало настроение в пользу Изяславичей, прежних владельцев Турова, которые, несомненно, больше заботились об интересах наследственного владения. В 1158 г. этим воспользовался Юрий Ярославич, сын Ярослава Святополчича, погибшего в 1123 г. в борьбе с Мономахом за туровский престол, он же внук Святополка Изяславича туровского и великого князя киевского,

умершего в 1113 г. Его брат Вячеслав Ярославич впервые упоминается летописью в 1128 г., как клецкий князь, возглавлявший поход отряда из Клецка в коалиционном походе великого князя киевского Мстислава Владимировича на полоцких князей за их отказ от совместного похода русских князей на половцев. Очевидно, Вячеслав Ярославич был посажен на Клецкое княжество Мстиславом Владимировичем после своего восшествия на киевский великокняжеский престол в 1125 г.

Юрий Ярославич впервые упоминается летописью в 1149 г. как советник Юрия Владимировича Долгорукого, князя Владимиро-Суздальского княжества. У него нет княжеского титула. Он упоминается как советник. Очевидно, в то время он не имел своего владения, будучи советником Юрия Владимировича Долгорукого, умного, решительного, деятельного и опытного князя. Он, несомненно, и сам был опытным, умным и авторитетным человеком. Именно его совета послушался Юрий Владимирович в конфликтном споре с великим киевским князем Изяславом Мстиславовичем «и не да дани (Изяславу Мстиславичу – Л. П.) (новгородские)». Очевидно, и в дальнейшем Юрий Ярославич оставался в роли служилого князя в окружении Юрия Долгорукого.

Как видно, Юрий Ярославич правильно оценивал ситуацию в древней Руси, когда за киевское великое княжение велись войны соперничающих группировок, создающие сложные ситуации между княжескими коалициями и отвлекающими внимание от периферийных проблем. Частые смены князей на киевском престоле ослабляли центральную власть киевского государства и создавали возможность совершать попытки решения отдельных проблем в отдаленных регионах.

Между тем в 50-е гг. XII в. борьба за киевский великокняжеский престол обострялась и запутывалась, проходя с переменным успехом между киевскими Мономашичами и черниговскими Святославичами. В 1146, 1 августа умер великий киевский князь Всеволод Ольгович. Киевское общество раскололось в поисках претендента на киевский престол. Одни поддерживали кандидатуру Игоря Ольговича, брата усопшего Всеволода Ольговича, другие склонялись в пользу его соперника из дома Мономашичей – Изяслава Мстиславича, сына великого киевского князя Мстислава Владимировича Великого, внука Владимира Мономаха. В небольшом сражении в окрестностях Киева победу одержал Изяслав Мстиславич. Сторонника Игоря Ольговича рассеялись, он сам попал

в плен к Изяславу Мстиславичу и был сослан в монастырь в Переяславль. Великим киевским князем стал Изяслав Мстиславич.

Победой над черниговскими князьями своего племянника Изяслава Мстиславича решил воспользоваться туровский князь Вячеслав Владимирович. В 1146 г. он возвратил в состав Туровского княжества города Берестий, Дорогичин, Клеческ, Рогачев и Черторыск, которые в 1142 г. Всеволод Ольгович раздал своим братьям и племянникам за поддержку в борьбе за киевский великокняжеский престол. В дополнение Вячеслав Владимирович занял Владимир Волынский и посадил в нем племянника Андрея Юрьевича, сына Юрия Долгорукого.

Самовольство Вячеслава Владимировича возмутило нового великого киевского князя Изяслава Мстиславича. Он послал в Туров своего брата смоленского князя Ростислава Мстиславича и черниговского князя Святослава Всеволодовича на своего самовольного дядю Вячеслава Владимировича, отнял у него Туров, изгнал оттуда помощников Вячеслава Владимировича – епископа туровского Акима и посадника Жирослава Яванковича и посадил в Турове своего сына Ярослава Изяславича. Вячеслав Владимирович, очевидно, был сослан в Пересопницу.

Княжение Изяслава Мстиславича в Киеве было недолгим. В 1149 г. владими́ро-сузда́льский князь Юрий Владимирович Долгорукий, дядя Изяслава Мстиславича, изгнал его из Киева во Владимир Волынский. Однако к победителю Юрию Владимировичу с претензиями обращается черниговский князь Святослав Ольгович, упрекая его, что новый киевский князь «держит его отчину», которая «ему достоин». Возможно, он намекает на то, что Клецк был ему отдан еще в 1142 г. его старшим братом Всеволодом Ольговичем во время его княжения на киевском престоле. Святослав Ольгович вновь взял «и Клечьск, и Случеск, и все дреговичи».

Во Владимире Изяслав Мстиславич готовится для продолжения своей борьбы за Киев со своим дядей Юрием Владимировичем, с этой целью он приглашает венгров и поляков. В 1150 г. Изяслав Мстиславич с помощью черных клобуков (кочевники, посаженные на южной границе Руси на р. Рось) захватил Киев. Однако на Изяслава Мстиславича двинулись Ярослав Галицкий, Юрий Долгорукий и черниговские князья. Изяслав Мстиславич ушел во Владимир, передав Киев Вячеславу Владимировичу. Осенью 1150 г. «да Гюргии (Юрий Долгорукий – Л. П.) Андрееви сынови своему Туров и Пинск и Пересопницу». Однако в том же 1150 г. Изяслав Мстиславич вновь занял Киев и пригласил на киевский престол Вячеслава Владими-

ровича, своего дядю. В 1151–1152 гг. происходила упорная борьба за владение Киевом между Изяславом Мстиславичем, Вячеславом Владимировичем и Рюриком Мстиславичем с одной стороны, и Юрием Долгоруким, которого поддерживали Владимир Галицкий и черниговские князья. Борьба шла с переменным успехом, но в большей мере успех сопутствовал Изяславу Мстиславичу.

В 1151 г. был разбит Юрий Владимирович Долгорукий, в 1152 г. – Владимир Галицкий. В 1153 г. поход Изяслава Мстиславича на галичан был неудачным. Результаты борьбы за киевский престол сказывались на социально-экономическом и политическом состоянии Туровской земли. Туровский князь Ярослав Изяславич (с 1146 г.), сын великого князя киевского Изяслава Мстиславича, в 1154 г. был послан княжить во Владимир Волынский.

В 1154 г. смены князей на киевском великокняжеском престоле происходят с калейдоскопической быстротой. 13 ноября 1154 г. умер Изяслав Мстиславич, в Киеве остался один Вячеслав Владимирович. Он призвал смоленского князя Ростислава Мстиславича, брата умершего Изяслава Мстиславича. В качестве благодарности за помощь он передал черниговскому князю Святославу Всеволодовичу Туров, Пинск и Туровское княжество.

10 декабря 1154 г. в Киеве неожиданно умер Вячеслав Владимирович. Один Ростислав Мстиславич не мог противостоять черниговским князьям, был разбит и бежал в Смоленск. 16 декабря 1154 г. киевляне признали своим князем черниговского Игоря Давыдовича, но в борьбу за киевский великокняжеский престол вмешался владимиро-суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий. Игорь Давыдович не мог противостоять Юрию и добровольно ушел из Киева 20 марта 1155 г. Юрий Владимирович вступил в Киев и начал раздавать волости. Туровское княжество получил его сын Борис.

15 мая 1158 г. Юрий Владимирович умер, и на великокняжеский престол вступил Игорь Давыдович черниговский. В связи с этим событием происходит решительный перелом в дальнейшей истории Туровской земли.

Чтобы понять значение для нее событий, сложившихся после смерти Долгорукого, нужно внимательно рассмотреть таблицу сведений о смене правителей Великого княжества киевского и Туровского княжества по их династической принадлежности в потомстве Ярослава Мудрого (таблица 1).

Наследие Ярослава Мудрого, включающее практически все земли древней Руси, в 1054 г. по его завещанию было разделено между сыновьями. Старший сын Изяслав получал Киевское великое

княжество и Туровское княжество, средний сын Святополк – Черниговское княжество, а младший Всеволод – Переяславльское. Вопрос о владениях рассматривался в 1097 г. и на Любечском съезде князей, в котором принимали участие великий князь и туровский Святополк Изяславич (представитель Изяславовой династической линии), Владимир Всеволодович Мономах (представитель младшей династической линии Всеволодовичей), черниговские князья, а также представители Владимирского княжества Давид Игоревич и волынские князья Володарь (перемышленский князь) и Василько (теребовльский князь). Совещание князей пришло к согласию и заключению: «каждый да владеет своей отчиной». Согласие было скреплено крестным целованием.

Таблица 1 – Киевские и туровские князья в первой половине XII в.

№	Годы	Киевские князья	Династия	№	Годы	Туровские князья	Династия
1	1093–1113	Святополк Изяславич	И.	1	1088–1113	Святополк Изяславич	И.
2	1113–1125	Владимир Мономах	М.		1113–1125	Ирина (Варвара)	
3	1125–1132	Мстислав Владимирович	М.	2	1125–1132	Вячеслав Владимирович	М.
4	1132–1139	Ярополк Владимирович	М.	3	1132–1133	Изяслав Мстиславич	М.
				4	1134–1139	Вячеслав Владимирович	М.
5	1139	Вячеслав Владимирович	М.	5	1139–1142	Вячеслав Владимирович	М.
6	1139–1146	Всеволод Ольгович	С.	6	1142	Святослав Всеволодович	С.
				7	1142–1146	Вячеслав Владимирович	М.
7	1146–1149	Изяслав Мстиславич	М.	8	1146	Ярослав Изяславич	М.
8	1149	Юрий Владимирович Долгорукий	М.	9	1150	Андрей Юрьевич	М.
9	1150–1154	Изяслав Мстиславич + Вячеслав Владимирович	М.				
10		Ростислав	М.				

		Мстиславич					
11	1154–1155	Игорь Давыдович	С.	10.	1154	Святослав Всеволодович	С.
12	1155–1158	Юрий Владимирович	М.	11.	1155–1158	Борис Юрьевич	М.
13	1158	Игорь Давыдович	С.		1158	Юрий Ярославич	И.

И. – Изяславичи (туровские), М. – Мономашичи (перемышльские),
С. – Святославичи (черниговские).

На начало XII в. династия Изяславичей владела великим княжеством Киевским (с 1054 г.) и Туровским княжеством (князь туровский Святополк Изяславич с 1088 г. и князь великий киевский с 1093 г.). Черниговским княжеством владели Святополчичи, а Переяславльским – Всеволодовичи.

Положение резко изменилось в 1113 г. После смерти великого князя Святополка Изяславича 16 апреля 1113 г. великим киевским князем стал его двоюродный брат Владимир Всеволодович Мономах, сын великого князя (1078–1093 гг.) Всеволода Ярославича. Однако Владимир Всеволодович Мономах, обремененный большой семьей и заботами о ее обеспечении владениями, отказался утвердить наследственное владение – Туровское княжество за сыном усопшего Святополка Изяславича Ярославом, намереваясь использовать туровские земли для обеспечения своего потомства.

Туровское княжество было назначено «на дожитие» вдове усопшего Святополка Изяславича византийской принцессе Ирине (Варваре), после чего в 1125 г. поступило в распоряжение владений Мономашичей.

Изучение длинного списка киевских князей с 1113 по 1158 гг. (12 князей) показывает, что абсолютное их большинство (9 князей) принадлежит к династической линии Мономашичей. В список за этот период на короткий срок попали лишь два представителя династической линии черниговских Святославичей (Всеволод Ольгович – 1139–1146 гг. и Игорь Давыдович – 1154–1155, 1158 гг.) и ни одного представителя старшей в Ярославовом потомстве Изяславовой линии туровских князей. За период с 1125 по 1155 гг. было 10 пожалований Туровского княжества. Абсолютное большинство правителей было князьями-мономашичами. Лишь Святослав Всеволодович из числа черниговских князей был допущен к кратковременному владению Туровом – в 1142 г., а также в 1154–1155 гг. И ни одного князя из династии туровских князей отчичей Изяславичей

в Ярославовом потомстве не было утверждено на владение Туровским княжеством.

Такая политика в отношении старшей династической линии была положена Владимиром Мономахом в 1113 г., когда он стал великим князем после смерти своего предшественника великого князя киевского и туровского Святополка Изяславича, происходившего из старшей линии Ярославичей, имевшей преимущественные права на киевский стол (по завещанию Ярослава и по постановлению Любечского съезда 1097 г.). Осуществляя эту политику, Владимир Мономах яростно боролся с наследником Святополка Изяславича Ярославом Святополчищем, не допуская его к приближению в претензиях на великокняжеский стол и на стол Туровского княжества. Гибель в этой борьбе Ярослава Святополчича (1123 г.) и его малолетних братьев Брячислава (1105–1127 гг.) и Изяслава (1128 г.) завершила политику и намерения Владимира Мономаха выбить из числа претендентов на великокняжеский стол представителей старшей линии туровских Изяславичей в Ярославовом потомстве для того, чтобы монополизировать в этих претензиях потомкам своей Мономаховой династии. Таково истинное лицо Мономаха в истории Туровского княжества.

Поворотным моментом в истории Туровского княжества в 1158 г. послужила смерть 19 мая в Киеве великого князя Юрия Долгорукого. Получив сведения о смерти отца, туровский князь (с 1155 г.) Борис Юрьевич, по-видимому, отправился на похороны в Киев. Воспользовавшись его отъездом, Туров захватил Юрий Ярославич, внук великого князя киевского и туровского Святополка Изяславича и сын Ярополка Святополковича, погибшего в 1123 г. в борьбе с Мономахом за владение Туровским княжеством и перспективы претендовать на Киевское великое княжение. К 1158 г. Юрий Ярославич был безземельным князем, не имевшим своего надела, и находившимся на положении служилого князя у Долгорукого. Смерть великого патрона, необеспеченность и бесперспективность своего будущего, семейные предания великого прошлого своей династии и отчаянное настроение у туровского населения, возмущенного безответственностью своих многочисленных кратковременных правителей толкнули Юрия Ярославича на отчаянный шаг. Он ворвался в Туров и захватил его во время отъезда Бориса Юрьевича, надеясь на поддержку туровского населения. Очевидно, Юрий Ярославич знал о недовольстве частой сменой князей на туровском престоле, которые, прежде всего, заботились о своих личных интересах и интересах своего окружения.

События в Турове описаны летописцем в пространной статье. Очевидно, они нашли широкое звучание в обществе и затронули

интересы многих современников летописца. Летопись так передает события в Киеве и Турове после смерти Долгорукого и вокняжения на великокняжеском престоле Изяслава Давыдовича. Воспользовавшись отсутствием в Турове князя Бориса Юрьевича, в Турове внезапно появился Юрий Ярославич и занял туровский престол без согласования и назначения новым великим князем. Подобное самовольство не понравилось великому князю, ведь оно изымало из его ведения значительный земельный ресурс и возможность привязывать к себе сторонников и союзников. В этой связи Изяслав Давыдович срочно создал коалицию своих сторонников с целью наказать и привести в повиновение туровского самовольщика Юрия Ярославича: «...том же лете иде Изяслав (Давыдович – Л. П.) на (Юрия – Л. П.) Ярославича к Турову, и с ним идее Ярослав из Лучьса, и Андреевич Ярополк, и галичская помочь, и Ростиславич Рюрик со Смолняны, и Володимир Мстиславич, тому бо искаху Турова, и Полчане. Придоша к Турову, пожгоша села около его, и воеваша Берендичи около Пиньска и за Припетью. И бяхуться крепко, выходячи из города, и много бываше язвенных, и многу молбу створиваше. Гюрги Ярославич высылая из города к Изяславу, река, брате, прими мя в любовь к себе. Изяслав же того не всхоте, но всяко хотяше под ним взятии Туров и Пинеск. И стояше около города недель 10, и бысть мор коних, и тако не оуспевше ему ничтоже, взвратишася в своям, не створше с ним мира, и много пеши придоша с тое воины» [1, стб. 492].

Изяслав Давыдович временно отступил из Турова, но мира с Юрием Ярославичем не заключил. В 1160 г. Юрий Ярославич воевал около Путивля и Вырева, очевидно, по заданию великого киевского князя. В Киеве Изяслав Давыдович был смнен Мстиславом Изяславичем (23 декабря 1158 г.), из рода Мономашичей. Многочисленные южнорусские князья-мономашичи не могли смириться с вокняжением в Турове Юрия Ярославича: «Тои же зиме (1160 г.—Л. П.) ходи Мстислав Изяславич (в то время уже князь владимирский – Л. П.), и Ярослав, бат его (князь луцкий – Л. П.), Ярополк (князь бужский – Л. П.), Андреевич Володимир (князь дорогобужский – Л. П.), брат его Ярополк к Турову на Гюргя на Ярославича. И стояше поле 3 неделе, и не вспевше ему ничтоже, взвратишася в свояси» [1, стб. 510].

На киевском престоле 12 апреля 1159 г. Мстислава Изяславича сменил Ростислав Мстиславич, более лояльно относившийся к Юрию Ярославичу туровскому: «том же лете створи мир Ростислав с Гюргем с Ярославичем» [1, стб. 520]. Так завершилось восстановление на туровском престоле прежней династии туровских князей; Изяслав

(1052–1078 гг.) → Ярополк (1078–1087 гг.) → Святополк (1088–1113 гг.) – [Ярослав] → Юрий Ярославич (1158–1167 гг.).

Заключение мира великого князя Ростислава Мстиславича с туровским князем Юрием Ярославичем в 1160 г. означало восстановление самостоятельного Туровского княжества, имеющего свою династию, независимую от воли киевского князя. Это была реставрация прежнего древнего (с 988 г.) Туровского княжества, но с одним исключением – туровские князья больше не имели права претендовать на киевский престол, т. к. отец туровского князя Юрия Ярославича – Ярослав Святополчич погиб, так и не побывав великим князем.

Список использованной литературы

1. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Изд-во восточ. лит., 1962. – Т. II. УДК 069.5:902(476.2-37Брагин)«192/193»

Э. А. ЛЯШКЕВИЧ

Беларусь, Минск,
научный сотрудник Государственного научного учреждения
«Институт истории НАН Беларуси»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ БРАГИНСКОГО РАЙОНА (1920–1930-Е ГОДЫ)

В 1929–1930-х гг. белорусские археологи провели разведочные работы на памятниках разных эпох Брагинщины. Коллекции находок сохранились частично, ряд предметов депортирован. Настоящая публикация вводит в научный оборот информацию об остатках довоенных коллекций, которые сохранились в Институте истории НАН Беларуси.

Ключевые слова: археология, Брагинский район, Брагинка, коллекции, И. Х. Ющенко.

Археологическое наследие 1920–1930-х годов во многом остается неизвестным для исследователей. При жизни авторов раскопок была опубликована далеко не полная часть материалов, а разукрупнение коллекций во время Второй мировой войны не способствовало их последующему введению в научный оборот. Проводимая в последнее время в Институте истории Национальной академии наук Беларуси работа по учету довоенных коллекций,

наконец, позволила знакомиться с материалами, которые до этого были неизвестны.

Коллекция Брагинского района оказалась одной из значительных по количеству памятников. Однако опубликованы были только материалы железного века (иллюстративно, без описания) (Л. Д. Поболь). Данное сообщение ставит целью первичную презентацию хранящегося в Институте истории материала, который будет представлен в виде табличного каталога.

Археологическое изучение Брагинского района в 1920–1930-е годы связано в первую очередь с именем Ивана Харитоновича Ющенко (1870–1940-е гг.), гомельского краеведа, выпускника археологического отделения Московского археологического института (1924 г.), работавшего в Гомельском художественно-историческом музее им. Луначарского, затем в городском архиве¹². В 1929 г. он обследовал 51 памятник, в 1930 г. – 37. Материал его исследований был опубликован лишь в виде списка памятников (без указания вида работ) со скудным упоминанием находок типа «кераміка ранняй пары жалезнага веку» или «рэшткі старажытнай пасуды». Не сохранилось и каких-либо полевых документов автора.

В Институте истории НАН Беларуси хранятся материалы 49 памятников Брагинского района. К сожалению, все они оказались незашифрованными, хотя на археологическом паспорте шифр (числовой) проставлен. Паспорта написаны позже (А. Д. Коваленей), после того, как находки из Гомеля поступили в Институт истории. Сохранилось и несколько подписей, сделанных И. Х. Ющенко (рисунок 1).

¹² Информация любезно предоставлена О. В. Медведевой

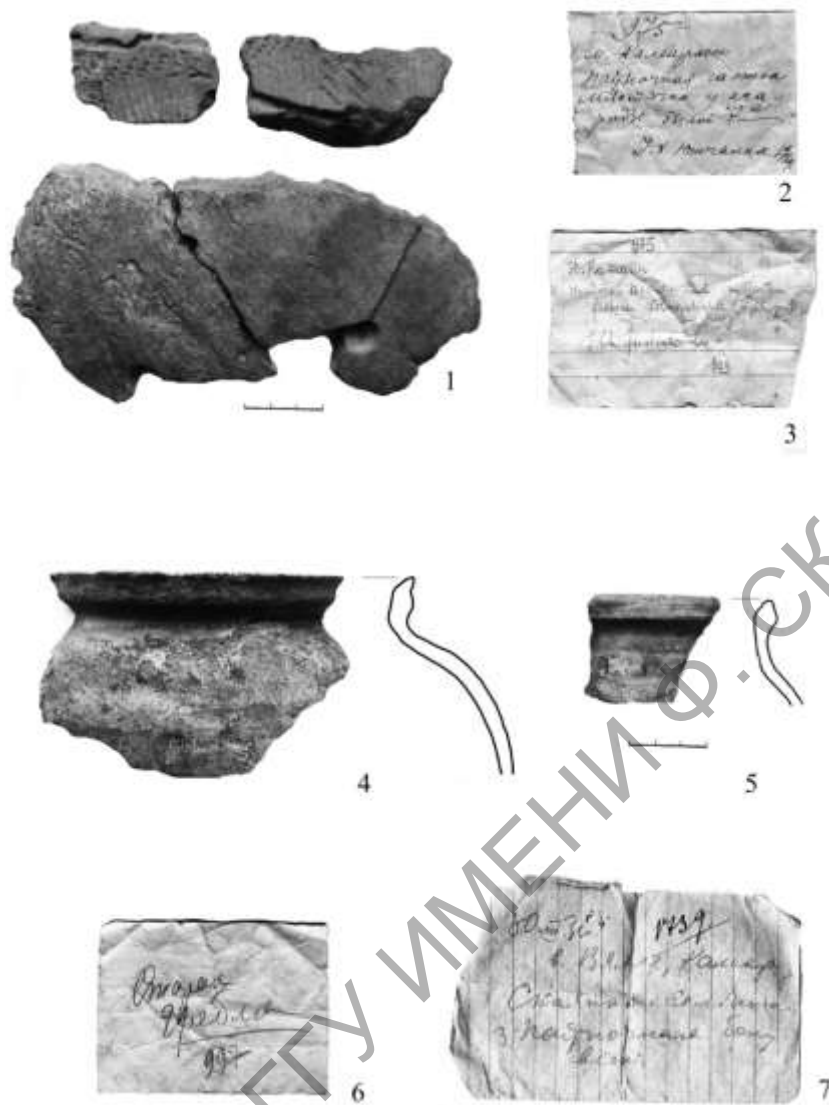

Рисунок 1 – Находки 1920-х – 1930-х гг. из Брагинского района
 Неолитический сосуд из Комарина, шифр [975] (1), круговая керамика из Старой Иолчи, шифр [969] (4, 5), археологические паспорта, написанные А. Д. Коваленей (2, 7), И. Х. Ющенко (6) и дубликат на немецком языке (3)

В представленном каталоге в графе «памятник» указан современный населенный пункт, в скобках его название в 1920–30-е годы, далее тип памятника, в кавычках согласно публикации автора раскопок. В графе «автор, год исследования» указание на «Ющенко 1929» также означает ссылку на публикацию 1930 г., знаком «*» помечены исследования, которые не отражены в довоенных публикациях или архивных документах (они имеются у Л. Д. Побоя). Для коллекций указан шифр, его значение в скобках соответствует шифру коллекции, на материале он не проставлен.

Определение лепной керамики проведено Н. Н. Кривальцевичем.

Таблица 1 – Каталог памятников Брагинского района

Памятник	Автор, год исследования	Локализация (по автору работ)	Коллекция
1	2	3	4
Асаревици селище	И. Х. Ющенко, 1929	0,25 км на юг от городища, на «градзе» в ур. Нивки	керамика железного века – 3. <i>Шифр [963]</i>
Асаревици стоянка, селище	А. Д. Коваленя, 1936*	«ур. Пярэдзел»	кремнь – 2, керамика неолита – 2, железного века – 2. <i>Шифр 1736</i>
Асаревици грунтовый могильник	А. Д. Коваленя, 1936*	«ур. Пад'яменец. на N ад вёскі за кл. 6»	керамика железного века – 9. <i>Шифр 1735</i>
Асаревици городище	И.Х. Ющенко, 1929	ур. Городок в 3 км на юг от деревни	керамика неолита – 4, железного века – 180, обмазка ¹³ <i>Шифр [962]</i>
Брагин «стоянка эпохи бронзы»	И. Х. Ющенко, 1930	в юго-западной части местечка, по дороге в д. Ясени, возле мельницы	кремнь – 4, керамика неолита – 66, железного века–ран- него средневековья – 23, неопределимая – 28, круговая – 11 <i>Шифр [1001]</i>
Брагин «городище и старое замчище»	И. Х. Ющенко, 1930	«в самом местечке»	круговая посуда XIII в. – 21, изразец –1, лепная посуда – 1 <i>Шифр [1014]</i>

¹³ Место хранения 13 фр. [Поболь, 1983, рис. 90:1–13] не обнаружено, также как и 6 неолитических (?) (рисунок А. Г. Митрофанова, его архив в Институте истории НАН)

Продолжение таблицы 1

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

1	2	3	4
Верхние Жары «стоянка бронзового периода и селище ранней поры железной эпохи»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Залазье, над озерам, возле рыбацкого стана	керамика неолита – 11, бронзового века – 7, [железного века] – 15, глиняный хлебец (обмазка?) <i>Шифр [978]</i>
Верхние Жары селище	И. Х. Ющенко 1929*	ур. Капранова Балонне	керамика неолита – 1, железного века – раннего средневековья – 18 <i>Шифр [1020]</i>
Волоховщина «селище»	И. Х. Ющенко 1930	ур. Гряда	керамика бронзового века – 13, неопределимая – 20, круговая, в т. ч. XIX в. – 8 <i>Шифр [1008]</i>
Вялье «керамика ранней поры ж периода»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Горы в сев. части	керамика неолита – 6, железного века – 13 <i>Шифр [966]</i>
Вялье	А. Д. Коваленя 1936	северная часть деревни	керамика неолита – 3 <i>Шифр 1739</i>
Галки селище «раннейшей поры железного века и позднепозднейшей селища славянской эпохи»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Стонча в правобережье старицы Днепра	керамика неолита – 3 неопределимая, в том числе с отпечатком зерна (?) – 16, круговая – 1 <i>Шифр [964]</i>
Гдень	И. Х. Ющенко 1929	ур. Городок, на болотной дюне	круговая посуда, в т. ч. XII в. – 16, кость – 1 <i>Шифр [988]</i>
Гдень «решетки старожитной посуды»	И. Х. Ющенко 1929 г.	ур. Городки? На раздувах	керамика неолита – 5, бронзового века – 1, неопределимая – 5 <i>Шифр [989]</i>
Гдень «керамика ранней поры железного века»	И. Х. Ющенко 1929	на левом берегу Брагинки в ур. Дегтяря.	кремнь – 1, керамика неопределимая – 6, круговая – 8 ¹⁴ . <i>Шифр [990]</i>

¹⁴ Состав не полностью соответствует указанному типу памятника, возможно коллекция перемешана

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Гдень «селище раннего железного века»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Селище	лепной горшок раннего средневековья (развал), керамика гладкостенная неопределимая – 66 <i>Шифр [992]</i>
Грушное «стоянка брон- зовой эпохи, селище славян- ской эпохи»	И. Х. Ющенко 1930	ур. Туково	керамика неолита – 4, бронзового века – 21, круговая – 7, шлак – 1 <i>Шифр [980]</i>
Грушное селище	И. Х. Ющенко 1930	в северной части деревни, над болотом, по доро- ге в д. Целуйки	керамика эпохи брон- зы – 1, железного века – 2, неопределимая – 34 <i>Шифр [1003]</i>
Капоренка стоянка	И. Х. Ющенко 1929	в ур. Остров Городок на дюне среди болота	керамика неолита – 20 <i>Шифр [984]</i>
Колыбань «сляды селішча ранней пары железного века»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Газбуч в правобережье Брагинки	керамика неолита–на- чала эпохи бронзы – 5, железного века – ран- него средневековья – 16, круговая – 13 ¹⁵ <i>Шифр [984]</i>
Комарин	И. Х. Ющенко 1929*	«паўночная част- ка мястэчка у ага- родзе былой 7-кі»	сосуд неолитический – 35 фр. <i>Шифр [975]</i>
Лаек «стоянка бронзового периода»	И. Х. Ющенко 1930	в левобережье Брагинки в юго- западной части хутора	керамика неолита- начала эпохи бронзы – 15, железного века – 39 <i>Шифр [998]</i>
Малейки	И. Х. Ющенко 1930	ур. Селище	керамика эпохи бронзы – 7, железного века – 11, лепная неопределимая – 21 <i>Шифр [1009]</i>
Н. Гребля (Ст. Гребля) «стоянка брон- завага перыяду, пазнейшае селішча»	И. Х. Ющенко 1930	в левобережье Брагинки в ур. Огороды	керамика неолита – 4, раннего средневеко- вья – 1, круговая разновременная – 4. <i>Шифр [997]</i>

¹⁵ То же самое

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Н.Иолча «селішча ранейшай пары жалезнага веку»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Игрище	керамика эпохи бронзы – 10, железного века– раннего средневековья – 10 <i>Шифр не указан</i>
Просмычи селище на правом берегу Брагинки	И. Х. Ющенко 1930		керамика круговая – 27, неопределимая – 2 <i>Шифр [1005]</i>
Сперижье стоянка «бронзового перыёду», городище	И. Х. Ющенко 1930	ур. Дубки	керамика неолита – 8, бронзы – 36, железного века – раннего средневековья – 7, круговая – 7 <i>Шифр [1000]</i>
Сперижье «селище»	И. Х. Ющенко 1930	ур. Семенишин Рог ¹⁶ , правый берег р. Брагинки	керамика лепная неопределимая – 1, круговая, в т. ч. XI–XII вв. – 3. <i>Шифр [1007]</i>
Сперижье «селище»	И. Х. Ющенко 1930	ур. Сачков левый берег р. Брагинки	керамика неолита – 1, лепная неопредели- мая – 3, круговая XI–XII вв. – 15 <i>Шифр [1006]</i>
Сперижье «селище»	И. Х. Ющенко 1930	ур. Кладбища	керамика неолитическая – 10 ¹⁷ <i>Шифр [1025]</i>
Ст. Иолча «городище»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Городок	лепная посуда неопределимая – 2. <i>Шифр 1738</i>
Ст. Иолча «пазнейшае селішча»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Церковище	Ножи железные, XVI в. – 2, серп железный, круговая керамика XII–XVIII вв. – 5 <i>Шифр [969]</i>
Теклинов «селище»	И. Х. Ющенко 1930	ур. Долгое, правый берег р. Брагинки	кремьень – 2, керамика неолита – 3, железного века – 7. <i>Шифр [1010]</i>

¹⁶ По паспорту, в публикации «Сьмяшлівы Рог»

¹⁷ Состав не соответствует указанному типу памятника, более того, И. Х. Ющенко отмечает, что в 1930 г. не было найдено неолитических памятников.

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Храковичи «селище»	И. Х. Ющенко 1930	ур. Селище левый берег р. Брагинки	Керамика железного века–раннего средневековья – 15, круговая XIII–XV вв. – 14 <i>Шифр [1004]</i>
Чикаловичи «городище»	И. Х. Ющенко 1929	ур. Высокое, левый берег р. Брагинки, в 0,5 км на восток от реки	керамика неолита – 1, бронзового века – 15, железного века – 38, круговая XVII–XVIII вв. – 1. <i>Шифр [985]</i>
Чикаловичи селище	И. Х. Ющенко 1929*	ур. Далегощи	керамика железного века – раннего средневековья – 2 <i>Шифр [1024]</i>
Чикаловичи «керамика поз- дней поры же- лезного века»	И. Х. Ющенко 1929	в левобережье Брагинки, ур. Остров Северский	керамика бронзового века – 14, железного века – 32 <i>Шифр [985]</i>
Чикаловичи	И. Х. Ющенко 1929*	ур. Лаптево	керамика неолита – 31, эпохи бронзы и железного века – 13 <i>Шифр [995]</i>

Как видим, коллекции, за единичным исключением (кремь, железные изделия из позднесредневекового селища Старая Иолча), представлены керамикой. Из неолитических сборов наиболее выразительными являются сосуд из Комарина и керамика с возможным отпечатком зерна из Чикалович (ур. Лаптево). Материалы бронзового века представлены древностями тштынецкого культурного круга (Сперижье (ур. Дубки), Новая Иолча, в которой, возможно, присутствуют отпечатки зерен, и керамикой культуры круга Бабино (Грушное). Железный век представлен исключительно материалами милоградской культуры, наиболее многочисленная коллекция отмечена в Чикаловичах (ур. Северский Остров). Из средневековой посуды следует отметить фрагмент круговой стопочки из Брагина. Упомянутые И. Х. Ющенко бронзовые мелкие предметы из Асаревич, бронзовые предметы из омарина и шиферное пряслице из Брагина, не выявлены. Были ли какие-либо другие индивидуальные находки в коллекциях этого автора установить уже не удастся, материалы не зашифрованы. Возможно, находки полевых дневников (если таковые велись) смогли бы рассказать нам больше.

О. А. МАКУШНИКОВ

Беларусь, Гомель,
профессор кафедры истории славян
и специальных исторических дисциплин
учреждения образования
«Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины»,
доктор исторических наук, доцент

**НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
ИЗ ГОМЕЛЬСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ**

В публикации освещаются итоги разведочных археологических работ экспедиции Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины на поселении I тыс. н. э. у д. Хальч Ветковского района Гомельской области и рассматриваются коллекции гомельских краеведов, переданные в музей Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль».

Ключевые слова: археология, Гомельское Поднепровье, краеведы, обследование.

В 2020 г. экспедиция Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины продолжила разведочные археологические работы на комплексе многослойных памятников у д. Хальч Ветковского р-на Гомельской обл. (рисунок 1), который находится на первой и второй надпойменных террасах правого берега Сожа. Он представлен поселениями каменного, бронзового веков, середины – третьей четверти I тыс. н. э. и эпохи Руси, остатками средневекового курганного могильника, городищем раннего железного века и эпохи Руси, раннесредневековым городищем-святилищем, замчищем и поселением Нового времени. Отдельные составляющие комплекса осматривались в конце XIX–XX вв. Е. Р. Романовым, С. Н. Васильевой, А. И. Дробушевским, С. Е. Рассадиным, Н. И. Бруевичем, автором публикации и др. Комплекс обследован О. А. Макушниковым в 1991 г. со съемкой топографического плана, закладкой шурфов, зачисток и сбором подъемного материала [1]. Отдельные участки группы памятников дополнительно осматривались автором в 2016 г. [2].

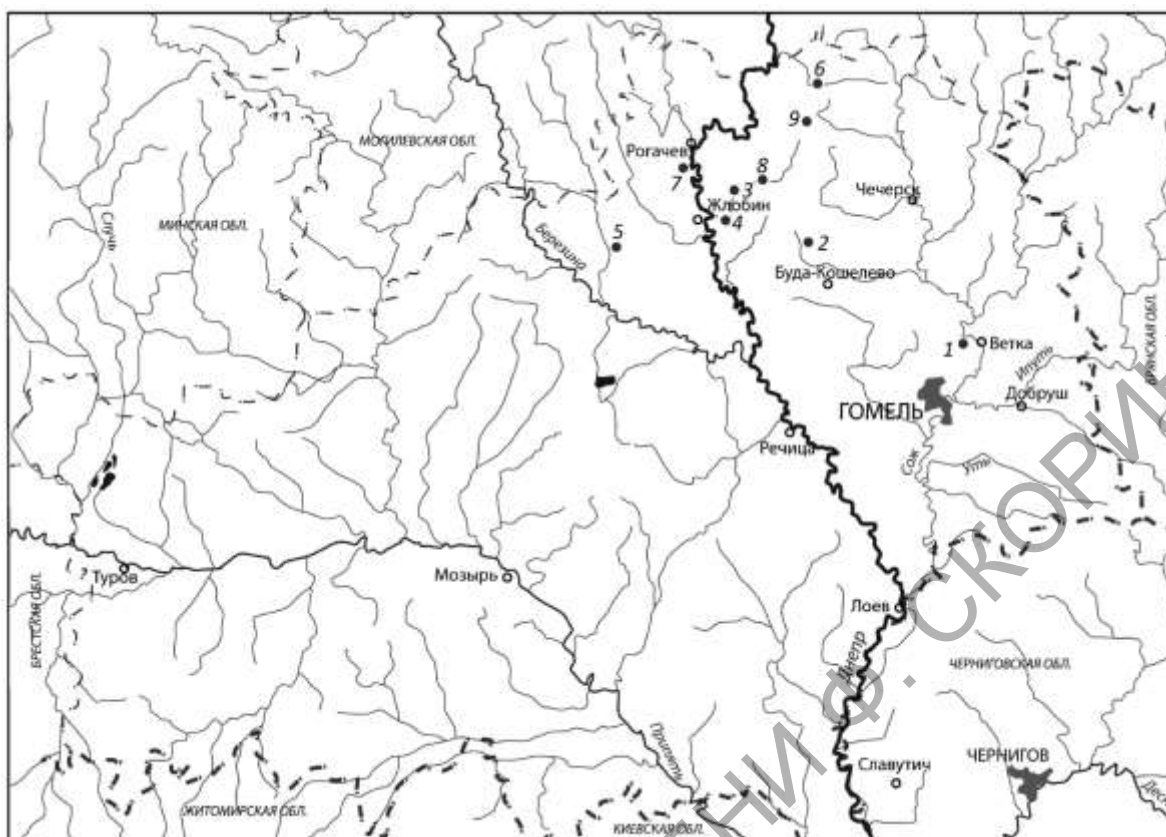

Рисунок 1 – Карта памятников

1 – Хальч; 2 – Буда Люшевская; 3 – Денисковичи; 4 – Луговая Вирня;
5 – Плесовичи; 6 – Журавичи; 7 – Лучин; 8 – Малые Стрелки; 9 – Старый Кривск

Исследования 2020 г. проводились в 0,65 км западнее-северо-западнее здания памятника истории и архитектуры – Хальчанского дворца XIX в., на участке коренной террасы правого берега р. Сож (15-16 м над урезом реки), на мысообразной площадке поселения, выделенной двумя оврагами и расположенной к востоку от городища-святилища (рисунок 2). На стрелке мыса заложен шурф площадью 18 кв. м. Прослежена следующая стратиграфия: 1) дерново-почвенный горизонт – серая супесь (до 0,10 м); 2) серая рыхлая слабогумусированная супесь с коричневатым оттенком (до 0,30-0,35 м); 3) желтая материковая супесь. Границы горизонтов нечеткие.

В верхнем слое найдено более десятка фрагментов измельченной груболепной керамики, которая не поддается определению, обнаружено около десятка осколков снарядов и мин, несколько гильз патронов периода Великой отечественной войны, единичные фрагменты эмалированной керамики, бутылочное стекло и бутылочные пробки прошлого века. В горизонте серой рыхлой слабогумусированной

супеси с коричневатым оттенком собрано 34 обломка груболепной керамики, которая относится к киевской (абиденской) культуре. Большая часть фрагментов представляет груболепную посуду, на некоторых обломках прослеживаются штриховка и расчесы. Выявлено всего два венчика, один из них с пальцево-ногтевыми вдавлениями по обрезу, второй – неорнаментированный (рисунок 3: 1-4, 6). Большая часть керамики (определение предварительное) содержит в глине шамот, шамот с мелким песком. Меньше фрагментов с дресвой и песком в тесте. Особняком стоят две стенки круговых сосудов с изломом коричневого цвета и глиной без заметных примесей. Одна стенка имеет многорядный линейный орнамент (рисунок 3: 5). По-видимому, это фрагменты сосудов провинциально-римского культурного круга. К ранним следам заселения (посещения) человеком Хальчанской возвышенности, вероятно, относится кремневый отщеп или осколок, найденный в том же горизонте.

Рисунок 2 – Хальч. Участок археологического комплекса
Топосъемка О. А. Макушникова 1991 г. с нанесением шурфа 1 2020 г.

А – городище-святилище; Б – участок поселения;
В – остатки курганного могильника

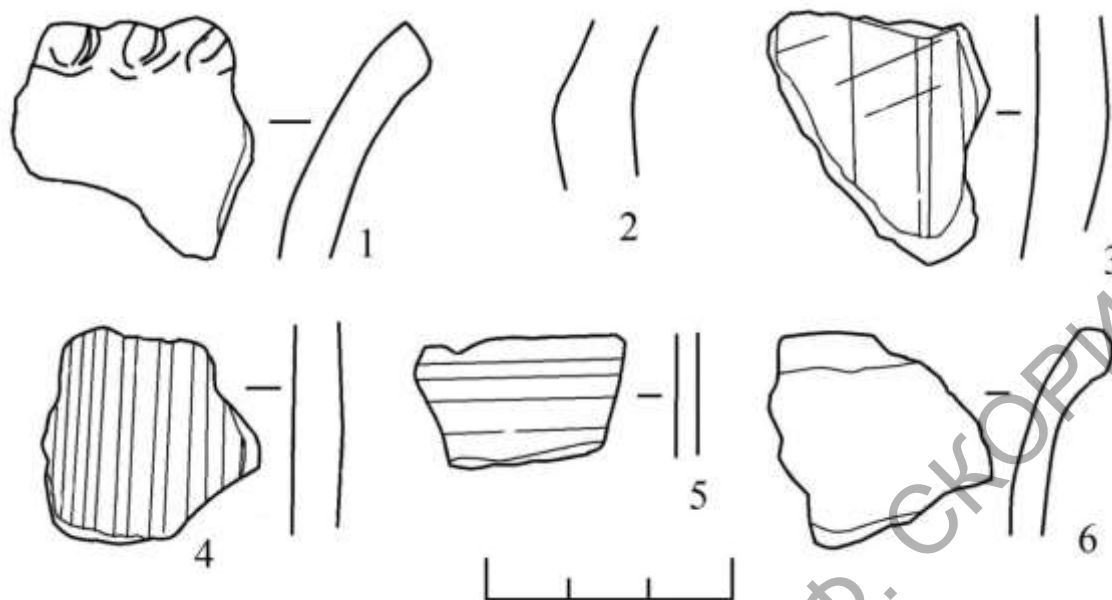

Рисунок 3 – Хальч, шурф 1

1-4 – лепная керамика; 5 – обломок кругового сосуда

Наблюдаемая в Хальче стратиграфическая картина, состояние керамического материала (измельченность, окатанность, механические повреждения поверхности) говорят о том, что данный участок памятника распахивался или перекапывался под огороды. Собранные в 2020 г. материалы не являются достаточными для обоснованного определения культурно-хронологической принадлежности участка Хальчанского поселения, примыкающего к городищу-святилищу. Вместе с тем, отнесение значительной части артефактов к киевской культуре (вероятно, к ее поздней фазе) сомнений не вызывает.

В 2020 г. краеведы С. И. Подольный (выпускник исторического факультета ГГУ им. Ф. Скорины, житель г. Жлобина Гомельской обл.) и А. А. Данченко (студент исторического факультета ГГУ им. Ф. Скорины, житель Рогачевского р-на Гомельской обл.) провели сборы артефактов археологического значения на распаханых полях и огородах населенных пунктов Буда-Кошелевского (д. Буда Люшевская Липиничского с/с), Жлобинского (дд. Денисовичи Майского с/с, Луговая Вирня Кировского с/с, Плесовичи Коротковичского с/с), Рогачевского (д. Журавичи, центр с/с, аг. Лучин, Заболотского с/с, д. Малые Стрелки Городецкого с/с, д. Старый Кривск Курганского с/с) районов Гомельской области (рисунок 1). Местонахождения Буда Люшевская, Луговая Вирня, Плесовичи, Журавичи, Малые Стрелки,

Старый Кривск осматривались С. И. Подольным, Денисовичи, Лучин – А. А. Данченко.

Рассматриваемые ниже предметы круга историко-культурных ценностей, собранные краеведами, переданы находчиками на музейное хранение безвозмездно с подробным описанием мест их нахождения.

Буда Люшевская. Артефакты выявлены в 0,3-0,5 км юго-восточнее деревенского кладбища на распаханном поле при слиянии двух мелиорированных ручьев. Все они изготовлены из сплавов цветного металла на основе меди в технике литья.

1. Полуовальная рамка пряжки. Сечение плосковыпуклое. Размер 2,7х2,7х0,3 см (рисунок 4: 1).

2. Кольцо поясное разделительное. Сечение дужки овальное. Размер 2,1х2,0х0,3 см (рисунок 4: 2).

3. Перстень сплошной. Сечение дужки плоско-выпуклое. Размер 2,1х2,1х0,3 см. (рисунок 4: 3).

4. Перстень сплошной. Сечение дужки плоско-выпуклое. Имеет напаянную накладку в виде круглой вставки с протянутой кистью руки. Размер изделия 2,1х2,0х0,2 см (рисунок 4: 4). В Новгороде Великом перстни с круглыми и овальными вставками распространены в слоях середины XII – конца XIV в., а перстни с изображением кисти руки – в отложениях рубежа XII–XIII – конца XIV в. [3, с. 135, 140–141].

Местонахождение у Буды Люшевской дает разновременный материал, часть которого относится к средневековью.

По опросам 1873 г. при Бude Люшевской имелось 3 кургана [4, с. 54]. По данным «Збора помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» в 1976 г. памятник обследовал Я. Г. Зверуго, который в 1 км к северо-востоку от населенного пункта отметил 2 кургана высотой около 1 м и диаметром 8–10 м [5, с. 109, № 335]. К первой половине 1990-х гг. в 0,3 км восточнее деревни на поле находились 2 распахиваемых и поврежденных ямами кургана [6, с. 187]. Можно предположить, что курганы являются частью комплексного памятника «селище – могильник», первую составляющую которого представляет описанное выше местонахождение.

Денисовичи. Находки сделаны на распаханном поле примерно в 0,5 км южнее северо-восточной окраины Денисовичей, в 1,5 км западнее кладбища д. Веточка. Местонахождение расположено на левом берегу ручья Ржавка, левого притока Днепра. Находчик показывает на карте участок сборов размером около 800х200 м, что может говорить о наличии здесь остатков крупного археологического памятника.

На пашне поднято два предмета из цветного металла. Это: верхняя половинка бубенца конской упряжи с двумя малыми отверстиями; размер изделия – 2,3х2,3х1,5 см (рисунок 4: 5) и ширококорая обломанная лунница размером 2,7х1,6х0,1 см (рисунок 4: 6). Первый предмет достаточно поздний, а лунница типична для древностей Руси. В Новгороде Великом такие подвески встречаются в отложениях X – начала XI в. [3, с. 24, рис. 6: 1], являются характерной находкой из радимичских курганов конца X – начала XII в. [7, с. 73, рис. 11: 3].

По данным опросов 1873 г. в 1,5 версах от Денисовичей на поле имелось 3 кургана [4, с. 54]. К середине 1970-х гг. в 0,3 км к северо-западу от деревни сохранялись остатки курганного могильника из 31 насыпи, в большинстве своем нарушенных ямами. В 1975 г. экспедицией под руководством В. В. Богомольникова исследовано 4 насыпи, в которых изучены погребения по обряду игумации радимичского типа конца X – начала XII в. и поздние впускные захоронения (вероятно, XVIII–XIX вв.). Найдена круговая посуда (2 горшка и обломки), металлические крестик, лунницы, стеклянные и металлические бусы. В одном из погребений обнаружена типично радимичская биеллипсоидная подвеска из цветного металла [5, с. 175, № 787; 7, с. 143].

Луговая Вирня. Находка сделана напротив центральной части деревни на левом берегу ручья Ржавка, левого притока Днепра, на распаханном поле. Обнаружен редкий артефакт – подвеска якоревидной формы, изготовленная из цветного металла. Она выполнена техникой литья, размер составляет 2,9х1,9х0,1–0,2 см (рисунок 4: 7).

Аналогии подвеске имеются в материалах курганных раскопок В. З. Завитневича (1892 г.) на территории бывшего Бобруйского уезда [8, с. 80, рис. 29: 20].

Плесовичи. Артефакты из цветного металла и стекла (бусина) собраны на окраине деревни по шоссе из Коротковичей на занятом огородами бугре слева от дороги.

1. Образок нательный овальный. Размер без ушка 3,8х3,0х0,05–0,10 см. На лицевой стороне изображение Св. Богородицы Иверской и круговая легенда кириллицей, на оборотной стороне изображение Св. Троицы с плохо читаемой надписью **св. троица**. Признаки деформации. Темно-коричневая пatina. Литье. Конец XIX – начало XX в. (рисунок 4: 8).

2. Накладка на рукоять ножа со следами крепления под железный гвоздь. Отверстие по центру со ржавчиной. Размер 2,4x1,9x0,05 см (рисунок 4: 9).

3. Бусина цилиндрическая непрозрачная бирюзовая. Стекло. Размер 1,1x0,5-0,6 см, диаметр отверстия 0,2 см (рисунок 4: 10).

4. Накладка поясная прорезная фигурная с двумя штифтами. Литье. Темно-зеленая благородная пatina. Размер 3,8-4,0x1,3x0,1-0,2 см (рисунок 4: 11). В Новгороде Великом аналогичная по стилю исполнения подвеска датируется первой половиной XIV в. [3, с. 150, рис. 57: 15].

Рисунок 4 – Артефакты из местонахождений

1–4 – Буда Люшевская; 5–6 – Денисовичи; 7 – Луговая Вирня;
8–11 – Плесовичи; 12–15 – Журавичи, 10 – стекло, остальное – цветной металл

Журавичи. Предметы из цветного металла подняты на западной окраине населенного пункта, на левом берегу р. Гутлянки, на распаханых огородах.

1. Кольцо поясное разделительное сплошное. Размер 2,0x1,9 см. Сечение дуги овальное 0,3-0,4 см. Коричневая патина (рисунок 4: 12).

2. Рамка пряжки прямоугольная. Сечение приемной части уплощенное, соединяющейся с ремнем – круглая. Размер изделия 4,0x2,9 см (рисунок 4: 13).

3. Пуговица с обломанным петельчатым ушком. Диаметр 1,9-2,0 см (рисунок 4: 14).

4. Перстень сплошной. Сечение дужки плосковыпуклое. Диаметр 2,0-2,1 см; сечение 1,5-0,2x1,0 см. Темная благородная патина (рисунок 4: 15).

Согласно опросным листам 1924 г., в 1 км от Плесовичей сохранялось 5 курганов, а юго-восточнее деревни было старое кладбище, которое распахивалось [9; с. 108].

Лучин. На огородах частных усадеб по западной стороне ул. Луговая (усадеб №№ 9, 10, 15, 17, 19) собрана представительная коллекция артефактов. Описанная ниже накладка обнаружена на распаханном поле примерно в 0,2 км к востоку от дворовладения по ул. Луговой, 30. Все предметы, поступившие в распоряжение автора публикации и переданные на музейное хранение, изготовлены из цветного металла.

1. Бубенчик грушевидный крестопрорезной с шариком внутри. Размер 1,9-1,4x2,9-1,9x1,4 см. Орнамент: по расширенной части – поясик горизонтальных линий, по четырем нижним граням – косые линии-отрезки. Темно-зеленая патина (рисунок 5: 1). Аналогичные бубенчики известны на широкой евразийской территории. В Новгороде Великом они датируются X – началом XII в. [3, табл. 1, № 44].

2. Обломок креста нательного (верхняя часть). На лицевой стороне помещено изображение голгофского креста и следы надписей; на оборотной стороне – следы многострочной надписи. Размер 2,3x1,6x0,1 см. Литье. XVIII–XIX вв. (рисунок 5: 2).

3. Подвеска крестовидная. Окончания криновидные трехлепестковые. Имитация зерни и скани по «лицевой» и «оборотной»

поверхностям. Размер 3,9x2,6x0,1 см. Литье. Благородная темно-зеленая патина (рисунок 5: 3).

4. Половинка подвески (пуговицы) шарообразной пустотелой с ушком. Орнамент: по расширенной части поясok горизонтальных линий, по нижней грани – косые линии-отрезки. Диаметр 0,7-0,8 см; максимальный промер с ушком 1,3-1,4 см. Литье, тиснение (рисунок 5: 4).

5. Перстень круглопроволочный сплошной с квадратным щитком-вставкой. 2,0x1,8 см, сечение 0,1-0,2 см. Темно-зеленая патина. Эпоха Руси (рисунок 5: 5).

6. Лунница ширококорая обломанная, орнамент косолинейный. Размер 2,3x1,7x0,1 см. Литье. X–XII вв. (рисунок 5: 6).

7. Бусина четырехгранная глазчатая. На всех гранях орнамент в виде кружка с точкой. Размер составляет 0,5x0,4 см, диаметр отверстия – 0,2 см. Литье. Благородная темно-зеленая патина (рисунок 5: 7).

8. Бусина четырехгранная глазчатая. На гранях орнамент в виде кружка с точкой. Размер 0,5x0,5 см, диаметр отверстия 0,2 см. Литье. Темно-зеленая патина (рисунок 5: 8).

9. Рамка поясной пряжки с прямоугольным приемником. Признаки орнамента в виде завитков. Размер 3,0x2,2 см. Литье. X–XII вв. (рисунок 5: 9). Очень близкие изделия характерны для древностей Руси. Аналогичная пряжка встречена в Новгороде Великом в слое первой четверти XI в. [3, с. 144, рис. 56: 3].

10. Накладка поясная со стилизованным растительно-зооморфным орнаментом. Имеет три штифта и круглое отверстие. Размер 3,1x2,2x0,1 см. Литье. Благородная патина (рисунок 5: 10).

Коллекция находок из Лучина показывает, что на огородах ул. Луговой находятся остатки селища или (и) распаханного могильника периода Руси.

Древнерусский населенный пункт Лучин (или пункты?) упоминается в ранних письменных памятниках, а потому и традиционно привлекает внимание исследователей. Некий Лучин назван в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. [10, с. 143]. Согласно Ипатьевской летописи, в 1173 г. по дороге из Новгорода и Смоленска в Киев в местности Лучин у семьи князя Рюрика Ростиславича родился сын [11, стб. 567]. Вопрос заключается в том, о каком Лучине идет речь в летописи, и где он находился. Принадлежал ли населенный пункт Смоленскому княжеству, остается вопросом.

Археологи давно включились в поиск остатков летописного Лучина в окрестностях Рогачева [краткий обзор истории исследований см.: 6, с. 57]. По данным Е. Р. Романова, у Лучина был выявлен клад древнерусского времени, состоявший из гривен, браслетов, серег и т. п. В Лучине отмечено два мысовых городища, оба сооружены в раннем железном веке и повторно использовались в конце XI–XIII вв. Они были осмотрены в 1890-х гг. Е. Р. Романовым, в конце 1920-х гг. А. Д. Коваленей, в 1976 г. А. Г. Митрофановым. Во второй половине XX в. городище обследовали О. Н. Мельниковская, П. Ф. Лысенко, Л. Д. Поболь и др.

Городище Лучин I (ур. Попова Гора на северной окраине деревни) имеет полукруглую площадку (0,47 га). Оно защищено подковообразным валом и рвом, разрушается со стороны Днепра. Вал сохранился на высоту до 2,5 м, прослеживается ров. Открыты культурные напластования мощностью до 1,6 м. Выявлена керамика раннего железного века и конца XI–XIII в., фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, обломок железного сошника, железные наконечники стрел, копий, топоры, железный шлак. Городище Лучин II имеет круглую площадку (0,6 га), защищенную с напольной стороны двумя валами. Селище железного века и Древней Руси прослеживается при городище. Его разведанная площадь составляет около 1 га.

В конце позапрошлого века в Лучине насчитывалось 120 курганов. Раскопками Е. Р. Романова 1905 г. исследовано 6 насыпей с ингумациями древнерусского времени [6, с. 57, 210].

Вместе с тем, древности Лучина под Рогачевом пока изучены слабо, ограничены небольшими раскопками курганов, сбором подъемного материала, шурфовкой поселенческих памятников и анализом случайных находок.

Малые Стрелки. Артефакты из цветного металла собраны на северо-восточной окраине населенного пункта по дороге на д. Каменку, на распаханном поле, в правобережье левого притока Днепра ручья Ржавка.

1. Рамка пряжки прямоугольная. Размер 3,5х3,0 см. Литье (рисунок 5: 11).

2. Пуговица круглая с петелькой. Диаметр 2,0 см (рисунок 5: 12).

3. Накладка на рукоять бритвы обломанная. Благородная патина. 4,9х1,6х0,1 см (рисунок 5: 13).

4. Кольцо разделительное сплошное. Диаметр 1,8–1,9 см (рисунок 5: 14).

Старый Кривск. Находки предметов эпохи начала раннего средневековья и периода Руси сделаны в 0,5–0,8 км к югу-юго-востоку от восточной окраины населенного пункта, в 1 км от шоссе Гомель–Могилев. Артефакты из цветного металла собраны на левобережном распаханном склоне мелиорированного ручья Ржавка, правого притока р. Добрич, правого притока р. Сож.

1. Накладка поясная щитовидная с орнаментом в виде двух волн в точечном обрамлении, с двумя штифтами. Размер 1,9х1,6 см. Литье. Темно-зеленая благородная патина (рисунок 5: 15). Изделие имеет широкий круг аналогий в древностях Руси и сопредельных территорий X–XI вв.

2. Обломок браслета с утолщенным овальным окончанием. Сечение дужки плоско-выпуклое. Окончание орнаментировано линиями в виде «косой сетки». Длина 5,6–5,7 см; расширенная часть 1,2х1,0 см; сечение дужки на изломе 0,5х0,3 см. Литье. Темная благородная патина. Рассматриваемая находка относится к середине – третьей четверти I тыс. н. э. (рисунок 5: 16).

Браслеты с утолщенными концами известны в евразийских древностях всего I тыс. н. э. [обзор источников см.: 12, с. 358–359], однако самые близкие аналоги рассматриваемого артефакта отмечены на памятниках киевской культуры (последняя фаза), культур пражской, пеньковской, колочинской, рязано-окской и в других раннесредневековых древностях лесной полосы Восточной Европы. Наиболее ранние и обоснованно датированные восточноевропейские предметы такого круга (10 экз.) обнаружены в составе клада конца IV – начала V в. н. э., найденного у с. Мощное на Черниговщине [13, с. 199–218, рис. 5: 1–10].

Браслеты с утолщенными концами характерны для колочинских памятников Среднего и Верхнего Поднепровья [14, с. 52–53]. На территории Беларуси находки таких браслетов связаны с древностями середины – третьей четверти I тыс. н. э. 4 браслета такого облика найдены Я. Г. Риером и И. А. Марзалюком на городище Змеевка в Могилеве [15, с. 116, мал. 17: 1, 2, 4, 5].

3. Пряжка поясная Вобразная с хоботковидным язычком и рифлением лицевой поверхности дужки. Рамка имеет размер 3,1х2,0 см; сечение 0,5–0,6х0,2–0,4 см. Литье. Темно-зеленая благородная патина. Середина I тыс. н. э. (рисунок 5: 17). Такие пряжки характерны для ранних средневековых древностей Центральной и Восточной

Европы. Они хорошо известны в древностях северо-востока Польши и Литвы, распространены на памятниках Беларуси, в т. ч. культуры восточнолитовских курганов. А. М. Медведев полагает, что большая часть пряжек В-образной формы с рифлением должна быть отнесена к V в. В VI–VII вв. аналогичные по форме пряжки продолжали бытовать, но уже без рифления [16, с. 388–389].

4. Рамка круглой фибулы деформированная. Диаметр 5,6–5,8 см; сечение 0,6–0,5х0,3 см. На лицевой стороне орнамент в виде ложного кручения. Сечение изделия плосковыпуклое. Имеются следы железного язычка в виде участка со ржавчиной. Литье (отливка грубая, с выраженными признаками производственной деформации). Орнамент, вероятно, наносился способом гравировки. Изделие покрыто благородной темно-зеленой патиной. Раннее средневековье (рисунок 5: 18).

Рисунок 5 – Артефакты из местонахождений

1–10 – Лучин; 11–14 – Малые Стрелки; 15–18 – Старый Кривск. Цветной металл

Находки 2020 г. подтверждают наше предположение о том, что к востоку от Старого Кривска находится многослойный археологический памятник (или памятники). Особый интерес представляет достаточно редкий набор артефактов, который относится к середине I тыс. н. э.

В 2016 г. примерно в 0,8 км к востоку от места сборов С. И. Подольного разведочной группой в составе О. В. Вороненко, О. А. Макушникова, Д. Н. Линденкова, В. А. Литвинова и А. Н. Рикунова было обследовано местонахождение артефактов позднееримского времени и эпохи Руси. Поводом для разведки послужили находки анонимными собирателями лунницы и ножки фибулы круга «восточноевропейских вещей с эмалью» III–IV вв. н. э., а также медной римской монеты чеканки императора Гордиана III (Верхняя Мезия, 241–242 гг.). В ходе разведки 2016 г. обнаружена лепная керамика киевской культуры и круговая периода Руси [2].

Без проведения дополнительных обследований отнесение местонахождений 2016 и 2020 гг. к одному археологическому памятнику представляется проблематичным.

Итоги археологических исследований 2020 г. указывают на необходимость внимательного отношения со стороны специалистов к т. н. «случайным» археологическим находкам, которые в ряде случаев могут указать путь к открытию значимых археологических памятников

Список использованной литературы

1 Макушников, О. А. Отчет об археологическом обследовании территории Ветковского района в 1991 г. по теме «Выявление, изучение, паспортизация памятников археологии Гомельской области в 1991–1995 гг.». – Т. III // Центральный научный архив НАН Беларуси. – Фонд археологической научной документации (далее – ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД). – Оп. 1. – Д. № 140.

2 Макушников, О. А. Научный отчет о проведении раскопок Моховского археологического комплекса в Лоевском районе Гомельской области и разведках на территории Гомельской области в 2016 г. / ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. – Оп. 1.

3 Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова ; отв. ред. Б. А. Колчин. – М. : Наука, 1981. – 196 с.

4 Сведения 1873 г. о городищах и курганах // Известия Императорской археологической комиссии. – СПб., 1903. – Вып. 5. – 127 с.

5 Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – 383 с.

6 Макушников, О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие / О. А. Макушников. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины», 2009. – 218 с.

7 Богомольников, В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв. / В. В. Богомольников. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 226 с.

8 Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.

9 Штыхов, Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. – Вып. 2. – Минск : Полымя, 1971. – 276 с.

10 Древнерусские княжеские уставы X–XIV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. – М. : Наука, 1976. – 240 с.

11 Полное собрание русских летописей / М. Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 938 стб. – Т. II.

12 Носов, Е. Н. Поселение и могильник на озере Съезжее / Е. Н. Носов, А. В. Плохов // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). – М. : ИА РАН, 2016. – С. 349–394.

13 Мызгин, К. В. Новые данные к вопросу о поздней лате вещей круга «Львыкмчатых эмалей» на территории Подгнрольва / К. В. Мызгин, О. А. Радюш, М. В. Любичев // Germania – Sarmatia. III. – М. : ИА РАН, 2020. – С. 198–218.

14 Обломский, А. М. Колочинская культура / А. М. Обломский // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). – М. : ИА РАН, 2016. – С. 10–113.

15 Марзалюк, І. Новыя крыніцы па гісторыі славянскага рассялення ў Магілёўскім Падняпроўі і Пасожжы / І. Марзалюк // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Минск : «Беларуская навука», 2011. – С. 97–118.

16 Мядзведзеў, А. М. Культура ўсходнелітоўскіх курганоў / А. М. Мядзведзеў // Археалогія Беларусі. Другі том. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – Минск : Беларуская навука, 1999. – С. 384–391.

О. А. МАКУШНИКОВ

Беларусь, Гомель,
профессор кафедры философии и
специальных исторических дисциплин
учреждения образования «Гомельский
государственный университет имени Ф. Скорины»,
доктор исторических наук, доцент

Г. А. АЛЕКСЕЙЧЕНКО

Беларусь, Гомель,
доцент кафедры философии и
специальных исторических дисциплин
учреждения образования «Гомельский
государственный университет имени Ф. Скорины»,
кандидат исторических наук, доцент

**ЛЕТОПИСНЫЕ ГОРОДА ГОМЕЛЬЩИНЫ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ П. Ф. ЛЫСЕНКО**

В статье на основе анализа научного наследия П.Ф. Лысенко рассматриваются основные этапы, направления и главные достижения учёного в области исторической урбанистики белорусского Полесья в эпоху средневековья.

Ключевые слова: белорусское Полесье, урбанистика, археология, исследования.

Выдающийся белорусский исследователь Петр Федорович Лысенко (16.09.1931 – 23.03.2020) посвятил многолетний научный поиск истории и археологии Туровской земли – одному из важнейших политических и этнокультурных образований X–XIII вв. В истории Беларуси она сыграла не меньшую роль, чем земля Полоцкая.

Туровское княжество зародилось в период формирования восточнославянской государственности в ареале расселения летописных дреговичей. Его возникновение может относиться ко времени даннических отношений этого «племени» (имевшего собственное княжение) и Киевской Руси. Согласно исследованиям П.Ф. Лысенко, Туровская земля охватывала огромную территорию современной Южной, Центральной, Западной Беларуси, включала

некоторые регионы Северо-Западной Украины и Восточной Польши. В раннем средневековье здесь существовало не менее полутора десятка городов с важнейшими политическими, социально-экономическими и культурными центрами Туровом, Пинском, Брестом (Берестьем), Слуцком, Клецком, Давид-Городком, вероятно, Гродно, Новогрудком, Волковыском и другими [1, с. 3-6; рис. 2].

На территории Гомельщины, кроме Турова (первое упоминание 980 г.), летописи локализуют Гомель (Гомий) – 1142, Рогачев – 1142, Брагин (Брягин) – 1147, Мозырь – 1155, Чечерск (Чичерск) – 1159, Речицу – 1213.

П.Ф. Лысенко исходил из того, что территория Туровского раннефеодального княжества в основном соответствовала ареалу расселения дреговичей [2, с. 15-21]. Сопоставляя исторические документальные известия и данные археологии о распространении «этноопределяющих» украшений дреговичанок, он отнес к туровским городам Гомельщины (с известными оговорками и комментариями) Рогачев. Согласно летописям, Гомель, Чечерск и Речица входили в состав владений черниговских князей, Брагин – киевских, а Мозырь находился в порубежной зоне расселения дреговичей и, вероятно, полян и периодически переходил из состава киевских владений в черниговские [2, с. 18, 171-173].

Под 980-м г. древнерусская «Повесть Временных Лет» свидетельствует о том, что в Полоцке властвует Рогволод, который пришел из «заморья», а в Турове – Тур, давший, согласно летописи, название городу и этноним его населению [3, 126-127]. П.Ф. Лысенко сомневался не только в «северном» происхождении князя Тура, но и в том, что именно он мог дать «имя» городу. Он отметил, что ни один город Руси не был назван в честь какого-либо варяжского князя, а корень «тур» широко распространен как в славянской, так и неславянской топонимии Евразии. Исследователь полагал, что Туров мог быть основан одним из славянских (дреговичских) правителей [4, с. 92].

Петр Федорович глубоко изучил летописные памятники, а также проанализировал историографию Туровской земли (труды маститых историков XVIII–XX вв. В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.П. Барсова, В.Б. Антоновича, А.М. Андрияшева, П.В. Голубовского, А.С. Грушевского, М.В. Довнар-Запольского, М.Н. Тихомирова, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова и многих других) [2, с. 5-31]. Он вступил в дискуссию с теми исследователями, которые предложили термин «Турово-Пинская земля», указывая на то, что Туров возник намного ранее Пинска, а Пинское княжество

выделилось в качестве удельного относительно поздно, П.Ф. Лысенко настаивал на сохранении наименования «Туровская земля» [2, с. 10-15].

Ликвидацию племенных княжений киевским князем Владимиром Святославичем и «посажение» на княжеские столы его сыновей (988 г.), исследователь определял, как важное историческое событие, которое указывало на значимую политическую роль Турова и Туровской земли в истории Руси. Действительно, третий по старшинству сын великого князя – Святополк был направлен на княжение в Туров. Самым же старшим – Вышеславу и Изяславу – достались соответственно Новгородская и Полоцкая земли [3, с. 130]. Туровские князья в XI–XII вв. не один раз переходили на великое киевское княжение, т. е. управляли судьбами почти всей Восточной Европы [2, с. 21-31].

К началу 1960-х гг. П.Ф. Лысенко определяет свой научный интерес, интерес всей своей жизни. Это – археология Туровской земли. Молодой ученый справедливо полагал, что ранняя история городов Беларуси более чем скупо отражена в письменных источниках. Таким образом, нужно было серьезно заняться исследованием памятников археологии, т. е. остатков средневековых поселений и захоронений, буквально «насытить» историю материалами археологии. И Петр Федорович приступил к многолетнему изучению захоронений дреговичей и мест их поселений. Главным направлением научного поиска он обозначил изучение знаковых археологических памятников-городов Туровской земли.

В поле зрения ученого попали важнейшие города исторической Туровщины, упомянутые на страницах летописей. П.Ф. Лысенко путем археологической разведки и раскопок изучил Давид-Городок, Слуцк, Клецк, Копыль, Черторыйск, Нобель, Дубровицу, Степань. Масштабные археологические исследования под его руководством были проведены в Турове, Пинске и Берестье.

Основными объектами полевых археологических работ П.Ф. Лысенко на Гомельщине стали Туров и Рогачев. Возглавляемый ученым Туровский отряд Института истории АН БССР в 1960-х гг. обследовал остатки городов и «безымянные» городища на гомельской земле – в Мозыре, Лучине, Стрешине, Чечерске, Речице, Брагине, однако главное внимание историка и археолога было обращено Турову [2; 5; 6].

Первые раскопки в Турове были проведены в 1961 г. Верхнеднепровской экспедицией Института археологии АН СССР

под руководством В.В. Седова. П.Ф. Лысенко, в 1962 успешно продолжил раскопки на городище (детинце и окольном городе), потом проводил их в 1963, 1968, 1992–93, 2004–05 гг. [3]. К сожалению, для науки осталась недоступной территория обширного Туровского посада (неукрепленной части города), на который в последние десятилетия XX века проводились крупные земляные работы. Они нанесли большой ущерб историко-археологическому памятнику. П.Ф. Лысенко с горечью констатировал: «Опасаясь, что археологические исследования задержат начало строительных работ и повысят их стоимость, городские власти даже не поставили в известность Институт истории о производстве строительства» [3, с. 30].

Тем не менее научные итоги изучения Турова трудно переоценить. Исследования показали, что нижний культурный горизонт Туровского городища относится к X в., возможно – ко времени первого датированного летописью упоминания Турова. В ходе многолетних полевых работ раскрыты не только остатки рядовой деревянной застройки эпохи Руси (жилых домов, хозяйственных сооружений, мостовых), но и завершены начаты советскими археологами П.А. Раппопортом и М.К. Каргером в 1961–63 гг. исследования фундаментов уникальной каменной церкви XII в.

Согласно П.Ф. Лысенко, храм был епископальным и подчеркивал значимую роль Турова в духовной жизни всей Туровской земли. Автор исследований полагал, что церковное здание разрушило землетрясение 1230 г., засвидетельствованное летописцами. На руинах храма П.Ф. Лысенко были найдены крупные обломки церковного бронзового колокола [3, с. 61, 101–108]. Учёный подчеркнул, что «Туровский храм – единственный выявленный, вскрытый и исследованный на всей территории Туровской земли» [3, с. 105].

Поистине, знаковым открытием раскопок 1993 г. стали обнаруженные остатки дохристианского святилища (капища), вероятно, сооружённого в конце X в. в ходе «языческой реформы» великого князя Владимира Святославича [3, с. 97–101].

Коллекция открытых археологом предметов материальной культуры послужила мощным научным фундаментом для обоснованной характеристики высокого уровня социально-экономического развития Турова древнерусского периода. Среди археологических находок оказались не только «рядовые», но и связанные с бытом и укладом жизни высших слоёв общества. К ним можно отнести фрагменты импортной стеклянной посуды, оконного стекла,

металлические застёжки книг, которые определённо свидетельствуют, что культура и грамотность распространялась среди жителей Турова уже в XI–XII вв. В отложениях XII – середины XIII в. обнаружены костяные шахматные фигурки слона и коня [3, с. 74].

Перечень редчайших артефактов из Турова займет не одну страницу обстоятельного научного отчета. Упомянем только некоторые из них.

В культурных отложениях XIII–XV вв. были найдены четыре однотипные по технике исполнения свинцовые иконки с изображениями Богородицы, великомученицы (Варвары?), преподобной (возможно, Евфросиньи или Анастасии) и святителя (Кирилла Туровского?) [3, с. 62; рис.47]. Поверх развалин Туровского храма выявлена свинцовая печать киевского митрополита Кирилла (1225–1232 гг.), на которой имеется надпись по-гречески: «Кирилл монах божий милостью архиепископ митрополии России» (прочтение автора раскопок) [3, с. 63; рис. 56].

Редкая археологическая находка из раскопок Турова – костяная иконка с изображением Иисуса Христа с предстоящими – Богоматерью и Иоанном Крестителем, а также святых Никона и Николы [3, с. 73, 117; 4, цв. вклейка].

Одно из выдающихся туровских открытий П.Ф. Лысенко – бронзовая кадильница с изображениями святых Георгия, Феодора, Охрима, Иоанна (?) и, вероятно, еще двух святых [1, с. 10, фото 6].

Немалыми усилиями Петра Федоровича при поддержке областных и местных органов власти, руководства и сотрудников Гомельского областного краеведческого музея, белорусской общественности в 2005 г. состоялось значимое научно-культурное событие. Оно было приурочено к 1000-летию Туровской православной епархии. Когда перед посетителями распахнул двери крытый павильон-экспозиция «Древний Туров» – фактически археологический музей в составе Туровского краеведческого музея [4, с. 113-115].

Рогачев привлек внимание П.Ф. Лысенко по нескольким причинам. Судя по данным курганных раскопок, здесь, по обе стороны Днепра и близ устья Друти, имеются захоронения как с дреговичскими бусами, так и с семилучевыми височными кольцами радимичского типа [7, карта 15]. Первое летописное упоминание о Рогачёве под 1142 г. связано с распределением великим киевским князем городов Туровской и Владимирской земель. Явно Рогачёв

какое-то время входил в состав земли Туровской [2, с. 166]. Впрочем, его история в середине и второй половине XII в. уже тесно связана с Черниговским княжеством [8, с. 106-107].

В 1966-1967 гг. П.Ф. Лысенко провёл небольшие, но результативные разведочные раскопки на месте летописного Рогачева [2, с. 166-171]. Он исследовал площадку городища, известного у старожилов под названиями «Замковая гора» или «Замок королевы Боны». В культурном слое было выявлено много обломков керамической посуды периода средневековья и более позднего времени. Весьма представительной выглядела серия изделий из чёрного металла: шарнирные ножницы, шпоры, ключи, рыболовный крючок, топор, гвоздь и др. Встречены сланцевые пряслица и обломки стеклянных браслетов. Пётр Фёдорович констатировал: «Можно с малой степенью достоверности на основании одной только керамики предматерикового слоя сделать вывод о возникновении поселения на «Замковой горе» в Рогачёве в XI ст., т. е. несколько раньше первого упоминания этого города в летописи» [2, с. 169-171].

Исследования Петра Фёдоровича Лысенко дали возможность взглянуть на раннюю историю городов Туровской земли и Гомельщины в целом с необходимой для современной науки полнотой, осветить проблемы возникновения её городов, оценить уровень их социально-экономического и этнокультурного развития. Размышляя о значимости памятников археологии, П.Ф. Лысенко напутствовал нынешнее и будущие поколения: «Надо только обязательно сберечь этот ценнейший источник знаний и материалов по истории нашей Родины» [3, с. 174].

Список использованной литературы

- 1 Лысенко, П. Ф. Материальная культура городов Туровской земли (X–XIII вв.) / П. Ф. Лысенко. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 179 с.
- 2 Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1974. – 200 с.
- 3 Лысенко, П. Ф. Древний Туров / П. Ф. Лысенко. – Минск : Беларус. наука, 2004. – 180 с.
- 4 Лысенко, П. Ф. Сказание о Турове / П. Ф. Лысенко. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 118 с.

5 Лысенко, П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. – Минск : Беларус. наука, 1999. – 268 с.

6 Лысенко, П. Ф. Дреговичи / П. Ф. Лысенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.

7 Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М. : Наука, 1982. – 328 с.

8 Зайцев, А. К. Черниговское княжество / А. К. Зайцев // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М. : Наука, 1975. – С. 57-117.

Ю. В. ПАНКОВ

Беларусь, Гомель,
научный сотрудник

Государственного историко-культурного учреждения
«Гомельский дворцово-парковый ансамбль»

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГОМЕЛЬСКИХ МУЗЕЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В публикации рассматриваются сложные судьбы археологических коллекций гомельских музеев, связанные с последствиями их эвакуации в начале Великой Отечественной. Из нескольких сотен экспонатов в Гомель вернулись только три (1): два бронзовых топора-кельта раннего железного века и крамическая курительная трубка эпохи Нового времени.

Ключевые слова: археология, Великая Отечественная война, Гомель, коллекция, музей.

События Великой Отечественной войны нанесли колоссальный ущерб музейному фонду БССР. Только часть коллекций удалось эвакуировать в тыл Советского Союза. Остальное было уничтожено, разграблено, утеряно. И лишь некоторые экспонаты, оставленные на оккупированных территориях, постепенно обнаруживались и возвращались обратно. Музеи Гомеля не стали исключением. До сих пор судьба их коллекций в годы войны актуальна. Остаётся загадкой, куда исчезли оставленные в городе предметы, и сколько всего их было. Вопрос об эвакуированных артефактах также до конца не исследован. Весомое место в довоенных музейных фондах Гомеля принадлежало археологии.

Формированием постоянного собрания археологических артефактов в городе занимался ещё в середине XIX в. князь И. Ф. Паскевич. Однако его коллекция имела экзотическое происхождение и не несла в себе краеведческой информации, выполняя, скорее, функцию антиквариата. В отличие от отца, его сын Ф. И. Паскевич, стал пополнять «семейный музей» материалами археологических изысканий и случайными находками, в том числе, и со своего имения. В частности, дилетантскими раскоками курганов

вокруг Гомеля (в частности, у Романовичей, Добруша, Терюхи, Студеной Гуты) активно занимался землемер И. Ф. Паскевича М. М. Филонов. Таким образом, во дворце Паскевичей хранились артефакты не только из Древней Греции, Рима, Персии, Мексики, но и с территории Гомельского уезда.

С установлением Советской власти частное княжеское собрание было национализировано и стало основой открывшегося в Гомеле в 1919 г. музея. В 1920-х – 1930-х гг. археологические сборы постоянно пополнялись. К 1940 г. в книге поступлений числилось не менее 387 единиц хранения (без учёта нумизматики, в т. ч. и кладов) [1]. С конца 1930-х гг. коллекцию разделили на два музея: исторического (башня и южная галерея дворца) и антирелигиозного (Петропавловский собор). Анализ книг поступлений показал, что точный подсчёт предметов археологии не вёлся. Обозначались отдельные индивидуальные находки, а массовые, в основном, оставались неучтёнными. Показательна в данном случае запись:

«2794 – Наконечник копья бронзовый и черепки, найдены на берегу р. Сож (старое русло) около Пролетарского луга (между лугом и деревней Волотовой). ... На место находки выезжал сотрудник музея (т. Гродзенский) и обнаружил там большое количество черепков глиняной посуды, часть которых была доставлена в музей...» [1, л. 259].

В графе «количество» значилась только одна единица (наконечник копья). Сколько же неучтенных «черепков» лежало в фондах, остаётся загадкой. Стоит отметить, что за период с 1940 по 1941 гг. отсутствуют сведения по поступившим в музейное собрание предметам. Таким образом, точное количество предметов археологии к началу Великой Отечественной войны посчитать затруднительно.

Нападение Германии на СССР приостановило работу музеев. В Гомеле их эвакуация началась в первых числах июля 1941 г., когда обстановка в городе была относительно спокойной. Конечной целью выбрали Сталинград. Коллекции исторического и антирелигиозного музеев вывозились вместе. Командировочное удостоверение директору Гомельского государственного исторического музея С. Т. Антонову было выдано 6-го числа. Но только 28 июля сотрудники привезли предметы на новое место хранения, а 8 августа – сдали их в Сталинградский музей [2]. Многие не смогли вывезти. В описи эвакуированных предметов их значится около 4300 [2]. Всего же музейный фонд к 1940 г. насчитывал не менее 8208, по другим данным – 7673 единиц хранения [3, с. 147]. Соответственно,

в оккупированном немцами Гомеле осталось более 40 % от общей коллекции (и это без неучтённых предметов).

Воспоминания дочери директора музея А. С. Маланьиной дают некоторые разъяснения по этому поводу. Приведём отдельные выдержки: «...Действительно, все люди были заняты. Упаковывать и грузить было некому. Почему-то тут помощником оказался отец Лиды Дударевой, живший в парке. Даже мой шифоньер употребили как ящик, выбросив все вещи... Многого мы вывезти не успевали. Дали только два вагона, хотя обещали шесть. И многие громоздкие музейные вещи пришлось оставить. И везли мы всё на вокзал на подводах... Уезжали мы раздетые – лето. Думали, через неделю вернёмся. Тогда слово «эвакуация» еще не произносилось... Там же оставалась шикарная, но уж очень громоздкая мебель. А мы-то вывозили все на подводах, наспех упакованное, – только раз нам дали тогда машину для погрузки больших ящиков...» [4]. Получается, что на эвакуацию отводилось совсем немного времени, а тары не хватало. Немаловажным было настроение сотрудников музея, веривших в скорую победу. Совокупность изложенных факторов и привело к оставлению значительной части музейных предметов в Гомеле. Схожие доводы приводит в своём исследовании Т. А. Шода [5, с. 65].

Сотрудница музея Р. М. Мелях спустя 31 год после начала войны вспоминала иную ситуацию: «...Все музейные ценности были отправлены в Сталинград, ибо эвакуация вещей и ценностей были организованы очень хорошо... Музею было предоставлено большое количество ящиков, упаковочного материала и транспорт для доставки ценностей к теплушкам. Все музейные ценности, которые были доставлены к теплушкам, были увезены и с вещами в тех же теплушках уехала семья Стахия Тарасовича Антонова с женой и дочерью...» [6]. Если всё происходило так организовано, как писала Р. М. Мелях, то почему столько предметов осталось в музее?

В списках эвакуированных ценностей археология фиксируется лишь в нескольких графах: «Два бронзовых долота»¹⁸, «Планшетка с археологическими раскопками», «Часть курительной трубки из кости»¹⁹ (№ 112, № 369, № 410 в списке вывезенных вещей Исторического музея) и «Три вещи из археологических раскопок: молоток, долото и кремниевый топор» (№ 21 в списке вывезенных вещей Антирелигиозного музея) [2]. Практически во всех случаях никаких более детальных подробностей не прописано, кроме

¹⁸ В действительности, два бронзовых топора-кельта.

¹⁹ В действительности, курительная трубка из глины.

довоенного музейного номера «2695», под которым значится курительная трубка. Исходя из этого, точно можно утверждать, что в Сталинград был увезён артефакт, обнаруженный директором рыбхоза «Красная Зорька» Смоляковым в 1939 г. на берегу озера «Красное Полесье» (ныне – Червоное) возле г. п. Житковичи [1, л. 244 об. – 245].

В старых описях ни одного бронзового «долота» не значится. Под номером «47» в книге поступлений 1940 г. записано «Крэмневое долото» без какой-либо географической привязки, а под номером «2533» проходит «Каменное долото», найденное в 1936 г. в д. Рудня Телешевского с/с Уваровичского р-на (совр. д. Рудня-Телешевская Гомельского р-на) [1, л. 5; 229об.]. Собственно, среди бронзовых археологических вещей под номером «64» записан только «Топор бронзовый» из д. Крупец [1, л. 7]. В более ранних описях его нет. В связи с этим, отметим, что археолог Н. Н. Кривальцевич упоминал факт обнаружения в 1934 г. возле д. Волковичский Крупец (совр. Урицкое Гомельского р-на)клада, состоявшего из двух бронзовых топоров и железного гальштатского копья, и связывал его с гомельским музеем [7, с. 39]. В довоенной книге поступлений из Крупца под номером «66» также фигурирует «Копье железное» [1, л. 5]. Сопоставляя вышеуказанные данные, стоит предположить, что «Два бронзовых долота» могли значиться под одним номером «64» и имели отношение к кладу, как и копье. Но не исключено, что предметы и вовсе не вписали в книгу поступлений, ведь в описи эвакуированных вещей отсутствует примечание со старым номером.

Что касается планшетки с археологическими раскопками, то сам термин «планшетка» не фигурирует в книге поступлений 1940 г. Но он есть в «Описи предметов Историко-художественного музея им. А. В. Луначарского» за 1920-е – 1930-е гг. [8, л. 294, 295об., 316об., 319об.]. Предположим, что в т. ч. и этим документом могли руководствоваться при составлении списка эвакуированных вещей. По воспоминаниям А. С. Маланьиной именно она набирала соответствующие акты: «Целый месяц я печатала на машинке акты сдачи вещей» [4].

В «Описи...» обозначено пять планшеток. Первая – со случайными находками с территории Брянской области; вторая – материалы раскопок 1925 г. археолога И. Х. Ющенко на городище возле д. Любны (ныне – в границах Гомеля); последующие три – материалы раскопок школьного работника Новикова в Чечерске и в Чечерском районе (д. Ипполитовка и д. Саприки).

Из всех перечислений ближе всего с записью 1941 г. сопоставляется планшетка с находками из Любенского городища. Она состояла из десяти таблиц, тематически разделённых по материалу изготовления: 1 – каменные изделия; 2 – костяные изделия; 3 – бронзовые изделия; 4 – изделия из глины; 5–9 – керамика; 10 – железные изделия [8, л. 295об.–300об.]. В 1926 г. находки поступили в музей по предписанию Главнауки. Однако не стоит исключать, что и вывезенную планшетку не успели включить в музейный фонд и не присвоили ей номер.

Ещё сложнее обстоит дело с тремя археологическими вещами, эвакуированными из Антирелигиозного музея. Анализ источников не даёт точных деталей по их идентификации. Книга поступлений, созданного в 1939 г. музея, не сохранилась. Отдельные факты передачи предметов есть в книге Исторического музея, но среди них не числятся «молоток, долото, топор». Однако не стоит исключать, что артефакты могли передать и в 1940–1941 гг. либо они поступили в фонды самостоятельно.

Эвакуированные музейные коллекции прошли трудный путь не только исторический, но и технический. Вещи были погружены в ящики, перевозились по железной дороге в теплушках. Отдельные предметы постепенно изымались на различные нужды, что-то списывалось как не представляющее ценности либо повреждённое.

С приближением фронта к Сталинграду, коллекцию перевезли в с. Цветочное Гмелинского р-на, а затем направили в г. Урюпинск (сентябрь 1944 г.) [5, с. 66].

Ещё в ноябре 1941 г. сотрудниками Сталинградского музея был составлен акт об оставлении на складе ряда вещей Гомельского музея, как не имеющих никакой исторической ценности или испорченных и повреждённых от переезда [2, л. 34]. Среди них значились три предмета из археологических раскопок (топор, молоток, долото). Сложно представить, что они могли придти в негодность от переезда, поэтому оценка сталинградских музейщиков в данном случае выглядит сомнительной.

Большая часть археологических артефактов осталась лежать в музейных помещениях Гомеля. В ночь с 19 на 20 августа 1941 г. Красная армия оставила правобережную часть города, на которой и находились культурные учреждения. Боевые действия этих дней сильно повредили дворец, в котором находился Исторический музей. Менее пострадало здание Антирелигиозного музея [9, с. 58–59].

Полностью отсутствуют сведения об участии оставленной археологической коллекции. А это большая её часть. На данный момент не обнаружено ни одного упоминания о древностях музея в немецких источниках, в отличие от иных собраний. Поэтому можно только выдвигать гипотезы. Либо археологию вывезли немецкие войска, либо она была уничтожена за годы оккупации, либо разграблена или затерялась. В любом случае, после освобождения Гомеля 26 ноября 1943 г., предметов из археологической коллекции не осталось.

В декабре 1944 г. в парке работала комиссия под председательством С. Т. Антонова по оценке ущерба, причинённого музеям Гомеля оккупантами. В составленной описи потерь Исторического музея археология была вписана в три графы:

«18. Надгробные памятники скифов (скифские бабы) – 2 ед.

19. Коллекция археологических раскопок: молотки, топоры, бусы и др. вещи древних людей – 275 ед.

20. Слиток воска в 28 кг, найденный в реке Сож – 1 ед.» [10, л. 11].

В описи Антирелигиозного музея значилось:

«2. Орудие первобытных людей – 48 ед.» [10, л. 16].

Общая сумма ущерба археологической коллекции составила 165 тыс. рублей.

Спустя год уже в рамках расследований Чрезвычайной государственной комиссии были составлены новые списки потерь, нанесённые музеям. Они практически повторяли предыдущую работу. Однако в них появилась новая графа с археологией:

«Мраморные чаши из Помпейских раскопок, подарок Паскевичу папы Пия VII – 2 ед.» [11, л. 12].

Получается, что к общей сумме добавились дополнительные 100 тыс. рублей.

Если сравнить количество утраченных древностей только Исторического музея с довоенными цифрами, то получится, что в эвакуацию было вывезено более 100 единиц хранения. Данное число примерно может совпадать только в том случае, если все выдвинутые гипотезы по атрибуции вывезенных в тыл вещей подтвердятся. Но, т. к. фондовая работа велась не организованно, то, вероятно, урон археологии был причинён ещё больший. Например, отсутствуют в описях упоминания об утраченных предметах из зарубежных раскопок (кроме двух чаш из Помпеи).

С 1944 г. в Гомеле возобновил свою работу только один музей – Исторический, но уже как Областной музей краеведения. Только спустя два года археологическая коллекция стала восполняться. Первыми экспонатами стали вернувшиеся из эвакуации два бронзовых топора (рисунки 1–2) и курительная трубка (рисунок 3). Планшетка с археологическими раскопками была утеряна.

Рисунок 1 – Топор-кельт из довоенной коллекции музея
Клад, аг. Урицкое, Гомельский р-н. Бронзовый век. Бронза. Литьё.
МГДПА. КП 530

Рисунок 2 – Топор-кельт из довоенной коллекции музея
Клад, аг. Урицкое, Гомельский р-н. Бронзовый век. Бронза. Литьё. Гомельский областной музей военной славы. КП 374

Рисунок 3 – Трубка курительная из довоенной коллекции музея
Случайная находка, Житковичский р-н.
XVII–XVIII вв. Глина. Формовка, обжиг. МГДПА. КП 915

С течением времени музейное собрание начало стремительно пополняться материалами раскопок. В Гомель передавали свои коллекции К. М. Поликарпович, О. Н. Мельниковская, Ю. В. Кухаренко и др. известные археологи, работавшие на территории региона [12, с. 87]. Таким образом, буквально за первое десятилетие после воссоздания музея, коллекция древностей не только была восполнена, но и превысила довоенное количество.

События, связанные с войной, сильно навредили не просто музейной коллекции, но и её научной и культурной составляющей. От многих предметов не сохранилось даже изображений. Благодаря очерку Е. Р. Романова, статье М. В. Мелешко, а также фотографии 1920-х – 1930-х гг. из Национального архива РБ, нам известны иллюстрации лишь отдельных находок [13, с. 32; 14, с. 175–176; 15, с. 96]. Большая часть археологических сборов бесследно исчезла, что всё же оставляет надежду на поиски предметов. Однако лишь комплексный анализ источников дает возможность атрибутировать потерянные древности. Среди причин оставления экспонатов в Гомелее можно назвать недостаток средств (нехватка тары, упаковочных материалов, транспорта) и времени, субъективное отношение сотрудников музея, участвовавших в эвакуации, а также «веру в скорую победу». На сегодняшний день только три археологических артефакта остались от большого музейного собрания. Они представлены в современных экспозициях двух музеев Гомельского дворцово-паркового ансамбля и Гомельского областного музея военной славы.

Список использованной литературы

1 Книга поступлений Гомельского исторического музея / сост. в 1940 г. // Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля (далее – МГДПА). – Ф. 9. – Д. 3. – КП 452.

2 Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля (далее – МГДПА). – Ф. 10. – Д. 2.

3 Панков, Ю. В. «Три грации» из Гомельского музея. Исчезнувший в году оккупации артефакт / Ю. В. Панков // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в исторической памяти народа : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы. – Брест : БрГТУ, 2020. – С. 147–151.

4 Маланьина, А. Воспоминания гомельчанки [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/vospominaniya-gomelchanki-5.html>. – Дата доступа: 17.08.2020.

5 Шода, Т. А. Музей в годы военного лихолетья / Т. А. Шода // Музейные истории. Личности, коллекции, раритеты. – Гомель : Барк, 2019. – С. 65–68.

6 Из переписки Р. М. Мелях // МГДПА. – Д. 9.

7 Крывальцэвіч, М. М. Новыя знаходкі металічных сякер бронзавага веку на Гомельскім Палессі / М. М. Крывальцэвіч // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году: международный сборник научных статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 38–45.

8 Опись предметов Государственного историко-художественного музея им. А. В. Луначарского в Гомеле (бывш. замок б. князя Паскевича) / сост. в 1923–1932 гг. // МГДПА. – Ф. 9. – Д. 4. – КП 442.

9 Панков, Ю. В. Состояние и назначение объектов городского парка культуры и отдыха Гомеля в годы немецкой оккупации (1941–1943 гг.) / Ю. В. Панков // Гомельский дворцово-парковый ансамбль: от усадьбы до музейного комплекса : сборник материалов международной научно-практической конференции. – Гомель : Барк, 2019. – С. 54–63.

10 МГДПА. – Ф. 9. – Д. 7.

11 Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1345. – Оп. 1. – Д. 14.

12 Писаренко, А. М. Из истории музейного собрания археологии / А. М. Писаренко // Музейные истории. Личности, коллекции, раритеты. – Гомель : Барк, 2019. – С. 84–89.

13 Романов, Е. Р. Археологический очерк Гомельского уезда / Е. Р. Романов. – Вильна : Издание Сев.-Зпадного отдела Императорского русского географического общества, 1910. – 32 с.

14 Мялешка, М. Камень у вераваньнях і паданьнях беларуса / М. Мялешка // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. – Менск, 1928. – Кніга 4. Працы катэдры этнаграфіі. – Том 1. – Сшытак 1. – С. 155–182.

15 Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 1927.

УДК 913.1/913.8.

А. В. ПОПЕЛО

Россия, Воронеж,
краевед

ЛЕСОСТЕПИ КАК НАИБОЛЕЕ ВЫГОДНАЯ ПРИРОДНАЯ ЗОНА ДЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЧЕВОГО (ПОЛУКОЧЕВОГО) И ОСЕДЛОГО (ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО) НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Автор изучает природные зоны и климат, которые имеют большое значения для цивилизационного процесса человечества и, в частности, для ведения хозяйства. Это было во все эпохи, в т. ч. В древности и в средние века. Население можно разделить на кочевое (полукочевое) и оседлое (земледельческое). В работе показано, что лесостепь является наиболее выгодной природной зоной для ведения хозяйства в древности и средневековье, выделяются значительные факторы, «связанные с населением», ведения хозяйства в древности и средневековье в разных природных зонах.

Ключевые слова: древность, лесостепь, природные зоны, средневековье, хозяйство.

Большое значение для развития «экономики» человечества имеют те или иные природные зоны, в т. ч. степь, лесостепь и зона лесов, а климат во многом определяет характер ведения того или иного «хозяйства» — земледелия, скотоводства и др.

Целью данной работы является рассмотрение основных моментов влияния климата и ландшафта на такие виды хозяйственной деятельности, как кочевое (полукочевое) скотоводство и земледелие, вероятно, являющиеся ключевыми для человечества. Попытаемся выделить связанные с населением «значительные факторы» ведения хозяйства в древности и средневековье в лесной и степной зонах.

Известный историк и географ Л. Н. Гумилев обосновал и аргументировано развивал теорию о том, что этногенез чаще всего проявляется на стыке природных зон [1; 2]. В его работе «Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации» представлена «Синхронистическая таблица этно-ландшафтных соответствий». В ней «лесостепь» выделена в отдельную колонку, из 28-ми квадратов таблицы — 5 заняты

информацией (сведениями) о событиях, происходивших в лесостепи [2].

В книге древнегреческого историка Геродота на территории несколько севернее Причерноморья описываются народ гелонов и будинов, занимавших одну и ту же территорию [3], то есть двуединый этнос [4]. В средневековье было «взаимодействие»: Киевская Русь – половцы – бродники; Киевская Русь – бродники; половцы – бродники.

Итак, известно, в зоне лесов наиболее выгодно и эффективно вести такие виды хозяйства, как земледелие, стойловое скотоводство, охота, рыбная ловля и некоторые другие.

В степной зоне наиболее выгодно вести кочевое (полукочевое) скотоводство, в меньшей мере – земледелие, охоту, рыбную ловлю. В степях встречается также и отгонное скотоводство.

В лесостепной зоне можно с успехом вести все эти виды хозяйства. При более умеренном климате; более холодном, чем в степной зоне, но менее холодном, чем в лесной.

Можно выделить факторы, которые требовались для успешного ведения хозяйственной деятельности в древности и средневековье в выше приведенных климатических зонах (таблица 1).

Отметим, что в лесостепи как раз и осуществляется взаимодействие кочевого (полукочевого) и земледельческого населения. За нее и происходит конфликт между земледельческим и кочевым (полукочевым) населением, часто наложенный на этничность, идут сложные этнические (образуются новые этносы) и социальные процессы. В настоящее время существует теория этноконтактных зон, т. е. в лесостепи может жить и население с кочевым (полукочевым) хозяйством, и оседлое (земледельческое).

Таблица 1 – Значительные «связанные с населением» факторы ведения хозяйства в древности и средневековье в лесной и степной природных зонах

Зона лесов	Значительный фактор	Зона степи	Значительный фактор
«Стационарная обработка земли»	+	«Мобильность населения (перекочевки)»	+
«Строительство зданий и сооружений»	+	«Слежение за количеством скота в стадах; поддержание достаточного количества скота в стаде»	+
«Защита от втор-	+	«Перемещение насе-	+

жения со степи и лесостепи»		ления из-за «полноты» травяного покрова (короткие перекочевки)»	
		«Скотоводство менее изнуряющий и более прибыльный труд, чем земледелие»	+

Изучаемая нами территория Подонья находится в лесостепной и степной природных зонах [5, 6]. Пространственно, на территории Российской Федерации природная зона лесостепи заканчивается примерно на 52–53 градусах северной широты (на границе с Подоньем примерно – Брянская область) [7].

В Беларуси – Полесье, т. е. лесная природная зона начинается примерно в Гомельской и Могилевской областях, соответственно на тех же градусах северной широты, что и в Брянской области Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что есть свои особенности при хозяйственной деятельности населения в древности и средние века в лесной и степной климатических зонах. Оптимально (в общих чертах) можно вести хозяйство как кочевому (полукочевому) населению, так и земледельческому (оседлому) в лесостепной природной зоне.

Список использованной литературы

1 Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 560 с.

2 Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ МОСКВА, 2008. – 606 с.

3 Геродот. История [сборник] / Геродот; пер. с древнегреческого Г. Стратановского. – М. : АСТ, 2017. – 832 с.

4 Писаревский, Н. П. Гелон Геродота. Эллинский город в стране будинов / Н. П. Писаревский. – СПб. : Альтейя, 2013. – 358 с.

5 Попело, А. В. Обоснование методов мониторинга земель историко-культурного назначения (на примере территории Верхнего и Среднего Дона): дис. кандидата географических наук / А. В. Попело. – Воронеж, 2006. – 177 с.

6 Попело, А. В. К концепции мониторинга земель и объектов историко-культурного назначения / А. В. Попело // Вестник Воро-

нежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2013. – № 2. – С. 44–47.

7 Администрация Брянской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.bryanskobl.ru/region.geography> (Дата обращения 13.08.2020).

УДК 069:902(476.7)

Н. А. ПОЧОБУТ

Беларусь, Минск,
старший научный сотрудник
Государственного научного учреждения
«Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси»,
кандидат исторических наук

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА «БЕРЕСТЬЕ»: ЭТАПЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ

В статье рассматривается история создания уникального археологического музея «Берестье», у истоков которого стоял первооткрыватель средневекового города П. Ф. Лысенко. Выделяются два периода музеефикации памятника средневекового деревянного зодчества (1970–е гг. и с 2003 г. по настоящее время). В ходе реконструкции Археологического музея в 2017–2019 гг. произошла модернизация образовательного пространства, введены интерактивные зоны, оборудован кинозал. Периодически укрепляются земляные откосы раскопа. Можно говорить о том, что созданы условия для успешной актуализации объектов наследия и коллекций. Музей нуждается в установке автоматизированной системы климат-контроля и в целевом финансировании мониторинга состояния экспонатов музея, который может планомерно осуществляться научными сотрудниками Белорусского государственного технологического института.

Ключевые слова: археология, Берестье, зодчество, культурология, Лысенко П. Ф., музееведение

Первым и единственным в Европе археологическим музеем восточнославянского средневекового города является музей «Берестье», юридически имеющий статус филиала Брестского областного краеведческого музея (далее – БрОКМ). Об исследованиях Берестья, о научном, экономическом, туристическом и культурном потенциалах музея много писал его создатель доктор исторических наук П. Ф. Лысенко [1–3]. Несколько статей написаны директором областного музея Т. А. Слесарук [4], заведующей филиала С. П. Щербой [5], археологами Л. В. Колединским [6], Н. Н. Дубицкой [7–8]. Заместителем директора БрОКМ Т. А. Неклюдовой выделены 8 этапов консервации и два этапа конструктивного укрепления сооружений древнего Берестья с 1970 по 2018 г. [9]. Поскольку в марте 2022 г. исполняется сорок лет со дня открытия для посетителей Археологического музея «Берестье», есть хороший повод рассмотреть музей как долговременный проект, имевший определенные периоды.

Начало музею положили археологические исследования, связанные с идентификацией памятника. В 1964 г. научный сотрудник Института истории АН БССР археолог П. Ф. Лысенко выдвинул гипотезу о вероятном местоположении летописного Берестья на мысу у впадения левого рукава р. Мухавец в Западный Буг, на территории Волынского укрепления Брестской крепости. Основанием послужили предположения, высказанные ещё в 1950–1960-е гг. брестскими музейными работниками, а также проведенный Петром Фёдоровичем анализ картографического материала, письменных источников, сопоставление полученных данных с современной ландшафтной ситуацией. В ходе разведочных раскопок 1968 г. исследователь получил археологический материал, подтверждавший эту гипотезу. И в 1969 г. П. Ф. Лысенко были начаты раскопки широкой площадью на предполагаемом месте детинца Берестья. Было выявлено семь строительных ярусов деревянных построек, мощный культурный слой домонгольского времени [2]. Подтвердилось существование на этой территории города, впервые упомянутого в «Повести временных лет» под 1019 г. Дальнейшие работы по археологическому исследованию и музеефикации велись под руководством П. Ф. Лысенко в течение 12 лет [1, с. 27–29]. На раскопе работали младший научный сотрудник Т. Н. Коробушкина, лаборант Л. В. Колединский, участие в раскопках принимал художник М. Н. Федосеев и сменивший его Ш. И. Бектинеев, привлекались к работе брестские школьники и студенты белорусских

вузов. По воспоминаниям преподавателя Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины Василия Иосифовича Сычёва, студенты исторического факультета его курса работали на раскопках Берестя в 1973 г., с середины июня по первую половину июля. Тогда у них была археологическая практика, и руководил ей Владимир Дмитриевич Будько. Студенты работали «на лопате», выносили по трапу носилки с землёй из раскопа с четырехметровой глубины.

Сотрудники Института истории жили в деревянном хозяйственном помещении площадью не более 10 м² [6]. Финансирование экспедиции, не считая командировочных расходов, отсутствовало. Брестский областной краеведческий музей до 1970 г. не интересовался содержанием археологических исследований [10].

В 1970–1971 гг. археологами был открыт и расчищен ремесленный квартал XIII века. Его уникальность состояла в хорошо дошедших до наших дней деревянных постройках и улицах, в высокой плотности застройки в сравнении с более поздними слоями. Выявленная в 1970 г. постройка сохранилась почти целиком на высоту в двенадцать венцов вместе с дверным проемом. Специалистами была отмечена небывалая сохранность дерева даже в сравнении с Новгородом Великим [3, с. 14–15, 68].

Очень скоро материалы археологических раскопок привлекли внимание широкой общественности, руководства области и республики. В 1970 г. о необходимости сохранения этих сооружений в качестве основы музея высказались заведующая управлением культуры Брестского облисполкома В. А. Сувалова, секретарь Брестского обкома КПБ С. М. Шабашов, секретарь ЦК КПБ Ф. А. Сурганов [1, с. 28]. Эти руководители лично побывали на месте раскопок и внимательно ознакомились с результатами исследований. В то время П. Ф. Лысенко уже защитил кандидатскую диссертацию, имел десятилетний опыт работы в археологии. Пётр Фёдорович рассказал во время нашей беседы, что тогда на вопрос Ф. А. Сурганова: «Что Вы думаете делать далее с открытым памятником?», он ответил: «Методика требует сносить постройки и продолжать раскопки до материка». Далее последовал вопрос: «А Вы хотите сносить?». «Нет, я не хочу сносить», – ответил он. И с этого момента было решено начать консервацию для последующей музеефикации. Ф. А. Сурганов отдал распоряжение С. М. Шабашову обеспечить продолжение раскопок, обсудить проблему с заведующим кафедрой древесиноведения и лесозэксплуатации Белорусского технологического института имени С. М. Кирова В. Е.

Вихровым для создания группы по разработке методики консервации древесины. На совещании специалистов (П. Ф. Лысенко, В. Е. Вихров, Ю. В. Вихров) был составлен план мероприятий, начиная от организации исследовательской группы до снабжения ее материалами, специальным оборудованием и практического осуществления работ по консервации. Финансирование археологических исследований взял на себя БрОКМ [10].

Раскопками 1970–1973 гг. был определен участок древней застройки, который должен был стать основой экспозиции будущего музея [11]. Его площадь составила 84 м² [1, с. 29]. На протяжении еще семи лет велись археологические исследования, готовилась площадка вокруг раскопа общей площадью около 700 м² для строительства музея. Чтобы обеспечить сохранность объектов, над раскопом был возведено временное укрытие из досок с двускатной крышей, без фундаментов. Его фотография хранится в БрОКМ [9, с. 270]. По мере разработки соседних участков, были построены еще два таких укрытия в одну линию с первым. Электрическими насосами периодически выкачивались грунтовые воды [12, л. 2, 97].

Сотрудниками созданной проблемной лаборатории модификации древесины (В. Е. Вихров (руководитель), В. А. Борисов, Ю. В. Вихров, С. Ю. Казанская) в Технологическом институте в 1970 г. был разработан способ консервации. Необходимое оборудование изготовили в Бресте. Уже в течение 1970–1971 гг. законсервировали 11 построек, имевших наибольшее количество венцов, и одну постройку общим объемом 60 м².

Древесина сосны и дуба была очень разнообразной по степени деградации. Постройки обрабатывались кистью по мере насыщения низкомолекулярной водорастворимой синтетической смолой четыре–пять раз, а затем, когда смола уже больше не впитывалась, продолжалась пропитка с помощью шприцев, под большим давлением в 4–10 атмосфер. Затем древесина просушивалась непосредственно в раскопе горячим воздухом при t 60–80°C, далее повышалась с помощью газовых горелок до 100–120°C. В результате обработки бревна покрывались плотной коркой из модифицированной древесины, её счищали, чтобы конструкции выглядели естественно. Твердость древесины возрастала в 3–4 раза. Земля пропитывалась тем же составом [13, с. 6–9; 14]. Работы по консервации проводились лично Ю. В. Вихровым, В. А. Борисовым, С. Ю. Казанской, П. Ф. Лысенко. Этот метод также использовался при консервации отдельных предметов из раскопок. Тогда он являлся наиболее дешевым, эффективным и весьма

простым, а позднее был внедрен в реставрационную практику Новгородской, Псковской и Старо-Русской археологических экспедиций, в 1972–1979 гг., применялся за рубежом.

Под охрану государства Городище Берестье было принято распоряжением Совета Министров БССР № 948Р от 29 сентября 1970 г., а в соответствии с распоряжением № 658Р от 18 августа 1972 г., законсервированный раскоп под временными перекрытиями стал филиалом Брестского областного краеведческого музея [2, с. 7; 12]. Тем не менее, начало строительства здания периодически оказывалось под угрозой срыва.

При участии П. Ф. Лысенко архитекторами было разработано несколько проектов павильона, но в определенный момент из-за недостатка средств был отклонен даже самый дешевый. Не нашлись средства после обращения археологов к первому секретарю ЦК КПБ П. М. Машерову [10]. Только благодаря инициативе и настойчивости П. Ф. Лысенко, который лично 8 января 1975 г. обратился с письмом к Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, вопрос был решен [8, с. 8; 15, с. 170–171]. А. Н. Косыгин предложил рассмотреть проблемные вопросы Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР Т. Я. Киселеву и Министру культуры СССР П. Н. Демичеву, что в итоге задало правильный вектор, и строительство музея началось [10]. Сооружение музейного здания велось с 1977 по 1980 г. силами строительных организаций Бреста по проекту специалистов «Белгоспроекта», сегодня известных архитекторов – В. В. Крамаренко и В. И. Щербина под руководством М. К. Виноградова [16, л. 33–34, 85]. Оригинальный музейный павильон из бетона, алюминия и стекла занял площадь 2400м². Стоимость павильона составила 517тыс.рублей [2, с. 7].

Первый вариант плана будущей экспозиции «Древнее Берестье» 1979 г. старшего научного сотрудника Брестского областного музея Н. Н. Галицкого был отклонён сектором археологии Института истории АН БССР, так как ТЭП соответствовал лишь иллюстративной экспозиции краеведческого музея (от первобытного общества до современности). Заведующий сектором Л. Д. Поболь написал в рецензии, что археологи возражают против попытки обесценить значение памятника, растворить его в традиционной краеведческой экспозиции, что для науки Берестье «по своему значению далеко перерастает рамки местного уровня ..., является памятником всесоюзного и международного масштаба» [12, л. 97–100]. Создание

оригинального археологического музея пришлось отстаивать в Брестских обкоме и горкоме. Сотрудники Брестского музея ссылались на то, что в фонды не были переданы материалы раскопок. В итоге экспозиция была создана на основе ТЭПа П. Ф. Лысенко и научных сотрудников музея М. И. Алексеюка и Г. М. Козлова [12, л. 62, 65–69]. В 1981 г. в музей поступило 16 573 предмета археологии из раскопок. Музейщики впервые приняли участие в раскопках (1981 год), помогли законсервировать 144 предмета из дерева, кожи, ткани, составили паспорта на 735 предметов [2, с. 93–94]. После применения метода консервации к постройкам Берестья, С. Ю. Казанская предложила музею несколько методик консервации артефактов небольших размеров из дерева на основе фенолоспиртов и сахарного сиропа различной консистенции. Под её руководством было обработано 130 специально отобранных предметов из раскопок. Позднее, в 1982 г., методику консервации освоила и использовала сотрудник музея Г. А. Климук для консервации 30 предметов. Для консервации крупных предметов В. А. Борисов предложил испытать иную методику и законсервировал ступу, масложом, колотушку (1983 г.). Наибольшее число деревянных изделий Берестья было сохранено по методу Ю. М. Ванинской, С. А. Хасаншиной и О. Н. Чистяковой (1984, 1986 гг.) – 401 ед. Данный «способ стабилизации деревянных находок из археологических раскопок» был разработан на базе Института ядерной энергетики АН БССР и испытан в Новгороде Великом. Первые 20 предметов для музея законсервировала М. М. Цейтлина (Белорусский технологический институт). Метод состоял в глубокой пропитке мономером метилметокрилатом с последующим облучением в гамма-установке [17, с. 256–257].

Музеефикация стала возможна благодаря «активному внедрению в реальную жизнь достижений белорусской исторической науки, при активном участии научных учреждений и государственных органов Беларуси», – написал в 2012 г. П. Ф. Лысенко [2, с. 11]. У истоков музея «Берестье» стояли научные сотрудники Брестского музея М. И. Алексеюк, Р. И. Иванова, Г. М. Дзюрнич, Т. А. Слесарук [4; 5]. Прекрасно проводила экскурсии сотрудник музея Г. М. Козлова. Чтобы расширить свои познания о полевых исследованиях, понять, как добывается и обрабатывается материал, Галина Михайловна участвовала в 1983 г. в раскопках, проводившихся Т. С. Бубенько на Нижнем замке Витебска и Л. В. Колединским – на его Верхнем замке.

Открытие Археологического музея «Берестье» состоялось 2 марта 1982 г. [18, с. 6]. Его общая экспозиционная площадь соста-

вила 1300м² [19, с. 343]. Основной экспозиции стал археологический раскоп П. Ф. Лысенко площадью 1118 м² [5, с. 13–14]. Одна постройка 59А, выявленная в 1975 г. в соседнем раскопе вне планируемой площадки музея, была перенесена в раскоп в 1976 г., где заменила плохо сохранившуюся постройку № 20. Постройка 59А имела поистине уникальную сохранность – двенадцать венцов. Поскольку сруб был выявлен археологами вне пределов временного павильона, то необходимо было продумать способ его перемещения. Подъемным краном П-59А была несколько приподнята над дном раскопа, под ее основание подложили параллельно два бревна, за концы этих бревен зацепили тросы крана. Изнутри П-59А обустроили досками, которые крепились шурупами. После этих подготовительных мероприятий кран с постройкой обогнул временный навес. Стену навеса разобрали, впустили в раскоп три металлические трубы, сделав своеобразный пандус под углом 30 градусов до глубины 4 м и попытались спустить по нему средневековое сооружение. Но оно держалось под силой тяжести и не двигалось вниз. Тогда по предложению Л. В. Колединского трубы были смазаны солидолом. Край П-59А приподняли, и конструкция проследовала ко дну раскопа, придерживаемая на предварительно привязанных к столбам канатах, которыми регулировали увеличивающуюся скорость скольжения [6, с. 239].

Т. о., в музеефицированном раскопе располагались строения квартала конца XIII века. Это двадцать восемь жилых и хозяйственных построек, многие из которых имели пять-девять венцов, две же сохранили двенадцать, что стало первым примером в истории исследования славянских поселений. После раскопок в домах сохранили остатки глинобитных печей. Экспозиция наглядно демонстрировала местные традиции домостроительства: для соединения бревен в берестейских постройках применена рубка стен «в обло» с остатком; окна расположены под самой крышей, ниже ее на 1–2 венца; дверные проемы низкие, высота дверей немногим больше метра. В раскопе хорошо читалась планировка: две улицы, частокол. Поражает очень плотное расположение домов относительно друг друга и отсутствие известной по другим памятникам усадебной планировки.

Смотровая площадка для посетителей музея расположилась по периметру археологического раскопа. На ней, согласно тематике, посвященной жизни средневекового Берестья, размещались 14 зонированных раздела экспозиции (залов), открытых в сторону раскопа. Общее количество экспонатов в первой экспозиции доходило до 1200,

их хронология охватывала с XI по XIV ст. включительно. Раскоп и экспозиция помогали достоверно и доступно представить быт, материальную и духовную культуру населения значительного восточнославянского города. В музей были переданы находки-раритеты: костяная шахматная фигура, самшитовый гребень с 13 буквами кириллического алфавита, цера, писала, энколпионы, ряд ювелирных украшений (включая золотой перстень), подвесная костяная печать, дубовое рало, колесо. Как написал в 2012 г. П. Ф. Лысенко, музей открыл «своеобразное окно в XIII век, через которое можно увидеть часть древнего города, его планировку, застройку, благоустройство, условия повседневной жизни наших предков» [2, с. 6, 9].

Открытие не имевшего аналогов в СССР музея было приурочено к Московской Олимпиаде 1980 г. и имело большое государственное и пропагандистское значение [12, л. 74, 97]. Музеефикации Берестья была дана высокая оценка советскими и партийными руководителями республики П. М. Машеровым, Т. Я. Киселевым, А. Т. Кузьминым.

В 1981 г. Специальные научно-реставрационные проектные мастерские выполнили обмерные чертежи построек и топосъемку для эскизного проекта консервации. В проекте указывались три способа конструктивного укрепления срубов. Способы отличались между собой конструкцией схваток, которые необходимо было разместить на стенах сооружений. Также были предложены варианты фундаментов. В 1983–1987 гг. и в 2000 г. реализовывался вариант, предусматривающий подведение под нижние венцы обработанных смолой дубовых брусьев [9, с. 278–281].

Благодаря археологическому филиалу в значительной мере обеспечивалась посещаемость областного музея. В 1980-е гг. количество посетителей музея «Берестье» ежегодно составляло свыше 134 тыс. человек [19, с. 343]. В музей поступили 43 тысячи находок. По состоянию на 01.01.2019 г. их количество составляет 43162 предмета. С 1982 по 2012 г. музей «Берестье» посетили свыше 3 млн. человек из 37 государств [8, с. 8].

Заметным рубежом в проекте музеефикации Берестья является 2003 год, когда по просьбе БрОКМ сотрудники Научно-исследовательской лаборатории огнезащиты строительных материалов и конструкций БГТУ Н. В. Вилейшикова и В. М. Сердега произвели осмотр построек. В «Заключении о состоянии деревянных сооружений памятника «Берестье» музею было рекомендовано обеспечить определенный

температурно-влажностный режим, исключить попадание капельной влаги, создать прослойку из крупного песка между грунтом и опорами построек (как вариант, заменить грунт на бетонный пол), провести работы по био- и огнезащите деревянных построек. Музей приступил к следующим этапам консервации древесины: 2004–2007 гг. – обработаны все деревянные сооружения антипиреном СПАД; 2008–2009 гг. – средством «Бохемит Плюс» обработаны нижние венцы 11 построек; 2010–2014 гг. – использовано биоцидное средство «Антижук» в отношении 15 построек; 2016–2019 гг. – по рекомендации Ю. В. Вихрова обработаны керосиново-скипидарной смесью 9 построек методом впрыскивания в отверстия жизнедеятельности древоточцев [9, с. 278–281].

В 2007, 2011 гг. была проведена замена брусков, поддерживавших стены срубов, выборочно переложены венцы стен, доски пола и выровнены стены. Расплывшиеся печи помещены в деревянные ящики. Под нижние венцы построек подвели дубовый брус с установкой на каменные основания, что способствовало созданию изоляции подкладок от грунта. Музей занимался обеспечением функционирования дренажной системы раскопа. Последние работы относятся к 2011 г.: заменены дренажные колодцы, установлена дополнительная дренажная система [9, с. 285–286].

В целях обеспечения мониторинга сохранности музеефицированных сооружений в последнее десятилетие БрОКМ сотрудничает со специалистами Белорусского государственного технологического института [20; 21]. Исследованию подвергались образцы древесины, ранее модифицированной фенолоспиртами с этиленгликолем, огнебиозащитным средством СПАД-10, биозащитным составом «Бохемит» и биоцидным средством для древесины «Антижук». Последние защитные мероприятия проводились с целью сохранения устойчивости к дереворазрушающим грибам и для уничтожения технических вредителей древесины [20, с. 273].

В 2010 г. городище, на котором расположен музей, получило статус недвижимой историко-культурной ценности Республики Беларусь категории «1», которая присваивается памятникам республиканского значения. Известно, что за 2011 г. музей принял свыше 60 тыс. человек [5, с. 14], за 2013–2019 гг. общее количество посетителей составило около 300 тыс. человек. К 30-летию юбилею в 2012 г. был создан документальный фильм «Беларусская Атлантида» (режиссер Т. Кравченко, сценарий Е. Першиковой) [22], в котором отражена

история создания музея славянского города XIII века, не имеющего до нашего времени аналогов в Восточной Европе.

К 1000-летию юбилею Бреста в 2019 г. город готовился несколько лет. Было принято решение и о модернизации музея «Берестье». По распоряжению Президента Республики Беларусь в 2017 г. на реконструкцию выделили 20 млрд. неденоминированных рублей, в этом же году разработана проектная документация. С июня 2017 г. шли работы по первой очереди капитального ремонта музейного здания [23]. Они длилась по 21 октября. На фасаде здания вместо витражей были установлены тонированные стеклопакеты, чтобы защитить объекты раскопок от солнечных лучей. Для естественной вентиляции воздуха в музее автоматически открываются верхние фрамуги. На них наклеены силуэты хищных птиц, чтобы пернатые не устремлялись к верхнему уровню остекления. Обеспечена естественная вентиляция через ряд нижних фрамуг [24]. Затем, в ходе первой очереди реконструкции, последовали замена электросетей, сигнализации, видеонаблюдения, была реконструирована с применением новых энергосберегающих технологий система теплоснабжения [23].

Изменения коснулись внешнего вида раскопа. Его откосы были укреплены; обновлена дренажная система. Была установлена необходимая верхняя подсветка, позволяющая освещать объекты раскопа с разных сторон. По периметру край раскопа оформили прозрачным парапетом [23]. Для создания иной фактуры стен залов в ходе ремонта сняли драпировку и обнажили бетонные стены, которые затем тонировали. В 2017 г. в музее работали временные иллюстративные стендовые выставки «Брест сквозь века», «15 июля 1410 года. Грюнвальд» [24] и, несмотря на перерыв в 4 месяца, посещаемость музея составила свыше 27,5 тыс. человек (по сведениям заведующей С. П. Щербы) [25].

Вторая очередь реконструкции музея проходила в 2018–2019 гг. [23]. Проект экспозиции к этому времени уже был разработан. Она стала светлой, хорошо освещенной. На белом фоне витрин предметы стали лучше «читаться». В значительно больших по размерам витринах в сравнении с прежними, в основном вертикальных, размещены уже экспонировавшиеся и ранее не выставлявшиеся предметы. Появилось больше места для экскурсионных групп, улучшился обзор. В экспозиции появились подиумы, диорама. Созданы реконструкция рабочего процесса в кузнечной мастерской, размещены фигура женщины за прядением, макет горизонтального ткацкого станка,

которые визуализируют суть домашних занятий и ремесел берестян. С помощью художественных и технических приёмов выделены уникальные предметы берестейской коллекции. Впервые, на основе крупноформатных фотоизображений, создан вводный тематический комплекс, посвященный раскопочным работам П. Ф. Лысенко.

Модернизация музея позволила выставить чувствительные к смене температурно-влажностных условий предметы, например, бересту, ткани. На северный профиль нанесли изображение деревянных оборонительных укреплений, что дает некую перспективу и привязку квартала к воображаемой градостроительной планировке. Если бы прием применили на остальных профилях раскопа, которые в настоящее время похожи на стенки котлована, то это способствовало бы преодолению ощущения оторванности застройки от территории города, о котором создают достаточно полное представление многочисленные материальные свидетельства в виде предметов быта, орудий труда, развитых ремесел, торговли.

Журналисты и музейщики отмечают возросший интерес к музею Берестья после завершения его реконструкции. Стремясь рассказать о развитии города в более позднее время, музей посчитал уместным ввести тему истории замка и города после XIV века (зал 13). В экспозиции разместили макет Берестейского замка эпохи Великого княжества Литовского и витрину с фрагментами изразцов. Попытка музея показать в «мире города XIII столетия» ещё и культуру замка XIV–XVIII вв. не выглядит удачной. Объективно существующий в музейном пространстве Бреста пробел в изложении его истории с XIV в. и до постройки Брест-Литовской крепости иногда вызывает понятное недоумение у туристов, но, на наш взгляд, его лучше «заполнить» в ином здании, возможно, на территории самой крепости.

Обновлённая экспозиция торжественно открылась 5 октября 2019 г. в ходе IV Национального форума «Музеи Беларуси». Новое современное художественное решение залов известного художника Юрия Леонидовича Сухова удачно вписано в изначальную концепцию (2017–2019 гг.). Основой её является: фокусировка на центральном памятнике; подчинённое положение экспозиции по отношению к раскопу; простые линии конструкторского решения павильона, напоминающего форму дома под двухскатной крышей без перекрытий. На наш взгляд, нет оснований считать, что реализована «новая концепция музея», в данном случае невозможно сломать старую концепцию, не разрушив существующее музейное здание.

По ходу экскурсионного маршрута по музею, вдоль парапета раскопа, установлены пюпитры с текстами, поясняющими назначение и особенности экспонируемых сооружений. Совместные тексты сотрудников Института истории НАН Беларуси и музея представлены на пяти языках. Залы снабжены QR-кодами для считывания интересующей информации с гаджетов, имеются аудиогиды. Было проведено благоустройство территории вокруг музея с организацией зоны для проведения массовых мероприятий [24]. В январе 2020 г. за активную деятельность по сохранению национального культурного достояния и создания обновленной экспозиции Археологический музей «Берестье» был удостоен премии «За духовное возрождение». Отмечена работа заведующей филиала С. П. Щербы и ряда музейных работников [25].

БрОКМ наладил научные контакты и подписал соглашение с Институтом археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан и Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Остров-град Свияжск». Сотрудничество предусматривает обмен опытом по сохранению археологической древесины. [26, с. 10–11]. В составе заповедника «Свияжск» работает с 2018 г. самый современный, не побоимся сказать лучший, в России Музей археологического дерева «Татарская слободка» Полагаем, что это позволит музею «Берестье» развивать экспозиционное пространство, а для молодого музея древнего Свияжеска будет полезен 40-летний опыт сохранения археологической древесины в белорусском музее.

В истории музеефикации выдающегося памятника археологии Городище Берестье на наш взгляд выделяются два периода, охарактеризованные выше. Первый с 1970 по конец 1980-х гг. и второй – с 2003 г. по настоящее время. В ходе реконструкции Археологического музея «Берестье» в 2017–2019 гг. произошла модернизация образовательного пространства, введены интерактивные зоны, оборудован кинозал. Периодически укрепляются земляные откосы раскопа. Можно говорить о том, что созданы условия для более успешной актуализации объектов наследия и коллекций.

Музей нуждается в установке автоматизированной системы климат-контроля и в целевом финансировании мониторинга состояния экспонатов музея, который может планомерно осуществляться научными сотрудниками Белорусского государственного технологического института.

Список использованной литературы

1 Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко; под ред. В. В. Седова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 399 с.

2 Лысенко, П. Ф. Научное, культурное и государственное значение археологических исследований древнего Берестья / П. Ф. Лысенко // Брестчина: история и современность : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 29–30 июня 2012 г. / БрГУ им. А. С. Пушкина ; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест, 2012. – С. 6–11.

3 Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1989. – 159 с.

4 Слесарук, Т. А. Музеефикация Берестейского городища / Т. А. Слесарук // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах (материалы Всесоюз. конф., Ереван, 1980г.) / Науч.-метод. совет по охране памятников культуры М-ва культуры СССР, Упр. по охране и использованию памятников истории и культуры при Совете Министров АрмССР. – Ереван, 1980. – С. 49–151.

5 Щерба, С. П. Археологический музей «Берестье»: история, современность, перспективы / С. П. Щерба // Брестчина: история и современность : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 29–30 июня 2012 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест, 2012. – С. 12–15.

6 Колединский, Л. Он научил меня работать в тяжелых условиях... (слово про учителя, наставника) / Л. Колединский // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 12. – С. 238–240.

7 Дубицкая, Н. Н. Создание археологических музеев в Беларуси. Археологический музей «Берестье» и музей «Древний Туров» / Н. Н. Дубицкая, П. Ф. Лысенко // «Музейныя здабыткі» : материалы II Междун. научно-практич. конф., Брест, 12–13 ноября 2020 г., Брестский обл. кр. музей; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест, 2020. – С. 289–294.

8 Дубицкая, Н. «Открытие Берестья» – тридцать лет спустя / Н. Дубицкая // Веды. – 2012. – 12 марта. – С. 8.

9 Неклюдова, Т. А. Этапы консервации археологической древесины из раскопок древнего Берестья (по материалам Брестского областного краеведческого музея) / Т. А. Неклюдова // «Музейныя здабыткі» : материалы I Междунар. научно-практич. конф. «Историко-культурное наследие Бреста и Брестчины в музейных

собраниях и частных коллекциях»; Брест, 11–12 октября 2018 г., Брестский областной краеведческий музей; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест: ООО «Брестская типография», 2020. – С. 261–294.

10 Воспоминания П. Ф. Лысенко о создании Археологического музея «Берестье» // Архив автора. Воспоминания записаны Н. А. Почобут 16.05.2013 г.

11 Рекомендации Министерства культуры, Института истории АН БССР, «Белорусского добровольного общества по охране памятников истории и культуры» по сохранению остатков древнего Берестья (Бреста), 31 августа 1970 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 973. Оп. 2. Д. 795.

12 Центральный научный архив НАН Беларуси. – Ф. 3А (фонд археологической научной документации). Оп. 2. Д. 70.

13 Консервация древних изделий и сооружений из археологических раскопок: метод. указания / В. Е. Вихров [и др.]; Белорус.технол. ин-т. – Минск: БТИ, 1972. – 62 с.

14 Казанская, С. Ю. Консервирующие составы для деревянных археологических построек / С. Ю. Казанская // Модификация древесины синтетическими полимерами: сб. ст.; редкол.: Н. И. Федоров (гл. ред.) [и др.]; М-во высш. и сред. спец. образования БССР, Белорус. технол. ин-т им. С. М. Кирова. – Минск, 1973. – С. 168–173.

15 Лысенко, А. Не поле перейти ... (семейная хроника) / А. Лысенко. – Минск, 2013. – 288 с.

16 Центральный научный архив НАН Беларуси. – Ф. 3А. Оп. 2. Д. 102.

17 Россинская, А. В. Краткая история проведения консервационных, реставрационных и реконструкционных работ археологических находок, найденных во время раскопок Древнего Берестья в 1968–1977, 1981 гг. – С. 256–260.

18 Маркевіч, І. М. Брэсцкі абласны краязнаўчы музей / І. М. Маркевіч, П. С. Шылін // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 99–100.

19 Археологический заповедник «Берестье» // Исторические и краеведческие музеи СССР: каталог / редкол.: Т. Г. Шумная (отв. ред.) [и др.]. – М., 1988. – С. 342–343.

20 Леонович, О. К. Исследование долговечности археологической древесины, обработанной защитными составами / О. К. Леонович, Н. А. Мазало // «Музейныя здабыткі»: материалы

II Междун. научно-практич. конф., Брест, 12–13 ноября 2020 г., Брестский обл. кр. музей ; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест, 2020. – С. 272–280.

21 Федосенко, И. Г. Проблемы глубокой консервации исторической древесины конструкций / И. Г. Федосенко // «Музейные здабыткі»: материалы II Междун. научно-практич. конф., Брест, 12–13 ноября 2020 г., Брестский обл. кр. музей ; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест, 2020. – С. 281–288.

22 Шапран, Ю. «Беларусская Атлантида». Послесловие к документальному фильму об археологическом музее «Берестье». Интервью с заведующей музеем С. Щербой / Ю. Шапран // Брестский курьер 01.11.2012. [Интернет ресурс] // bk-brest.by/2012/10/4571. – Дата доступа: 20.04.2021.

23 Соколовская, Е. «Берестье» сегодня и завтра. Археологический музей открылся после реконструкции / Е. Соколовская // Заря. – 2017. – 4 ноября. – С. 8.

24 Ковальская, О. Что изменилось в музее «Берестье» после первой очереди реконструкции. 31.10.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа // https://onlinebrest.by/novosti/chto-izmenilos-v-myzee-bereste-posle-pervoi-ocheredi-rekonstrykcii_741.html. – Дата доступа: 17.04.2021.

25 Литвинович, Е. Музей «Берестье» удостоен премии «За духовное возрождение». 09.01.2020. Брестский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа // <http://brest-region.gov.by/index.php/novosti/51-kultura-i-iskusstvo/10440-muzej-bereste-udostoen-premii-za-dukhovnoe-vozrozhdenie-a-kollektiv-gosudarstvennogo-uchrezhdeniya-brestskij-gorodskoj-tsentr-kultury-spetsialnoj-premii-prezidenta-respubliki-belarus-deyateljam-kultury-i-iskusstva>. – Дата доступа: 17.04.2021.

26 Неклюдова, Т. А. Деятельность Брестского областного краеведческого музея по сохранению, изучению и презентации историко-культурного наследия Брестчины / Т. А. Неклюдова // «Музейные здабыткі»: материалы материалы I Междунар. научно-практич. конф. «Историко-культурное наследие Бреста и Брестчины в музейных собраниях и частных коллекциях»; Брест, 11–12 октября 2018 г., Брестский областной краеведческий музей ; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест: ООО «Брестская типография», 2020. – С. 7–14.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В. В. ПРИЙМАК

Украина, Котельва, Полтавская область

ведущий научный сотрудник

Коммунального учреждения

«Историко-культурный заповедник «Бельск»,

кандидат исторических наук

**СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ
ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ
СЕРЕДИНЫ XIII–XIV ВЕКА**

Публикация посвящена краткому обзору связей Днепроовского Левобережья с территорией Беларуси в период раннего и развитого средневековья. Отмечается разная их интенсивность в периоды Киевской Руси (X–XI вв.), древнерусских княжеств (XII – середина XIII в.) и золотоордынское время (середина XIII–XV в., 1239/40–1362 гг. – для территорий, освобожденных от татарской зависимости). Приводятся отдельные аналогии артефактам, чаще других встречающихся в западнорусских княжествах, одним из исследователей которых был П. Ф. Лысенко. Анализируются отдельные категории вещей, встречающиеся в золотоордынский период, как на территории Днепроовского Левобережья, так и на территории Беларуси и в прилегающем балтийском регионе.

Ключевые слова: археология, Днепроовское Левобережье, Древняя Русь, Золотая Орда, находки.

Территория Днепроовского лесостепного Левобережья в VIII – первой половине XIII в. в археологическом плане представлена массивом древностей, являющихся генетически связанными звеньями этнокультурного процесса. Непрерывное существование в пределах данной территории памятников волынцевского, роменского, древнерусского типов хотя и дискутируется, но не опровергается. Ареалы их совпадают в лесостепи и прилегающей части Восточного Полесья.

Граница древнерусских памятников постепенно сдвигалась в южном и юго-восточном направлениях до середины XIII в. На раннем этапе распространения древнерусских древностей наблюдается проникновение на окраинные территории роменской культуры населения с общей южнорусской культурой X–XI вв. и постепенное

распространение последней на всю территорию Левобережья. Заметная часть населения с преимущественно южнорусской культурой в основных чертах (керамика, хозяйственный инвентарь, оружие, многие украшения, оборонительное зодчество, домостроительство) сохраняла и отдельные черты, характерные для своих коренных ареалов. Роменские (северянские) элементы на таких памятниках были таким же четко выраженным элементом, как и радимичские.

В южной части Посулья, Посеймье и Подесенье, на восточных территориях (Ворскла, Псел) – окраинах Днепровского лесостепного Левобережья – встречаются радимичские височные кольца, кольца деснинского типа, ажурные подвески (трехдырчатые распределители и производные от них формы), аксельбанты, кольца с эсвидным окончанием. Последние, кстати, и на территории Беларуси, как отмечал П. Ф. Лысенко, были привнесенным типом украшений [1, с. 105]. Они дополняются погребениями с восточной ориентировкой и «валетом», а также «польской» керамикой. Названные элементы материальной культуры балтийского происхождения обычно рассматриваются в совокупности, без привязки к конкретным памятникам и даже летописным племенам. Не на всех памятниках Левобережья, где представлены, они встречены в полном составе. За этим стоят, видимо, как региональные особенности территорий, откуда перемещалось население в пределы Левобережья, так и хронологические отличия. Во всяком случае, говорить лишь о радимичском компоненте, хотя он и наиболее представлен из древностей, имеющих корни на территории Беларуси, на Днепровском Левобережье сейчас уже не приходится [2, с. 62–69; 3, с. 61–72; 4; 5].

Имеющиеся на территории Левобережья материалы с белорусскими корнями довольно представительны. На современном этапе, видимо, стоит вернуться к широкой проблеме сопоставления сведений письменных источников о походах на ляхов, в Червенские города и другие центры, расположенные в пределах Беларуси, с данными археологии о перемещениях населения из западнорусских земель в пределы Среднего Поднепровья, ведь со времени выхода сборника, посвященного данной теме (П. Ф. Лысенко был одним из его авторов), прошло уже 4 десятилетия.

В южной части Посулья этот процесс хорошо прослежен А. П. Моцей, Е. А. Шинаковым, М. П. Кучерой и Ю. Ю. Моргуновым по материалам городов Воинь, Желни, Лукомль, Снепород и других памятников, преимущественно некрополей [6; 7, с. 28–40, 68–70, 278–279; 8, с. 130–133, рис. 4; 5; 7].

Нижняя и отчасти средняя часть Сулы сохранила, кроме топонима Лукомль, также гидронимы, встречающиеся в Беларуси (Оржица, Сожица), и на Псковщине (Многа). Начинаясь от нижнего течения Сулы степной анклав вдоль левого берега Днепра, именуемый скифологами Днепровской террасовой Лесостепью, имеет ярко выраженные черты степи, включая и массивы слабозасоленных почв, способствующих занятиям коневодством и овцеводством. Этнокультурное развитие в этой части Левобережья Днепра нередко прерывалось, заселение этой территории славянским населением после опустошений в средневековье происходило не раз [7, с. 27–29, рис. 3: 2, 4]. Поэтому нельзя однозначно увязывать появление упомянутых выше гидронимов и топонимов только с X–XI вв., не исключено их появление и в литовско-польский и казаческий периоды. Притом это не обязательно могло сопровождаться появлением нового населения из тех территорий, откуда были заимствованы топонимы. Князья могли присваивать новые названия населенным пунктам, как это делалось, например, с Глуховом и Лубнами, которые после недолгого перерыва (в период польского владычества) вернулись к своим, еще древнерусским, названиям. Топонимика Днепровского Левобережья, таким образом, не является бесспорным источником в историко-культурных реконструкциях. В каждом случае необходима тщательная проверка, одним из ее методов является сравнение археологических древностей с данными письменных источников и топонимами.

Для Южного Посулья древнерусского времени такая работа была проделана Ю. Ю. Моргуновым, который осуществил комплексный анализ историографии, сведений письменных источников и привлек данные археологии, почвоведения, картографии XVI–XVII вв., статистики XIX–XX вв. [7, с. 58–65, 124–131]. На других территориях Днепровского Левобережья также имеются археологические материалы древнерусского времени из балтийского региона [2; 4], в том числе Беларуси [3]. Осталось все же непонятным, почему в прилегающей к Днепру зоне наряду с кочевниками, с хозяйственным укладом, лишь немногим отличающимся от их традиционного степного, оказались выходцы из территории Беларуси. Их опыт ведения хозяйства на данной территории, кроме использования ресурсов рек, лесов и болот, был иным. Можно предполагать, что при выборе новых мест проживания учитывалось обилие заболоченных пространств на территории Днепровской террасовой Лесостепи, однако без учета особенности почв. Это могло быть обусловлено нуждами обороны, когда

трудностями переселенцев пренебрегали. Если для раннего древнерусского времени (X–XI вв.) характер связей Днепровского Левобережья с территорией Беларуси подпадает под определение этнических контактов, на что указывают данные погребального обряда, в том числе погребения «валетом», а также целый ряд украшений, то для XII – середины XIII в. оно не подходит. Предметы степного происхождения, встречающиеся в Беларуси, например, богатой постройке 4 посада Новогрудка [9, с. 95, рис. 73: 2], имеют аналогии как в южнорусских степях, так и далеко к востоку, в Волжской Болгарии и за ее пределами, в Азии. Другие находки, имеющие аналогии на территории Беларуси, в частности, с Бельского городища и его округи, также не дают возможности говорить о прямых контактах Левобережья Днепра с западными землями Руси. Керамика, аналогичная набору посуды из постройки П-8 на древнерусском Снепороде второй половины XII – середины XIII ст. [6, с. 121, рис. 89], выявлена в верхней части заполнения помещения на Барвинковой горе. Рядом, в пределах Восточного укрепления, примерно в 0,3 км к северо-западу от данной постройки – первого исследованного объекта древнерусского селища – найден крупный обломок бронзового витого стержня с окончанием в виде завесы с отверстиями для подвижного крепления. Его размеры сопоставимы с деталями хоросов – люстр для освещения храмов и богатых жилищ из Волковыска и Новогрудка [9, с. 58, 65, рис. 51: 1; 10, с. 120–121, рис. б/н]. На Глинском археологическом комплексе, несколько ниже по течению Ворсклы, на его посаде, найдена трефовидная подвеска. Аналогии ей известны по памятникам Куликова поля (рисунок 1, 7) и Смоленска, в основном же такие подвески найдены в Подмосковье. Ориентировочная дата изделий не ранее середины XII в. [11, с. 156, рис. 42: 16; 12].

Письменные источники. В работе В. В. Мавродина, еще довоенного времени, посвященной истории Левобережной Украины, опираясь на ряд источников, отмечалось, что речь не идет о полном, тотальном запустении Переяславского княжества после монголо-татарского нашествия [13, с. 363, 376, 394]. В монографии С. А. Беляевой, посвященной южнорусским землям золотоордынского времени, при рассмотрении письменных источников было обращено внимание на не привлеченный В. В. Мавродиным источник, в котором упоминаются некоторые населенные пункты Переяславщины. В грамоте конца XIV ст. говорится о компактной территории Верхнего

Посулья (с притоками Ромен и Удай) и прилегающего к последнему течению Остра, «со всеми поселениями и доходами». Названы села Чернухи, Малютинцы и Лукимье. Первое находится на р. Многе, второе – в бассейне р. Оржицы. Древнерусский посульский город Лукомль изменил статус – стал селом. С. А. Беляева также отмечала, что такие города как Вырь и Глухов оставались центрами феодальных усадеб и не развивались как города [14, с. 30–31]. Исходя из фрагментарности археологических материалов золотоордынского времени, Путивль также не был плотно заселенным городом, по крайней мере, в сравнении с домонгольским периодом. При этом Путивль упомянут в письменных источниках в сюжетах об изгнании монголо-татар из Левобережья, а также фигурирует в крайне дискуссионном вопросе о путивльской ветви князей в Киеве.

Таким образом, письменные источники приводят лишь фрагментарные свидетельства о территории Левобережья Днепра. Единственным сельским поселением XIV в., с которым идентифицируется памятник археологии, является селище у с. Чаплища вблизи Путивля, где была раскопана часть полуземлянки, разрушенная карьером [15, с. 48–51, рис. 39]. На посаде Глухова, расположенном севернее Путивля и Чаплищ, также в Посеймье, исследовано жилище золотоордынского времени [16, с. 108–111, рис. 1].

Недавно Ф. Б. Шабульдо и Б. В. Черкас локализовали группы степных соседей Руси – «Семеновых людей» литовского времени и «Самаро-орельского улуса» Манкерман периода Золотой Орды – на юго-востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца [17; 18]. Имеются некоторые расхождения между предложенной В. Л. Егоровым реконструкцией северо-западной границы улуса Мауци – полностью по р. Псел – и построениями названных исследователей [19]. Тем не менее, последние позволяют рассматривать как один массив все открытые в указанном регионе локализации улуса Манкерман и «Семеновых людей» (Харьковская, Днепропетровская, восток и юг Полтавской обл. Украины и, вероятно, юг Белгородской и юго-запад Воронежской обл. России) жилища и погребения. Соответственно юг Липецкой, север Белгородской и Курской, юго-восток Курской и Сумской, запад и север Полтавской являются юго-востоком Руси в узком значении (т. е., территорий Рязанского княжества, Чернигово-Северской земли, прилегающий участок пограничья Переяславского княжества в пределах древнерусского времени).

С открытием золотоордынских могильников у Горишних Плавней (Комсомольска), на левом берегу Псла, нашла подтверждение гипотеза В. Л. Егорова о месте первой встречи Плано де Карпини с монголами – в междуречье Псла и Ворсклы [19, 39].

Археологические данные. Клады и находки отдельных предметов. Именно с территории улуса Манкерман и «Семеновых людей» происходит основная масса находок золотоордынского времени (рисунок 1). Часть из них встречается и в белорусских землях, в частности, это серьги в форме вопросительного знака с напущенными бусами или спиральками [9, с. 11, рис. 4]. Представление об ассортименте украшений золотоордынского времени дает Василицкий клад (рисунок 1, Б) (сейчас территория г. Черкасы) [20, с. 87, рис. 83]. В кладе имеется сережка с зооморфной головой дракона, подобная происходящей из Зинькова (рисунок 1, А, 5) [15, с. 31, рис. 31]. Такие же 2 позолоченных сережки из серебра, аналогий которым исследователи не смогли найти, известны в Литве из погребения № 133 могильника Кернаве (рисунок 1, А, 4) в котором часто встречаются вещи славянского происхождения [21, с. 62, рис. 7]. Возможно, деградированное изображение этого же существа имеется на 2 сережках из погребения 10/88 могильника у с. Григорьевка (рисунок 1, А, 6), определенных как с «S»-видными окончаниями [22, с. 47, 217, рис. 27].

М. В. Ельников проанализировал хронологию серег с головой дракона, учел наблюдения искусствоведов и нумизматов (М. Г. Крамаровский, Г. А. Козубовский). Это позволило уточнить хронологию опорных Василицкого (рисунок 1, Б) и Симферопольского кладов – наиболее обширных по составу, в которых имелись серьги с головой дракона-змия, а также и других аналогичных изделий. Нумизматическая коллекция Василицкого клада состоит из 52 джучидских дирхемов и 8 монет-подражаний им, самые младшие из них датируются 1370-ми гг., что и определяет дату его сокрытия. По мнению М. Г. Крамаровского, хронология Симферопольского клада определяется пайцзой 1361 г., отложение набора вещей он объясняет военными действиями темника Мамай на Крымском полуострове в 1365 г. На основании такой датировки данного клада М. В. Ельниковым уточнена хронология сережки из Зинькова. На Левобережье, в степной полосе, исследователем указаны еще два памятника, на которых выявлены серьги в виде головы дракона – Дмухайловка Днепропетровской области (датирован на основании монет 80-ми гг.

XIV в.) и Мамай-Сурка – 5 комплексов с такими же украшениями (п. 128, с серьгой в виде знака вопроса; п. 129; п. 195, с костяным кольцом для стрельбы из лука «монгольским способом»; п. 780; п. 921). Другие находки с такими же серьгами определяют географию их распространения. Первая – у с. Гавердово на берегу р. Оки, вблизи Старой Рязани (также с серьгой в виде знака вопроса и монетами первой трети XV в.). Вторая находка – самая восточная – в курганном могильнике Зубовка на р. Ахтуба (левый приток Волги), с монетами 1346–1347 и 1336–1337 гг. Третья – на Северном Кавказе (Адыгея), в могильнике Пшиш белореченской культуры, ее дата – вторая половина XIV – первая половина XV в. [23, с. 415–418]. Появление в Литве серег с головами дракона, как можно предполагать, является следствием этнических контактов с Левобережьем Днепра или шире – всем Средним Поднепровьем. Из Болгара, как было установлено Г. Ф. Поляковой, происходит сюльгама XIV в., подобная тамбовской и из Василицкого кладе [24; 25, с. 124, рис. 1: 1].

Погребения. Степные древности между центральным для региона городищем Кучугуры у Запорожья и лесостепью до исследований Мамай-Сурки «заполнялись» лишь отдельными погребальными памятниками, преимущественно из Поорелья. Для более восточного Донского региона также характерны памятники, как лесостепного облика, так и происходящие из прилегающей к ней с юга-юго-востока степной полосы, в основном кочевнические, изученные воронежскими археологами старшего поколения – А. З. Винниковым, Ю. П. Матвеевым, А. Д. Пряхиным, А. Т. Синюком. Лесостепные древности были обобщены Н. Н. Тропиным, степные – М. В. Цыбиным. Они многочисленны, представлены не только отдельными погребениями, но и могильниками. Погребальные памятники мордовского круга, выявленные у Тамбова в бассейне Оки, также имеют аналогии в Василицком кладе [25, с. 124, рис. 1, 2].

Бассейн Дона является второй, после нижней Волги, территорией, где получили распространение погребения с восточной ориентировкой. К известным 19 из общего числа 33 в последнем регионе и 5 в бассейне Северского Донца прибавились упомянутые на Псле (Сумы) и Ворскле (Новые Санжары), а также захоронение с богатым поясным убором из бассейна Дона (Старая Калитва). Погребения с ориентировкой головой на восток в золотоордынских древностях связывают обычно с половецким наследием, что в случае с сумским захоронением сомнительно. Многие черты погребального обряда в этот период претерпели изменения, ориентировка

погребений, как предполагал А. О. Добролюбский по материалам Северо-Западного Причерноморья, тоже принадлежит к приобретенным чертам.

Следует, в этой связи, упомянуть могильник у с. Леськи на правом берегу Днепра южнее Черкасс, а также 2 погребения у угла мечети с поселения Большие Кучугуры, расположенного на левом берегу Днепра у Запорожья.

Рисунок 1 – Находки из территории Днепровского Левобережья и их аналогии с правого берега Днепра, Поволжья и Подонья

А 1 – сьюльгама из Болгара (по Г. Ф. Поляковой);

2 – скульгама из Бокинского могильника (по С. И. Андрееву); 3 – сережка из Новых Санжар (по А. Б. Супруненко); 4 – сережка из Литвы (по Г. Велюсу); 5 – сережка из Зинькова (по А. Б. Супруненко); 6 – сережки из Григорьевки (по В. А. Петрашенко); 7 – тревовидная подвеска из Куликова поля (по М. И. Гоняному); 8 – тревовидная подвеска из Глинского археологического комплекса (по Ю. А. Пуголовку); 9 – золотоордынская монета из Ницахского археологического комплекса (по О. В. Сухобокову); 10 – сережка из Сумского краеведческого музея.

Б. Василицкий клад из г. Черкасы (по А. С. Федоровскому)

Сейчас число погребений с восточной ориентировкой суммарно в бассейнах Северского Донца и на Левобережье Днестра приблизилось к 10. Северные ориентировки золотоордынских погребений встречаются реже, чем западные, но почти повсеместно, южные – еще реже. Погребения, ориентированные на восток головой, в степи практически единичны. Территория распространения погребений с восточной ориентировкой на Левобережье Днестра и в Подонье тяготеет больше к лесостепи, чем к степной полосе, в значительной степени она совпадает с ареалом, связываемым с аланами, а не половцами. Поэтому имеются основания объяснять упомянутые захоронения не только половецким наследием (часть из них, безусловно, оставлены последними), как связывать их с аланами. Письменные источники упоминают последних и в Северо-Западном Причерноморье, и на Днестре ниже Канева [26, с. 27–28].

Грунтовые могильники Григоровка (?), Новые Санжары и Ницаха, видимо, составляют группу некрополей золотоордынского времени, дополняющую список ранее известных. Они, скорее всего, не являются кочевническими.

Еще в 1958 г. Э. А. Сымонович у с. Лески, южнее Черкасс, на противоположном от Горишних Плавней (Комсомольск) берегу Днестра, исследовал 7 компактно расположенных погребений грунтового могильника, ориентированных головами на запад и восток. В содержащем инвентарь погребении № 5 были серьга в виде знака вопроса со спиралью, инкрустированная бирюзовыми вставками, а также зеркало; в погребении № 2 – монеты Абдуллаха (после 1362–69 гг.) и рубежа XIV–XV вв. [27, 108–111, рис. 49: 1]. Этот могильник, наверное, представляет обряд типа Новохарьковского могильника в Подонье, связываемого с аланами.

Подводя итоги обзора материалов о связях Днестровского лесостепного Левобережья золотоордынского времени с территорией Беларуси (с прилегающим балтийским регионом), следует отметить следующее.

1. Памятники лесостепи Днепровского Левобережья и Восточного Полесья золотоордынского времени не представляли собой единого региона в политическом плане. Изученные стационарно (где были исследованы объекты указанного периода) Рыльск, Глухов, Путивль, Волынцево (Стан 2), Чаплищи, Озаричи в Посеймье территориально не могут быть включены в ареалы улуса Манкерман и «Семеновых людей».

2. Расположенные южнее последних, также изучаемые стационарно, поселения Тополи (Сумы), Шпилевка на Псле, Ницаха и Глинское в бассейне Ворсклы, Гайдары на Северском Донце, вероятно, заполняют ареал упомянутых татарских владений. Последнее относится и к погребениям золотоордынского времени в г. Сумы (здание филармонии), на Бельском городище, могильникам у Горишних Плавней, Ницахи и др., а также случайным находкам икладам.

3. Механизм распространения татарских владений на территории, занятые ранее оседлым населением Чернигово-Северской земли и Переяславского княжества, показан в письменных источниках в эпизоде об Ахматовых слободах (Бесединский комплекс на р. Рать и Курск в верхнем течении Сейма). Локализация одной из слобод Ахмата (Бесединский комплекс памятников на р. Рать, исследования В. В. Енукова) постепенно подтверждается все новыми археологическими находками в ходе продолжающихся раскопок комплекса.

4. Материальная культура второй половины XIII–XIV вв., по крайней мере в домостроительстве и керамике, не демонстрирует резкой границы между территориями, подвластными татарам, и находящимися вне прямого их управления. Украшения (серьги в виде знака вопроса, с головой дракона и др.), монеты, зеркала, чугунные котлы, ременные распределители также встречаются по всей территории Левобережья – как в степи, так и лесостепи, и Восточном Полесье.

5. Скорее всего, в публикации речь идет о древностях времени, предшествующего финалу существования верхнего горизонта Гочевского комплекса (между 1362 г. и концом XIV – первой четвертью XV в.). Данный памятник стоит особняком, т. к. там имеются материалы как обычные для Левобережья, соответствующие описанным, так и встречающиеся на территориях, расположенных к западу-северо-западу, видимо, литовского происхождения. В процессе дальнейшей работы с материалами этого памятника [27; 28, с. 152–157] должна будет разработана хронология древностей, опираясь

на которые и будет уточняться реконструкция историко-культурного процесса в верхнем течении Псла и, соответственно, в целом на всей территории Днепровского лесостепного Левобережья.

6. «Заполнение» пространства улуса Манкерман исследованными поселенческими и погребальными комплексами и их анализ – задача, решаемая не только лишь на материалах могильника Мамай-Сурка. Вероятно, она будет решаться еще длительный период.

Общим итогом краткого обзора может быть констатирование изменения характера связей Днепровского Левобережья с территорией Беларуси в раннем и развитом средневековье. Пик контактов, сопровождающийся присутствием выходцев из балтийского региона и белорусского ареала Верхнего Поднепровья в Среднем Поднепровье, в частности, на Левобережье Днепра, приходится на X–XI вв. В период феодальной раздробленности, в XII–XIII вв., связи Днепровского Левобережья с другими землями, в том числе расположенными на территории Беларуси, носили менее активный характер, т. е. были эпизодическими. В финале золотордынского периода, ведущего отсчет от 1362 г., связи Левобережья с балтийскими и белорусскими землями вновь усиливаются. Однако их масштаб значительно уступал по интенсивности связям в период Киевской Руси, а также существования колочинской культуры.

Список использованной литературы

1 Лысенко, П. Ф. Киев и Туровская земля / П. Ф. Лысенко // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. – Минск : Наука и техника, 1982. – С. 81–108.

2 Приймак, В. В. Балтські поховання з давньоруських пам'яток Дніпровського лісостепоного Лівобережжя / В. В. Приймак // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава, 2008. – № 1-2. – С. 62–69.

3 Приймак, В. В. Хронологія вещевого комплексу X–XI вв. із Заречного на Ворсклі / В. В. Приймак // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. – Київ-Полтава : Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури, Інститут археології Національної академії наук України; Центр охорони та досліджень пам'яток археології Департаменту культури і туризму Полтавської обласної державної адміністрації, 2014. – С. 61–72.

4 Приймак, В. В. Подковообразные фибулы из древнерусских памятников Левобережья Днестра [Электронный ресурс] // Filo.Ariadne. 2018. – № 3. – С. 79–97. – Режим доступа : filoariadne.esrae.ru/13-230. – Дата доступа : 01.10.2021.

5 Приймак, В. В. А. В. Григорьев и современные проблемы изучения Днепровского Левобережья VIII–XI вв. / В. В. Приймак // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А. В. Григорьева. – Тула : Государственный музей-заповедник «Куликово Поле», 2021. С. 61–71.

6 Моргунов Ю. Ю. Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. / Ю. Ю. Моргунов; отв. ред. А. В. Чернецов. – СПб. : Филологический факультет, 2012. – 252 с.

7 Моргунов, Ю. Ю. Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович) / Ю. Ю. Моргунов; отв. ред. А. А. Медынцева. – Вологда : Древности Севера, 2019. – 376 с.

8 Приймак, В. В. Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини / В. В. Приймак. – Полтава : вид. Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури; Історико-культурний заповідник «Більськ», 2007. – 180 с.

9 Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок (посад – окольный город) / Ф. Д. Гуревич. – Л. : Ленингр. отд. Наука, 1981. – 160 с.

10 Зверуго, Я. Г. Киев и земли Белорусского Понеманья / Я. Г. Зверуго // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. – Минск : Наука и техника, 1982. – С. 109–125.

11 Гоняный, М. И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) / М. И. Гоняный // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. – Труды Государственного исторического музея. – Вып. 150. – М., 2005. – С. 95–163.

12 Станюкович, А. К. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные подвески) / А. К. Станюкович // Советская археология. – 1981. – № 1. – С. 57–65.

13 Мавродин, В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века) / В. В. Мавродин. – СПб. : Наука, 2002. – 416 с.

14 Беляева, С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в. (по материалам археологических исследований) / С. А. Беляева. – Киев : Наукова думка, 1982. – 120 с.

15 Супруненко, О. Б. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепоного Лівобережжя / О. Б. Супруненко, В. В. Приймак, К. М. Мироненко. – Київ-Полтава : Археологія, 2004. – 82 с.

16 Приймак В. В. Житло золотоординського часу з Глухова // Археологія північно-східної України. Здобутки, сучасний стан та перспективи. Матеріали II науково-практичної конференції з міжнародною участю (11 лютого 2021 р., м. Суми). – Суми : ФОП Цьома С.П., 2021. – С. 108 – 111.

17 Шабульдо, Ф. М. «Семеновы люди»: их территория и роль политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века / Ф. М. Шабульдо // Ruthenica. – 2010. – IX. – С. 57–73.

18 Черкас, Б. В. «Самаро-Орельський» улус Золотої Орди / Б. В. Черкас // Україна в Центрально-Східній Європі. – Вип. 14. – Київ : Інститут історії України НАНУ, 2014. – С. 28–35.

19 Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров. – М.: Наука, 1985. – 245 с.

20 Федоровський, О. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. – Харків, 1927. – 136 с.

21 Велюс, Г. Могильник XIII–XIV вв. в Кернаве (Кривейкишкис): етніческая принадлежность погребенных / Г. Велюс // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Доклады российско-литовского семинара. – Вильнюс, 28–30 марта 2011 г. – Вильнюс : LII Leidykla, 2013. – С. 59–80.

22 Петрашенко В.А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). – Киев : ИА НАНУ, 2005. – 264 с.

23 Ельников, М. В. Образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект / М. В. Ельников // Stratum plus. Культурная антропология и археология. – № 6. – 2005–2009. Причерноморские этюды. – С. 410–420.

24 Андреев, С. И. Бокинский могильник / С. И. Андреев // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. – Липецк, Воронеж: «Новый взгляд», 2017. – С. 166–167.

25 Приймак, В. В. Старожитності золотоординського часу округи Більського городища / В. В. Приймак // Феномен Більського городища 2018. – Харків-Котельва : Майдан, 2018. – С. 122–131.

26 Приймак, В. В. Территория верхнего и среднего течений Псла в золотоордынское время (середина XIII–XIV вв.) / В. В.

Приймак // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Обоянь, 21 апреля 2012 г.). – Обоянь, 2013. – С. 22–31.

27 Сымонович Э. А. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье КСИА. 1960. – Вып. 81. – С.108–111.

28 Кашкин, А. В. Гочевский археологический комплекс на р. Псел / А. В. Кашкин, Г. Ю. Стародубцев // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. – Курск : КГОМА, 2009. – С. 5–7.

29 Стародубцев, Г. Ю. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский дворец» / Г. Ю. Стародубцев, А. В. Зорин // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. – Курск : Курский государственный университет, 2008. – С.152–157.

В. М. РЫЧКА

Украина, Киев,
главный научный сотрудник
Институт археологии НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор

СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Автор анализирует историографию по проблеме возникновения крупнейшего восточноевропейского государства эпохи средневековья. – Руси. Лаконичность письменных источников обостряет дискуссионность комплекса вопросов, связанных с объединением Северной (Новгородской) и Южной (Среднеднепровской, Киевской) Руси в единую державу при князе Олеге Вещем. Новгород оказался в сфере властвования киевских князей во время правления в Киеве Игоря, где, согласно сведениям Константина Багрянородного сидел его сын Святослав. К этому времени, вероятно, и следует относить начальный этап формирования «общегосударственной» сети поселений во главе с Киевом, обретение и освоение им пространства, получившего кабинетное название Киевская или Древняя Русь.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киевская Русь, князь Олег, летопись, Повесть временных лет.

Среди множества спорных проблем в изучении образования единого Древнерусского государства с центром в Киеве главной, наверное, остается проблема «объединения» Новгородского севера с Киевским, Среднеднепровским, югом. Нередко считается, что до 882 г., конец автономному развитию этих двух очагов древнерусской государственности положила организованная князем Олегом Вещим, правившим при Игоре Рюриковиче в 882–912 гг., военная экспедиция из Новгорода на среднеднепровский юг.

Повесть временных лет под весьма условным и сомнительным для исследователей 882 г. сообщает следующее: «Поиде Олегъ поимъ воя многи Варяги. Чюдъ Словѣни. Мерю и всѣ Кривичи и приде къ Смоленску съ Кривичи. и прия градъ. и посади мужъ свои. оттуда поиде внизъ и взя Любець. и посади мужъ свои. и придоста къ горама хъ Киевскимъ» [1, с. 22-23].

Летописный рассказ о захвате Олегом Вещим Киева многие историки рассматривали как продукт устного народного творчества. По мнению Н. И. Костомарова, этот рассказ носит на себе печать не только предания, но старинной песни, в которой однако явно вымысел взял верх над исторической правдой» [2, с. 316]. Да и сама личность Олега, утверждал маститый историк, «является в нашей первоначальной летописи вполне личностью предания, а не истории» [2, с. 321].

Затрудняясь определить форму повествования о захвате Олегом Вещим Киева, А. А. Шахматов считал летописную запись народным преданием, бытовавшем в виде исторических песен или прозаических рассказов [3, с. 340–341]. Абсолютизируя фольклорные, мифо-поэтические истоки летописных преданий о Вещем Олеге, многие ученые и поныне считают менее существенным вопрос о влиянии «бродячих сюжетов», заимствованных из скандинавских саг или византийских и западноевропейских литературных мотивов.

Между тем, есть веские основания полагать, что многие летописные эпизоды, в частности, рассматриваемый нами здесь сюжет о завладении Киева и других военных хитростях новгородского князя Олега, написаны на основе литературных образцов, скорее, европейского происхождения.

Эту мысль наиболее полно обосновал и развил еще в начале прошлого века М. Е. Халанский в своей работе «К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем» [4, с. 287–356; 5, с. 1–40]. Летописный рассказ о взятии князем Олегом Киева исследователь связывал с повествованием старонемецкой поэмы *Ortinit*²⁰ о взятии королем Ортинитом и его помощником и дядей Елигом-Ельгой города Судерса (Тира). Когда недалеко от Судерса путь кораблям Ортинита преградила флотилия сирийского правителя Махорея, король Ортинит велел своим вооруженным воинам скрыться, а сам назвался купцом, везущим товары из Франции в Судерс. Это заявление Ортинита не вызвало подозрений и его кораблям было позволено войти в гавань Судерса. Ночью «купцы» переправились на берег и на рассвете, оттеснив стражу, заняли город. В ознаменование победы Елиг водрузил на царском дворце свое знамя [4, с. 333–334, 340–343]. Этот герой в

²⁰ Это произведение немецкого героического эпоса была записано на верхненемецком в 1220-1230 гг. на основе устных сказаний, бытовавших в Германии в течение нескольких веков. Другой, нижненемецкий вариант сказания об Орните сохранился в скандинавской «Саге о Тидреке Бернском», записанном в Норвегии около 1250 г.

немецкой поэме и древнерусских летописях носит в сущности тождественное имя: Eligas-Эльг (Олег) – Ельга (былинное Вольга).

Сходство эпизодов о взятии Судерса и Киева, а также тождество имен героев этих рассказов позволило М. Г. Халанскому обосновать ближайшее родство между рассмотренными им эпизодом старонемецкой поэмы и летописным сказанием, называемое им «древней киевской песней». Ученый полагал, что русские предания об Олеге могли перейти в немецкое эпическое творчество через готское или литовское посредство.

Эпический мотив о проникновении воинов в укрепленный город хитростью, весьма распространенный в народной поэзии, довольно рано стал достоянием книжной культуры своего времени. Наиболее полный библиографический обзор зарождения, развития и распространения этого сюжета в устной и письменной литературе, в свое время составил А. С. Орлов. Кроме западноевропейских, исследователь приводит также многочисленные египетские, греческие, римские, иранские и монгольские параллели [6, с. 158–227].

Несколько позже к этому реестру Е. А. Рыдзевская прибавила еще одну литературную параллель, приуроченную в исландской саге к борьбе англосаксов с датчанами в XI веке [7, с. 65]. Однако самым ярким в области древнескандинавской литературы является, по ее мнению, другой аналогичный эпизод, который содержится в *Gesta Danorum* Саксона Грамматика: «Hvitsercus (древнескандинавский Hvítserkr) – сын полулегендарного датского героя Рагнара Лодброка, властвует над Скифией, завоеванной Рагнаром. Местный геллеспонтский князь, тщетно пытавшийся одолеть его в открытом бою, вводит своих воинов к нему в город под видом купцов с повозками, нападает на него и одерживает победу» [8].

Следы предания, излагаемые в *Gesta Danorum* Саксона Грамматика, стали, как представляется, исторической основой летописного сказания о взятии Киева Олегом. Основанием для такого утверждения служит то обстоятельство, что это не единственное, а потому не случайное заимствование составителя *Повести временных лет* описание «воинских хитростей» из *Gesta Danorum*. Таковым является, вплетенный киевским летописцем в канву повествования о походе Олега на Царьград сюжет о передвижении его кораблей «по суху». Ему соответствует описанный Саксоном Грамматиком эпизод в котором, сражающийся с жителями Геллеспонта (колониальной «Холодной» или «Великой» Швеции) все тот же Рагнар Лодборк

поставил бронзовых коней на колеса и направил их против врагов, что привело их в ужас.

Утверждение князя Олега Вещего на Киевском княжении представлялось составителю *Повести временных лет* важным, переломным моментом в истории Руси: «сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ . и речѣ Олегъ се буди мати градом русьским» [1, с. 23]. Это хрестоматийное изречение многими исследователями и сейчас воспринимаются буквально, как провозглашение Киева новгородским узурпатором общерусской столицей. Между тем, это словосочетание является древнего, книжного по своему содержанию, происхождения и несет оно в себе, на самом деле, мощную идеологическую нагрузку.

Персонификация города в образе женщины была весьма распространенным явлением в архаическом фольклоре многих народов мира. В системе образов эсхатологической поэзии библейских книг рубежа Старого и Нового Заветов «город-мать» («город-дева») отождествляется с Небесным Иерусалимом. В новозаветном видении Иоанна Богослова Новый Иерусалим персонифицируется в образе «невесты Агнца». Олицетворение города в женском образе матери и невесты Спасителя воплощает, таким образом, представление о Новом Иерусалиме – идеальной столице Христовой Церкви и месте обитания Бога. Провозглашая Киев устами князя-язычника «матерью градомъ руским», летописец имплицитно отождествляет его с Иерусалимом [9, с. 134–150; 10, с. 86–153; 11, с. 514–527]. Кроме того, вложенное летописцем в уста языческого князя утверждение, что отныне Киев «буди мати градом русьским», по мнению А. П. Толочко, «означает, что княжеский род наконец достиг конечной станции назначения: поиски новой родины закончены, и Киев отныне будет центром владений русских князей. Эта же фраза подсказывает нам, что в процессе своих странствий княжеский род выполнил еще одно чрезвычайно важное задание летописца: вместе с ним на юг оказывается перенесено имя руси. Там, где род остановился, возникает Руская земля» [12, с. 97]

Обретение Олегом Киева – земли обетованной Руской земли предопределено, не в последнюю очередь, логистикой великого Днепровского пути. Ставший для современной историографии основой «единой Руси», путь «изъ Варягъ в Греки и изъ Грекъ по Днѣпру» в представлениях древнерусского книжника начала XII в. имел иное, более значимое предназначение.

Его подробное описание в летописи понадобилось оставителю *Повести временных лет*, очевидно, для того, чтобы оправдать

посещение апостолом Андреем «гор киевских», на которых, согласно его пророчеству, «восияеть благодать Божья имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать» [1, с. 8]. Летописец отправляет апостола Андрея из византийского Херсона (Корсуня) в юго-западном Крыму транзитным путем по Днепру, который приводит его сначала в Киев, а затем в Новгород и далее в Рим. Путь Олега к «горамъ хъ Киевскимъ» очерчен в обратном направлении – из Новгорода в Киев. Объединяет эти описания желанное для обоих героев место остановки, очерченное (в одном и другом случае) локусом *гор киевских*.

Летописная лексема «гора», «горы киевские» — понятие принципиально важное, имеющее хорошо распознаваемое ценностное, прежде всего, сакральное оснащение [9, с. 138, 147; 13, с. 92; 14, с. 151–165]. Освященные поступью апостола Андрея, а также пророчеством, вложенным летописцем в уста князя-язычника Олега Вещего «киевские горы» маркируют сакральный центр светоносного, правоверного мира.

В мифопоэтической и религиозной картине мира мифологема пути, как показал В. Н. Топоров, выступает как модель обретения героем неких сакральных ценностей и связанному с ними изменению статуса: «В мифологеме пути акцент ставится на его негомогенности, на том, что он строится по линии все возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих мифологическому герою-путнику и даже его жизни. В пути выделяется начало, исходный пункт, т. е. то место, в котором находится мифологический герой или участник соответствующего ритуала в момент начала действия, конец пути (цель движения), кульминационный момент пути... В силу очевидной известности начало пути иногда не описывается подробно, развернуто или даже остается вовсе не указанным. Конец пути – противоположный началу локус в том отношении, что он всегда – цель движения, его явный или тайный стимул. Конец образует главное силовое поле пространства, без преодоления которого центр недоступен. В этом конце находятся высшие сакральные ценности, признаваемые в данной модели мира, или то основное препятствие, опасность, угроза, которые, будучи преодолены или устранены, непосредственно открывают доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса (человек становится святым, подвижником или героем; сказочный герой – царем или богом» [15, с. 259].

Т. о., достигший конца пути всегда обладает более высоким статусом, чем он же в начале пути. В случае с апостолом Андреем

такой статус обретает «градъ великъ» Киев. В свою очередь, его завоевание Олегом возвышает статус последнего: здесь он становится «великим князем Русым», предводителем иерархически структурированного сообщества: «всѣх сущих под. роукою его свѣтлых и великих князь . и его великих боярь» [1, с. 33].

«Пройденный» Олегом многотрудный путь из Новгорода на Киевский юг в глазах историков нового времени представлялся актуальной реальностью, подтверждающую истинность единства, объединенного его путешествием пространства. Напротив, М. С. Грушевский, считая Днепровский поход Олега на Киев сомнительной выдумкой летописца, предлагал и вовсе изъять его из сферы достоверных фактов ранней истории Киевской Руси [16, с. 411]. Вместе с тем, ученый проникновенно отмечал, что вектор движения Олега все же был выбран летописцем не случайно: он предопределен традицией направления завоеваний Киева «варяжскими династами» из Новгорода [16, с. 382]. Таких завоеваний в истории Руси было несколько – сначала оно было осуществлено Аскольдом и Диром, затем Олегом и Игорем. После трагической гибели Игоря именно из Новгорода пришел унаследовать киевский престол его сын Святослав²¹. Сидевший затем на новгородском столе Владимир с помощью варяжских наемников и новгородцев в 978/980 г. захватил Киев²². При этом представляется важным отметить, что его путь на Киевский юг пролегал через Полоцк. Нельзя исключать его роль и значение в процессах формирования единого Древнерусского государства.

Стремление Новгорода к политической автономии, отчетливо обнаружившееся в эпоху завершения работы над составлением *Повести временных лет* также, по видимому, было одним из факторов, побуждавших интерес летописца к истории взаимоотношений Киева и Новгорода, выявлению значения и роли новгородских князей и их судьбах. Под 1102 г. летописец сообщает о том, что княживший в Киеве князь Святополк и Владимир Мономах заключили некое

²¹ О посадничества Святослава в Новгороде сообщает Константин Багрянородный в своем описании Днепровского пути и лежащих на нем городских центров: «[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии в Константинополь моносилы являются одни из Немограда (Новгорода – В. Р.), в котором сидел Сфендослав, сын Ингора» [17, с. 44–45].

²² В точности также поступил его сын Ярослав более трех десятилетий спустя. Эта тенденция, говоря словами М. С. Грушевского, «стоить очевидно в зв'язку з одного боку – з змаганнями Новгородців до політичної автономії... з другого боку вона опирається на старій традиції Новгорода, як старшого по Києві стола, резиденції престолонаслідника, звідки той приходить до Києва. В такій позиції бачимо Новгород уже за Ігоря, а пізніші факти як запанування Володимира і Ярослава над Києвом підтримали і зміцнили це значіння Новгорода в потомстві Ярослава. Новгородські князі фактично показалися будучими київськими князями; Новгород се розсадник київських князів, руська vagina regum» [16, с. 411].

соглашение («ряд») о том, «яко Новугороду быти Святополчю. и посадити сынъ свои в нем. а Володимеру посадити сынъ свои в Володимири» [1, с. 275]. Сын Мономаха Мстислав явился с новгородцами ко двору киевского князя, демонстрируя готовность подчиниться условиям этого соглашения. Однако, новгородцы решительно воспротивились этому: «и рѣша Новгородци Святополку. се мы княже прислани к тобѣ. и ркли ны тако не хотимъ Святополка. ни сына его. аще ли 2 главѣ имѣть сынъ твои то пошли и. а сего ны дал Всеволодъ. а въскормили есмы собы князь. а ты еси шель от нас. и Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними. онѣм же не хотѣшим. поимше Мстислава придоша Новугороду» [1, с. 276].

Эти стремления новгородцев рубежа XI–XII вв. на право самим определять кого выбирать себе в князя, летописец опрокидывает в прошлое. Примером такой ретроспекции является, очевидно, рассказ 862 г. об «изгнании варягов за море» и поисках «собѣ князя. иже бы володѣль ...и судиль по праву» [1, с. 19]. В реалиях того времени выписан летописцем под 970 г. и эпизод о пришедших в Киев к Святославу Игоревичу новгородцах с просьбой поставить им князя: «в се же время придоша людие Нооугородьстии. просяще князя собѣ" аще не поидете к намъ то налѣземъ князя собѣ» [1, с. 69]. К этому кругу идей и представлений начала XII века следует отнести, как представляется, и летописный рассказ о Днепровском походе и последующем вокняжении в Киеве, «пришедшего из Новгорода» Олега.

Географическое положение раннегородских центров Новгородской Руси на переломе водных систем открывало для кеззя Олега возможность движения как на запад – к Балтике, так и на восток – по Волге, а также через Оку, Северский Донец и Дон. Выход из Приладожья и Поволховья на Волгу и движение вниз по Волге до Булгара были прочно освоены не позднее середины IX века [18, с. 80–81]. Известия восточных авторов об участии русов в международной торговли, свидетельствует о том, что им хорошо был известно направление пути купцов-русов на Ближний Восток. При этом, следует отметить, что о существовании Киева, но без его точной локализации, арабы узнали в X веке, а Днепр же вообще стал известен арабо-персидским авторам лишь в XII веке [19, с. 27–28]. Такова была логистика в реалиях очерченного известиями летописей времени пребывания Олега на Новгородском севере. Был ли он первооткрывателем, которому удалось разведать пути, ведущие на киевский

юг и совершить столь рискованное путешествие, наверное, так и останется загадкой.

Даже если это случилось в действительности, Олег не был, как принято считать, объединителем Новгорода с Киевом и основателем обширного государства, охватывавшего вытянутую более чем на тысячу километров с севера на юг территорию [20, с. 51]. Трудно представить себе, чтобы небольшой, пусть и хорошо вооруженной, разбойничьей армии одним мигом удалось подчинить своей власти такую огромную (соразмерную по протяженности с островом Ява) и отнюдь не безлюдную территорию. Ее освоение и подчинение власти киевских князей происходило в обратном направлении – с юга на север. Новгород оказался в сфере властвования киевских князей во время правления в Киеве Игоря, где, согласно сведениям Константина Багрянородного сидел его сын Святослав. К этому времени, вероятно, и следует относить начальный этап формирования «общегосударственной» сети поселений во главе с Киевом, обретение и освоение им пространства, получившего кабинетное название Киевская или Древняя Русь.

Список использованной литературы

1 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), издаваемое Постоянной Историко-археологической комиссией АН СССР. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926. – Т. I: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. – 286 стб.

2 Костомаров, Н. И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях / Н. И. Костомаров // Костомаров Н. И. Собрание сочинений: Исторические монографии и исследования. – СПб., 1905. – Кн. 5. – Т. XIII. – С. 292–323.

3 Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. – М. : «Кучково поле», «Академический проект», 2001. – С. 8–508.

4 Халанский, М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем / М. Г. Халанский // Журнал Министерства Народного просвещения. – СПб., 1902. – Ч. 342. – № 8. – С. 287–356.

5 Халанский, М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем / М. Г. Халанский // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1903. – Ч. 350. – № 11. – С. 1–40.

6 Орлов, А. С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Исследование и текст / А. С. Орлов. – Варшава: тип. Варшав. учеб. окр., 1906. – 270 с.

7 Рыдзевская, Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи / Е. А. Рыдзевская // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. – М. : Наука, 1978. – С. 46–79.

8 Саксон Грамматик. Деяния данов в 2 тт. I – XVI кн. / Пер. с латин. А. С. Досаева. – М. : Русская панорама, 2017 (Серия “Medieavaliala: средневековые литературные памятники”). – 610 с.

9 Данилевский, И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? / И. Н. Данилевский // Одиссей: человек в истории. 1998. – М. : Наука, 1999. – С. 134–150.

10 Ричка, Володимир. «Київ – Другий Єрусалим» (З історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). – Київ : Ін-т історії України, 2005. – 243 с.

11 Рычка, В. М. Иерусалим на Днепре (Опыт осмысления религиозно-политической идеи) / В. М. Рычка // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. – Москва-Вологда: Древности Севера, 2017. – С. 514–527.

12 Толочко, А. Очерки начальной руси – Киев; СПб., 2015. – 336 с.

13 Данилевский, И. Н. Библия и Повесть временных лет / И. Н. Данилевский // Отечественная история. – 1993. – 1. – С. 83–98.

14 Рычка, В. «Киевские горы» как *locum sacrum* языческой и христианской Руси / В. Рычка // *Sacrum poganskie – Sacrum chrzescijanskie: Kontynuacja miejsc kultu we wczesnosredniowiecznej Europie Srodkowej*. – Warszawa, 2010. – S. 151–165.

15 Топоров, В. Н. Пространство и текст // Топоров В. Н. Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 129–181.

16 Грушевський, М. С. Історія України-Руси: В XI т., 12 кн. – Том. I: До початку XI віка / М. С. Грушевський // [Репринтне видання]. – Київ : Наукова думка, 1991. – 648 с.

17 Константин Багрянородный. Об управлении империей / Багрянородный Константин // Текст. Перевод. Комментарий. Изд. второе, исправленное. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1991 – 496 с.

18 Мельникова, Е. А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы / Е. А. Мельникова // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков :

Материалы Международного научного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. – Казань. – 1999. – С. 79–82.

19 Коновалова, И. Г. Путь купцов-русов на Восток / И. Г. Коновалова // Средневековая Русь. – Вып. 6. – М.: Индрик, 2006. – С. 9–28.

20 Горский, А. А. Формирование системы посадничества на Руси / А. А. Горский // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. – М.: Ин-т всеобщей истории, 2012. – С. 50–55.

УДК 930(567-25)«09»:94(470.4)«09»:929*Ибн Фадлан

Н. А. ЧУБРИК

Беларусь, Минск,
ООО «Синтез-электро»,
краевед

ИБН ФАДЛАН. МЕЖДУ СПИЦЫНЫМ И АДУСИНЫМ

Автор изучает проблему локализации конечного пункта маршрута арабского посольства 922 г. к царю русов. Большинство ученых таковым считают столицу Волжской Булгарии Булгар. На основе изучения письменных, археологически, картографических и прочих источников в статье выдвигается гипотеза о том, что посольство достигло славяно-скандинавского поселения Гнездово верховьях Днепра. Главный информатор о путешествии в Восточную Европу – секретарь посольства Ибн Фадлан, который оставил историю уникального события на страницах своей путевой «Записки».

Ключевые слова: Булгар, Гнездово, Ибн Фадлан, курган, посольство, русы.

Более 70 лет назад Д. А. Авдусин у Гнездово под Смоленском в кургане Л-13 была найдена знаменитая амфора-корчага с русской надписью. Она оказалась древнейшим русским текстом, который датируется на столетие раньше иных и относится к первой четверти 10 в. В отчёте о раскопках Д. А. Авдусин отмечал чрезвычайно важное значение находки [1, с. 322]. Курган с удивительной точностью (насколько позволяет природа памятника археологии и методы его изучения) иллюстрирует процесс захоронения знатного руса, описание которого оставлено около 922/23 гг. арабским ученым, писателем, путешественником, секретарем посольства,

направленного к царю славян и правителю Булгара аббасидским халифом аль-Муктадиром. Этой замечательной личностью был Ахмад ибн Фадлан ибн аль-Аббас ибн Рашид аль-Багдади (Ибн Фадлан). И в кургане, и в описании Ибн Фадлана – сожжение мужчины и женщины в ладье. В двух случаях поразительно совпадает перечень предметов погребального обряда и отмеченных в «Записке» Ибн Фадлана. Всё это было подчеркнуто Д. А. Авдусиным [1, с. 322–323].

Посольство состоялось в 921–923 гг., но основные события имели место в 922 г., когда арабские путешественники пребывали при дворе правителя Булгара. Эта дата соответствует хронологии гнездовского кургана Л-13. Казалось бы, первое, что должны были сделать исследователи, это отождествить два объекта, коль они совпадают в деталях и хронологически. Других ведь подобных не существует. Но все специалисты уверены, что посольство арабов приходило на Волгу, в Волжскую Булгарию, а не в Гнёздово.

За полвека до находки Д. А. Авдусина не менее знаменитый археолог А. А. Спицын опубликовал «скандальную» статью, посвященную арабскому посольству в Булгар. В ней он утверждал, что рассказ араба выдуман. Уничтожающая критика обрушилась на автора публикации сразу же, в частности, от крупного востоковеда В. Г. Тизенгаузена [2, с. 029]. А. А. Спицын не согласился с критикой, но остался в этом вопросе в одиночестве. Ситуация была вполне ожидаема, но что же заставило уважаемого археолога, ввязаться в невыгодную научную баталию? Дело в том, что годом ранее был подведён итог поискам в Поволжье археологических следов рассказа Ибн Фадлану. Итог оказался нулевым, что и определило позицию А. А. Спицына.

Итак, два именитых ученых высказались по одному вопросу с диаметрально противоположных позиций. Один исследовал местность, где якобы побывал Ибн Фадлан, никаких следов кургана знатного руса не нашёл и утверждал, что весь рассказ – выдумка. Другой – поражался совпадением артефактов с текстом «Записки», но в местности, весьма удалённой от первой.

Через 9 лет после открытий Д. А. Авдусина П. Н. Третьяков сделал ещё одну находку. На городище Тушемля неподалёку от Гнёздово было обнаружено святилище, словно позаимствованное из описания Ибн Фадлана. Ещё несколько подобных объектов было найдено поблизости. П. Н. Третьяков назвал их ближайшим аналогом святилища «Записки» Ибн Фадлана [3, с. 276]. Но и на этот раз

специалисты не стали выдвигать версию, что араб побывал на Днестре. Причина такой нерешительности в том, что днепровский след не вписывался в господствующие ученые представления, согласно которым арабы Днестра не знали. Отказ от этого постулата разрушил бы очень многое, а свою задачу исследователи видели в том, чтобы теорию укреплять.

Ситуация изменилась после того, как в работе автора в «Theorema Inopinatum» [4] было показано, что арабские тексты хоть и по-разному, но весьма точно описывают одну и ту же местность, реально существующую в Приднестровье. Т. е., Днепр арабы всё же знали. Путешествие Ибн Фадлана в ней тоже отчасти затрагивалось, но формат статьи не позволил углубиться в детали. Восполнить этот пробел мы и попытаемся в данной работе.

Основные сведения «Записки». Первые сообщения об арабском посольстве к царю славян дошли до нас в пересказе арабского автора Якута. Он не просто упоминал о нем, но и приводил цитаты из «Записки», критически оценивал их содержание и порой даже обвинял путешественника во лжи и некомпетентности. Что бы там ни было, труд Ибн Фадлана был известен в арабо-мусульманском мире, хотя его рукопись была найдена лишь спустя столетие и в ней недоставало нескольких последних страниц.

Описываемые Ибн Фадланом события начинаются с того, что в Багдад прибыло письмо от царя славян с просьбой прислать исламских проповедников и оказать помощь в постройке крепости для защиты от хазар. Был снаряжён огромный караван из 5000 человек, 3000 лошадей и множества верблюдов. Посольство переждало зиму в Старом Ургенче и, как только Амударья освободилась ото льда, тронулось в путь на север. Оно заночевало в Замджане и два дня пребывало на остановке Хабаб, где его застал сильный снегопад. Вскоре караван устремился в страну турок, идя по степи. Был сильный холод и снегопад. Спустя 15 дней путники достигли большой горы и за ней оказались во владениях турок аль-Гуззия. Караван прошёл Устюрт, где его поджидали свирепые морозы, сильный снегопад и воинственные кочевники-гуззы. Семь дней гуззы задерживали посольство, но все-таки пропустили. Выйдя из страны гуззов, путешественники достигли реки Багнади [5, с. 59–65].

Это была первой из перечисленных в «Записке» рек. Она оказалась широкой, путникам пришлось использовать плавсредства в виде надутых кожаных мешков и отправить вперёд отряд для

защиты от башкир. Всего за время пути Ибн Фадлан упоминает 23 реки. Начиная с Багнади, караван пересёк 8 больших рек, после чего оказался у реки Джайх, переправляясь через которую утонуло много людей и животных. Ибн Фадлан утверждает, что такой огромной реки он никогда не видел. Затем караван преодолел ещё 14 рек и прибыл в ставку царя славян у каких-то трёх озёр и реки Атиль. Из Старого Ургенча караван вышел 4 марта 922 года и прибыл в конечный пункт 12 мая того же года, на весь путь затратив 70 дней. Кроме гуззов и башкир, «Записка» упоминает печенегов и племя аль-Башгирд.

Будучи в гостях у славян, Ибн Фадлан встречался с русами, прибывшими для торговли. Как и многие другие средневековые авторы, он отмечает особенный внешний вид русов. Они совершенны телами, румяны и красны, покрытыми татуировками, мечи их плоские франкские. Женщины русов носят на груди кольцо из железа, серебра, меди или золота, в соответствии со средствами мужей [5, с. 78]. В то же время славяне бледны и болезненны.

Ибн Фадлан видел и подробно описал святилище русов и обряд приношения жертв богам русскими купцами. «И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревяшки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему...» [5, с.79]. Ибн Фадлану удалось присутствовать при захоронении знатного руса, и этот обряд он подробнейшим образом описал. Умершего сожгли в ладье вместе с наложницей, двумя конями, двумя быками, собакой, петухом и курицей. Напоследок на месте костра русы насыпали курган и вкопали в него столб, на котором написали имена умершего и царя русов.

Напомним, что речь идёт о временах великого князя Игоря. И 10 лет ещё не прошло с того момента, как умер Вещий Олег. Любая информация о Руси того времени бесценна.

Трактовки и реконструкция. В 1814 г. датский ежемесячник «Athene» опубликовал статью Я. Расмуссена «О знакомстве и торговле арабов с Россией и Скандинавией в средние века». Она пробудила интерес исследователей к текстам Ибн Фадлана, которые на тот момент были доступны только в виде цитат в Географическом словаре Якута начала 13 в. Всего за пять лет до выхода статьи Я.

Расмуссена умер А. Л. Шлёцер, один из главных творцов норманнской теории. Споры вокруг скандинавских корней Руси были в разгаре, потому на работу из «Athene» сразу обратили внимание. Первый капитальный труд по текстам Ибн Фадлана принадлежит академику Х. Френу. В 1822 г. он издал работу о хазарах и башкирах по текстам автора «Записки» и других арабских писателей, через год – на немецком языке работу о руссах. В 1832 г. выходит его труд о Волжской Булгарии, основанный на текстах Ибн Фадлана. Работа Х. Френа серьёзно укрепила позиции норманнской теории. Академик В. Розен высоко оценил результаты исследований Х. Френа [6, с. 40–41].

Обряд сожжения в ладье хорошо известен в Скандинавии. Это вписывалось в норманнскую теорию, и она обрела в свидетельствах Ибн Фадлана ещё одну опору. Оппоненты, правда, указывали на явно славянское святилище руссов. Во время церемонии Ибн Фадлан разговаривал с одним из русов через переводчика. Таковым, вероятно, был спутник араба Барис ас-Саклаби, т. е. славянин. Это могло означать, что язык русов тоже славянский.

Немного споров вызвал маршрут каравана. Хоть Ибн Фадлан 15 раз повторил, что посольство прибыло к царю славян, но в эпизоде с молитвой правитель дважды был назван повелителем Булгара. Это было воспринято как визит в Волжскую Булгарию, где во времена Золотой Орды находился город Булгар. Рекой Атиль в этом случае оказывалась Волга. Ее некоторые народы и поныне называют Атал. Никаких славян там быть в то время не могло, а в качестве русов наверняка выступали скандинавы.

То, что Ибн Фадлан именовал жителей Волжской Булгарии славянами, конечно же смущало, но объяснения этому быстро нашлись. Одно из них утверждало, что арабы придумали термин «ас-сакалиба» ещё до появления славянского народа, поэтому название это применялось ко всем северным племенам без разбору. А потом, когда славяне стали заметной силой, термин этот закрепился уже за ними. Потому у Ибн Фадлана, якобы, путаница, славянами он именует булгар, а это те, кого сегодня называют татарами. Другая точка зрения говорит, что арабы с терминологией определились изначально, да вот булгарский царь сам ввёл их в заблуждение, соврав в письме, что является повелителем ещё и славян. Он просто набивал себе цену, рассчитывая выторговать помощь в строительстве крепости. Ибн Фадлан подвох попросту не заметил, даже несмотря на то, что общался с царём через своего славянского переводчика. Трудно сказать, что в этой версии так подкупало исследователей, но её приняли многие. Надо же было как-то объяснить славян в

Волжской Булгарии и наличие русов на Волге во времена князя Игоря. «Замена» славян на вездесущих скандинавов вполне решала проблему. Наконец, ещё одна точка зрения предлагает считать славянами Ибн Фадлана уцелевших потомков местной именьковской археологической культуры, славянство которой спорное. В итоге анализ этой стороны текста специалистами свёлся к тому, что славян в нём нужно заменить на болгар, подразумевая под ними сегодняшних татар, ну а русов – на скандинавов. Этот результат и был принят за основу. В современных работах такую подстановку иногда делают сразу же при переводе с арабского.

Маршрут посольства исследователям рисовался приблизительно так (рисунок 1). Из Багдада оно прибыло в Бухару, затем Старый Ургенч, откуда весной двинулось на север. Караван прошёл между Аральским и Каспийским морями по плато Устюрт, форсировал ряд небольших рек и затем оказался у реки Урал. Ибн Фадлан описывает её как реку Джайх. Этот гидроним перекликается с Яиком. Далее следуют ещё 14 рек, якобы притоков Волги и прибывает в ставку царя у трёх озёр. Такой объект действительно имеется у слияния Волги с Камой – пос. Три Озера, в котором и впрямь есть три небольших водоёма. От него до древнего Булгара менее 10 километров на север (рисунок 2). На таком же расстоянии юго-западнее находится пос. Балымеры, где имеются курганы. В одном из них, пожалуй, и должен быть захоронен тот знатный рус, о котором и писал Ибн Фадлан. Казалось бы, всё сходится, и ничто не вызывает особых сомнений. Вот только со славянами как-то не очень.

О походе Ибн Фадлана долгое время судили лишь по цитатам Якута. В 1923 г. в Иране востоковедом Зеки Валиди Тоганом была обнаружена рукопись Ибн Фадлана. В конце 1930-х копия документа была передана Ираном АН СССР. В 1939 г. появился немецкий перевод текста З. В. Тогана и одновременно – русский перевод А. П. Ковалевского. Второе издание перевода того же ученого вышло в 1956 г.[7]. Два русских перевода существенно отличаются друг от друга тем, что в первом всё внимание автора направлено на точность и полноту перевода. Каждое неоднозначно читаемое слово сопровождается пространными комментариями. Важно отметить, что в приложении есть и арабский текст. Второе издание отдаёт предпочтение трактовкам, реконструкции маршрута посольства и устранению множества неприятных расхождений трактовок с текстом источника. Таких расхождений оказалось немало. Ибн Фадлан называл подданных царя славянами, а переводчики трактовали их как волжских болгар. Араб перечислял реки на пути

каравана, и среди них была некая гигантская река, а на пути в Волжскую Булгарию крупных рек вообще нет. Автор указывал даты начала пути и прибытия каравана, но расстояние в 79 дней до Волжской Булгарии явно маловато для такого перехода. Наконец, он описал встреченные народы, но попытка интерпретаторов расположить их на пути в Волжскую Булгарию была тщетной. Поскольку о пересмотре самого маршрута не могло быть и речи, то задача переводчиков виделась в том, чтобы изменить прочтение неудобных мест или найти им подходящую трактовку.

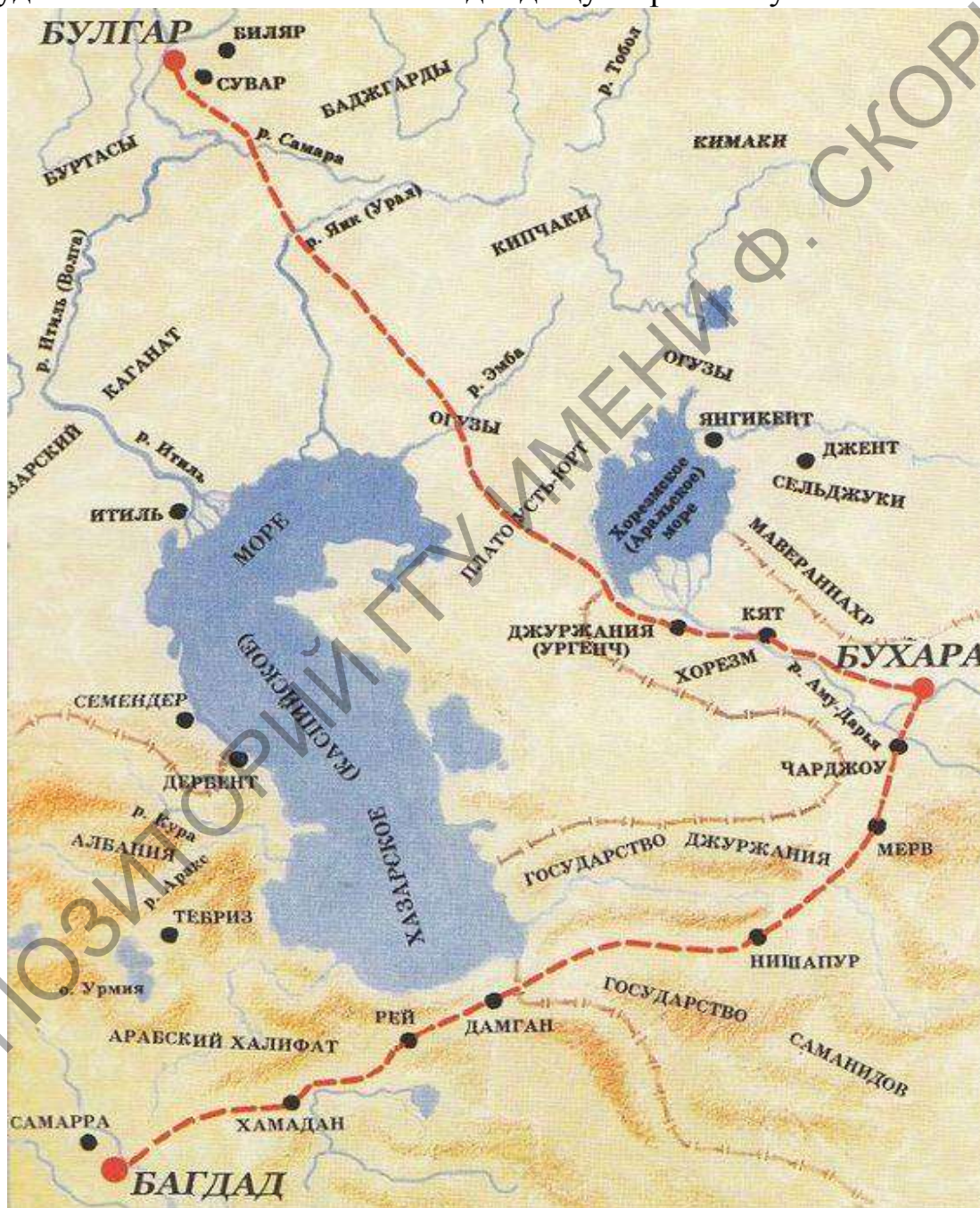

Рисунок 1 – Хрестоматийный вариант маршрута Ибн Фадлана

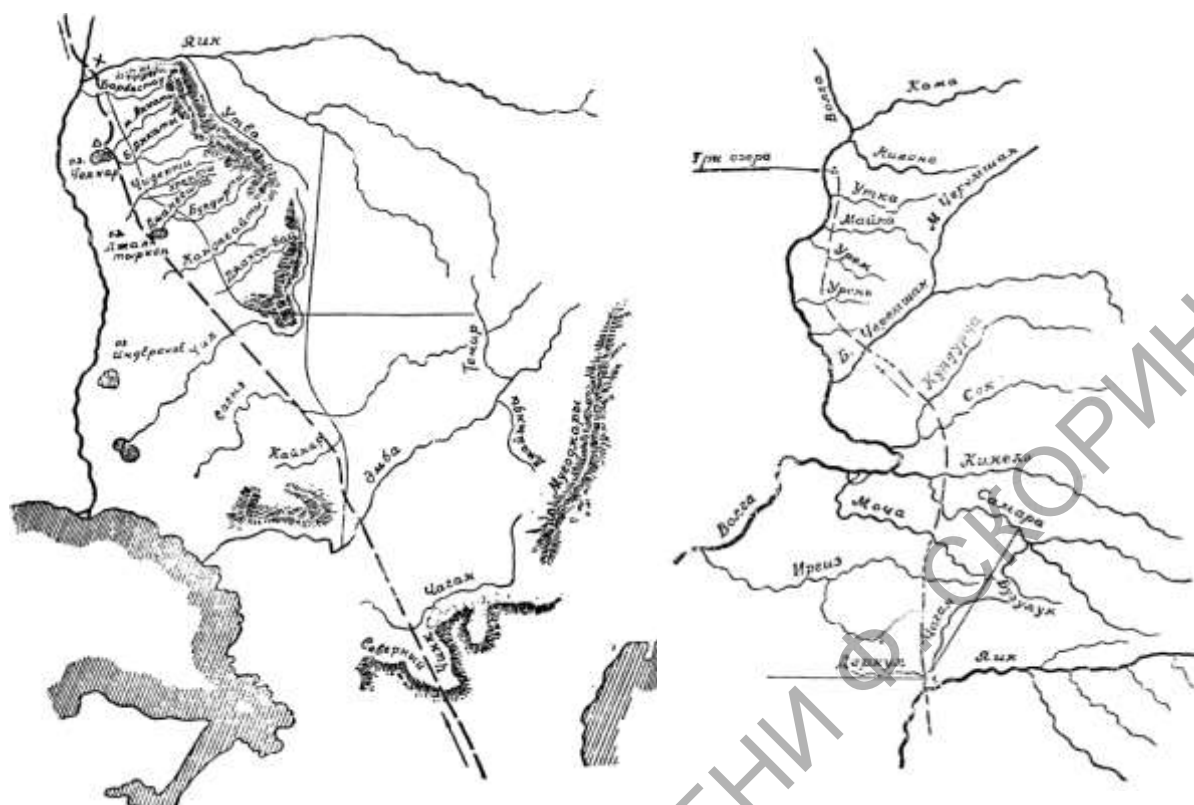
Реки. Реки, преодоленные караваном, «опознаны» стараниями А. П. Ковалевского. Вначале посольство ждала река Багнади, потом – большие реки Джам, Джахаш, Адал, Ардан, Вариш, Ахти, Вабна и огромная – Джайх (Хайдж). Затем были реки Джаха, Азхан, Баджа, Самур, Кабал, Сух, Ка(н)джалу. После этого путники прибыли в страну племени аль-Башгирд. Далее они переправились через Джарамсан, Уран, Урам, Ба(б)а(н)адж, Вати, Банасна, Джавашин [5, с. 65–67].

Рисунок 2 – Спасск Татарский в роли Булгара

А. П. Ковалевский даёт обширнейшие комментарии по поводу прочтения и отождествления рек «Записки». Первую из них он считает рекой Чаган (Шаган). Исходя из этого, он был готов даже изменить прочтение арабского названия с Багнади на Яганды. Следующей рекой оказывается Эмба и это оже близко к Джам, поскольку у казахов она называется Жем. Следующие четыре реки он

не отождествляет, считая, что это разлившиеся весной малые речушки между Эмбой и Уралом. Конечной же точкой маршрута он указывает посёлок с подходящим названием Три Озера. Результат всей реконструкции был проиллюстрирован картами (рисунки 3, 4). А. П. Ковалевский писал следующее. «Дальнейшее описание путешествия через страны оггузов, башкир и болгар содержит упоминания двадцати трех рек, одного озера и группы трех озер. Получился следующий ряд названий рек и озер, расположенных в порядке их географической последовательности с юго-востока на северо-запад: 1) Чаган (река у подножья Северного Чинка); 2) Эмба; 3) Сагыз; 4) Уил; 5) Қандагайты (?); 6) Уленти (?); 7) Большая (Южная) Анкаты; 8) Малая (северная) Анкаты – Озеро Челкар (на северном его берегу ставка печенегов); 9) Яик (река Урал); 10) Чаган (правый приток Яика ниже г. Уральска); 11) Иргиз; 12) Моча; 13) Самара; 14) Қинель; 15) Сок; 16) Кундурча; 17) Большой Черемшан; 18) Урень; 19) Урем; 20) Майна; 21) Утка – «Три Озера» (ныне Чистое, Курышевское, Атманское, около которых была ставка царя болгар; 22) Нияна; 23) „Джавшыр“ (маленькая речка дальше на север, еще окончательно не определенная). Из этих географических названий, кроме последнего, сомнение вызывают две реки в нынешнем Западном Казахстане, между Уилом а Большой Анкаты.

Рисунки 3, 4 – Маршрут посольства до Булгара (по А. П. Ковалевскому)

На этом пространстве протекают шесть рек, а у Ибн-Фадлана упомянуты две. Но можно предполагать, что тут посольство проехало несколько западнее новейшего тракта, причем путешественники, переправляясь ниже слияния между собой некоторых рек, стремились этим путем уменьшить число переправ, так как было весеннее время и реки были в разливе» [7, с. 97].

Предлагаемый метод выглядит логично. Находятся некие твёрдые ориентиры, сомнения не вызывающие, затем по ним ищется соответствие для остальных. Отождествление ведётся исходя из последовательности их перечисления и лингвистического сходства, достижимого при прочтения арабских названий. Главные ориентиры – это плато Устюрт, горы, реки Чаган и Эмба, река Урал, как самая крупная на пути, река Атил и три озера, где находилась ставка царя. Рекой Атил всеми признаётся комбинация из рек Белая, Кама, Волга. В месте слияния Камы и Волги полноводнее, дескать, Кама, потому арабы её считали руслом основной реки. Точно так и реку Белая принимали за начало Камы. Это следует из описаний русла реки у разных арабских авторов. Кстати, из всех названных Ибн Фадланом

рек только Атил и встречается у других арабов, остальные никем больше не упомянуты.

Метод А. П. Ковалевского дал «потрясающие» результаты. «Найдены» практически все реки и озёра. Названия рек в тексте «совпали» с нынешними почти дословно. И это при том, что арабские географы этих рек не знают вовсе, а если и упоминают, то под весьма диковинными названиями. К примеру, в «Худуд аль-Алам» Яик названа не Джайх, а Рас. Из всех восточных притоков Волги там названа лишь река Артуш, которую обычно признают

Иртышом. Переводчик указывал, что Итиль и Артуш начинаются на одной горе, а реально между истоками Иртыша и Белой две тысячи км (!). Да и не впадает Иртыш в Волгу. «Записка» Ибн Фадлана была очень популярна в арабском мире и упоминают её многие. А «Худуд аль-Алам» написан лет на 50 позже, однако большинства названных Ибн Фадланом рек он не знает, да и те, что знает, называет иначе. Ибн Хаукаль побывал в тех же местах, что и Фадлан через 40 лет после него, но никаких здешних рек не называет. Аль-Гарнати гостил у болгар через два столетия после Фадлана, но лишь вскользь упомянул некую «славянскую реку», которую по сей день отождествить надёжно не могут. Якут в своём «словаре» цитирует Ибн Фадлана, но названные им реки игнорирует.

Откуда у автора «Записки» появились серьезные познания в географии, и почему они не стали достоянием арабских географов? Быть может, эти «совпадения» являются заслугой не Ибн Фадлана, а А. П. Ковалевского? Присмотримся внимательнее к «твёрдым» ориентирам и лингвистическим построениям этого автора. Как показано на его карте, караван переправлялся через Джайх неподалёку от современного Уральска. В это время река широко разлилась от паводка и представляла собой непростую водную преграду. Для оценки надёжности этого ориентира было бы разумно посмотреть на разлив весеннего Урала вблизи города Уральск сегодня. Переплыть реку на надувной лодке или плоту не составляет особого труда. Возможность того, что река за тысячу лет обмелела, придётся отбросить, поскольку ее пойма заполнена.

Как видим, этот «твёрдый» ориентир вызывает сомнения. Он держится лишь на одном аргументе – на пути в Спасск Татарский рек больше Урала попросту нет. А то, что караван шёл именно туда, сомнению никем не подвергается.

Три озера – конечная точка пути? Ещё одна наиважнейшая точка для опоры в «гибкой интерполяции» названий – это конечный

пункт маршрута, те три озера, у которых расположена ставка царя славян. В работе А. П. Ковалевского 1956 г. без колебаний поясняется, что речь идёт о посёлке Три Озера, в котором находятся озёра Атманское, Чистое и Курышевское. Выстраивая маршрут посольства, автор перевода наносит эти озёра на карту. Совпадение с текстом Ибн Фадлана «абсолютное» – от древнего Булгара в восьми километрах, до берега Волги чуть меньше. Как же можно после этого усомниться в волжском маршруте! Ведь сам Ибн Фадлан чётко описал это место: «Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся на так называемой Халджа, а это три озера, из которых два больших, а одно маленькое. Но только среди всех них (озер) нет ни одного, дно которого было бы достижимо. Между этим местом и между их огромной рекой, текущей в страну Хазар, называемой рекой Атиль, (расстояние) около фарсаха [5, с. 75].

С учётом важности этого ориентира уделим ему больше внимания. Согласно Ибн Фадлану, речь идёт о достаточно глубоких озерах. Однако, ныне существующие озёра практически равновеликие, да и глубина у них небольшая. И только Чистое глубже роста человека. Может, они обмелели за прошедшие 11 веков? Нет, расстояния между кромкой воды озёр составляет 200–300 м. Т. о., с глубиной и размерами совпадения не получается.

Село с этими озёрами принадлежало помещикам Молоствовым, а в дореволюционные времена село называлось не Три Озера. Местные гидронимы впервые зафиксированы в «Списке населённых мест Казанской губернии» за 1859 г., когда озера впервые были замечены во владениях помещика Молостова. «Историко-культурный атлас Спасского района Республики Татарстан» [8] и Государственный реестр 2009 г. указывают копаное происхождение этих трёх озёр.

«Гибкость» лингвистики. Сложилась деликатная ситуация, когда переводчик «Заметки» убедительно «обосновал» все детали маршрута каравана, лингвистически «твёрдо распознал» все реки, а его «главные ориентиры» не выдерживают критики. Замечательные успехи в лингвистике с лихвой «компенсируются» полным провалом в географии. Наиболее отчётливо это заметно при определении местоположения упоминаемых Ибн Фадланом народов. Путешественник перечисляет их по ходу движения каравана наряду с горами, реками и событиями. Однако попытка расставить их между теми горами и реками, что указал А. П. Ковалевский, приводит

к вопиющим противоречиям и виновным в этом называется секретарь посольства халифа.

В раннем переводе первая переправа профессором указывалась на реке Багнади, а позже он меняет ее прочтение на Яганды, объясняя это необходимостью привязки переправы к реке Чаган. Следующая река в этом случае тоже неплохо «совпадает». Автор и не скрывает, что выбирает прочтение арабских названий, исходя из реальных названий рек на предполагаемом маршруте. Подход рискованный, поскольку мало отличается от подгонки под требуемые результаты. Даже в этом эпизоде «гибкость» лингвистики разбивается о географию. Река Чаган невелика и протекает у самого обрыва плато Устюрт. Переплывать её караван не мог, т. к. и глубина мала, и лёд был крепкий.

Уделим внимание огромной реке Джайх, в названии которой так замечательно «узнаётся» реальный Яик. Но описание реки и переправы совершенно не соответствует её реальным размерам. Теперь посмотрим, так ли уж всё хорошо в плане лингвистики? В переводе 1939 г. название реки приводится в вариантах Джайх и Хайдж. Понятное дело, созвучен Яику только первый из них. В последующих работах и А. П. Ковалевского, и других авторов, вариант Хайдж уже не упоминается. Но какой же из них реально прописан у Ибн Фадлана? Особенностью арабских текстов является отсутствие большинства огласовок и небрежность переписчиков в плане диакритических знаков. Их местоположение может в корне менять звучание слов. И если смысловые тексты позволяют выбирать правильный вариант слова по контексту, то с названиями, особенно с теми, что не повторяются, царит произвол. Е. А. Мельникова говорит о том, что особенности арабского письма ограничивают его возможности для адекватной передачи иноязычных имен и терминов. Поэтому при работе с переводами арабо-персидских текстов надо знать, что предлагаемое в них чтение этнонимов, топонимов и пр. часто является версией переводчика [10, с. 172].

Обратимся к комментариям А. П. Ковалевского. Так они выглядят относительно реки Джайх в работе 1939 г. Прочтение гидронима определяется диакритической точкой. Если она есть, то читается «джим», а если нет, то «ха». В тексте точка стоит в последней букве. Т. о., в подлиннике написано Хайдж. Река Джайх в «интерполяции» профессора – один из ключевых пунктов, опираясь на который он «восстанавливает» это название. Надёжность прочтения этого наименования должна быть очень высокой. Но это название не соответствует реальному. «Твёрдый» ориентир держится исклю-

чительно на рассуждениях переводчика и его последователей. А уже по нему методом «гибкой интерполяции» делаются ещё более «гибкие» выводы.

Ниже в тексте перечислены ещё семь рек: Джаха, Азхан, Баджа, Самур, Кабал, Сух, Ка(н)джалу. С перечисленными далее «Запиской» семью реками те же проблемы: расстановка знаков, недостающие или невнятно написанные буквы и пр. Кстати, в тексте повторяется слово «thuma» (потом), которое присутствует перед каждым названием реки. Все три диакритические точки над ним отчетливо видны. Они хорошо просматриваются и в слове (nahr) (река). Поэтому произвольные перестановки и добавления точек в названиях рек выглядят безосновательно.

В реконструкции А. П. Ковалевского названия рек замечательно «совпадают» с современными, а вот их величина совершенно не соответствует тексту. С озёрами и вовсе конфуз случился: они были вырыты в середине 19 в., а определяются как объекты событий начала 10 в.

Народы. Большие проблемы случились с локализацией народов.

Гуззы. Согласно переводчику, гуззы оказываются между Северным Чинком и рекой Чаган, за ней – башкиры, печенеги у реки Урал и озера Челкар, аль-Багширд в промежутке между реками Большой Черемшан и Кундурча. Это полоса около 70 км шириной. Славяне или болгары размещаются возле Камы, начиная от Трёх озёр. Русы, вероятно, приплывают от верховий Волги. Вроде всё просто и понятно, но только до тех пор, пока перед глазами нет карты. Проблема в том, что Чаган протекает у самого обрыва Чинка. Гуззам ничего не остаётся, как жить прямо на самом склоне – после горы, но до реки. Племя это, напомним, очень богато, имеет большие и тучные стада овец, растит пшеницу, использует деревья, имеет деревянную посуду. Они, по А. П. Ковалевскому, оказались в пустыне на склоне обрыва высотой до 300 метров. Нелепость такой конструкции видит и профессор, но не находит ничего лучшего, чем обвинить во всём Ибн Фадлана [11, с. 52–53].

Одним взмахом пера переводчик перечёркивает всё, что Ибн Фадлан рассказал о местонахождении встреченных племён. Теперь А. П. Ковалевский намерен располагать их так, как сам считает правильным. Казалось бы, гуззы могли выступать в качестве твёрдой опоры в поиске рек. Расположись они в излучине реки Урал и у озера Челкар, всё действительно сразу станет на место – и пшеница, и деревья, и тучные стада. Позади у каравана в этом случае окажутся реальные горы Мугоджары, а впереди – река Урал, ей и быть той

рекой Багнади. Мы же видели, что для реки Джайх она совершенно мала. Но тогда караван попадёт вовсе не в Волжскую Булгарию, а этого профессор допустить не может. Последовательность рек в тексте его вполне устраивает. Лингвистически все названия, или почти все, удалось вписать в реальную карту. А вот народы он предлагает из текста вычлениить и расставить совсем по-другому, они, мол, вставлены туда без реальной привязки к рекам.

Ибн Фадлан чётко описывает последовательность событий в их взаимосвязи. После гор приходят к гуззам, а уйдя от них, выходят к первой реке. А. П. Ковалевский же первой рекой оставляет Чаган, а гуззов перебрасывает через 8 рек вперёд к печенегам. Башкир же он оставляет-таки на прежнем месте, сразу за Чинком.

Есть, правда, и другие мнения, не столь радикальные. В качестве компромисса они предлагают сдвинуть гуззов А. П. Ковалевского и его реку Багнади навстречу друг другу. Гуззы в этом случае оказываются на реке Эмба, её и признают за ту Багнади. Здесь лингвистическое сходство сразу теряется, зато с географией уже получше. Реку Чаган караван ведь проходил сразу после Устюрта, где стояли сильные морозы. Значит, шли по льду.

Река Шаган имеет воду в марте и апреле, глубина в это время – до 1 м, ширина русла – 20–40 м. До слияния с рекой Манысай ее берега обрывистые, высотой до 4 м [18, с. 48]. Эмба всё же побольше Шаган, хотя тоже мелковата, ото льда она вскрывается в конце марта, полноводной бывает лишь в апреле–мае. Здесь как раз находится граница пустыни и степи.

Гуззы профессора оказались у огромной реки Джайх вместе с печенегами. Гуззы богаты, а печенеги на этих же землях бедны. При этом в тексте мы снова видим чёткое описание последовательности событий. Караван давно прошёл земли гуззов, переправился через Урал и подошёл к Волге. Там у широких вод Волги, а не у озера Челкар, он и встретил печенегов [5, с. 65–66].

Ибн Фадлан указывает, что после ухода от гуззов пройдено восемь больших рек, и только «после этого» караван прибыл к печенегам. Если гуззы там, где их предлагает разместить А. П. Ковалевский, т. е. в степи, а не в пустыне, то печенегов следовало бы ожидать у Волги, у некой огромной затоки без явного течения. Волга действительно самая большая река на пути каравана, и печенеги там действительно жили.

Археологические данные показывают, где реально находились племена гуззов и печенегов. Печенегов можно было встретить у

Волги, а не за рекой Урал. Могильники гуззов хорошо изучены в междуречье Урала и Илека. На противоположном берегу обитали башкиры. А вот на Эмбе могильников нет, поэтому вариант с компромиссной версией можно отбросить.

Башкиры. Проблемы появляются у переводчика и с башкирами. Как и с гуззами, он их списывает не на свою расшифровку гидронимов и произвольные переносы диакритических точек, а на Ибн Фадлана [7, с. 98].

А. П. Ковалевский объединяет два племени с близкими названиями в одно, хотя по тексту между ними 16 рек, одна из которых гигантская. В издании 1939 г. первое из них называлось башкирами, а второе переводчик называл аль-Башгирд. Засады башкир в трактовке профессора остаются у Северного Чинка и реки Чаган, то есть далеко в тылу у гуззов, а область постоянных кочевий башкир – далеко за рекой Урал в узком междуречье Кундурча и Большой Черемшан. Нам предлагается произвольно расширить эту территорию, поскольку башкиры, как и гуззы, реально занимали куда большие пространства.

Если нанести выводы А. П. Ковалевского на карту, то нелепость конструкции становится очевидной (рисунок 5). Основное пятно расселения башкир получилось севернее Самарской Луки, а засады на пути караванов они устраивают почти за тысячу километров от своих земель, к тому же в тылу у агрессивных гуззов. Территория реального расселения башкир действительно обширна, но лежит она в стороне от указанной. Если караван и мог столкнуться с засадами башкир, то только на реке Урал, действительно пройдя земли гуззов и оказавшись перед первой серьёзной рекой на пути. Это и есть река Багнади, первая из всех названных. Существует и другая трактовка, вообще отрицающая башкир в тексте Ибн Фадлана. С её точки зрения речь там шла о финно-угорских племенах, название которых у арабов сходно с башкирами. Эта версия сегодня наиболее популярна в Татарстане. В 2014 г. Спасск Татарский в качестве древнего Булгара был включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Город является символом принятия ислама булгарами и местом паломничества татарских мусульман. В 2016 г. Центр «Эрмитаж-Казань» открыл выставку «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара», которую сопровождал солидный научный каталог [10]. В каталоге приводился ещё один вариант перевода текста «Записки», подготовленный в Эрмитаже В. С. Кулешовым [11]. Обнаруживаем, что в новом переводе славян и их

царя нет. Славяне везде заменены на болгар, а все упоминания башкир заменены на финно-угров. Кроме того, из всех вариантов прочтения названий рек безальтернативно указаны лишь наиболее подходящие. Всё это напоминает ситуацию с озёрами помещика Молостова.

Рисунок 5 – Башкиры Ибн Фадлана в интерпретации А. П. Ковалевского

Почти одновременно с каталогом выставки из печати вышла коллективная монография казанских исследователей «История татар Западного Приуралья» [12], в которой большое внимание уделено вопросу первичности этноса татар по отношению к башкирам. Работа возмутила ряд башкирских историков и общественных деятелей [13–15]. Пикантность ситуации оказалась в том, что башкиры прямо упоминаются в тексте Ибн-Фадлана, а вот татары только подразумеваются в тех булгарах, которыми в тексте заменили славян. При таком раскладе говорить о вторичности башкир по отношению к татарам было, конечно сложно, поэтому в новом переводе их заменили уграми.

Булгары. Наконец, рассмотрим самый «твёрдый» ориентир всех реконструкций. Это – Волжская Булгария. В том, что караван

направлялся именно туда, не сомневался практически никто. Причиной такой уверенности стал, пожалуй, Х. Френ. В то время, когда были опубликованы сведения из «Словаря» Якута, он уже возглавлял кафедру восточных языков в Казани, в той самой Волжской Булгарии. Статья Я. Расмуссена о миссии Ибн Фадлана в пересказе Якута вызвала у Х. Френа живой интерес. В тексте говорится об Атиле и повелителе Булгара, а это как раз очень хорошо подходило к обжитой им Волжской Булгарии. В золотоордынское время здесь процветал город Булгар, а Волгу местные народы и сегодня зовут Идел, Эдил. Такая трактовка приводила к явным противоречиям с текстом, но её подхватили все последующие исследователи.

Напомним, в тексте говорилось о посольстве к славянам, о встрече с русами, об огромных лесах и болотах, о напитке из берёзового сока, об озёрах. И это никак не соответствовало волжско-камской локализации Булгара. Да и слово «атиль» в тюркских языках означает просто реку, а значит, применимо вообще к любой. В месте слияния Камы с Волгой больших лесов быть не может, поскольку это – лесостепь, от Камы до степи здесь всего 200 км. Трудно предположить в здешних местах обычай добывать берёзовый сок. Ещё хуже с болотами – их здесь быть не могло. А в комментариях А. П. Ковалевского имеются ещё более существенные детали, опущенные в переводе. Там упоминаются «заросли, имеющие сорок фарсахов» (слово «заросли» обычно обозначает „болота, покрытые тростником и лесом», но также и «рощу» [5, с. 114]. Это выражение у аль-Мас’уди употребляется при описании кубанских плавней и лесов Кавказа. Т. е., Ибн Фадлан говорит о лесах и болотах, на огромные болота в землях булгар указывал и Ибн Русте [16, с. 262–263], а в районе Спасска Татарского болот нет.

Прочие сведения Ибн Русте не отличаются от рассказа Ибн Фадлана. Русы не просто постоянные гости у булгар, но и живут на одном с ними Атиль/Итиле, где помещает русов и Ибн Хаукаль. Многие арабские авторы указывают земли русов между булгарами на востоке и славянами на западе, и связывают их с неким болотистым островом. Р. Г. Фахрутдинов заметил, что сведения Ибн Русте о Булгарии как о стране болот и дремучих лесов идут вразрез с палеоклиматологией и археологией Среднего Поволжья [17, с. 9–11]. А вот леса и болота в районе Гнёздова вполне соответствуют арабским сообщениям.

Данные Ибн Русте и Ибн Фадлана о земле болгар А. П. Ковалевский игнорирует, убеждая, что арабы представляли северные земли превратно и верить первоисточникам не нужно.

Но как же быть с Волжской Булгарией? Её существование в ордынское время, бесспорно. Откуда возле Смоленска ещё одним болгарам взяться? Здесь следует вспомнить историю болгар. В 7 в. великий хан Кубрат объединил болгар в одном государстве – Великой Булгарии. Располагалась оно, по мнению многих специалистов, в районе Азовского моря. После смерти Кубрата его сыновья, нарушив завет отца, разделили народ на части, и каждый ушёл на новое место. На земле отца остался старший сын Батбаян со своей частью народа. Ибн Фадлан говорит о болгарях, как о кочевниках. Иначе говоря, болгары неоднократно меняли место жительства. Существует и арабское свидетельство, что во времена князя Святослава земли болгар были заняты русами, а сами болгары в очередной раз изгнаны: «В настоящее же время не осталось и следа ни из Булгара, ни из Буртаса, ни из Хазара, ибо Русы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе. Те же, которые спаслись от их рук, рассеяны по ближайшим местам, из желания остаться вблизи своих стран, и надеясь заключить с ними мир и подчиниться им» [19, с. 218]. Это сообщение Ибн Хаукаля, лично встречавшегося с беженцами, подтверждают аль-Мукаддаси и аль-Идриси.

«А русов (ар-Русиййа) два вида. Один вид – это тот, о котором мы говорим в этом месте, и есть другой вид, это те, что [живут] по соседству со страной Ункариййа и Джасулиййа. И они, в то время, когда мы составляем эту книгу, уже победили буртасов, болгар и хазар, изгнали их из их страны и отняли ее у них. И не осталось там, кроме них (русов), никакого другого народа, а лишь только [их] названия в [этой] земле» [20, с. 218].

Автор «Записки» приходил к болгарам в Гнёздово, а в 965 г. под ударами Святослава киевского болгары вынуждены покинуть земли среди лесов и болот и переместиться в лесостепи на Волге. И никаких противоречий с первоисточниками. Стоит ли пояснять, что в ныне существующую теорию Ибн Хаукаль с этим разгромом и изгнанием тоже не вписывается, и его сообщение многими признаётся такой же фантазией, как леса и болота Ибн Русте.

Из археологии Поволжья и Гнёздово. Если уж возник вопрос о местонахождении самой Булгарии во время прибытия арабского посольства, то есть смысл сравнить археологические датировки двух

вариантов. В отношении Гнёздово всё понятно: курган Л-13 Д. А. Авдусин датирует практически тем же временем, что и посольство Ибн Фадлана. Во время похода Святослава там фиксируется военный разгром. По мнению В. С. Нефёдова, эти события могли иметь место в первой половине 10 в. и связаны с крупной военной акцией с целью подчинения Смоленска/Гнёздова власти Киева [21, с. 278]. Всё это соответствует тому, что нам известно о Булгаре.

А вот если обратиться к Спасску Татарскому, то там поиски на городищах показывают, что в начале 10 в. жизнь на них только зарождается, а вот реальные следы датируются либо концом 10 в., либо ещё более поздним временам. Е. П. Казаковым сформулированы основные положения новой гипотезы и археологическая периодизация раннеболгарских древностей. Согласно ей, основанным является отнесение верхней границы этого периода к последней четверти 10 в., весь 10 в. рассматривается как переходный от кочевания к оседлости [22, с. 512].

В середине 10 в. Святослав разоряет Булгар и изгоняет население, а у Камы ещё и городов-то нет, они как раз после изгнания здесь появляться начинают. И сразу же начинаются стремительные изменения местного уклада жизни. Об этом, в частности, пишет К. В. Руденко [22, с. 562].

Отсутствие внятных следов булгар южнее Камы не считалось большой проблемой. Ибн Фадлан пишет о кочевниках, а кочевники не оставляют таких отчётливых следов, как оседлое население. И города булгары стали, мол, строить лишь после отъезда посольства. Царь Алмуш как раз рассчитывал на денежную помощь арабов для начала строительства крепости. Такое объяснение в принципе всех устроило.

Большое внимание было уделено поиску курганов со столь красочно описанным Ибн Фадланом погребением знатного руса. Надежды возлагались на курганы в Балымерах. В 1870 г. А. Н. Стоянов провел там раскопки, но, кроме золы, угля и обгоревших костей животных, ничего не нашёл [23, с. 20]. Второй раз еще 7 курганов вскрывались в 1882 г. Н. П. Лихачёвым и П. А. Пономарёвым. П. А. Пономарев сообщал, что в них наблюдалась картина, аналогичная прослеженной А. Н. Стояновым, но теперь встречались и мелкие предметы. По монетам некоторые насыпи датировали 13 в. или позже. Один курган содержал кострище, рядом с которым были положены глиняный сосуд, ряд медных пластинок, напоминающих поясной набор, железное огниво и железный меч с изогнутым клинком. Впрочем, эта картина погребения заметно отличается от картины

похорон знатного руса в описании Ибн Фадлана. Раскопанный здесь «курган» Шолом оказался языческим святилищем без захоронений [24].

Не нашли археологи на берегу Волги свидетельств истории времен Ибн Фалана Зато их обнаружил совсем в другом месте, в верховьях Днепра, Д. А. Авдусин.

Хронология пути. Исследователи изначально исходили из того, что конечной точкой пути каравана была Волжская Булгария. Это был самый твёрдый ориентир реконструкции. Та же река Джайх стала Уралом лишь потому, что более крупных рек на пути в Волжскую Булгарию нет. Но туда ли шёл караван на самом деле? Расстояние от Старого Ургенча до Спасска Татарского через Эмбу и Уральск составляет 1600 км. Длительность перехода Ибн Фадлан определил в 70 дней [5, с. 67].

Караван тронулся в путь 4 марта 922 г. и прибыл в конечный пункт 12 мая того же года. Таким образом в сутки он проходил $1600/70=22,9$ км, это весьма скромное расстояние. Для торговых арабских караванов принимают средний дневной переход в пределах 30–40 км. Поскольку в данном случае среднее расстояние дневного перехода оказалось существенно меньше, то переводчик попытался сгладить это несоответствие, а заодно объяснить явную неторопливость путников. С этой целью он исключает из расчёта 10 дней, проведённых путниками на всевозможных остановках и задержках. Ибн Фадлан указывает, что 7 дней они ожидали решения своей судьбы у гуззов. И хотя верблюды после отдыха могут идти существенно быстрее и наверстать упущенное, но формально средний переход получается уже заметно больше $1600/60=26,7$ км/день. Это выглядит уже не столь вызывающе.

Чтобы понимать эти цифры, ознакомимся с возможностями «кораблей пустыни». Авторы учебника по верблюдоводству Казахстана приводят примеры выносливости этих животных. «При дальних переходах верблюд проходит по 30–40 км в день и несёт на себе вьюки до 250–300 кг, т. е. почти половину собственного веса, а самые сильные – столько же, сколько весят сами – 700 кг. Под всадником верблюды могут проходить иноходью около 100 км в день со скоростью 10–12 км/час» [25, с. 102]. Они же долго обходятся и без воды. Зимой 1954/55 года профессор Монд из Декарта за 21 день пересек на верблюдах безводную область Сахары. За три недели он прошёл 944 км [26, с. 141]. Верблюды переходят вброд широкие

и глубокие реки, а также держатся на воде. Они могут переплывать Нил, Волгу, Аму-Дарью [25, с. 49].

Но нас интересуют не рекордные возможности, а средние, устоявшиеся и многократно проверенные. Авторы указанного выше учебника в этом вопросе ссылаются на рекомендации профессора И. И. Лакоза. Для верблюда массой 500 кг при дневном переходе в 30-35 км он рекомендует груз 225 кг. Для перехода в 40–45 км груз следует снизить до 175 кг. Животное весом в 600 кг может нести 275 кг или 215 кг соответственно. Всё это вполне соответствует принятым оценкам для переходов арабских караванов.

Фактором, определяющим скорость передвижения каравана, указывается вес перевозимого груза. Ради перевозки торговых грузов караваны ведь и отправляются. Однако в нашем случае караван имел совсем другую задачу – он перевозил посольство. Никаких грузов, кроме продуктов для самих путников и подарков влиятельным особам, Ибн Фадлан не упоминает [5, с. 59]. Для каравана, состоящего из нескольких тысяч голов лошадей и верблюдов, основным грузом были сами путники и их продукты, поэтому такой караван должен двигаться никак не медленнее 40–45 км/день, тем более что Ибн Фадлан сам подчёркивает напряжённый темп движения и описывает только одну длительную остановку в пути. После благополучного ухода от гуззов караван движется без остановок. Дальше лишь бегом перечисляются значительные реки, которые они преодолевают одну за другой. Расстояние между этими реками в среднем 2–3 дня пути.

Т. о., мы можем нанести на карту условные границы минимального и максимального пути каравана (рисунок 6). Эти границы и определяют зону поиска тех славян, царь которых именуется повелителем Булгара.

С одной стороны, нужно бы учесть семь дней в плену у гуззов, но ведь и рекомендации для суточных переходов делаются с учётом возможных остановок. С другой стороны, отдохнувшие животные могут проходить существенно большее расстояние и наверстать упущенное. Поэтому на карту нанесём умеренные значения переходов, но за все 70 дней пути. Если взять более высокие цифры из рекомендованных и попросту отбросить дни отдыха, то получим практически те же результаты. Первое заключение, которое мы можем сделать, это то, что Спасск Татарский не попадает в полосу поиска даже близко. В этом случае идущий налегке караван должен был двигаться медленнее, чем тяжело гружёный, даже если все дни

остановок вообще исключить из расчёта. Если бы все остальные сведения однозначно указывали на тот Спасск, то можно бы и закрыть глаза на неудобные детали. Можно списать неторопливость на непривычную местность, на весеннюю распутицу, как это делают другие исследователи. Но противоречий и без того множество, чтобы запросто отмахнуться от очередного. Вспомним тех же славян, которых пришлось менять на болгар, и при этом подразумевая в них татар. И археология указывает следы того посольства в районе Смоленска. А находится Смоленск действительно в полосе поиска, ближе к дальней границе.

Начинается путь посольства в Старом Ургенче, южнее Аральского моря. После двух дневных переходов караван оказывается в пустыне. Далее путь идёт по плоскому плато Устюрта. Стоят сильные морозы, идет снег. Подойдя к Северному Чинку, т. е. обрывистому склону, караван находит много кустарников, сушит одежды и согревается. Эта часть пути занимает 10 дней. Ближайший островок растительности будет через 380 км. Далее караван 5 дней движется самым напряжённым темпом и оказывается у горы со множеством камней. Это Мугоджары. После того, как караван перешел ее, путешественники вошли в земли гуззов. Здесь караван задерживается на неделю. Миновав гуззов, караван подходит к реке Багнади, потом посольство встречается с печенегами рядом с огромной рекой Джайх. Это – река Урал. На противоположном берегу Урала живут башкиры. Это – Волга, она соответствует описанию Ибн Фадлана. Дальнейший путь лежит на запад, к Смоленску. В тамошних лесах и болотах проживали те славяне-болгары, с которыми встречался автор «Записки». Именно там он видел святилища русов, которые позже нашёл и описал П. Н. Третьяков, именно там он наблюдал обряд захоронения знатного руса в кургане, который позже под номером Л-13 раскопал Д. А. Авдусин.

Надпись на корчаге. Возвращаясь к гнёздовскому кургану, следует рассмотреть вопрос о корчаге, которая стала сенсацией и на которой оказалась самая ранняя кириллическая надпись на нашей земле (рисунки 7–9). Д. А. Авдусин неоднократно подчёркивал сходство кургана Л-13 с тем захоронением, которое описывал Ибн-Фадлан. Автор раскопок заключил, что похороны русса, виденные Ибн-Фадланом, относятся к той же первой четверти 10 в., когда была сделана гнездовская надпись [27, с. 79].

Как и положено в подобных случаях, специалисты не пришли к единому мнению. Г. Ф. Корзухина насчитала в надписи шесть букв и прочла «ГОРЮЩА» т. е. «горючее». Четвёртая, пятая и шестая буквы прочерчены не четко, а потому Д. А. Авдусин насчитал восемь букв и надпись прочёл как «ГОРОУХША» («горчица»). Две предпоследние буквы кириллицы языковед П. Я. Черных прочёл как «ш» и «н». Процарапанное на амфоре слово получило другое значение: «ГОРОУШНА» («горчичные зёрна»). Интересная версия прочтения надписи у чешского учёного, который прочитал её как «ГОРОУХ ПСАЛ», т. е. «Гороух писал». Значит, сосуд принадлежал Гороуху, который оставил на нём владельческую надпись. Но имя Гороух – южнославянское. Захоронен ли автор надписи в Верхнем Поднепровье, на территории Гнёздовского археологического комплекса? Судя по погребальному обряду и инвентарю в кургане Л-13 захоронен скандинав. Если этот купец-воин и владел письменностью, то скорее, пользовался руническим письмом, а его родной язык – скандинавский [28].

В прочтении этой надписи у специалистов возникли большие разночтения. Её читают как «гороухща», «гороунща», «гороушна» и т. д. Шестой символ в тексте оказался довольно странным – это либо слившиеся буквы Х и далее древнерусское Щ с очень длинным хвостом, либо Х и Ш в любой последовательности, либо же N и Ш. Сочетание букв «оу» в древних текстах часто читается как просто «у». Трактуют надпись обычно как «горчица», «горючее» или как имя Горун. Почти все уверены в том, что в кургане захоронен знатный скандинав, а славянская надпись либо случайно оказалась на его посуде, либо связана с тем, что женой скандинава была славянка.

Весьма интересным представляется мнение А. А. Медынцевой: «[...] этот знак не находит близкого соответствия ни в кириллице, ни в греческом письме: необычно, как это уже отмечалось исследователями, начертание N, или X (при первом варианте прочтения) и **Щ** тоже необычной формы, если согласиться с наличием этой буквы, не говоря уже о лигатурном прочтении. Больше всего шестой знак [...] напоминает некоторые тамгообразные знаки, встречающиеся в Причерноморье, однако и в них не находят полного соответствия. Если принять во внимание, что на амфорах часто наносились знаки собственности, можно высказать еще одно предположение. Скорее всего, на амфоре сначала был нанесен знак **Н**, обозначающий собственника, и лишь затем он был включен в имя ГОРОУНА, заменив собой букву N по внешнему с ней сходству. Это

В кургане Л-13 захоронен знатный купец. Ибн Фадлан подробно рассказывает, как приплывающие на кораблях русы приносят жертвы ради успеха в торговле. Святилища русов найдены поблизости. Гнездовская корчага была разбита во время похорон знатной особы. Надпись на ней, скорее, воспроизводит имя владельца. Звучит оно, очевидно, как «Горун». Вместо буквы Щ с несоразмерной средней линией здесь наверняка следует видеть знак власти. Скорее всего, это знак Рюриковичей (рисунок 10).

Итог. Не осталось сомнений в том, что посольство Ибн Фадлана побывало не на Волге в районе Спасска Татарского, а на Днепре у Гнездово. «Записка» Фадлана оказалась свободна от большинства тех искажений, которые ей приписывались. Местность у Гнездово изобилует большими лесами и болотами, и обычай добывать берёзовый сок здесь весьма распространён. Описание рек и народов на пути следования тоже отвечает реальности. Никакие переносы упомянутых в тексте народов по отношению к рекам вообще не требуются. Автор всё изложил чётко и связно, нисколько не нарушая последовательность событий, в чём его незаслуженно упрекают. Посольство действительно посещало славян-булгар на Днепре, а не тюрок на Волге. Верховья Днепра булгары покинули после разгрома их князем Святославом и сообщения арабских авторов об этом событии тоже соответствуют действительности.

**Рисунок 10 – Клеймо в виде знака Рюриковичей
на днище керамического сосуда**

Можно с уверенностью утверждать, что гнездовский курган Л-13, в котором найдена уникальная корчага с древнейшей местной славянской надписью, является тем самым захоронением знатного руса, на котором лично присутствовал Ибн-Фадлан. Т. о., имеются результаты археологического исследования и описание очевидца события. Надпись на корчаге – это имя знатного руса. Существенно то, что оно оказалось славянским.

Метод реконструкции маршрута путём подгонки прочтения названий топонимов под заранее выбранный маршрут на реальной карте порочен. Порочен уже потому, что сами специалисты признают – предлагаемое в ранних текстах чтение этнонимов, топонимов, антропонимов и терминов во многих случаях является версией переводчика, а переводчик сознательно ищет то, что видит на карте. Все, что можно вынести из такой реконструкции, это заключение о том, что древний текст среди множества других допускает и данное прочтение. Устранение этой застарелой ошибки потребует ломки устоявшихся взглядов. Она не может быть безболезненной и обязательно затронет интересы многих уважаемых специалистов.

В последнее время возобладала точка зрения, что возможности нарративных источников исчерпаны, а сами они противоречивы и не совсем честны. Это позволяло исследователям развивать теорию без оглядки на расхождения с источниками, руководствуясь в основном собственной логикой. Однако многие противоречия источников оказались надуманными, а это даёт нам основания ожидать, что будет-таки выстроена новая теория, более совершенная и интереснее.

Список использованной литературы

1 Авдусин, Д. А. Отчёт о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 году / Д. А. Авдусин // Материалы по изучению Смоленской области. – Смоленск : Смоленское областное государственное издательство, 1952. – Выпуск 1. – С. 311–367.

2 Тизенгаузен, В. Г. В защиту Ибн-Фадлана / В. Г. Тизенгаузен // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1901. – Том XIII. – С. 024–033.

3 Третьяков, П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. – М.-Л. : Наука, 1966. – 347 с.

4 Чубрик, Н. А. Рождение Руси. Theorema Inopinatum [Электронный ресурс] / Н. А. Чубрик. – Режим доступа: <https://nikolai.chubrik.ru/theorema-inopinatum>. – Дата доступа: 28.09.2019.

5 Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарий А. П. Ковалевского. – М.-Л. : Академия наук СССР, 1939. – 228 с.

6 Розен, В. Р. Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана / В. Р. Розен // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – СПб. : Императорская академия наук, 1903. – Том XV. – С. 39–73.

7 Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / А. П. Ковалевский. – Харьков : Харьковский государственный университет, 1956. – 348 с.

8 Историко-культурный атлас Спасского района Республики Татарстан. – Казань : ООО «Фолиант», 2016. – 147 с.

9 Древняя Русь в свете зарубежных источников / ред. Е. А. Мельникова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. – 624 с.

10 Путешествие Ибн Фадлана. Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. – М. : Издательский дом Марджани, 2016. – 559 с.

11 Кулешов, В. С. Письменные и нумизматические источники по истории денежного обращения в Восточной Европе в IX–XI вв. : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.09 / В. С. Кулешов. – М., 2018.

12 История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 464 с.

13 Кульшарипов, М. М. История не терпит лжи: открытое письмо башкирских историков [Электронный ресурс] / М. М. Кульшарипов, В. М. Бадретдинов // «Idel.Реалии». Региональный проект «Радио Свободная Европа / Радио Свобода». – Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/28491480.html>. – Дата доступа: 28.09.2019.

14 Иванов В. А. Кульшарипов не заблуждается, а преднамеренно лжёт [Электронный ресурс] / В. А. Иванов // «Idel.Реалии». Региональный проект «Радио Свободная Европа / Радио Свобода». – Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/28531921.html>. – Дата доступа: 28.09.2019.

15 Ильясов, Б. С. «Путевые записки» Ибн-Фадлана как зеркало башкиро-булгарских отношений в IX–XIII вв. / Б. С. Ильясов // Журнал «Ватандаш». – Уфа: Издательский дом «Республика Башкортостан», 2015. – Номер 1 (220). – С. 31–47.

16 Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда ибн-Омар ибн-Даста // Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). – СПб.: Императорская академия наук, 1870. – С. 260–270.

17 Фахрутдинов, Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Р. Г. Фахрутдинов. – М.: Наука, 1984. – 216 с.

18 Природные условия Актюбинской области. – Актюбе: Управление природных ресурсов и рационального природопользования Актюбинской области, 2011.

19 Из «Книги путей и государств» Абуль-Касима Мухамеда, известного под прозвищем Ибн-Хаукаля // Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). – СПб.: Императорская академия наук, 1870. – С. 214–236.

20 Бейлис, В. М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР, 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 208–228.

21 Ениосова, Н. В. Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации / Н. В. Ениосова, Т. А. Пушкина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – С. 258–303.

22 Руденко, К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.) / К. А. Руденко. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. – 768 с.

23 Стоянов, А. Н. Отчёт о раскопках древних могил и курганов в Лаишевском и Спасском уездах Казанской губернии / А. Н. Стоянов. – Общество естествоиспытателей Казанского университета. – Казань: Б. и., 1871. – 20 с.

24 Смолин, В. Ф. Раскопки «Шолома» в селе Балымерах, Спасского кантона Татарской Республики в 1925 г. (краткий обзор) / В. Ф. Смолин // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань: Казанский государственный университет, 1926. – Том 33, выпуск 2–3. – С. 113–114.

25 Ручкина, Г. А. Верблюдоводство: учебное пособие для студентов вузов / Г. А. Ручкина, Р. З. Вахитова. – Костанай : ТОО «Костанайполиграфия», 2008. – 142 с.

26 Акимушкин, И. И. Мир животных: Рассказы о домашних животных / И. И. Акимушкин. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 245 с.

27 Авдусин, Д. А. Древнейшая русская надпись / Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров // Журнал «Вестник Академии наук СССР». – М. : Академия наук СССР, 1950. – № 4. – С. 71–79.

28 Гараничев, В. В. Смоленская находка 1949 года [Электронный ресурс] / В. В. Гараничев // Студенческая электронная газета «Vivat academia! SSMA-express». – Смоленск: Смоленская государственная медицинская академия, 2004. – Том 1, № 2. – Режим доступа: http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/library/vivat/vivat_academia!-ssma-express-140204.htm. – Дата доступа: 28.09.2019.

29 Медынцева, А. А. Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности / А. А. Медынцева // Культура славян и Русь. – М. : Наука, 1998. – С. 176–195.

УДК 903.25(1-924.83)"638"

А. А. ЧУБУР

Россия, Брянск,
директор Научно-исследовательского центра
комплексного изучения Среднедеснинского региона,
доцент Брянского государственного университета
имени академика И. Г. Петровского,
кандидат исторических наук, профессор

ОТКУДА «ПРИСКАКАЛ» БРОНЗОВЫЙ ТАБУН? ПОЗДНЕЮХНОВСКИЕ КОНЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ

В статье систематизирована информация о бронзовых коньковых подвесках раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э.) в Гомельском Полесье на современном пограничье России, Украины и Беларуси. Они связаны с юхновской и милоградской культурами, возможно, игравшими роль субстрата при славянском этногенезе. Предложена типология этих изделий. На основе

стилистического сходства выдвинута гипотеза о генетической связи с изделиями более древних культур вилланова и поздней фазы гальштата. Коньковые подвески могут отражать появление новых культов у лесных балтов и начало этнотрансформационных процессов.

Ключевые слова: археология, гальштат, подвеска, Полесье, раскопки, юхново.

Раскопками А. И. Дробушевского на городище раннего железного века Уваровичи в 1989 г. был обнаружен клад бронзовых украшений из нескольких спекшихся спиральных пронизок, группы бусин и подвески-конька [1]. Это – первая находка такого рода на землях Беларуси. Ранее были отмечены два пункта находок похожих «лошадок» в Смоленской [2], по одному – в Калужской [3] и Воронежской областях [4]. Все они не были восприняты как единое явление. Актуализация изучения таких подвесок произошла в конце первого десятилетия XXI в. [5; 6]. Связано это с серией новых находок, сделанных как археологами, так и в ходе стихийного «любительского металлопоиска».

Несомненно, данные произведения прикладного искусства образует единую группу с относительно четким ареалом распространения. Облик каждой подвески индивидуален, но их объединяют следующие черты: 1) схематичность; 2) плоскостное решение; 3) жгутовидный изогнутый корпус и ноги; 4) грива в виде гребня или плавника – ажурного из тонкого жгута или сплошного с имитацией жгутов; 5) за гривой расположена петля для подвешивания каплевидной или круглой формы. Стилистические различия касаются в первую очередь оформления гривы и, в меньшей степени, ног, а также пропорций фигурки и наклона шеи. Наибольшей индивидуальностью в сочетании с возможностью выделить серию устойчивых типов, отличается грива, что и легло в основу разработанной типологии.

Тип I – грива оформлена в виде серии спиральных (трех – четырех) или S-видных (обычно две) волн по верхнему краю шеи и части головы. Тип I – самый сложный (и видимо самый ранний), изготавливавшийся по выплавляемой восковой модели (каждое изделие эксклюзивно) малочислен и сосредоточен пока исключительно в Среднем Подесенье. В рассматриваемом в данной статье регионе, связанном с бассейном Сожа, отсутствует.

Тип II – грива оформлена в виде пряди из трех – пяти «жил» (или рельефной имитации пряди), тянущихся параллельно или почти параллельно корпусу в районе шеи и части головы. Тип II

концентрируется на западной периферии ареала, в контактной зоне юхновской и милоградской культур (Гомельское и запад Черниговского Полесья, бассейны Ипути и Снова), в небольшом количестве встречен на территории днепро-двинской культуры.

Тип III – грива оформлена в виде соединенной с осевым жгутом в районе шеи и, частично, головы волнообразно сложенного жгута (или его имитации), который образует перпендикулярные корпусу высокие петли. Наиболее широко распространенный тип, представлен по всему ареалу – от Сожа до Дона, Оскола и Верхнего Поочья.

Тип IV – грива оформлена в виде напоминающего плавник дугообразного ребристого гребня в районе шеи и части головы, покрытого перпендикулярными или слегка наклонными нарезками, имитирующими петли гривы типа III. Распространен широко, но не проникает в верхнее Поочье и единичен в бассейне Ипути и Сожа. Две основные концентрации – Новгород-Северское Полесье, среднее Посеймье и верхний Дон.

В качестве подчиненного признака использованы пропорции (соотношение длины и ширины) изделий: **A** - укороченные ($<1,8:1$); **B** - удлиненные ($>1,8:1$). Визуально легко выделяются разновидности с прямой и прогнутой спиной. Технология изготовления всех подвесок этой группы – литье из бронзы, как по выплавляемой восковой модели, так и в двусторонней форме, выполненной из глины или мягкого камня.

В Гомельском Полесье и прилегающих территориях России и Украины в настоящее время известны следующие находки.

Гомельская область, Беларусь.

1. Уваровичи, городище (Буда-Кошелевский район) на р. Сож [1]. Тип IIIВ, размер приблизительно 52 x 24 мм. Корпус, голова, и утолщающийся к концу фигурки хвост – жгут диаметром до 4 мм. Грива плоская, в виде плотно сжатых петель, часть которых утрачена, как и петля для привешивания. Ухо в виде петли перед гривой. Обломаны ноги, заметны места крепления.

Литье по восковой модели (рисунок 1: 1). нарезками. Обломаны передние ноги, хвост и задние ноги разделены. Литье в двусторонней форме (рисунок 1: 3).

2. Сож, р., Ветковский район, близ д. Рудня Споницкая. Случайная находка. Тип IVA. Размер 40x30 мм. Корпус – жгут диаметром 4,5 мм. Выемками обозначены глаза. Грива плоская, с 15 поперечными шее дугообразными, наклоненными вперед нарез-

ками. Утрачены хвост и петля для привешивания. Литье в двусторонней форме (рисунок 1: 2).

3. Сож р. предположительно Добрушский район. Тип IVA. Размер 38x28 мм. Корпус – жгут диаметром 4 мм. Грива плоская, с плохо пролитыми

4. Точная топография утрачена. Тип IIА. Размер 36x35 мм. Корпус – вертикальными.

Черниговская область, Корюковский район. Украина.

4. Точная топография утрачена. Тип IIА. Размер 36x35 мм. Корпус – изогнутый жгут диаметром 3,5 мм, уши не обозначены, грива плоская, разделена на три продольных имитации жгута. Ножки – одинарные жгуты. На холке каплевидная петля для подвешивания. Литье по восковой модели (рисунок 1: 4). Найдена в паре с № 5.

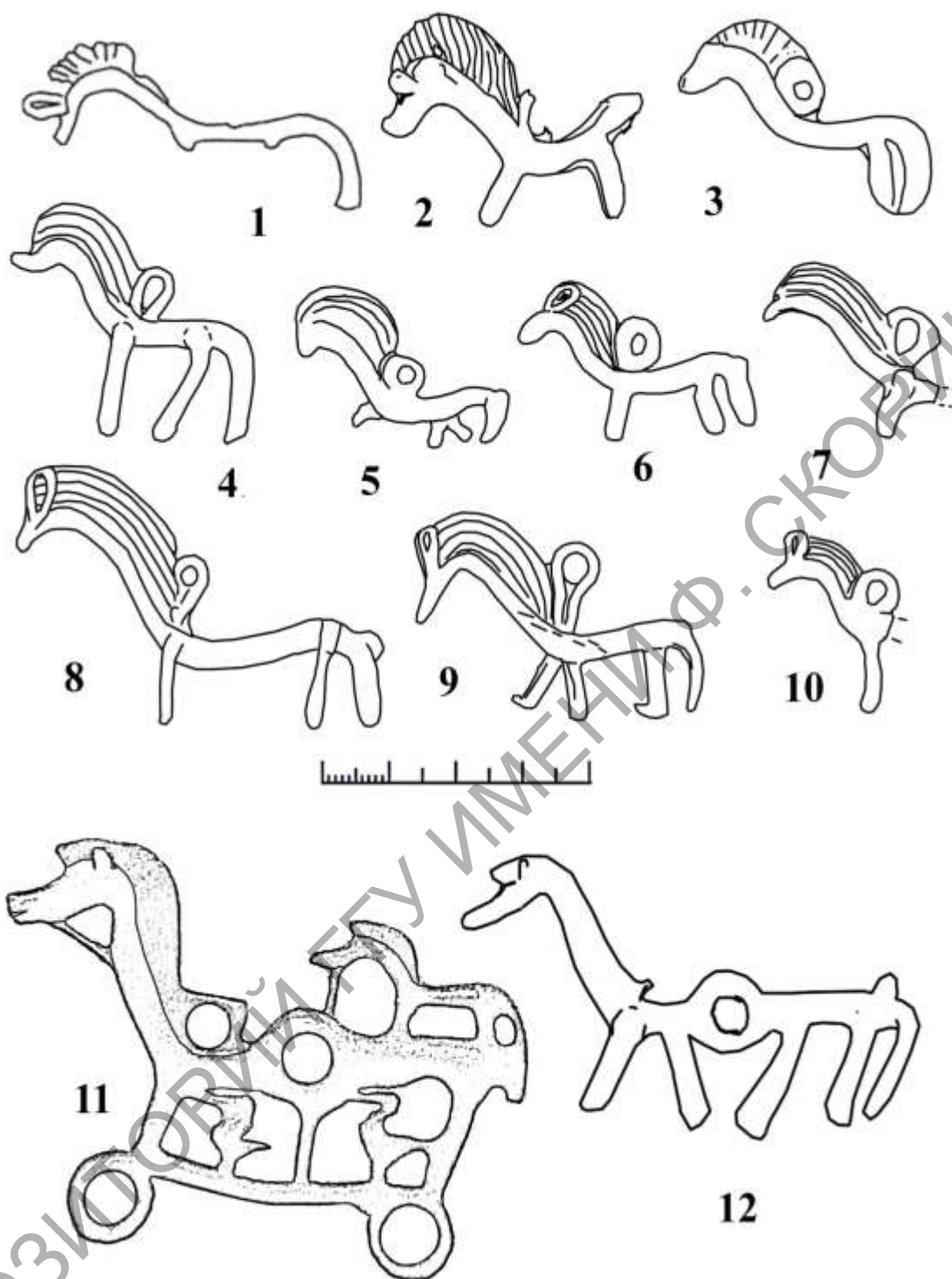

Рисунок 1 – Коньковые подвески раннего железного века юга лесной зоны Восточной Европы и их возможные прототипы

1 – Уваровичи, Гомельская обл.; 2 – Ветковский р-н, Гомельская обл.;
3 – р. Сож, Гомельская обл.; 4–7 – Корюковский р-н Черниговской обл.;
8–9 – Злынковский р-н Брянской обл.; 10 – Климовский р-н Брянской обл.
Прототипы: 11 – псалий культуры вилланова, Италия [14]. 12 – гальштатский псалий, Швейцария, Цюрих [15]. Линейный масштаб относится к рисункам 1: 1–10.

Рисунки 1: 11–12 даны без линейного масштаба

5. Точная топография утрачена. Тип ПА. Размер 32x24 мм. Корпус – изогнутый жгут диаметром 3 мм. Грива плоская, разделена слабо заметными нарезками на 3-4 продольных имитации жгута. Передние ноги обозначены вытянутым вперед согнутым стержнем, задние показаны двумя недлинными стержнями. Уши не обозначены. На холке круглая петля для подвешивания. На крючковидном хвосте – выступ у основания. Литье в двусторонней форме (рисунок 1: 5). Найдена в паре с № 4.

6. Точная топография находки утрачена. Тип ПА. Размер 36 x 24 мм. Корпус – изогнутый жгут диаметром 3,5 мм. Уши обозначены петельками, прилегающими к гриве. Грива плоская, в виде пяти продольных имитаций жгутов. Ножки – одинарные жгуты той же толщины, что и корпус. На холке округлая петля для подвешивания. Литье по восковой модели (рисунок 1: 6)

7. Точная топография находки утрачена. Тип ПА. Фрагмент подвески, аналогичной № 3, отсутствует задняя часть фигурки и фрагмент передней лапки. Размер сохранившейся части 28x24 мм. Литье по восковой модели (рисунок 1: 7).

Брянская область, Россия

8. **Злынковский район**, у границы с Беларусью. Предположительно городище Азаричи. Тип ПА. Размер 58x38 мм. Корпус фигурки – изогнутый жгут диаметром 4 мм. Уши обозначены петельками, прилегающими с боков к гриве. Грива плоская, из пяти жгутов, параллельных шее, поперечно срезанных на холке петлей для подвешивания, и над головой. Ножки – короткие жгуты, перекинута через корпус. Хвост ближе к крупу раздвоен (следы литника или сюжетная деталь – рыбий хвост). Литье по восковой модели (рисунок 1: 8)

9. **Злынковский район**, топография утрачена. Тип ПА. Размер 45x30 мм. Корпус – изогнутый жгут диаметром 4 мм. Спина прямая, хвост опущен, голова склонена. Уши – петельки по бокам гривы. Грива – имитация четырех жгутов, изогнутых дугой и соединенных с корпусом у основания головы и на холке, у каплевидной петли для подвешивания. В передней паре ног у одной кончик загнут вперед (копыто). Задние ноги – одинарный стержень. Литье в двусторонней форме (рисунок 1: 9).

10. **Климовский район**. Топография утрачена. Фрагмент передней части подвески. Тип ПАА. Размер сохранившейся части 21x28 мм. Корпус – изогнутый жгут диаметром 3 мм. Ушки изображены петлями по бокам гривы, над головой. Грива разделена на пять

дугообразных, параллельных шее жгутов, упирающихся сзади в округлую петлю для подвешивания. Под петлёй – прямая передняя нога. Часть фигурки за холкой утрачена. Литые по восковой модели (рисунок 1: 10).

На рубеже II–I тыс. до н. э. связанный с конём культ под влиянием ираноязычных племен появился на Кавказе и Иранском нагорье, а затем – в том числе благодаря переселению этрусков – на Балканах и в Западной Европе. Принято считать коня в религиозных системах индоевропейцев символом Солнца. Но конь – не символ, а атрибут [7]. В Ригведе, в Авесте, в греческой поэзии – всюду Солнце называется «быстроконным». Солнце в индо-иранской религиозной системе отождествляется с Митрой. Митры нет в донесенном до нас Геродотом пантеоне скифов, зато там есть Гойтосир, отождествляемый с греческим Аполлоном. Х. Ньюберг, полагает, что «Гойтосир» означает «богатый пастбищами», а аналогичный эпитет носит Митра в индоиранских текстах [8]. То, что коньковые подвески лесной зоны Восточной Европы связаны с солярным культом, подтверждает не только в целом образ коня, но и выразительные детали. Гривы, сформированные из спиральных или двуспиральных S-видных волн, состоят из цепочки солярных символов. Одновременно спираль – ещё и образ свернувшейся змеи, как и змееподобное тело подвесок. Змей – повелитель «нижнего мира», он связан с властью, богатством, плодородием и жизненной силой, он повелевает скотом и водами. Обратим внимание на то, что у многих фигурок хвост у основания раздвоен и этим напоминает рыбий. Да и высокая грива похожа на спинной плавник рыбы. Формируется образ «водяного коня», «змееконя», известного в греческой мифологии как гиппокампы – кони Посейдона. А вот морда некоторых коньков напоминает утиную – и это тоже, на мой взгляд, не случайно: утка, как и змей, являются в индоевропейской мифологии хтоническими существами, связанными с нижним, водным миром. Если в космологических воззрениях индоевропейцев днем Солнце совершает путь по небосклону с помощью коня, то ночью завершает круговорот, и оно проходит под землей, по подземным водам: здесь коня заменяет утка – атрибут уже не полуденного, а полуночного Солнца [9]. Заменителем утки могли, вероятно, выступать водяные или морские кони, имеющие черты змея и рыбы. Таким образом, коньковые подвески – не изображения божества, а магический атрибут, медиатор, посредник между тремя уровнями мира: «верхним» (небесным, дневным), земным и «нижним» (водным, подземным, ночным). Если семантика подвесок по сути

общеиндоевропейская, то их стилистика, безусловно, не связана со скифским миром. Конь представлен в скифском прикладном искусстве, но стиль изображений в нём абсолютно иной [10]. Изображения коня носят нерегулярный характер и не доминируют [7]. В кобанской культуре Кавказа образ коня, напротив, один из центральных [11], но стиль и этих изображений тоже совсем иной: подвески трехмерные, без утонченных пропорций, а вместо ушка – отверстие в корпусе. Итак, ближайшие и удаленные соседи с юга не были источником культурного импульса, пригнавшего «табун» бронзовых лошадок в Полесье.

Обратим взгляд на запад и юго-запад. Происходящая от луристанских бронз и греческого «геометрического стиля» этрусские псалии периода вилланова на севере Апеннинского полуострова в VIII в. до н. э. имеют характерные черты, отмеченные в коньковых подвесках лесной зоны Восточной Европы (рисунок 1: 11, 12): «двумерность» фигурок коней, грацильность тела и ног до подобия жгуту, вытянутые морды, порой похожие на утиные, высокие уплощенные гривы, дугообразно опущенный хвост [12; 13; 14]. Бронзовые изделия культуры вилланова (в т. ч. и псалии-коньки) распространяются вплоть до Женевского озера и Подунавья [15, Fig 203].

Сходные до деталей стили прикладного искусства не возникают самостоятельно в разных регионах, обычно они не только сходные, но и сродные. Несмотря на то, что в Этрурии мы имеем дело с деталями конской упряжи, а в Восточной Европе – с подвесками, которые, скорее всего, служили для убора человека, единство стиля не оставляет сомнений в наличии связи между первыми и вторыми. Лакуна в три столетия позволяет объяснить распространение стиля прикладного искусства на полторы тысячи километров, разделяющих Средиземноморье и юг Европы с лесной зоной Восточной Европы. Мода всегда добиралась в Восточную Европу из Западной с большим запозданием. Еще предстоит найти промежуточные этапы этого пути. Поиск аналогий следует вести в памятниках прикладного искусства позднего гальштата и раннего латена, в «кельтском мире» в широком смысле. На это, как будто, указывают и некоторые вещи из Подунавья, например, позднегальштатские фибулы с фигурками коней. До рубежа V–IV вв. до н.э. в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы коньковые подвески, вероятно, отсутствуют, хотя элементы, использованные в моделировании их грив, встречаются в оформлении других произведений металлопластики, в т. ч. так называемых булавок с ажурным навершием. Распространение

кельтского влияния на восток совпадает с финальными фазами юхновской культуры. Происходит переход от «классического юхново» к «горизонту Полужье / Подгородняя Слобода» [16], отразившему расширяющиеся контакты лесных балтов с зарубинецкой культурой на ранних фазах славянского этногенеза. Период существования коньковых подвесок раннего железного века лесной зоны Восточной Европы был, судя по всему, относительно кратким: IV–II века до н. э. [17]. Коньковые подвески могут отражать появление новых культов у лесных балтов и служить маркером запуска этнотрансформационных процессов.

Список использованной и литературы

1 Драбушэўскі, А. І. Уваравічы / А. І. Драбушэўскі, А. А. Макушнікаў // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. – 1993. – С. 623–624.

2 Шмидт, Е. А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепр-двинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.) / Е. А. Шмидт. – М. : Прометей, 1992. – 207 с.

3 Никольская, Т. Н. Городище у деревни Свинухово. (Лев-Толстовский район Калужской области) / Т. Н. Никольская // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1953. – № 49. – С. 86–96.

4 Валукинский, Н. В. Материалы к археологической карте территории г. Воронежа / Н. В. Валукинский // Советская археология. – 1948. – Вып. X. – С. 291–301.

5 Обломский, А. М. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы / А. М. Обломский, А. С. Сыроватко, И. А. Сапрыкина // Краткие сообщения Института археологии. – 2012. – № 226. – С. 169–178.

6 Чубур, А. А. Образ лошади в металлопластике племён раннего железного века бассейна Десны / А. А. Чубур // Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки" 15–17 ноября 2010 г. – Киев : Фенікс, 2011. – С.134–142.

7 Очир-Горяева, М. А. Изображения коня в искусстве скифской эпохи степной Евразии / М. А. Очир-Горяева // Краткие сообщения института археологии. – 2017. – № 247. – С. 176–188.

8 Nyberg, H. S. Die Religionen des alten Irans / H. S. Nyberg. – Lpz., 1938. – 506 s.

9 Бобринский, А. А. О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии / А. А. Бобринский. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. – 12 с.

10 Канторович, А. Р. Образ лошади в искусстве восточно-европейского скифского звериного стиля // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посв. памяти М. Н. Погребовой / А. Р. Канторович. – М.: Институт востоковедения РАН. – 2016. – С. 89–114.

11 Козенкова, В. И. Специфика духовного мира кобанских племен / В. И. Козенкова. – М.: ИА РАН. – 2017. – 114 с.

12 Макнамара, Э. Этруски. Быт, религия, культура / Э. Макнамара // Пер. с англ. Т. Е. Любовской. – М.: Центрполиграф, 2006. – 192 с.

13 Poma de, R. D. Etruscan Art in the Metropolitan Museum of Art / R. D. Poma de. – New Haven and London: The Metropolitan Museum of Art, 2013. – 352 p.

14 Brendel, O. J. Etruscan Art / O. J. Brendel. – London: Yale University Press, 1995. – 536 p.

15 Childe, G. The Danubian prehistory / G. Childe. – Oxford: Clarendon press, 1929. – 478 p.

16 Обломский, А. М. Поселение Подгородная Слобода-2 и некоторые проблемы изучения раннего железного века лесного Поднепровья / А. М. Обломский // Краткие сообщения Института археологии. – 2014. – № 232. – С. 43–63.

17 Чубур, А. Вещевые клады юхновской культуры (Среднее Подесенье) // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё. Актуальныя пытанні археалогіі і нумізматыкі Беларусі і сумежных рэгіёнаў. Памяці беларускага археолага і нумізмата Аляксандра Мікалаевіча Плавінскага (1952–2019). Материалы международной научной конференции / А. А. Чубур. – Минск, 2021. – С. 403–420.

СОДЕРЖАНИЕ

Колединский Л. В. Исследователь белорусской Трои...	5
Лось В. С. Патрыярх беларускай археалогіі.....	16
Макушников О. А. Слово о Петре Федоровиче Лысенко	22
Анісавец М. І. Князь Павел Сапега і прывілей Лоеву на магдэбургскае права.....	24
Ваўжанюк І. Курганы Лядзкай пушчы – спецыфіка, сімволіка, інтэрпрэтацыя.....	37
Гурьянов В. Н., Чубур А. А. Дреговичские древности в Трубчевской округе.....	59
Древило О. О. Женские металлические украшения Моховского могильника X–XI веков и предметы дрего- вичского убора.....	64
Дубицкая Н. Н. Итоги изучения древностей второй четверти I тысячелетия нашей эры в Белорусском Поднепровье	71
Дубицкая Н. Н. Предметы бытового назначения на памятниках Гомельского и Могилевского Поднепровья первой половины I тысячелетия нашей эры.....	77
Иванова-Праля Е. С. Погребальный инвентарь кургана 28 моховского могильника.....	85
Кошман В. І. Да пытання аб абарончых збудаваннях старажытнага Барысава.....	95
Крывальцэвіч М. М. Дзяражычы – помнік эпохі бронзы ў Гомельскім Палессі: гісторыя і некаторыя вынікі археалагічнага вывучэння.....	107
Лебедев А. Д. Из истории римско-католической церкви в Восточном Полесье первой трети XX века.....	127
Линденков Д. Н. Курганный могильник в урочище Грегорово Поле.....	135
Лысенко П. Ф. Реставрация Туровского княжества и туровской княжеской династии в середине XII века.....	146
Ляшкевич Э. А. Археологические коллекции Брагинского района (1920–1930-е годы).....	157

Макушников О. А. Новые археологические находки из Гомельского Поднепровья.....	164
Макушников О. А., Алексейченко Г. А. Летописные города Гомельщины в научном наследии П. Ф. Лысенко.....	178
Панков Ю. В. Археологическая коллекция Гомельских музеев в годы Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы исследования	184
Попело А. В. Лесостепи как наиболее выгодная природная зона для хозяйственной деятельности кочевого (полукочевого) и оседлого (земледельческого) населения древности и средневековья.....	193
Почобут Н. А. Первый Белорусский археологический музей средневекового города «Берестье»: этапы музеефикации	196
Приймак В. В. Северо-западное направление связей территории Днепровского Левобережья середины XIII–XIV века.....	211
Рычка В. М. Спорные проблемы образования Древнерусского государства.....	224
Чубрик Н. А. Ибн Фадлан. Между Спицыным и Авдусиным.....	233
Чубур А. А. Откуда «прискакал» бронзовый табун? Позднеюхновские коньковые подвески.....	261

Научное издание

**ПОЛЕСЬЕ В ПРОШЛОМ:
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Ф. ЛЫСЕНКО**

Сборник научных статей

Подписано в печать 25.04.2022. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 17,29.

Тираж 35 экз. Заказ 231.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель.